

ДМИТРИЙ ГЛУХОВСКИЙ

МЕТРО

2035

glukhovsky.ru

ДМИТРИЙ ГЛУХОВСКИЙ

Издательство «АСТ»
представляет книги
Дмитрия Глуховского:

МЕТРО 2033

МЕТРО 2034

МЕТРО 2035

СУМЕРКИ

БУДУЩЕЕ

РАССКАЗЫ О РОДИНЕ

glukhovsky.ru

ДМИТРИЙ ГЛУХОВСКИЙ

МЕТРО 2035

роман

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
Г55

*Любое использование материала данной книги,
полностью или частично,
без разрешения правообладателя запрещается.*

Оформление обложки, форзаца, нахзаца — *Илья Яцкевич*

Автор благодарит Ларису Смирнову и Илью Яцкевича
за помощь в создании этой книги

Глуховский, Дмитрий Алексеевич.

Г55 Метро 2035 : [роман] / Дмитрий Глуховский. — Москва: Издательство АСТ, 2015. — 384 с. — (Бестселлеры Дмитрия Глуховского).
ISBN 978-5-17-090538-6

Третья мировая стерла человечество с лица Земли. Планета опустела. Мегалополисы обращены в прах и пепел. Железные дороги ржавеют. Спутники одиноко болтаются на орбите. Радио молчит на всех частотах. Выжили только те, кто, услышав сирены тревоги, успел добежать до дверей московского метро. Там, на глубине в десятки метров, на станциях и в туннелях, люди пытаются переждать конец света. Там они создали себе новый мирок вместо потерянного огромного мира. Они цепляются за жизнь изо всех сил и отказываются сдаваться. Они мечтают вернуться наверх — однажды, когда радиационный фон от ядерных бомбардировок спадет. И не оставляют надежды найти других выживших...

«Метро 2035» продолжает — и завершает историю Артема из первой книги культовой трилогии. Эту книгу миллионы читателей ждали долгие десять лет, и права на перевод иностранные издатели выкупили задолго до того, как роман был окончен. При этом «2035» — книга независимая, и именно с нее можно начать посвящение в сагу, которая покорила Россию и весь мир.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

© Д.А. Глуховский, 2015
© ООО «Издательство АСТ», 2015

Фото Ильи Яцкевича

Дмитрий Глуховский, 2015

Глава 1

ТУТ МОСКВА

- Нельзя, Артем.
- Открывай. Открывай, говорю.
- Начстанции сказал... Сказал, не выпускать никого.
- Ты за идиота меня, что ли? Кого – никого? Кого это – «никого»?
- У меня – приказ! С целью защиты станции... От облучения... Не открывать.

Приказ у меня. Понимаешь?!

- Тебе Сухой приказ дал? Тебе мой отчим такой приказ дал? Открывай давай.
- Мне же по шапке из-за тебя, Артем...
- Ну я сам тогда, если ты не можешь.
- Алло... Сансеич... Да, на пост... Тут Артем... Ваш. А что я с ним сделаю-то?

Да. Ждем.

– Настучал, а? Молодец, Никицка. Настучал. Отвали! Я открою все равно. Все равно пойду!

Но выскочили из караулки еще двое, втиснулись между Артемом и дверью, стали мягко толкать его, жалея. Артем – заранее усталый, под глазами круги, еще после вчерашнего подъема не оклемавшийся – с часовыми управиться не мог, хоть драться никто с ним и не собирался. Стали сползаться любопытные: чумазные мальчишки с волосами прозрачными, как стекло, одутловатые хозяйки с руками синими и стальными от бесконечной стирки в ледяной воде, усталые и готовые на что угодно бездумно пялиться фермеры из правого туннеля. Шептались. Смотрели на Артема, но и как бы нет; на лицах было у них – черт разберет что.

– И все ходит и ходит. Что ходить-то?

– Ага. И дверь каждый раз нараспашку. А оттуда сифонит, между прочим, сверху-то! Окаянный...

– Слушай, нельзя же... Нельзя так про него. Он все-таки... Всех нас. Спас же. Детей твоих вот.

— Спас, ага. А теперь что? Он для этого спасал их, что ль то? И сам рентген хаваает, и нас всех тут... За компанию.

— За хер ему туда, главное? Было бы хоть что! Для чего!

Но вот среди всех этих лиц появилось одно: главное. Усы заброшены, волосы — жидкие уже и все седые — мостом перекинута через плешь. Но лицо вычерчено одними прямыми линиями; никаких скруглений. И остальное в нем — жесткое, резиновое, не прожевать, словно взяли человека и провялили заживо. Голос вялили тоже.

— Разойтись всем. Слышали?

— Вон Сухой. Сухой пришел. Пускай забирает своего.

— Дядь Саш...

— Опять ты, Артем? Мы говорили же с тобой...

— Открой, дядь Саш.

— Разошлись, кому сказано! Нечего глазеть тут! А ты — пойдём.

Артем вместо этого сел на пол, на отполированный холодный гранит. Прислонился к стене спиной.

— Хватит, — одними губами, беззвучно, обозначил Сухой. — Люди и так шепчутся.

— Мне надо. Я должен.

— Там ничего нет! Ничего! Нечего там искать!

— Я же говорил тебе, дядя Саш.

— Никита! Ты-то что зеваешь? Давай, проводи граждан!

— Есть, Сансеич. Так, кому тут приглашения отдельные? Шевели, шевели... — затараторил Никицка, сребрая толпу.

— Ерунду ты говорил. Послушай... — Сухой выпустил надувавший его воздух, обмяк, сморщился, опустился рядом с Артемом. — Ты же гробишь себя. Думаешь, этот костюм от фона тебя спасет? Да он как решето! От платья ситцевого толку больше!

— И что?

— Сталкеры столько не поднимаются, сколько ты... Ты дозу-то пробовал считать? Ну ты жить хочешь или сдохнуть?

— Я уверен, что слышал это.

— А я уверен, что тебе причудилось. Некому там сигналы слать. Некому, Артем! Сколько я тебе говорить должен? Никого не осталось. Ничего, кроме Москвы. Кроме нас тут.

— Не верю.

— Да мне, думаешь, дело есть, во что ты там веришь, а во что нет?! А вот если у тебя волосы выпадут, до этого есть! Если кровью ссать будешь, до этого — есть! Ты хочешь, чтобы хрен у тебя отсох?!

Артем пожал плечами. Помолчал, взвешивая. Сухой ждал.

– Я слышал это. Тогда, на башне. У Ульмана в рации.
 – А кроме тебя, никто не слышал. За все время, сколько ни слушали. Пустой эфир. И что?

– И я пошел наверх, вот что. Вот и все.

Артем поднялся на ноги, распрямил спину.

– Я внуков хочу, – сказал ему снизу Сухой.

– Чтобы они тут жили? В подземелье?

– В метро, – поправил его Сухой.

– В метро, – согласился Артем.

– И нормально они тут проживут. Хотя бы родятся. А так...

– Скажи им, чтобы открыли, дядь Саш.

Сухой смотрел в пол. В черный блестящий гранит. Что-то там, видно, было.

– Ты слышал, что люди говорят? Что крыша у тебя поехала. Тогда, на башне.

Артем скривил улыбку.

Набрал воздуха.

– Чтобы внуки, знаешь что надо было, дядя Саш? Надо было детей своих рожать. Ими бы и командовал. И внуки бы на тебя тогда были похожи, а не хер знает на кого.

Сухой зажмурился. Протикала секунда.

– Никита, открой ему. Пускай валит. Пускай околеет. Насрать.

Никицка послушался молча. Артем удовлетворенно кивнул.

– Скоро вернусь, – сказал он Сухому уже из буфера.

Тот по стенке поднялся, обернул к Артему сутулую спину и зашаркал прочь, полируя гранит.

Грохнула дверь буфера, запираясь. Зажглась ярко-белая лампочка под толчком, двадцать пять лет гарантии, слабым зимним солнцем отразилась в грязном кафеле, которым в буфере все было обложено, кроме одной железной стены. Пластиковый стул рваный – отдышаться или ботинки зашнуровать, на крючке – поникший костюм химзащиты, в полу – сток, и шланг резиновый торчал – для дезактивации. В углу еще ранец стоял армейский. И трубка синяя висела на стене, как от телефона-автомата.

Артем влез в костюм – просторный, как чужой. Достал из сумки противогаз. Растянул резину, напялил ее, поморгал, привыкая смотреть через круглые туманные окошки. Снял трубку.

– Готов.

Заскрежетало надрывно, и железная стена – не стена, а гермоворота – поползла вверх. Снаружи дохнуло стылым и сырым. Артем поежился зябко. Взвалил на плечи ранец – тяжелый, будто человека себе на закорки посадил.

Вверх вводили истертые и скользкие ступени бесконечного эскалатора. Станция метро ВДНХ – шестьдесят метров под землей. Как раз достаточная глубина,

чтобы авиабомбы не колыхали. Конечно, если бы ядерная боеголовка ударила в Москву, был бы тут котлован, залитый стеклом. Но боеголовки все были перехвачены противоракетами высоко над городом; на землю дождем шли только их обломки — лучащиеся, но взорваться не умеющие. Поэтому Москва стояла почти целая, и даже похожая на себя прежнюю — как мумия похожа на живого царя. Руки на месте, ноги на месте; улыбка...

А у других городов противоракетной обороны не было.

Артем крикнул, подсаживая ранец поудобней, воровато перекрестился, запустил большие пальцы под слишком свободные ремни, чтобы потуже, и пошел вверх.

* * *

По железу каски стучал дождь, гулко стучал, казалось, Артему в самую голову. Болотные сапоги топили в грязи, ржа ручьями откуда-то сверху бежала куда-то вниз, на небе было навалено облаков — не продохнуть, и дома пустые стояли во круг, все поглоданные временем. Ни души в этом городе не было. Двадцать лет уже как — ни души.

Сквозь аллею, составленную из сырых лысых коряг, виднелась громадная арка входа на ВДНХ. Вот кунсткамера-то: по поддельным античным храмам рассажены зародыши надежд на будущее величие. Величие должно было наступить скоро — завтра. Только вот само завтра не наступило.

Гиблое место — ВДНХ.

Пару лет назад еще жила тут всякая дрянь, а теперь и ее не осталось. Обещали, что вот-вот опустится радиационный фон, и можно будет потихоньку возвращаться, вон, мол, мутантов-то наверху кишмя, а они тоже животина, пусть и исковерканная...

Вышло наоборот: сошла с земли ледяная короста, земля задышала и запотела, фон подскочил. А мутанты поцеплялись за жизнь своими когтищами — и, кто не сбежал, тот сдох. А человек сидел себе под землей, жил на станциях метро, и никуда умирать не собирался. Человеку много не надо. Человек любой крысе фору даст.

Трещал счетчик, начислял Артему дозу. Не брать его больше с собой, думал Артем, бесит только. Какая разница, сколько там натикает? Что это поменяет? Пока дело не сделано, пусть хоть истрещится.

— Пускай говорят, Жень. Пускай считают, что крыша поехала. Они же не были тогда... На башне. Они же вообще из своего метро не вылезают. Откуда им знать, а? Крыша... Бомбил я их всех в... Объясняю же: вот ровно в тот момент, когда Ульман на башне антенну развернул... Пока он настраивался... Было что-то. Слышал я! И — нет, сука, не причудилось. Не верят!

Автомобильная развязка дыбилась у него над головой, асфальтовые ленты пошли волной и застыли, стряхнув машины; те попадали, как придется, кто на четыре лапы, а кто на спинку, и околели в таких позах.

Артем огляделся коротко и двинул вверх по шершавому высунутому языку заезда на эстакаду. Немного было пройти — километра, может, полтора. У следующего языка торчали высотки «Триколор», прежде размалеванные торжественно в белый, синий и красный. Время потом все в серый перекрасило, по-своему.

— А почему не верят? Просто не верят, и все. Ну да, никто не слышал позывных. Но они откуда эти позывные слушают? Из-под земли. Никто же не станет наверх идти только за этим... Верно же? Но ты сам подумай: разве может такое быть, чтобы никто, кроме нас, не выжил? Во всем мире — никто? А? Бред же! Ну не бред?

Не хотелось смотреть на Останкинскую башню, но и не видеть ее было нельзя: отворачивайся от нее или нет, а она всегда маячит с краю — как царапина на противогазном стекле. Черная, сырая, обломанная по набалдашнику смотровой площадки; как рука чья-то со сжатым кулаком из-под земли пробилась, будто кто-то огромный хотел на поверхность снизу выбраться. Но увяз в рыжей московской глине, затиснуло его в тугой сырой земле, затиснуло и задавило.

— Я когда на башне в тот раз... — Артем скованно мотнул головой в ее сторону, — когда они слушали эфир, пытались поймать Мельника позывные... Там через это шуршание... Чем хочешь готов поклясться... Было! Что-то было!

Плыли над голым лесом два колосса — Рабочий и Колхозница, схватившиеся в странной своей позе, то ли по льду скользя, то ли танго крутящие, но друг на друга не глядя, как беспольные. А куда тогда они смотрят? Видно им с их высоты, что за горизонтом, интересно?

Слева осталось чертово колесо ВДНХ, огромное, как шестеренка того механизма, который вращал Землю. И вместе со всем механизмом колесо уже двадцать лет как замерло и ржавело теперь тихо. Кончился завод.

На колесе написано было «850»: столько лет исполнилось Москве, когда его поставили. Артем подумал, что исправлять это число смысла нет: если время некому считать, оно останавливается.

Некрасивые и невеселые небоскребы, казавшиеся раньше бело-сине-красным, выросли в полмира: совсем близко. Самые высокие здания в округе, если не брать в расчет сломанную башню. То, что надо. Артем запрокинул голову, достал взглядом до вершины. От этого сразу заломило в коленях.

— Может, сегодня... — без знака вопроса спросил Артем, хоть и помня, что уши у неба заткнуты облачной ватой.

Там, конечно, не расслышали.

Подъезд.

Подъезд как подъезд.

Домофон осиротел, железная дверь обесточена, в аквариуме консерва собака дохлая, жестяно лязгают почтовые ящики на сквозняке, ни писем в них, ни рекламного мусора. Все давно собрали и сожгли, чтобы хоть руки погреть.

Внизу — три немецких блестящих лифта, распахнутые и сверкающие нержавеющей сталью внутренностями, как будто на любом из них можно было сейчас взять вот так, да поехать на самый верх этой высотки. Артем их за это ненавидел. И рядом — дверь пожарного хода. Артем знал, что за ней. Считал уже: сорок шесть этажей пешком. На Голгофу всегда — пешком.

— Всегда... Пешком...

Ранец весил сейчас всю тонну; и эта тонна давила Артема в бетон, мешала идти, с шага сбивала. Но Артем все равно шагал — как заведенный; и как заведенный говорил.

— Ну и что, что нет противо... ракет... Все равно... Должны были... Должны были еще где-то... Люди... Не может быть, чтобы только тут... Чтобы только в Москве... Только в метро... Вот же — земля... Стоит... Не раскололась... Небо... Очищается... Не может ведь такого... Чтобы — вся страна... И Америка... И Франция... и Китай... А Таиланд какой-нибудь... Он-то вообще кому чего сделал... Его вообще не за что...

Не бывал, конечно, Артем, в свои двадцать шесть ни во Франции, ни в Таиланде. Почти не застал он старого мира: опоздал родиться. А у нового география поскуднее — станция метро ВДНХ, станция метро Лубянка, станция метро Арбатская... Кольцевая линия. Но, разглядывая в редких туристических журналах фотоснимки Парижа и Нью-Йорка, отфильтрованные плесенью, Артем сердцем чувствовал, что эти города еще есть где-то, стоят, не сгнули. Ждут, может, его.

— Почему бы... Почему бы только одной Москве остаться? Нелогично, Жень! Понимаешь? Нелогично! А значит... Значит, просто мы поймать их... Их позывные... Не можем... Пока. Надо просто продолжать. Нельзя руки опускать. Нельзя...

Высотка была пустой, но все равно звучала, жила: через балконы влетал ветер, хлопал дверными створами, дышал с присвистом через лифтовые шахты, шебуршал чем-то в чужих кухнях и спальнях, притворялся вернувшимися хозяевами. Но Артем уже не верил ему, даже не оборачивался, и в гости не заходил.

Известно, что там, за стучащими беспокойно дверями: разграбленные квартиры. Остались только снимки по полу разбросанные — чужие мертвецы себя никому на память сфотокали, да совсем громоздкая мебель, которую ни в метро, ни на тот свет с собой не протащишь. В других домах окна от взрывной волны повывлетали, а тут стеклопакеты, выдержали. Но за два десятка лет все пылью заросли, как от катаракты ослепли.

Раньше можно было встретить в иной квартире бывшего хозяина: ткнется противогазным хоботом в какую-нибудь игрушку и плачет через хобот гнусаво, и не слышит, как к нему сзади подошли. А теперь уж давно никого не попадалось. Кто-то остался лежать с дырой в спине рядом с этой своей дурацкой игрушкой, а другие поглядели на него и поняли: нету наверху дома, и нету там ничего. Бетон, кирпич, слякоть, асфальт треснутый, кости желтые, труха из всего, ну и фон. Так в Москве — и так во всем мире. Нет нигде жизни, кроме метро. Факт. Общеизвестный.

Всем известный, кроме Артема.

А вдруг есть на бескрайней Земле еще одно место, пригодное для человека? Для Артема и для Ани? Для всех со станции? Место, где не было бы над головой чугунного потолка, и где можно было бы расти до неба? Построить себе дом — свой, жизнь — свою, и из этого места уже обживать дальше заново постепенно всю сожженную землю?

— Всех наших... Разместил бы... На воздухе... Жили бы...

Сорок шесть этажей.

Можно было бы остановиться и на сороковом, да и на тридцатом; никто ведь не говорил Артему, что непременно надо забраться на самую вершину. Но он отчего-то вбил себе в голову, что если и может у него что получиться, то только там, на крыше.

— Конечно... Не... Не так... Высоко... Как на башне... Тогда... Но... Но...

Окошки противогаза запрели, сердце взламывало грудную клетку, и как будто заточкой кто-то нащупывал, где у Артема под ребро можно пролезть. Сквозь противогазные фильтры дышалось скудно и натужно, не хватало жизни, и Артем, добравшись до сорок пятого, как в тот самый раз, на башне, не выдержал и сорвал с себя тесную резиновую кожу. Хлебнул сладкого и горького воздуха. Со всем другого воздуха, чем в метро. Свежего.

— Высота... Может... Там же... Метров триста... Высота... Поэтому, может... Поэтому, наверное... С высоты... Ловит...

Он свалил с себя ранец: дотащил. Уперся окаменевшей спиной в крышку люка, выдавил его наружу, выбрался на площадку. И только тут упал. Лежал навзничь, глядел на облака, до которых было — рукой подать; уговаривал сердце, успокаивал дыхание. Потом поднялся.

Вид отсюда был...

Как если бы умереть, полететь уже в рай, но упереться вдруг в стеклянный потолок, и зависнуть там, и болтаться под этим потолком, ни туда и ни сюда. Но понятно, что вниз с такой высоты вернуться больше нельзя: когда ты сверху увидел, какое на земле все на самом деле игрушечное, как это все снова потом все-речь воспринимать?

Рядом высились еще два таких же небоскреба, прежде пестрые, ныне серые. Но Артем всегда именно на этот поднимался. Так уютней было.

Случилась между облаками на секунду бойница, стрельнуло из нее солнце; и вдруг показалось, что блеснуло что-то с соседнего дома, не то с крыши, не то из пыльного окна одной из верхних квартир. Как будто зеркальцем кто-то луч поймал. Но пока успел оглянуться — солнце обратно забаррикадировалось, и блеск пропал. Больше не было.

Глаза сами съезжали все время, как Артем ни отводил их, к переродившемуся лесу, который разросся вместо Ботанического сада. И — к черной лысой пустоши в самой его сердцевине. Такое мертвое место, будто Господь на него остатки горячей серы выплеснул. Но нет, не Господь.

Ботанический сад.

Артем его другим помнил. Только его-то он и помнил из всего пропавшего довоенного мира.

Странное дело: вот вся твоя жизнь состоит из кафеля, тюбингов, текущих потоков и ручьев на полу вдоль рельсов, из гранита и из мрамора, из духоты и из электрического света.

Но вдруг есть в ней крохотный кусок другого: майское прохладное утро, по-детски нежная недавняя зелень на стройных деревьях, изрисованные цветными мелками парковые дорожки, томительная очередь за пломбиром, и сам этот пломбир, в стаканчике, не то что сладкий там, а просто неземной. И голос матери — ослабленный и искаженный временем, как медным телефонным кабелем. И тепло от ее руки, от которой ты стараешься не отцепиться, чтобы не потерять — и держишься изо всех сил. Хотя разве такое можно помнить? Наверное, нельзя.

И все это, другое — такое неуместное и невозможное, что ты и не понимаешь уже, было ли оно с тобой наяву или просто приснилось? Но как этому сниться, если ты такого никогда не видел и не знал?

Стояли у Артема перед глазами меловые рисунки на дорожках, и солнце сквозь дырявую листву золотыми иголками, и мороженка в руке, и оранжевые смешные утки по коричневому зеркалу пруда, и шаткие мосточки через этот пруд осененный — так страшно в воду упасть, а еще страшней в него уронить вафельный стаканчик!

А вот лица ее, лица своей мамы, Артем вспомнить не мог. Старался вызвать его, на ночь просил себя увидеть его хотя бы во сне, пусть бы и забыть снова к утру — но ничего не получалось. Неужели не нашлось в его голове крохотного уголка, где мать могла бы спрятаться и переждать смерть и черноту? Видно, не нашлось. Но как может человек быть — и совсем исчезнуть?

А день тот, а мир тот — они куда могли запропасться? Вот же они были — тут, рядом, только глаза закрыть. Конечно, в них можно вернуться. Где-то на земле

они должны были спастись, остаться — и звать всех, кто потерялся: мы тут, а вы где? Надо только услышать их. Надо только уметь слушать.

Артем поморгал, потер веки, чтобы глаза видели снова сегодня, а не двадцать лет назад. Сел, раскрыл ранец.

Там была радиостанция — армейская, громоздкая, зеленая-исцарапанная, и еще одна бандура: железный ящик с ручкой-крутилкой. Самодельная динамо-машина. И на самом дне — сорок метров шнура, антенна к радиостанции.

Артем связал все провода, прошел по крыше круг, разматывая шнур, отер воду с лица и снова нехотя влез в противогаз. Сжал голову наушниками. Огладил пальцами клавиши. Крутанул рукоять динамо-машины: моргнул диод, зажужжало, завибрировало в ладони, как живое.

Щелкнул тумблером.

Закрыв глаза, потому что боялся, что они помешают ему выловить в шуме радиоприбора бутылку с письмом с далекого континента, где выжил кто-то еще. Закачался на волнах. И динамо крутил — словно рукой на плоту надувном подгребал.

Наушники зашипели, завывли тоненько «Иииииу...» сквозь шорох, заперхали чахоточно; помолчали — и снова шипеть. Как будто Артем бродил по туберкулезному изолятору, ища, с кем поговорить, но ни один больной не был в сознании; только нянечки прикладывали палец к губам и строго делали «шшшшшш...». Никто тут не хотел отвечать Артему, никто не собирался жить.

Ничего из Питера. Ничего из Екатеринбурга.

Молчал Лондон. Молчал Париж. Молчали Бангкок и Нью-Йорк.

Неважно уже давно было, кто начал ту войну. Неважно было, с чего она началась. Для чего? Для истории? Историю победители пишут, а тут некому было писать, да и читать скоро некому будет.

Шшшшш...

Пустота была в эфире. Бескрайняя пустота.

Иииииу...

Болтались на орбите неприкаянные спутники связи: никто их не звал, и они сходили с ума от одиночества, и бросались на Землю, чтобы пусть уж лучше сгореть в воздухе, чем так.

Ни слова из Пекина. И Токио — могила.

А Артем все равно крутил эту проклятую ручку, крутил, греб, греб, крутил.

Как тихо было! Невозможно тихо. Невыносимо.

— Тут Москва! Тут Москва! Ответьте!

Это его голос, Артема. Это он, как всегда, не дождался, не вытерпел.

— Тут Москва! Прием! Ответьте!

Иииииииу.

Не останавливаться. Не сдаваться.

— Петербург! Ответьте! Владивосток! Ответьте Москве! Ростов! Ответьте!

Что с тобой, город Питер? Неужели хлипкий ты такой оказался, хлипче Москвы?! Что там вместо тебя? Стеклозавод? Или тебя плесень съела? Почему не отвечаешь? А?

Куда делся ты, Владивосток, гордый город на другом краю света? Ты ведь так далеко от нас стоял, неужели и тебя зачумили? Неужели и тебя не пожалели? Кхх. Кхх.

— Ответьте, Владивосток! Тут Москва!

Весь мир лежит ничком, лицом в грязь, и не слышит этого бесконечного дождя по спине каплями, и не чувствует, что и рот, и нос ржавой водой заполнены.

А Москва... Вот. Стоит. На ногах. Как живая.

— Да что вы, сдохли там, что ли, все?!

Шшшшш...

Может, души их так отвечали ему, забравшись в радиоэфир? А может, так фон звучал? Должен же и у смерти быть свой голос. Такой вот наверное, как раз: шепот. Тссс... Ну-ну. Не шуми. Успокойся. Успокойся.

— Тут Москва! Ответьте!

Может, сейчас услышат?

Вот прямо сейчас кашляет в наушнике кто-то, прорвется взволнованный через шипение, закричит далеко-далеко:

— Мы тут! Москва! Слышу вас! Прием! Москва! Только не отключайтесь! Вас слышу! Господи! Москва! Москва на связь вышла! Сколько вас там выжило?! У нас тут колония, двадцать пять тысяч человек! Земля чистая! Фон нулевой! Вода незараженная! Еда? Конечно! Лекарства есть, есть! Высылаем за вами спасательную экспедицию! Только держитесь! Слышите, Москва?! Главное — держитесь!

Иииииу. Пусто.

Это не сеанс радиосвязи был, а спиритический сеанс. И тот не удался Артему никак. Духи, которых он вызывал, не хотели к нему. Им и на том свете хорошо было. Они смотрели сверху на Артемову фигурку сгорбленную в редкие просветы меж облаков, и только ухмылялись: туда? К вам? Нет уж, дудки!

Кхххххх.

Бросил крутить гребаную ручку. Сорвал наушники. Поднялся, смотал провод антенны аккуратной бухтой, медленно, насилуя себя этой аккуратностью — потому что хотелось: рвануть его так, чтоб на куски, и зашвырнуть с сорок шестого этажа в пропасть.

Сложил все в ранец. Посадил его к себе на плечи, черта-искусителя. Понес вниз. В метро. До завтра.

* * *

— Дезактивацию провел? — прогундосила синяя трубка.

— Провел.

— Почетче!

— Провел!

— Провел он, ага... — трубка неверяще цыкнула, и Артем шваркнул ее о стену с ненавистью.

Внутри двери заскребся замок, втягивая языки. Потом она ухнула протяжно, открылась, и метро дохнуло на Артема своим спертым тяжелым духом.

Сухой встречал его на пороге. То ли чувствовал, когда Артем вернется, то ли вообще не уходил на самом деле никуда. Чувствовал, наверное.

— Как ты? — спросил он устало, беззлобно.

Артем пожал плечами. Сухой ощупал его взглядом. Мягко, как детский врач.

— Там тебя человек искал. С другой станции пришел.

Артем подобрался.

— Не от Мельника?

Звякнуло в его голосе что-то, как будто гильзу на пол уронили. Надежда? Или малодушие? Или что?

— Нет. Старик какой-то.

— Что за старик? — вся последняя сила, собранная на тот случай, если отчим скажет «да», тут же вытекла из Артема, сразу в стоки ушла, и ему теперь хотелось только лечь.

— Гомер. Гомером назвался. Знаешь такого?

— Нет. Я спать, дядь Саш.

* * *

Она не шелохнулась. Спит или не спит? — думал Артем. Так, механически думал, потому что не было ему уже никакого дела до того, спит она или притворяется. Свалил одежду кулем при входе, потер зябко плечи, сиротски приткнулся к Ане сбоку, потянул на себя одеяло. Было бы второе — не стал бы даже ввязываться.

На станционных часах было семь вечера, что ли. Но Ане в десять вставать — и на грибы. А Артема от грибов освободили, как героя. Или как инвалида? И остальным занимался по своему хотению. Просыпался, когда она возвращалась со смены — и уходил наверх. Отключался, когда она еще притворялась, что спит. Так они жили: в противофазе. В одной койке, в разных измерениях.

Дмитрий Глуховский

Осторожно, чтобы не разбудить ее, Артем стал наворачивать стеганое красное полотно на себя. Аня почувствовала — и, не говоря ни слова, яростно дернула одеяло в обратную сторону. Через минуту этой идиотской борьбы Артем сдался — и остался лежать на краю постели голым.

— Супер, — сказал он.

Она молчала.

Отчего лампочка горит сначала, а потом перегорает?

Тогда он лег лицом в подушку — их-то, слава богу, было две — согрел ее дыханием, и так уснул. А в подлomme сне увидел Аню другую — смеющуюся, бойкую, задирающую его весело, совсем молодую какую-то. Хотя сколько прошло? Два года? Два дня? Черт знает, когда такое могло быть. Им тогда казалось, что у них целая вечность впереди, обоим казалось. Получается, вечность назад это все и было.

Во сне тоже было холодно, но там Аня морозила его — кажется, по станции голым гоняла — из баловства, а не из ненависти. И когда Артем очнулся, по сонной инерции верил еще целую минуту, что вечность не кончилась пока, что они с Аней только в середине ее находятся. Хотел позвать ее, простить, обратить все в шутку. Потом вспомнил.

Глава 2

МЕТРО

— А ты-то меня хоть пытаешься слушать? — спросил он у Ани.

Но ее уже не было в палатке.

Одежда его лежала ровно на том месте, где он ее сбросил: на проходе. Аня не прибрала ее, не расшвыряла. Переступила только, будто боялась дотронуться. Заразиться. Может, и вправду боялась.

Наверное, ей одеяло и было всегда нужнее. Он уж как-нибудь согреется.

Хорошо, что ушла. Спасибо тебе, Аня. Спасибо, что не стала со мной разговаривать. Что не стала мне отвечать.

— Спасибочки, бля! — сказал он вслух.

— Можно? — отозвался кто-то сквозь брезент и прямо над ухом. — Артем? Не спите?

Артем пополз к своим порткам.

Снаружи, усевшись на раскладной походный табурет, ждал старик со слишком мягким для своего возраста лицом. Сидел он удобно, уютно, равномерно, и было ясно, что расположился он тут давно, а уходить не собирается вовсе. Старик был чужим, не со станции: морщился, неосторожно вдохнув носом. Пришлых видно.

Артем сложил пальцы козырьком, и закрывшись этим козырьком от алого света, которым была залита станция ВДНХ, взгляделся в гостя.

— Чего тебе надобно, старче?

— Вы Артем?

— Допустим, — Артем втянул носом воздух. — Зависит.

— Я Гомер, — заявил старик, не вставая. — Зовут так.

— Правда?

— Я книги пишу. Книгу.

— Интересно, — сказал Артем голосом человека, которому неинтересно.

Дмитрий Глуховский

— Историческую. Как бы. Но про наши дни.

— Историческую, — повторил Артем осторожно, оглядываясь по сторонам. — Это зачем? История-то, говорят, все! Кончилась.

— А мы? Кто-то должен ведь обо всем, что с нами тут... Обо всем, что с нами тут происходит, потомкам рассказать.

Если не от Мельника, думал Артем, то кто? От кого? Зачем?

— Потомкам. Святое дело.

— И надо о самом главном, с одной стороны, рассказать... Чем мы тут живем. Все вехи и перипетии, так сказать, отразить. А с другой — как это сделать? Сухие факты забываются. Чтобы люди запомнили, нужна живая история. Нужен герой. Искал вот материал. Пробовал всякое. Казалось, нашел. Но потом взялся... И не сработало. Не получилось. А потом услышал про ВДНХ, и...

Было видно, что старику нелегко объясниться, но Артем не собирался ему помогать; он все не мог понять, что же сейчас будет. Зла от старика не шло, одна неуместность, но что-то скапливалось в воздухе, что-то образовывалось между ним и Артемом такое, что должно было вот-вот разорваться, ожечь, и посечь осколками.

— Мне про ВДНХ рассказали... Про черных — и про вас. И я понял, что должен именно вас найти, чтобы эту...

Артем кивнул: дошло наконец.

— Отличная история.

И, не прощаясь, зашагал прочь, сунув вечно зябнущие руки в карманы. Старичок застрял сзади на своем удобном табуретике, что-то еще объясняя Артемовой спине вдогонку. Но Артем решил: оглохнуть.

Поморгал — глаза привыкли, можно больше не щуриться.

К тому свету, который на поверхности, они дольше привыкали. Год. Это быстро! Большинство жителей метро от солнечного света, даже от такого, облаками придушенного, ослепли бы, наверное, навсегда. Всю жизнь в впотьмах ведь. А Артем себя видеть наверху заставил. Видеть тот мир, в котором родился. Потому что если ты не можешь солнце потерпеть — как ты наверх вернешься, когда время придет?

Все в метро родившиеся росли уже без солнца, как грибы. Нормально: оказалось, не солнце нужно людям, а витамин D. Оказалось, солнечный свет можно в виде драже жрать. А жить можно и на ощупь.

В метро общего освещения не было. Не было общего электричества. Совсем ничего общего не было: каждый сам за себя. На некоторых станциях наловчились вырабатывать достаточно света для того, чтобы было почти как раньше. На других — его хватало на одну лампочку, горящую посреди платформы. Третьи были забиты густой чернотой, как в туннелях. Если приносил туда кто-то свет с собой в кармане, то мог выловить из ничего по кусочкам — пол, потолок, мра-

морную колонну; и из темноты сползались на луч его фонарика жители станции, желающие немного посмотреть. Но лучше им было не показываться: без глаз они вполне приучились существовать, но рот-то у них не зарос.

На станции ВДНХ жизнь была налажена крепко, и народ был балованный: у отдельных людей в палатках горели утащенные сверху маленькие диоды, а для общих мест имелось старое еще аварийное освещение — лампы в красных стеклянных колпаках; при таком было бы удобно, положим, негативы фотографий проявлять. Так вот и Артемова душа медленно в этом красном свете проявлялась, появлялась из проявителя, и видно становилось, что снята она была еще там, наверху, майским ярким днем.

А другим днем — октябрьским, пасмурным — засвечена.

— Отличная история, а, Жень? Помнишь черных? — шептал Артем; но отвечали всегда другие. Всегда не те ему отвечали.

— Здоров, Артем!

— О, Артем!

Здоровались все. Кто-то улыбался, кто-то хмурился, но здоровались — все. Потому что все помнили черных, а не только Женька с Артемом. Все помнили эту историю, хотя не знал ее никто.

Станция метро ВДНХ: конечная. Дом родной. Двести метров в длину, и на них — двести человек. Места как раз: меньше — не надышишься, больше — не согреешься.

Построена станция была лет сто назад, во времена прежней империи, из ее имперского обычного материала: мрамора и гранита. Замышлялась она торжественной, как дворец, но была, разумеется, закопана в землю, так что вышло среднее между музеем и усыпальницей. Прадедовский дух тут был, как и в прочих всех станциях, даже и более новых, совсем неистребим. Вроде и выросли жители метро, а все сидели у каких-то древних стариков на их бронзовых коленях, и слезть было нельзя — не отпускали.

Закопченные колонны развесистые, в арках между ними развернуты древние и изношенные армейские палатки: в каждой — семья, в некоторых — по две. Семьи эти можно запросто перетасовать, никто, наверное, разницы и не заметит: когда живешь вместе двадцать лет на одной станции, когда между твоими тайнами и соседскими, между всеми стенами и всеми криками — брезента один слой, так получается.

Где-то, может, люди бы и съели друг друга уже — зависть ведь, и ревность к Богу, что он чужих детей больше любит, и невозможность разделить с другими своего мужа или жену, и жилплощадь вполне стоит того, чтобы за нее удавить; но не тут, не на ВДНХ. Тут вышло как-то просто — и по-свойски.

Как в деревне или как в коммуне. Нет чужих детей: у соседней здоровый родился — общий праздник; у тебя больной — помогут тянуть, кто чем. Негде рас-

селиться — другие подвинутся. С другом подерешься — теснота помирит. Жена ушла — простишь рано или поздно. На самом деле ведь никуда она не ушла, а тут же осталась, в этом же мраморном зале, над который сверху навалено миллион тонн земли; разве что теперь за другим куском брезента спит. Но каждый день будете встречаться с ней, и не раз, а сто. Придется договориться. Не получится представить себе, что ее нет и не было. Главное — что все живы, а там уж... Как в коммуне или как в пещере.

Путь-то отсюда был — южный туннель, который вел к Алексеевской и дальше, в большое метро, но... Может, в том и дело, что ВНДХ была — конечная. И жили тут те, кто не хотел уже и не мог никуда идти. Кому дом был нужен.

Артем остановился у одной палатки, замер. Стоял, просвечивал им внутрь сквозь изношенный брезент, пока наружу не вышла тетька с отечным лицом.

— Здравствуй, Артем.

— Здравствуйте, Катерина Сергеевна.

— Жени нет, Артем.

Он кивнул ей. Захотелось погладить ее волосы, за руку взять. Сказать, мол, да я знаю, знаю. Я все знаю на самом деле, Екатерина Сергеевна. Или вы себе это говорите?

— Иди, Артем. Иди. Не стой тут. Поди там, чайку выпей.

— Так точно.

С обоих концов зал станции был обрублен по эскалаторы — сами замуровали и законопатили себя внутри, чтобы с поверхности воздух отравленный не тек... Ну и от гостей всяких. С одной стороны, где новый выход — наглухо. С другой, где старый — оставили шлюз для подъема в город.

Там, где глухая стена — кухня и клуб. Плиты для готовки, хозяйки в фартуках суетятся, варганят обед детям и мужьям; ходит вода по трубкам угольных фильтров, журчит, сливаясь в баки, почти прозрачная; то и дело чайник свистеть начинает — со смены с ферм забежал гонец за кипяточком, вытирает руки о штаны, ищет среди кухарок свою жену, чтобы за мягкое ее прихватить, о любви напомнить, и заодно досрочно полуготового чего-нибудь кусок схарчить.

И плиты, и чайники, и посуда, и стулья со столами — были все не свои, а колхозные, но люди к ним бережно отнеслись, не портили.

Все, кроме еды, принесли сверху: в метро ничего толкового не смастерить. Хорошо, что мертвые, когда жить собирались, впрок себе всякого добра наготовили — лампочек, дизель-генераторов, проводов, оружия, патронов, посуды, мебели, одежды нашили прорву. Теперь можно за ними донашивать, как за старшими братьями и сестрами. Надолго хватит. Во всем метро народу — не больше пятидесяти тысяч. А в Москве раньше жило пятнадцать миллионов. У каждого, выходит, таких родственников — по триста человек. Толпятся беззвучно, протяги-

вают свои обноски молча: бери мои, мол, бери-бери, новые почти, я-то из них уже вырос.

Проверить только их вещи дозиметром — не слишком щелкает? — поблагодарить и можно пользоваться.

Артем добрался до чайной очереди, приткнулся последним.

— Артем, ну куда ты, как не свой! В очереди он еще тут будет! Садись, в ногах правды... Плеснуть горяченького?

Заправляла тут Дашка-Шуба, баба лет уже, видимо, пятидесяти, но совершенно не желающая об этом думать. Приехала она в Москву из какой-то дыры под Ярославлем за три дня до того, как все ухнуло. Шубу покупать. Купила; и с тех пор больше не снимала ее уже ни днем, ни ночью, ни в уборную сходить. Артем никогда над ней не смеялся: а если бы у него остался вот такой кусок прежней его собственной жизни? Мая, или пломбира, или тени от тополей, или маминой улыбки?

— Да. Спасибо, тетя Даш.

— Все ты тетькаешь мне! — укоризненно и кокетливо. — Ну что там, сверху-от?

Погодка как?

— Дождик.

— Ак это опять нас подтопит, что ли? Слышь, Айгуль? Дошь, говорят.

— Аллах нас наказывает. За грехи. Глянь, свинина-то не сгорит у тебя?

— Ну что сразу Аллах твой! Аллах у нее сразу! А и правда, подгорает... Как Мехмет твой, вернулся с Ганзы?

— Третий день нету. Третий!

— Не переживай так-то...

— Вот я тебе сердцем клянусь, Даша, завел себе он там кого-то! Из ваших завел! В грехе...

— Ваших-наших... Что ты как эта... Мы все тут, Айгулюшка... Все заодно.

— Давалку какую-нибудь завел, Аллахом тебе...

— Ак ты бы сама-то ему почаще давала... Мужики-то ведь они как котята...

Тычутся, пока не найдут...

— Да что вы несете?! По делам он по торговым! — вступился мужичок полудетского размера и с детским почти лицом, только испитым; отчего-то не смог вырасти как следует.

— Ладно-ладно. Ты, Коля, подельников-то не прикрывай своих! А ты, Артем, не слушай нас, баб. На-ко. Подуй, горячо.

— Спасибо.

Подошел человек, разлинованный старыми белыми шрамами и совсем лысый, но при этом не свирепый из-за пушистых бровей и обтекаемой речи.

— Приветствую всех присутствующих, дам отдельно! А кто тут за чайком? Я за тобой тогда, Колюнь. Про Ганзу слышали уже?

Дмитрий Глуховский

— А что Ганза?

— Граница на замке. Как выразился классик, загорелся красный свет, говорит, прохода нет. Пятеро наших там торчат.

— Вона чего, Айгулька. Грибы помешай свои там, грибочки.

— А мой там! А я что! Аллахом... Как закрыли? А, Кстантин?

— Закрыли и все дела. Не наше вшивое дело. Приказ есть приказ.

— Опять поди воюют! С Красной Линией, небось, опять воюют, а? Хоть бы передохли там они уже все ведь!

— А кто знает, а, Кстантин? Это мне к кому идти? Мехмет-то мой...

— Для профилактики это. Я оттуда только. По торговле карантин какой-то. Откроют скоро. Здравствуйте.

— Ой, здрааасьте, мушщина. В гости к нам? Кто-откуда?

— С Севастопольской я. Можно тут присесть?

Артем перестал дышать жгучим паром, оторвался от белой выщербленной кружки с золотым кантиком. Старик доковылял сюда, разыскал его, и теперь украдкой, уголком глаза его изучал. Ладно. Не бегать же от него.

— А ты-то как к нам пробрался, дедуль? Если закрыли все? — Артем вызвал пронирыливого старика на прямой взгляд.

— Последним проскочил, — тот не мигал, не уклонялся. — Прямо после меня и закрыли.

— Век бы без них и жили, без Ганзы этой! А вот они без нашего чайку, без грибочков-от наших пускай попробуют, дармоеды! Мы-то продержимся с Божьей помощью!

— Откроют! А если не откроют? А Мехмет-то мой!

— А ты, Айгулька, к Сухому сходи. Он-то твоего Мехметика в два счета достанет. Не бросит уж. Чайку, может? Пробовал наш уже?

— Не откажусь, — с достоинством качнул бородой самозванный Гомер.

Он сидел против Артема, прихлебывал местный их грибной отвар, горделиво, но беспричинно именуемый чаем — настоящий-то чай, конечно, весь выпит был лет десять как — и ждал. И Артем ждал.

— Кто за кипятком?

У Артема екнуло: Аня подошла. Встала, не замечая его, спиной.

— Трудисься сегодня, Анют? — сразу же привлекла ее к разговору Шуба, отирая руки о лысеющие меховые карманы. — Грибочки?

— Грибочки, — та спиной и ответила, лишь бы не оборачиваться; значит, все она заметила.

— Поясница, небось, а? В наклонку-то.

— Отваливается, тетя Даш.

— Грибы не свиньи! — неодобрительно шмыгнув, высказалась раскосяя кряжистая Айгуль. — В наклонку ей. Ты в говне-ка повозись!

— Сама и повозись. Каждый себе по душе работу выбирает, — ровно возразила Аня.

Ровно возразила; но Артем знал — вот именно когда таким голосом она говорит, спокойным — может ударить. Да и вообще все может, обучена. С таким отцом.

— Не сорьтесь, девочки, — зажурчал исполосованный Константин. — Все профессии нужны, все профессии важны, как сказал классик. Без грибов пороса-то чем кормить?

Грибы-шампиньоны росли в заваленном северном туннеле, одном из двух, которые раньше вели к станции Ботанический сад. Триста метров грибных плантаций, а за ними — еще свиноферма. Свиной подальше запихнули, чтобы вони меньше. Как будто тут триста метров спасти могут. Спасало другое: устройство человеческих чувств.

Вновь прибывшие мерзотный свиной дух ощущали день-другой. Потом — приноживались. Аня приножилась не сразу. Местные жители давно не слышали ничего. Им и сравнивать было не с чем. А Артему вот было.

— Хорошо, когда душа к грибам лежит, — прицельно глядя Ане в затылок, четко проговорил он. — С грибами проще договориться, чем с людьми.

— А зря вообще некоторые к грибам с таким презрением, — сказала та. — Есть люди, которых от грибов не сразу и отличишь. И болезни даже общие, — Аня наконец развернулась к нему. — Вот у меня сегодня, например. На половине грибов — гниль какая-то. Гнильца появилась, понимаешь? Откуда взялась?

— Что за гниль еще? — обеспокоилась Айгуль. — Нам гнили еще только тут не хватало, Аллах спаси!

— Чаю, может, кому? — влезла Шуба.

— Ящик гнили вот набрала, — в глаза Артему сказала Аня. — А ведь были нормальные раньше грибы. Здоровые.

— Ну это прямо беда какая-то! — покачал головой Артем. — Грибы протухли.

— Ак жрать-то мы чего будем? — резонно заметила Шуба.

— Ну конечно, разве это беда? — тихо и железно ответила ему Аня. — Вот когда великого героя и спасителя всея метро всерьез никто не воспринимает больше — вот это беда!

— Пойдем-ка, Айгулька, продышимся, — вздернула нарисованную бровь Шуба. — Тут жарковато что-то становится.

— Эхм... — Гомер поднялся вслед за остальными.

— Нет, — остановил его Артем. — Вот. Ты же хотел про героя послушать? Про Артема, который все метро спас? Вот, слушай. Послушай правду. Людям, думаешь, до этого есть дело?

— Потому что у людей свои дела. Настоящие дела. Работать. Своих кормить. Детей растить. А когда кое-кто мается и не может себе дела найти, и выдумывает

себе херню всякую — вот это да, беда, — Аня заняла позицию и вела по нему огонь очередями: короткая, короткая, длинная.

— Нет, беда, это когда человек не хочет жить, как человек, а хочет, как порось и как гриб, — ответил Артем. — Когда его одно только заботит...

— Беда, это когда гриб решает, что он человек, — уже не пряча ненависть, сказала Аня. — А правды ему никто не говорит, чтобы не расстраивать.

— Правда, что ли, на грибах гниль? — спросила, почти уже совсем отчалив, Дашка-Шуба.

— Правда.

— Тьфу ты, пропасть.

— Аллах нас наказывает! — громогласно заявила Айгуль с расстояния. — За грехи! Что свинину едим, за это!

— Ну и ты иди... Иди... Грибы зовут... — подтолкнул застывшую Аню Артем. — Кашляют, чихают. Где ты, мама, говорят.

— Сука ты. Бесполезная.

— Иди!

— От грибов-то скорее дождешься.

— Иди! Иди давай!

— Ты иди. Сам иди. Давай, вали к себе наверх. Хоть на весь город свою антенну размотай. Глотку порви себе со своими причитаниями. Никого там нет, понял? Никого. Все сдохли. Радиолобитель. Мудак.

— Да ты еще потом сама...

— Не будет никакого «потом», Артем. Не будет.

Глаза у нее были сухими. Отец ее научил, как не плакать. У нее-то был отец. Собственный, родной.

Развернулась, ушла.

Артем остался над чашкой грибного отвара: белой, со скелотой золотой каемкой. Гомер сидел рядом осторожно, молча. На кухню стали возвращаться люди. Говорили о том, что грибы побилла какая-то белая гниль, вздыхали, чтобы войны снова не было, судачили, кого чей муж на свиноферме за какую часть взял. Проскочил мимо розовый маленький визжащий поросенок, за ним бледная чахоточная девочка, обошла кругом стол кошка с поднятым трубой хвостом, потерлась об Артемово колено, заглянула ему в рот. Пар над кружкой простыл, чай затянулся пенкой. И внутри у Артема стало все пенкой затягиваться. Он бросил чашку, посмотрел вперед. Там был этот старик.

— Вот такая история, дедуль.

— Мне... Я... Извините.

— Зря шел, а? Потомки такому не обрадуются. У кого будут.

— Не зря.

Артем цыкнул зубом: упрямый какой старикан.

Стащил свою задницу со скамейки, поволок ее вон из кухни: завтрак окончен, теперь нужно трудовую повинность отработать. Гомер прилепился сзади.

— А о чем, простите... Вы там... О чем эта девушка говорила? Антенна... Радиолюбитель... Не мое, разумеется, дело, но... Вы наверх поднимаетесь, да? Радио слушаете?

- Поднимаюсь и слушаю.
- Надеетесь найти других выживших?
- Надеюсь найти других выживших.
- И как успехи?

В его голосе Артем не услышал никакой издевки. Просто любопытствовал человек, как будто Артем занимался чем-то совершенно обычным. Допустим, окорока вяленые на Ганзу возил.

— Никак.

Гомер покивал ему, нахмурился. Собрался что-то рассказать, но передумал. Пособолезнует? Попытается вразумить? Притворится заинтересованным? Артему было плевать.

Дошли до загона с велосипедами.

Грибы Артем не любил за то, что Аня их любила; поросей — за вонь, которую он тут один чувствовал. И договорился: как героя — от этого освободили. Но туннельцев на ВДНХ не кормили. Отдежурил в туннеле на блокпосту — отработай еще и на станции. И Артем выбрал велосипеды.

Их было четырнадцать — в ряд, рулем к стене, на стене — плакаты. На одном плакате — Кремль и Москва-река, на другом — поблекшая чья-то красота в розовом купальнике, на третьем — небоскребы Нью-Йорка, на четвертом — заснеженный монастырь и православные праздники на календарной сетке. Выбирай на строение, крути педали. Велосипеды стоят на распорках, от колес — ремни идут к динамо-машине. На каждом маленький фонарик приделан, светит слабо на сегодняшнюю твою плакатную мечту. Остальное электричество — в аккумуляторы, станцию питать.

Велосипеды стояли в заваленном южном туннеле, чужих к ним не подпускали: стратегический объект. Старик сюда еще, кажется, не заглядывал.

— Со мной, — неведомо зачем махнул охраннику Артем, и Гомеру дали пройти.

Артем оседлал ржавую раму, взялся за резиновые рукояти. Впереди замаячил выцыганенный у ганзейских книготорговцев Берлин: Бранденбургские ворота, телебашня, и черная скульптура женщина с поднятыми к голове руками. Ворота эти, понял Артем, очень были похожи на вход на ВДНХ, а берлинская телебашня, хоть и был у нее посередине шарообразный нарост-пузырь, напоминала Останкинскую. И вот эта статуя женщины — то ли кричащей, то ли уши зажимающей... Будто и не уезжал никуда.

— Не хочешь прокатиться, дед? — обернулся к Гомеру Артем. — Для сердца полезно. Дольше протянешь. Тут.

Но старик не отвечал — стеклянно смотрел на то, как вращаются спущенные колеса, пытаюсь уцепиться за воздух. Лицо у него было перекошено, как у паралитика: половина улыбается, половина омертвела.

— Все хорошо с тобой, дедуль? — спросил Артем.

— Да. Вспомнил кое-что. Кое-кого, — Гомер хрипнул, прочистил горло, оправился.

— А.

У всех есть, кого вспомнить. По триста теней на человека. Только и ждут, чтобы ты о них подумал. Расставят свои силки, установят растяжки, лесочки протянут, паутинки — и ждут. Кому велосипед бесколесый напомним, как детей учил по двору ездить, кому чайник засвистит — точь-в-точь как у родителей на кухне, когда по выходным в гости приходил обедать и делиться жизнью. Моргнешь — и в этот самый миг между сейчас и сейчас вдруг глаза видят вчера, и видят их лица. С годами, правда, все хуже видят. И ладно.

— Откуда ты про меня узнал?

— Слава, — улыбнулся Гомер. — Все знают.

Артем скривился.

— Слава, — выплюнул он это слово обратно.

— Вы же метро спасли. Людей. Если бы вы тех тварей тогда ракетами не... Я не понимаю, если честно. Почему вы не хотите рассказывать об этом?

Впереди были: телебашня, ворота на ВДНХ, черная женщина с воздетыми руками. Надо было на другой велосипед залезать, но другие все уже были заняты, и Артему достался именно этот. Артем хотел бы крутить педали в обратном направлении, назад, прочь от башни, но так электричество не вырабатывалось.

— Я от Мельника о вас услышал.

— Что?

— Мельник. Знаете его? Командир Ордена. Про Орден-то вы, конечно, осведомлены? Спартанцы... Вы же сами, насколько я понимаю, состояли в нем... раньше?

— Вас Мельник ко мне отправил?

— Нет. Мельник рассказал просто. Что это вы им сообщили. Про черных. Что вы через все метро прошли... Ну и я сам уже потом... Стал раскапывать. Что мог. Но тут все равно много неясного. Понял, что без вас толком не разобраться, и решил...

— Он еще что-нибудь говорил?

— А? Кто?

— Мельник еще что-нибудь говорил про меня?

— Говорил.

Артем перестал крутить педали. Перемахнул через раму, спрыгнул на пол. Скрестил руки на груди.

— Ну?

— Что... Что вы женились. Что зажили нормальной человеческой жизнью.

— Так он сказал?

— Так и сказал.

— Нормальной человеческой жизнью, — Артем улыбнулся.

— Если я ничего не путаю.

— А что это на его дочери я женился, не уточнил?

Гомер покачал головой.

— Все?

Старик пожевал. Вздохнул. Признался.

— Сказал, что у вас случилось помешательство.

— Ну конечно. У меня.

— Я просто передаю, что слышал...

— Больше ничего?

— Кажется...

— Что убить меня собирается, например? Из-за дочки... Или...

— Нет, ничего такого!

— Или обратно ждет... В строй?

— Не припомню...

Помолчал, переварил. Вспомнил, что Гомер все еще тут, изучает его.

— Помешательство! — Артем хохотнул как получилось.

— Я так не считаю, — предупредил его Гомер. — Кто бы что ни говорил, я совершенно убежден, что...

— Откуда вам-то знать? Тебе?

— Только потому что вы продолжаете искать выживших? Только потому что вы не хотите сдаваться — считать вас сумасшедшим? Слушайте, — старик глядел на Артема серьезно. — Вы же гробите себя ради людей, и я, честное слово, не понимаю, почему они к вам так.

— Каждый божий день хожу.

— Наверх?

— Каждый день — по эскалатору на поверхность. Потом до этой высотки.

Пешком — на крышу по лестнице. С ранцем.

Велосипедные соседи заприслушивались, замедлили свою гонку.

— И да! Ни разу еще не слышал, чтобы ответили! И что? Что это доказывает?! — Артем уже не Гомеру кричал, а всем этим гребаным велосипедистам, мчащимся в стену, в землю. — Ничего это не доказывает! Как вы не чувствуете?! Должны быть еще люди! Должны быть еще города! Не можем мы в этой дыре, в этих пещерах быть — единственными!

Дмитрий Глуховский

— Да хорош ты, Артем! Задрал уже! — не выдержал парень с долгим носом и мелкими глазками. — Всех же разбомбили америкосы! Ничего нет! Что ты страдаешь все?! Они нас, мы их, точка!

— А если мы и не единственные? — как бы сам у себя поинтересовался Гомер. — Если я вам скажу, что...

— Лазают туда, как на работу! Сам фонит и других облучает! Труп ходячий! — парень никак не мог остановиться. — Нас еще потравить всех тут надо теперь?!

— Если я вам скажу, что есть... Выжившие? Если скажу, что сигналы из других городов были? И что их перехватывали?

— Повтори.

— Были сигналы из других городов, — твердо сказал Гомер. — Их ловили. Разговаривали.

— Врешь.

— Я знаю сам человека, который вел радиообмен...

— Врешь.

— А если он сейчас перед вами стоит? Что тогда скажете? — Гомер подмигнул Артему. — А?

— Что крыша у тебя съехала, дед. Или что нарочно врешь. Врешь ведь? Врешь?!

Глава 3

ТРУБА

На станции потолки были невысокие, под людей. Но перегоны строили не для них: от стены до стены пять метров, и от потолка до пола столько же.

Далеко, на другом конце метро обитали дикие, верившие, что туннели это ходы, прорытые в тверди Великим Червем, богом, создавшим Землю и родившим из своего чрева людей; а уже люди только потом отреклись от своего Творца, приспособили эти ходы под свои надобности, а вместо Червя построили себе из железа поезда и стали врать себе, что они и были изначально, а никакого Червя не было. Почему бы в такого бога не верить? Он к подземной жизни больше приспособлен.

Туннели были темные, страшные, они сочлились ручейками грунтовых вод, которые в любую секунду могли прорвать чугунную чешую тюбингов и заглотить целые линии. От ручейков шла испарина, и холодный туман не давал далеко проникать свету от фонарей. Туннели не были созданы для человека, это точно, а человек не был создан для туннелей.

Даже тут, всего в трехстах метрах от станции, было жутковато. Чтобы заглушить шепчущую жуть, люди болтали.

Костер — недосушенные поленья — немного смолил.

Туннель, конечно, был живой: он дышал с присвистом, втягивал дымок от костра своими дырявыми легкими с наслаждением, будто курил. Дым вился, улетал вверх и пропадал в заросших трахеях вентиляционных шахт.

Поодаль книзу стояла дрезина на ручных рычагах, на которой смена сюда и прибыла. До станции — триста метров. Если пойдет кто из северной черноты на ВДНХ, дозор должен принять удар на себя и, если придется, полечь, а на станцию отправить одного человека, «уцелевшего». Предупредить. Чтобы дети успели попрятаться, а женщины чтобы успели взять оружие и вместе с мужьями загородить собой вход.

Это работало всегда: потому ВДНХ и была до сих пор, два с лишним десятилетия как, обитаема. Но в последнюю пару лет тут кто если и появлялся, то разве по недоразумению. Последняя страшная угроза и станции, и всему метро — черные — сгнули, уничтоженные ракетным штормом, как раз два года тому.

И каждый на Выставке помнил, кто спас людей от этих тварей: Артем.

Теперь к северу от ВДНХ шла только цепь отмерших, пустых станций, первой из которых был Ботанический сад. Сад лежал мелко, к поверхности совсем близко, и гермоворота, которые должны были отсекал мир сверху от мира снизу, там были распечатаны и сломаны. Жизнь на Ботаническом саду была невозможна, а что начиналось за ним, людям было неинтересно. Поэтому край земли проходил ровно по тому месту, куда доставал свет от костерка. А дальше шел космос.

Отгороженные от вакуума мешками с песком, сваленными в брустверы, сидели дозорные. Опирались друг на друга «калаши», составленные пирамидой. На огне грел пузо битый закопченный чайник.

Артем расположился к костру лицом, а к туннельной пустоте — затылком. Сюда же, рядом, посадил Гомера, которого специально привел в эту тихую пустоту; не хотел слушать его рассказ там, на велосипедах, при всех. Совсем без свидетелей не получится, пусть их хоть поменьше будет.

— Зря к трубе спиной! — цыкнул ему Левашов.

Но Артем сейчас верил этому туннелю. Научился его ощущать.

Остальные так расселись, чтобы не сводить глаз с туннельной пасти. Гомеру сказано было вещать негромко, чтобы не возбуждать остальных; но Гомер негромко не умел.

— Полярные Зори этот городок называется. Находится на Кольском полуострове. Рядом — АЭС, причем учтите — в рабочем состоянии. Запас хода у станции — лет сто еще! Потому что всего один город питает. А город они превратили в крепость. Частокол построили из бревен, прочие укрепления. Оборону наладили прилично. Военные части рядом были, охраняли АЭС, из них набрали гарнизон этих Полярных Зорь. Вокруг места гиблые, Север. Но эти держатся. Станция им и свет, и тепло дает — для хозяйства. Так что...

— Что ты изобретаешь-то, а? — крикнул с того края Левашов: глаза красные, уши мясистые, а еще и усы кое-как растут, кверху. — Какие на хер зори еще! Да за Ботаничкой дальше по трубе никого, кроме собак бродячих нет! Мало нам одного пришепнутого, второй нарисовался!

— У них клуб теперь будет тут свой, — подмигнул Арменчик, ногтем цепляя между зубами застрявшее поросычье волокно. — Клуб мечтателей и романтиков «Алые паруса».

— Кто этот сигнал принимал? Кто с ними говорил? — Артем смотрел старику в бороду, в шевелящиеся губы, как глухой, читая.

— Я... — заново начал Гомер. — Я сам из тех мест. Архангельский. Так же вот все надеялся найти, может из моих кто остался. Слушал... Искал. Нашел-таки. Архангельск, правда, мой молчит. Зато Полярные Зори! Целый город, представляете? Наверху! Горячая вода, свет... Но самое интересное — у них там прекрасная электронная библиотека сохранилась. На магнитных носителях, на компакт-дисках. Вся мировая литература, кино... Понимаете? Электричество-то есть, сколько угодно...

— Какие волны? Какая частота? — врезался в его уютное повествование Артем.

— То есть, это такой своеобразный Ноев Ковчег. На котором, правда, не каждой твари по паре спаслось, а вся культура нашей цивилизации... — как будто и не слыша, продолжал токовать старик.

— Во сколько был контакт? Как часто? Где у тебя точка стояла? Какое оборудование? С какой высоты удалось сигнал поймать? Почему у меня тогда не вышло?! —

Старик ожидал беседы, а не допроса: уютной беседы у костерка. Но Артем слишком уж хотел этой минуты, чтобы на розовые сопли ее тратить. Первое: убедиться, что это правда.

Артем и сам все знал про миражи, которые маячат в той пустыне, наверху. Нет, ему не любоваться на них нужно, а дотронуться, поверить.

— Ну! — он не отпускал, давил; нельзя было старику дать выскользнуть. — Вспоминай точно! Почему у меня больше не получается?!

— Я... — Гомер причмокивал и размышлял, уводил глаза в темноту; но сдался наконец. — Не знаю.

— Как — не знаешь? Как ты можешь такое — не знать?! Если ты сам их сигнал ловил?!

Постеснялся — и признался, сволочь.

— Это не я ловил. Встретился мне просто человек. Радист. Он рассказал.

— Где? Где встретился? Какая станция?

Старик повздыхал еще.

— Театральная, кажется. Театральная.

— У черта в пекле, то есть? Думаешь, побоюсь сам пойти и проверить, а?

— Ничего такого я не думаю, молодой человек, — этак он с достоинством.

— Когда?

— Лет пару назад. Не помню.

Не помнит.

Единственный раз, когда Артем в прорехах между шипением и воем эфира услышал далекий и слабый чей-то голос — навсегда запечатлелся у него, а голос этот и сейчас, стоит прислушаться, в ушах звучит, как высушенное давно море — в раковине. Как такое можно забыть?

Как можно все свою подземельную жизнь мечтать написать книгу для потомков, для следующих поколений, чтобы эти поколения знали, откуда взялись, чтобы не теряли мечту однажды вернуться наверх — и не помнить о таком в мельчайших деталях?!

И еще Театральная.

— Врешь, — убежденно сказал Артем. — Понравиться хочешь.

— Вы ошибаетесь. Я просто...

— Хочешь мне понравиться, чтобы я тебе выложил все. Всю свою долбаную историю. Решил купить меня, а? Нашупал нежное место — и р-раз крючком... Да?

— Вовсе нет! Это абсолютно реальный случай...

— Да иди ты!

— О, — трубно втянул сопли горбоносый Арменчик. — Мечтатели ругаются, чья мечта мечтательней.

Артем, обозленный на себя и на этого глупого старого враля, положил затылок на истыканный пулями песок и сжал веки. Сказочник гребаный. Только на душе короста нарастет — кто-нибудь придет и отковыряет.

Старик насупился и не собирался Артема переубеждать.

Да и хер бы с ним.

До конца дежурства они не обменялись больше ничем. Выходя на станцию, Артем даже переглядыванием со стариком не попрощался.

* * *

— Есть проверенная информация. Пойман сигнал с Кольского полуострова. Там есть выжившие! — Артем посмотрел на Кирилла многозначительно.

— Правда?!

— Правда!

Кирилл аж подскочил, так обрадовался. Не рассчитал с воздухом, и зашелся кашлем. Артем, зная, что будет, дал ему платок — приложить к губам. Кирилл, унявшись, оторвал платок, оглядел его испуганно и виновато. У Артема сердце прижало.

— Это все пройдет. Будешь еще крыс гонять! Подумаешь, чуть-чуть крови!

— Мамка ругается. Не показывай ей. Не покажешь, ладно?

— Ну ты что! Мы же с тобой — во! Команда! Ты меня не сдаешь, я — тебя!

— Поклянись Орденом.

— Клянусь Орденом.

— Торжественно поклянись.

– Торжественно клянусь Орденом.

Кирилл забрался к нему на колени.

– Давай. Рассказывай.

– В общем, – начал Артем. – Есть точная информация. Пойман сигнал с севера. С Кольского полуострова. Там сохранилась совершенно нетронутой атомная электростанция. И при ней – город. Называется – Полярные Зори. Красота, а? Так что мы тут не одни. Понимаешь, Кирюх? Не одни! Есть еще и другие выжившие! И мы их нашли! Ну?!

– Класс! – сказал Кирилл, лупая огромными бледными глазами. – А это реально правда?

– Реально правда. И от этой электростанции столько идет тока, что хватает весь город держать в тепле круглый год. А над городом построен громадный стеклянный купол. Можешь себе представить?

– Не-а.

– Как стакан, только большой.

– Зачем?

– Чтобы тепло не уходило. Снаружи – снег, вьюга, а внутри – теплынь! Деревья цветут. Вон как в книжке твоей. И прямо сады фруктовые, яблоки там... Помидоры, кстати. Люди по улице в майках ходят. Цветы повсюду. Еды навалом. Сладостей там всяких. Игрушки – не то, что у тебя тут, гильзы стреляные одни. Разные игрушки.

Кирюха зажмурился, добросовестно стараясь все это себе представить. Перхнул пару раз с закрытым ртом, тихонько. Сдержался. Выдохнул протяжно. Наверное, не мог вообразить. Артем и сам не мог.

– А летом купол этот открывается – и живут они на свежем воздухе. Не под землей, а снаружи, в домах с окнами. В окна другие дома видно, или лес, например. Так живут. На чистом, на сухом, на свежем. Под солнцем прямо. И в таком воздухе ни один микроб спастись не может, вседохнут. Ну и люди прямо без противогазов ходят по улице.

– Все микробы? И тубердохнет? – Кирилл разом очнулся.

– Все. Тубер в первую очередь.

– Что, туда просто надо приехать и подышать без противогаза, чтобы вылечиться?

– Думаю, да, – сказал Артем. – Да. Это тут, в туннелях, в духоте, в сырости, туберу раздолье. А на свежем воздухе – сразу смерть.

– Уау! Надо мамке сказать! Вот она обрадуется! А ты туда поедешь?

– Но эти Полярные Зори далеко очень. Туда так просто не доехать. Надо сил подкопить.

– Я подкоплю! А сколько нужно? – Кирилл подпрыгнул у Артема на колене.

Дмитрий Глуховский

— Много нужно. Туда знаешь, сколько ехать надо? На вездеходах, наверное... Полгода! По поверхности. По лесам, по болотам. По дорогам разрушенным.

— Ну и что? Я доеду!

— Не, я тебя с собой не возьму, наверное. Поеду только с другими бойцами Ордена.

— Это почему, а?!

— Мать говорит, ты не ешь ничего. Такой хлюп нам не нужен с собой в экипаже вездехода. Одна обуза. А путь непростой. Препятствия всякие. Чудовища на каждом шагу. Приключений придется тьму пережить. А как ты их переживешь, если ты не жрешь ничего? В первом же приключении и загнешься! Нет, нашему Ордену бойцы нужны, а не дистрофики.

— Я эти грибы видеть не могу больше, Тем! Бээээ...

— А овощи? Мамка тебе овощи вон достала. Помидор видел? Этот помидор к тебе с Севастопольской ехал через все метро.

— Фу.

— Точно такой же помидор, между прочим, как те помидоры, которые в этих Полярных Звездах на улицах в садах растут. На-ка, попробуй. В нем витаминов целая тонна.

— Ладно, помидор уж съем. Если там такие же растут.

— Сейчас давай хряпай его. При мне.

— А ты тогда рассказывай пока еще про эти зори и про купол как стакан.

Кирюхина мать, Наталья, стояла снаружи, через брезент слушала все, каждое слово. Через лицо у нее бегали тени, пальцы обнимались меж собой.

— Заставил его съесть помидор, — улыбнулся ей Артем.

— Зачем ты ему про эту ерунду свою? Он же меня изведет теперь ей, — Наталья не стала отвечать на улыбку.

— Почему ерунда сразу? Может, и есть эти Полярные Звезды. Пусть воображает.

— Вчера доктор был. С Ганзы приехал.

Артем забыл, какое слово хотел выговорить следующим. Побоялся угадать, что сейчас Наталья ему сообщит, и просто ничего не думал. Старался ничего не думать, чтобы не сглазить.

— Месяца три ему осталось. Все. Полярные Звезды твои.

Рот у Натальи съехал, и Артем понял, что это у нее в глазах было все время, пока они говорили.

— И что, совсем ничего?..

Пленка. Высохшие слезы.

— Маааам! Меня Артем с собой на вездеходе на Север возьмет! Ты отпустишь?

* * *

Он думал, Аня спит уже; или притворяется, что спит — как обычно, только бы избежать его. Но она сидела на постели, подтянув под себя по-турецки голые ноги, и обеими руками, будто боялась, что отнимут, держала полулитровую пластиковую бутылку с чем-то мутным. Несло спиртом.

— На, — протянула она ему. — Глотни.

Артем послушался, ожегся сивухой, задержал дыхание, проморгался. Чуть повело, чуть согрело. Теперь что?

— Сядь, — Аня хлопнула по одеялу рядом с собой. — Сядь, пожалуйста.

Он опустился там, где она показала ему.

Вполоборота глянул на нее.

Майка простая с бретельками.

На руках пух поднялся дыбом — от холода?

Такая же, как два года назад. Волосы черные острижены коротко, под мальчика. Губы тонкие, бледные. Нос чуть великоват для этого тонкого лица, с горбинкой, но без нее было бы и пресно, и скучно. Руки все сплетены из жгутов, как у анатомической модели, никакой девичьей мягкости в них; и плечи — в мускулах, как в погонах. Шея долгая, артерия бьется быстро, и позвонок ее этот вот... Ключицы выпирают; раньше ее за эти ключицы хотелось и любить, и жалеть, и терзать до иссушения. Острые соски сквозь ткань белую. Почему лампочка сначала горит, а потом перегорает?

— Обними меня.

Артем протянул руку, пристроил ее неловко Ане на плечо: не то по-братски, не то как ребенка приобнял. Она подалась к нему, как если бы хотела прильнуть; но все жгуты в ней остались натянуты, скручены. И Артем тоже не мог раздеревенеть; сделал еще глоток в надежде.

И сказать он ничего правильного не умел: отвык.

Аня прикоснулась к нему. Потом провела губами по щеке.

— Колючий.

Артем взболтал муть в пластиковой бутылке, проглотил сразу много. В голове крутились север и вездеход.

— Давай... Давай попробуем, Артем. Давай еще раз попробуем. Мы должны. Еще раз. Все заново.

Она пустила пальцы — холодные, жесткие — ему за ремень. Ловко расцепила пряжку.

— Поцелуй. Ну. Поцелуй.

— Да. Я...

— Иди ко мне.

— Подожди... Сейчас.

Дмитрий Глуховский

— Ну что ты? Сними... Сними с меня... Тесно. Да. И это сними. Хочу, чтобы ты меня раздел. Ты.

— Аня.

— Ну? Вот... Сссс... Холодно.

— Да. Я...

— Иди сюда. Вот... И ты тоже... Давай... Давай... Эту рубашку мерзкую...

— Сейчас. Сейчас.

— Вот. Боже. Дай глоток.

— Держи.

— А. Ах. Ну... Вот сюда. Вот сюда. Как раньше ты делал. Помнишь? Помнишь еще?

— Ань... Анечк...

— Ну что ты там?... Ну?

— Ты... Ты такая...

— Не надо так долго. Давай.

— Отвык... Прости...

— Дай, я... Почему ты?... Дай мне.

— Аня...

— Ну? Ну! Иди... Вот сюда... Чувствуешь?

— Да... Да.

— Мне так давно. Ты совсем... Почему ты?... Ты не понимаешь? Мне нужно. Тебя. Ну?

— Сейчас. Я сейчас. Просто... Просто такой день...

— Замолчи. Молчи. Дай, я попробую... Просто лежи.

— Я сегодня...

— Заткнись. Закрой глаза и заткнись. Вот. Вот. Ну... А теперь... Теперь просто...

Ну что ты там? Что?!

— Я не знаю. Не получается.

— Ну?!

— Черт знает. Нет. В голове всякое...

— Какое? Что там у тебя в голове?

— Извини.

— Отойди. Уйди!

— Ань...

— Где майка моя?

— Постой.

— Майка где моя?! Мне холодно!

— Ну что ты... Зачем ты так. Это не в тебе дело, не из-за тебя...

— Все, хватит. И хватит корчить тут страсть.

- Неправда...
- Отвали, слышишь?! Отвали!
- Хорошо. Я...
- Где трусы эти гребаные?! Все. Не хочешь – и не хочешь. Или у тебя там отсохло все? От облучения?
- Нет, конечно, что ты...
- Ты просто не хочешь со мной... От меня...
- Говорю тебе... День такой.
- Они потому и не получают у нас, что знают: ты их не хочешь, ты их не ждешь!
- Неправда!
- Я... Артем! Для тебя! Ушла. С отцом – вдрызг... Из-за тебя. Он после этой войны, после боя... С красными... В коляске – он! Ноги не ходят... И руку оттяпали... Ты хоть понимаешь, что это для него?! Инвалидом быть! И от него, от отца своего – к тебе. Против него! Против его воли!
- А что тут сделаешь? Он меня вообще за человека... Я ему всю правду хотел... А он... Это он не хочет, чтобы мы с тобой, я-то тут что?
- Чтобы твоих детей, понимаешь – твоих! Бросила... Перестала наверх ходить! Чтобы – здоровье... Эти все органы женские... Как губка... Фон... Ты же знаешь! Грибы эти проклятые... Чтобы тут за свою сойти... На этой станции твоей! Думаешь, я так себя... Так свое будущее?! От службы отказалась! Свиной баюкать! Ради? Ради чего?! А ты – ты продолжаешь! Ни на день не перестал! Все себе там сжег же уже! Ты понимаешь?! Может, у нас поэтому и не получилось! И не получается! Я сколько просила тебя! Отец твой сколько тебя просил!
- Сухой вообще...
- Ты для чего это?! Ты просто не хочешь их, да? Не любишь просто детей, да?! Не хочешь от меня! Вообще не хочешь! Тебе насрать на это на все, ты только мир спасти горазд! А я? А меня?! Вот – я! Ты меня отпускаешь! Ты теряешь меня! И ты хочешь меня потерять, да?
- Аня. Зачем ты...
- Я больше не могу. Не хочу больше. Не хочу ждать. Не хочу секс клянчить. Не хочу мечтать залететь. И не хочу бояться, что если я залечу от тебя наконец, то урод родится.
- Все! Заткнись!
- А у тебя родится урод, Артем! Ты тоже – как губка! Тебе каждый твой поход наверх аукнется! Ты не понимаешь этого?!
- Заткнись, сука!
- Уходи. Уходи, Артем. Уходи совсем.
- Я уйду.

— Уходи.

Это все — шепотом. Шепотом — крик, шепотом — стоны. Шепотом — слезы.

Беззвучно, как у муравьев.

А все соседи — притворяются, что спят.

И все все знают.

* * *

Костюм химзащиты поместился в баул как раз. Сверху Артем уложил табельный «калаш», который со станции выносить запрещалось, патроны — шесть рожков, смотанных синей изолентой по два, и пакет сушеных грибов. Противогаз мутно паялился на него, пока Артем не застегнул его «молнией» — рвано, насильно — как опостылевшего мертвого в мешке. Потом взвалил на плечи ранец — свое проклятие, сизифов камень.

— Дед! Вставай! Собирайся! Не шуми только.

Старик будто спал с открытыми глазами — очнулся тут же.

— Куда?

— Ты правду мне про Театральную сказал? Про радиста своего? Что он — там?

— Да... Да.

— Ну что... Проводишь меня туда?

— На Театральную? — Гомер замешкался.

— А ты все же думал, я сдрейфлю, а? Дудки, дедуль. Это для кого другого, может, преисподняя. А для нас — места боевой славы. Ну? Или ты врал все?

— Не врал.

— Идем со мной на Театральную. Я должен этого человека твоего сам увидеть. Сам. И все у него спросить. Я хочу, чтобы он меня научил. Пусть даст свой приемник... Чтобы я поверил.

— Это ведь два года назад...

— Давай договоримся с тобой. Ты меня ведешь к этому радисту, а я тебе — обо всем, что ты хотел спросить. Как на духу. Черные, желтые, зеленые, по вкусу. История моего героического подвига. Тебе расскажу то, что другим не рассказывал. Всю гребаную греческую трагедию от альфы до омеги. Идет? Честное слово. Ну? Дай пять.

Гомер протянул ему руку — медленно, с сомнением, словно думал — не плюнул ли Артем себе в ладонь — но пожал крепко.

Пока старик складывал белье в дорожную сумку, Артем занимал себя самозарядным фонариком: сжимал и разжимал рукоять, слушал жужжание механизма, наполнял аккумулятор. Интересовался только им. Потом прервался.

— Объясни мне. Вот эта книга твоя. Она зачем?

— Книга? Ну так получается, что мы тут живем, а время остановилось, понимаете? Нет историков, и некому записать, что мы тоже жили, и как, и выходит, что как бы зря наша жизнь идет. А ведь это неправда, — Гомер застыл, в руках — скомканная серая наволочка. — Вот раскопают нас через десять тысяч лет, а мы ни одной строчки не написали. Будут по костям гадать, по мискам, в кого мы верили и о чем мечтали. И все перевернут.

— Кто раскопает, дед?

— Археологи. Наши потомки.

Артем помотал головой. Облизнул губы, попробовал сдержать кипучую злобу в себе, но — как желчью вырвало, самого обожгло:

— А я, может, не хочу, чтобы нас с тобой раскапывали тут. Не хочу быть костями и мисками в братской могиле. Пусть это я буду раскапывать, а не меня. Тут и так достаточно желающих всю жизнь в кургане скоротать. Я лучше наверху от передоза ласты склею, чем в метро до седин досиживать. Это не человеческая доля, дед. Не людская. Метро. Потомки, блядь. Потомки! Я не хочу, чтобы мои потомки торчали всю жизнь под землей. Чтобы мои потомки — собой туберкулезных бацилл кормили?! Не хочу! Чтобы они за последнюю банку консервов друг другу глотки резали? Не хочу! Чтобы вместе со свиньями хрюкали и валялись?! Ты для них пишешь книгу, дед, а они и читать-то не смогут! У них глаза отсохнут за ненадобностью, понимаешь ты?! Зато чутье будет, как у крыс! Это не люди будут! Таких плодить?! Да если хоть один шанс на миллион есть, что где-то там, хоть где-нибудь еще — можно жить наверху, под небом со звездами, под солнцем, если хоть где-нибудь в этом гребаном мире можно дышать не хоботом, а просто ртом — я это место найду, ясно?! Вот будет такое место — тогда да! Там можно будет новую жизнь строить! Там — детей рожать! Чтобы они росли — не крысами, не морлоками, а — людьми! За это надо — драться! А заранее, прижизненно в землю закопаться, калачиком свернуться и тихонько-смирнхонько околоть — нельзя!

Гомер, облученный им, оглушенный, ничего не говорил. А Артем хотел, чтобы старик поспорил, ему нужно было крепко врезать еще разок хотя бы. Но дед вместо этого взял и улыбнулся ему — честно, тепло; и полубеззубо.

— Не зря шел. Чувствовал же, что не зря.

Артем только плюнул. Но это он яд сплюнул, желчь; от щербатой стариковской улыбки ему почему-то стало легче, отпустило. Нелепый дед, неловкий — а вдруг такое чувство, что он с Артемом — заодно. Тот тоже ощутил похожее и совсем уже по-пацански, молодо махнул Артему:

— Готов.

Через станцию они шли крадучись. Станционные часы, висящие над провалом туннеля, святыня местная, показывали: ночь. Значит, для всех была ночь.

Дмитрий Глуховский

С ними тут только Артем мог бы поспорить, но Артем со станции уже уходил. Зал почти опустел, только на кухне кто-то поздний гонял чай. Багровое общее освещение было приглушено, люди расфасовались по своим палаткам, зажгли изнутри слабые светодиодики и превратили брезент в театр теней. На каждой из сцен давали свой спектакль. Миновали палатку Сухого — склоненный над столом силуэт; прошли ту, где сидела, спрятав лицо в колени, Аня.

Старик осторожно спросил:

— А что, попрощаться не хочешь?

— Не с кем, дедуль.

Гомер спорить не стал.

— До Алексеевской! — заявил Артем караульным на выходе в южный туннель. — Сухой в курсе.

Те козырнули: в курсе, так в курсе. Спасибо, что не наверх опять.

По приваренной железной лесенке они спустились на пути.

— Труба, — сам себе сказал Артем, вступая в тьму, нежно трогая шершавый и плесневелый чугун тюбинга, измеряя взглядом пятиметровый потолок туннеля и его неизмеримую глубину. — Труба зовет.

Глава 4

ОПЛАТА

Алексеевская походила на ВДНХ, только в паршивом исполнении. Тут тоже пытались растить грибы и тоже мыкались со свиньями, но грибы и свиньи назло выходили сплошь полудохлые, так что их алексеевским еле самим хватало, торговать не оставалось. Но местные были под стать своим свиньям — квелые, смирившиеся с тем, что в их сказке и начало, и конец скучные и известны всем наперед. Стены тут были раньше белые и мраморные, а сейчас уже не поймешь, какие. Что можно было отковырять и продать — отковыряли и продали. Остался бетон и немного человеческих жизней. Бетон выскрести было трудно, и никому такой товар в метро не сдался; так что основная торговля шла тем, за кого будут умирать в боях алексеевские. Был бы выбор — и цена была бы повыше. Но, кроме ВДНХ, покупателей не нашлось. И вот теперь главной целью существования станции метро Алексеевская было: охранять ВДНХ.

Поэтому южный, идущий к союзной Алексеевской, туннель на ВДНХ считался спокойным. Через иные туннели можно было пробираться неделю, а на этот Артем с Гомером даже со всеми обязательными предосторожностями потратили, может, всего полчаса. Хотя минуты остались там же, где и часы: на ВДНХ. На Алексеевской часы украли лет уже десять как, и с тех пор каждый там существовал по своему наитию. Кто хотел ночь — тому была ночь. В конце концов, ночь-то в метро и не заканчивалась, это день нужно было себе вообразить.

Караул на ходоків взглянул без интереса; зрачки у них были с игольное ушко. Над постом зависло муторное белое облачко, пахло портянками: курили дурь. Старший тяжело вздохнул, стараясь.

— Куда.

— На Проспект Мира. На базар, — не пытайся даже в это ушко влезть, произнес Артем.

— Не пустят. Там.

Артем тепло улыбнулся ему.

— Не твоя забота, дядь.

— Тангенс на тангенс дает котангенс, — отозвался старший, заражаясь Артемовой добротой и тоже желая сказать что-то приятное.

На этом и расстались.

— Как пойдём? — спросил у Артема Гомер.

— От Проспекта? Если впустят на Ганзу — то по Кольцу. Все лучше, чем по нашей линии вниз спускаться. Неприятные воспоминания, знаешь. Ганза верней будет. У меня виза проставлена, Мельник выправлял еще. Тебя пустят?

— Там карантин ведь.

— У них вечно какой-нибудь карантин. Прорвемся как-то. Проблемы все потом начнутся. Театральная... Туда с какой стороны не подступись.... Выбрал ты место, дед, чтобы своего радиста прописать. Посреди минного поля.

— Да что же...

— Шучу.

Старик поглядел себе как-то особо — в подлобье себе, вовнутрь, где у него была расстелена, видимо, карта метро. У Артема она всегда была перед глазами, он прямо сквозь нее научился смотреть. За год службы у Мельника научился.

— Я бы сказал... До Павелецкой лучше. Дальше, но быстрее. И оттуда уже по — зеленой вверх. Если повезет, можем и за день добраться.

И дальше — по трубе.

Вжикающий фонарик трудился, как мог — но светлое пятнышко от него доставало шагах только в десяти, а дальше его уже разъедала темнота. С потолка капало, стены блестели влажно, что-то утробно урчало, и падающие сверху на голову капли бередили кожу, как будто это не вода была, а желудочный сок.

Возникали в стенах какие-то двери, а иногда черные провалы боковых ходов — по большей части заколоченные и заваренные арматурными решетками.

На радужных пассажирских картах, известно ведь, не было обозначено и трети всего метро, настоящего. К чему людей смущать? Пронесся от одной мраморной станции к другой, уткнувшись в телефон, перескочил на час вперед — все, приехали. И не успел задуматься, на каких глубинах побывал. И поинтересоваться: а что там, за стенами станций, куда уводят зарешеченные ответвления из туннелей? Хорошо, что не успел. Смотри в телефон, думай о своем важном, не суйся куда не следует.

Шагали особым туннельным шагом — полуторным, куцым — так, чтобы ровно на шпалы попадать. Надо много пройти, пока ноги такому научишь. Те, кто на станциях сидит, так не умеют, сбиваются, проваливаются.

— Ну а ты, что, дед... Один?

— Один.

Весь свет уходил вперед, и не разобрать было, что там у старика на лице. Ничего, наверное: борода да морщины.

Прошагали еще с полста шпал. Ранец с рацией стал наливаясь тяжестью, напоминать о себе. Взмокли виски, спина потекла.

— Была жена. На Севастопольской.

— Ты на Севастопольской аж живешь?

— Раньше — да.

— Ушла? — почему-то Артему это показалось самым вероятным. — Жена?

— Я ушел. Чтобы книгу писать. Думал, книга важнее. Оставить после себя что-то хотел. А жена все равно не денется никуда. Понимаешь?

— Ушел от жены, чтобы писать книгу? — переспросил Артем. — Это вообще как? И она... Отпустила тебя?

— Я сбежал. Вернулся — а ее нет уже.

— Ушла?

— Умерла.

Артем перебросил баул с химзой из правой руки в левую.

— Не знаю.

— А?

— Не знаю, понимаю, или нет.

— Понимаешь-понимаешь, — устало, но уверенно сказал старик.

Артему было вдруг страшно. Страшно сделать что-то необратимое.

Дальше шпалы считали молча. Слушали урчащее эхо и далекие стоны: это метро переваривало кого-то.

* * *

Сзади опасности не ждали; вперед — всматривались, пытались засечь в туннеле, в колодце с чернилами, ту легкую рябь на поверхности, вслед за которой выхлестнется, вылезет наружу что-то жуткое, безымянное. А затылком — не глядели.

Напрасно.

Скрип-поскрип. Скрип-поскрип.

Тихонько так вкралось оно в уши, постепенно.

И заметно стало только тогда, когда уже поздно было оборачиваться и выставлять стволы.

— Эу!

Если бы хотели их сейчас в спину свинцом толкнуть, положить лицом на гнилые шпалы, могли бы и успели. Урок: в трубе нельзя о своем думать, приревновать может. Забываешь, Артем.

— Стоять! Кто?!

Дмитрий Глуховский

Ранец и баул повисли на руках; помешали прицелиться.

Выкатила из темноты дрезина.

— Эу. Эу. Свои.

Это был тот караульный, котангенс. Один на дрезине, бесстрашный человек. Бросил пост и покатил в никуда. Дурь его погнала.

Какого черта ему нужно?

— Ребята. Я подумал. Подбросить, может. До следующей.

И он улыбнулся им обоим самой лучшей своей улыбкой. Щербатой и рас-трескавшейся.

Спина, конечно, просила ехать, а не пешком тащиться.

Изучил благодетеля: ватник, залысины, под глазами набрякло, но сквозь прокол зрачка — свет идет, как из замочной скважины.

— Почему?

— Обижаешь. Ты же Сухого сын, да. Начстанции. Я за так. За мир во всем мире.

Артем встряхнулся; ранец подпрыгнул и половчее оседлал его.

— Спасибо, — решил Артем.

— Ну дак! — обрадовался караульный и замахал руками, как будто разгоня годами накуранный туман. — Ты же большой мальчик, сам должен понимать тонкости! Тут без штангенциркуля никак!

Он не затыкался до самой Рижской.

* * *

— Привезли нам говнеца?

Первым — вперед дозорных — их встречал остриженный скуластый парняга со свернутыми ушами. Глаза его были прорезаны чуть наискось, но цвета были цементного, как небо. Кожанка на нем не сходилась, а через распахнутую рубаху из-промеж кудрей и синих рисунков с креста смотрел спокойно и уверенно довольно крупный Иисус.

Между ног у парня было надежно зажато жестяное ведро, а через плечо висела сума, и он по этой суме похлопывал, чтобы она издавала соблазнительное позвякивание:

— Лучшую цену дам! — а звенело жиденько.

В прежние времена над этой станцией находился Рижский рынок, на всю Москву знаменитый дешевыми розами. После того, как завыли сирены, людям дали еще семь минут, чтобы понять, поверить, нашарить документы и добежать до ближайшего спуска в метро. И ушлые цветочники, которым тут было всего два шага, набились внутрь первыми, локтями распахивая прочих гибнущих.

Когда встал вопрос, чем жить под землей, они открыли герметические двери, растолкали навалившиеся снаружи тела, и вернулись на свой рынок за розами и тюльпанами; те пожухли уже, но для гербария были пригодны вполне. И обитатели Рижской долго еще торговали засушенными цветами. Цветы были подпорчены плесенью и фонили, но люди брали их все равно: ничего лучше в метро не найти. Ведь им надо было и любить дальше, и скорбеть; а как это делать без цветов?

На сушеных розах, на памяти о еще вроде только вчерашнем и уже бесповоротно сгинувшем счастье — Рижская расправила крылья. Но новых цветов растить под землей было нельзя: цветы — не грибы, не люди, им солнце подавай. А рынок над станцией, хоть и казался неисчерпаемым, иссяк.

Кризис случился.

Рижанам, привыкшим уже к красивой жизни, полагалось бы перейти на урезанный рацион и вообще жрать крыс, как прочим бедолагам на обыкновенных и ничем не благословленных станциях. Но деловая хватка их спасла.

Поразмыслили над возможностями, оценили преимущества своего расположения, и предложили северным соседям сделку: выкупать излишки свиного навоза, чтобы дальше уже самим торговать им, сбывая как удобрение всем тем станциям, которые культивировали шампиньоны. На ВДНХ предложение приняли: этого-то добра там имелось в избытке.

И Рижская, угасающая уже, посеревшая от подступающей нищеты, обрела второе дыхание. Новый товар пах, конечно, не так, зато был надежней. А в нынешнюю трудную эпоху выбирать не приходилось.

— Ребят, вы что, пустые? — разочаровался в гостях стриженный парень, коротко втягивая носом воздух.

Тут подлетели, чуть припоздав, другие такие же с ведрами — гурьбой, наперебой выкрикивая:

— Говнеца!

— Говнеца нету? Хорошие деньги!

— Пульку за кило дам!

Платили тут, как и везде в метро, патронами от «калаша», единственной теперь твердой валютой. Рубли еще в самом начале потеряли смысл: чем их подкрепить в мире, где честное слово ничего не стоит и государства нет? То ли дело — патроны.

Купюры давно в папирасы скрутили и скурили; крупные ценились больше мелких — они почище были, углились лучше и смолили не так. Монетами играли дети победней, кому гильз не досталось. А настоящая цена у всего теперь была — в пульках, как любовно звали патроны.

Патрон за килограмм на Рижской — а где-нибудь на Севастопольской кило уже все три стоит. Не каждый этим делом, конечно, заниматься станет. Ничего: конкуренции меньше.

— Слышь, Лех, отвали! Я первый тут уапше! — смуглый вертлявый усач толкнул татуированного парня в Христа; тот окрысился, но отступил.

— Ты куда вылез, епт? Думаешь, в туннеле встретишь их — все говно твое? — подскочил другой, сизощекий и лысый.

— Гля, че салага вытворляет!

— Ладно, мужики, вы че... Они порожные все равно!

— Дай проверю!

Нюх стриженного Леху с крестом не подвел. Котангенс ничего не вез.

Он развел руками добродушно, высадил Артема с Гомером:

— Тут мои владения заканчиваются!

И укатил обратно в темноту, насвистывая что-то невыносимое.

Дозор дежурно, по мере необходимости ознакомился с гостями и пропустил; поналетевшие торговцы рассосались. Остался только самый первый — Леха. Видно, самый голодный.

— Может, экскурсию, ребят? У нас туристам есть на что взглянуть. Поезд когда в последний раз видели? Гостиница у нас в нем. Номера — шик! С электричеством. В коридоре. Скидку пробью.

— Я тут все как свои пять пальцев, — по-хорошему объяснил Артем и двинул вперед; Гомер пошаркал за ним.

Рижская была сделана из двух счастливых цветов: красного и желтого, но чтобы обнаружить это, нужно было ногтем соскрести слой жира с плитки, которой станция была облицована. Один из туннелей был заткнут снулым метропоездом, приспособленным под общежитие. А через второй осуществлялась вся здешняя жизнь.

— А бар знаете наш? Только открылся. Брага — первый класс. Гонят, правда, тоже из...

— Не надо.

— Ну чем-то вам придется, ребят, себя тут развлекать. Проспект закрыт. Карантин. Прямо поперек рельсов ограждение, и автоматчики с собаками. Не в курсе, что ли?

Артем вздернул плечи.

— И что, нет способа? Наверняка можно же договориться?

Леха хмыкнул.

— Пойди, договорись. У них на Ганзе сейчас кампания. Борются с коррупцией. Как раз под раздачу попадешь. Тех-то, кто берут, отмажут потом. Свои ведь. Но сажать кого-то надо.

— А закрыли из-за чего?

— Грибная хворь какая-то. Гниль типа. Не то через воздух летит, не то люди разносят. Так что они пока поставили все на паузу.

— Преследуют меня просто, — под нос себе сказал Артем. — Не отпускают.

- А? – Леха наморщил лоб.
- Бомбил я эти грибы, – произнес Артем четко.
- Понимаю, – согласился Леха. – Унылый бизнес.

Мимо пронесли несколько мужиков, громыхая жестяными ведрами. Леха дернулся было им вслед, но остановил себя. Определил, наверное, что с упрямыми туристами ему будет интереснее.

- Ваш-то бизнес повеселее, – заметил Гомер.
- Зря ты так, деда, – тот нахмурился. – Брокером не каждый может быть. Тут талант нужен.

– Брокером?

– Ну да. Как я. Как пацаны вон. Брокером. А как это, по-твоему, называется? Гомер не мог даже предположить. Он был занят: старался не улыбнуться. Но уголки губ все равно тянулись кверху, как он их не насиловал.

И тут вдруг – Артем заметил – переменялся. Лицо у него стало холодное и испуганное, как у мертвого. Смотрел он мимо брокера – в сторону куда-то.

– Зря ты, – высказывал ему, оглошему, Леха. – Говно, между прочим, это кровь экономики. Грибы-то на чем растут? Помидорки севастопольские чем удобряют? Так что – зря.

А Гомер кивнул Лехе посреди фразы на любом случайном слове и бочком, бочком – пошел от него; и от Артема. Артем черкнул его траекторию глазами: увидел, но не понял.

В скольких-то шагах от них спиной стояла тонкая девушка с белыми волосами. Целовалась с мясистым и очень основательным брокером; тот, пока целуясь, сам незаметно ногой отодвигал в сторону свое ведро, чтобы то не отбивало очарования. Вот к ней и полз неуверенно Гомер.

– И что, думаешь, много мы на этом навариваем? – потеряв старика, Леха переключился на Артема.

Гомер подобрался к парочке и мучительно стал выбирать угол, под которым заглянуть милующимся в лицо. Узнал кого-то? Но вмешаться, выдернуть их из поцелуя не смел.

– Те чо? – складками на загривке ощутил его мясистый. – Чо те нада, старый?

Девушка, оторванная от поцелуя, имела лицо распаренное и скукоженное, как присоска у пиявки, которую с руки сняли. Это не то было лицо, не искомое, понял Артем за Гомера.

– Простите.

– Отвали, – сказала пиявка.

И Гомер, померкнувший, но еще не успевший успокоиться, примкнул опять к Артему с Лехой.

– Ошибся, – объяснил он.

Хотя Артем решил ничего не спрашивать: открутишь вот краник со старческими откровениями, а у него еще резьбу сорвет.

— Конечно, не могла... С таким бы ни за что... Дурак старый... — сказал тогда Гомер сам себе.

— А что, в ущерб себе работаете? — спросил Артем у Леха.

— Ущерб не ущерб... Ганза с каждой поставки половину снимает пошлинами. А теперь вообще... С карантинном с этим.

Ганзой называл себя союз станций Кольцевой линии. Транзит любых товаров из всех концов метро шел через ганзейские рынки и сквозь ее таможни. Многие челноки, чем пробираться, рискуя шеей, через все метро, предпочитали довести свое добро до ближайшего базара на пересечении кольца с радиальными ветками и отдать все местным дельцам. И выручку спокойней было оставить тут же, в одном из банков Ганзы, чтобы не отрезали за нее голову в темных туннелях лихие люди, подглядев удачную сделку. Тех, кто упрямяствовал и тащил мимо свой товар сам, все равно облагали сборами. И как бы ни жили прочие станции, Ганза богата. Во всем метро никто ей был не указ. И граждане ее были этим горды и счастливы; а все остальные мечтали получить ее гражданство.

С середины платформы видна была уходящая в перегон очередь из грузовых дрезин, которых на Рижскую не пускали: брокеры на то были и брокеры, чтобы наперегонки купить товар в северном туннеле и продать в южном. Дальше им кормились уже другие люди.

— Вся коммерция встала, — пожаловался Леха. — Душат предпринимателя, гниды. Монополисты гребаные. Занимается человек честно своим делом, нет же! Кто вот им дал право на нас наживать? Я спину буду гнуть, а у них брюхо расти будет? Это же угнетение, блин! Дали бы свободно нам торговать, все метро б расцвело!

Артему вдруг стало симпатично, несмотря и на аромат. Захотелось поддержать этот смешной разговор.

— У Ганзы и так нормально все, — сказал он, вспоминая. — Был случай. Пришлось работать на Павелецкой. На кольцевой. Разгрести нужники. К году работ приговорили. Через неделю сбежал.

— Считай, крещение прошел, — кивнул Леха.

— Они все это добро — в выгребные ямы и в шахты. Не снисходили до торговли.

Леха невесело ухмыльнулся.

— Богато живут.

Достал портсигар с нарезанной бумагой, кисет с куревом. Угостил. Гомер отказался, Артем взял. Пристроился к болтающейся под потолком лампочке, уткнулся в буквы, прежде чем закатать в них самопальный «табак». Желтая книж-

ная страница, буквы пропечатаны старательно, оторвана руками, и оборвана по тому краю, который нужен, чтобы самопал курить, а не для того, чтобы с пониманием читать — черт знает что:

И молодую силу тяжести:
Так начиналась власть немногих.

Итак, готовьтесь жить во времени
Где нет ни волка, ни тапира,
А небо будущим беременно —
Пшеницей сытого эфира.
А то сегодня победители
Кладбище лета обходили,
Ломали крылья стрекозиные...

И ровно крылья-то оборвали. Артем набил эти бесполезные буквы самопалом, свернул их аккуратно, посплюнявил, чтобы один конец с другим склеился, попросил огоньку. Леха чиркнул спиртовой зажигалкой, сделанной из пулеметной гильзы. Бумага горела вкусно, сладко. Курево было дрянным.

— А что, сильно на Проспект нужно? — щурясь сквозь дым, шепнул Леха.

— На Ганзу. Нужно, да.

— Визы проставлены?

— Есть.

Затянулись еще. Гомер закашлялся. Артему было все равно.

— Сколько готов заплатить?

— Скажи цену.

— Это не я, брат, цену говорить буду. Там другие люди решают. Я просто познакомиться могу.

— Познакомь.

Леха предлагал еще выпить на посошок в истошно-веселом здешнем баре под вывеской «Последний раз», но Артем вспомнил, из чего гонят спирт.

За доставку и знакомство договорились на десять патронов. По-божески договорились, по-братски.

* * *

Санитарный кордон перечеркивал перегон перед самым въездом на Проспект Мира. Формально к Ганзе относились только кольцевые станции, а радиальные были вроде сами по себе; но это формально и это вроде. Потребовалось отсечь другие линии — отсеки в два счета.

Ганзейские пограничники в сером камуфляже тыкали людям в лицо белым острым светом своих фонарей, лаяли на них, требуя разворачиваться и возвращаться туда, откуда пришли. Как пугало сидел на шесте плакат «КАРАНТИН!» с портретом изъязвленного гриба. Говорить с челноками караульные отказывались, и даже взглядом с ними было не встретиться: закрыли глаза надвинутыми козырьками пятнистых кепи. Это укрепление разве что штурмом было брать.

Леха-брокер терся, искал под козырьками знакомых. Наконец поднырнул, шепнул что-то под один из них, вполоборота моргнул Артему, чикнул подбородком, указывая: давай сюда.

— Арестованы! — объяснила морда в кепке вскипевшей толпе, почему вдруг этих троих пропускают. — А ну, н-назад! Заразу занесете!

Повели их под конвоем через притихший Проспект: торговые ряды закрыты щитами, покупатели кордон осадили, всклоченные продавщицы на граните придатки морозят, трещат о жизни, смерти и судьбе. И — почти темно: рынок не работает, свет нужно экономить. В другое время тут бы бурлило; Проспект Мира — место центровое, всякую всячину сюда везли со всех окрест. Одежда на любой вкус, лотки с книгами, мимо которых Артем раньше пройти не мог, смартфоны горелые кучей — а среди них вдруг и рабочий попадет, а в нем — фотографии, полноцветные, прямо из чьей-то памяти понадерганные... Приобрести? — разве чтобы чужих детей вспомнить; а позвонить по такому можно только в никуда. И оружие, конечно. Любое. Цена всему — в патронах. Лишнее продай, нужное купи, и катись себе дальше.

Конвой был строгий: чтобы Артем с Гомером не сбежали, смотрел внимательно. Дотолкали в спину до перехода с радиальной линии на Кольцо. Поставили ожидать у железной дверки в белокаменной стене.

Минут через десять позвали.

Пришлось пригнуться, потом еще раз, и снова: служебные помещения как для морлоков делали. Хотя то поколение, которое уже под землей родилось, было все недорослым, и ему бы тут как раз подошло по размерчику.

В маленькой комнатке заседали двое. У первого имелась внушительная ряха и очки, но не хватало волос; весь остальной организм его был спрятан куда-то в недра тяжелого полированного стола. Казалось, тут только есть одна совершенно автономная голова.

У второго человека не имелось ничего интересного вовсе.

— Замначальника станции Проспект Мира-Кольцевая Рожин Сергей Сергеевич, — сказал неприметный, почтительно указывая на мордатого.

— Слушаю, — теперь солидно и басовито произнесла ряха.

— Дело такое, Сергей Сергеевич. Мужикам нужно на Ганзу. Визы стоят, — попросил Леха.

Голова в очках ржаво, с натугой навелась на него своим набрякшим носом и шумно втянула воздух. Прочувствовав, исказилась судорогой. Видимо, в этот кабинет брокеров пускали нечасто.

— Вход на территорию Ганзы до дальнейших распоряжений это самое отказать и точка! — дал отзыв Рожин.

Стало неловко.

— И что, без вариантов? — хмуро спросил Артем, но Леха на него шикнул.

— Какие тут варианты подкуп должностного лица это самое немедленно сейчас раз и все и чтобы больше не сметь никогда ясно или нет! — грозно проговорила рожинская голова. — В то время как люди по всему метро вы просто не имеете права! Карантин на то и дан человеку чтобы а не то ситуация может выйти понимаете вы это или нет! И если мы тут поставлены чтобы блюсти то мы будем блюсти и блюсти до последнего потому что на карту поставлено сами знаете что! Меры фитосанитарного контроля! Сухая гниль между прочим! Этот разговор окончен!

Он замолчал и в комнате установилась тишина, как будто отказ был заранее записан на кассету; вот она доиграла до конца, щелкнула — и за ней уже никакой музыки.

Рожин жег Артема и Леху взглядом через толстые линзы своих очков, тишина копилась и копилась; будто от них чего-то ждали.

Прожужжала навозная муха — тяжелая, как бомбовоз. В кармане ее, что ли, Леха пронес?

— Значит, поверху пойду, — развел руками Артем. — Халтурщик ты, Алексей.

— Мои десять все равно мне...

— Зачем же поверху? — наконец подал голос неприметный человек. — Это небезопасно.

Он, в отличие от Рожина, за всю встречу не поморщился и не фыркнул ни разу. И вообще, видимо, морщился он редко. Лицо у него было гладким, черты — безмятежными, голос — баюкающим:

— Сергей Сергеевич высказал официальную позицию. Он ведь при исполнении. Его можно понять. И Сергей Сергеевич правильно обозначил проблему: наша задача — помешать распространению сухой гнили, опасной грибковой инфекции, которая поражает шампиньоны. Если у вас в голове созрел компромисс, обсудите его со мной. Ситуация серьезная. Сто патронов за троих.

— Я не с ними, — сказал Леха.

— Сто патронов за двоих.

Артем подсмотрел, что там с Рожиным: от такой крамолы его обязательно должны были поразить корчи. Но нет, заместитель начальника станции ничуть не пострадал, как будто неприметный человек издавал инфразвук, просто неслышный для его уха.

Сто патронов.

Три с лишним рожка — из шести, которые Артем захватил с собой. За одну только возможность пройти на Ганзу. А ведь это самое начало дороги. И все же... Все другие маршруты, включая и путь по поверхности, могли стоить им еще дороже — к примеру, головы.

Карта перед глазами: спуститься по Ганзе, проехать на ее удобных, скорых маршрутках сразу до Павелецкой, а оттуда — по прямой уже, без трудностей и препятствий — сигануть до Театральной. И не нужно ступать за границу Красной Линии, и Рейх можно миновать...

— Идет, — сказал Артем. — Прямо тут доставать?

— Ну естественно, — ласково ответил неприметный.

Артем сбросил рюкзак, расстегнул баул, нашарил спрятавшиеся в барахле магазины, принялся выщелкивать тусклые островерхие патроны на стол.

— Десять, — он пододвинул первую партию к Сергею Сергеевичу.

— Ну что за бестактность! — расстроился неприметный; поднялся со своего места и забрал пульки себе. — Человек же при исполнении! Ну вы что? А я для чего, по-вашему?

К счастью, Сергей Сергеевич патронов не увидел.

Нахмурившись неприступно, он прочистил горло и принялся перебирать сваленные на столе документы, перекладывая их из одной стопки в другую. Теперь казалось, что он остался в кабинете один: присутствие всех прочих он вообще не мог как-либо зарегистрировать своими органами чувств.

— Восемь, девять, десять: сто.

— Все правильно, — заключил неприметный. — Спасибо. Вас проводят.

Леха одобрительно потрепал Христа.

— И чтобы больше не это самое! — заговорила голова Рожина. — Потому что должны быть какие-то принципы! И в такой трудный момент когда требуется солидарность! Сухая гниль! Безотлагательно! Всего доброго!

Гомер, всю эту встречу остававшийся от удивления немой, поклонился говорящей голове с подлинным почтением.

— Красиво, — сказал он.

— Всего доброго! — строго повторила голова.

Артем взвалил на плечи ранец; резко слишком взял, и зеленый железный бок выпростался из верхнего угла.

Сергей Сергеевич ожил и стал поднимать из-за стола короткое пухлое туловище, которое, по крайней мере, было.

— У вас не рация ли там это самое? Очень напоминает рацию армейскую в некотором смысле в плане проноса на территорию Ганзы!

Артем покосился на неприметного; но теперь, когда Рожин проснулся, тот, едва успев сгрести всю сотню патронов куда-то под стол, потерял всякий интерес к действительности и рассеянно вычищал грязь из-под ногтей.

– Спасибо! – возразил Артем и, подобрав баул, потянул Гомера на выход.
– Еще мне десяточек мой! – напомнил брокер, выметаясь за ними следом.
Сквозь хлопнувшую дверь Артем услышал бубнеж.
А на платформе их уже поджидали.

Не те камуфлированные караульные, которые их привели сюда. Люди в штатском, с раскрытыми книжечками, в которых из-за полумрака все равно не прочесть ничего.

– Служба безопасности, – корректно произнес один, высокий. – Майор Свинолуп, Борис Иванович. Сдайте, пожалуйста, оружие и оборудование связи. Вы задержаны по подозрению в шпионаже на Красную Линию.

Глава 5

ВРАГИ

Майорский кабинет оказался вполне уютен и даже больше напоминал холостяцкую квартиру. Сразу становилось ясно, что хозяин тут и ночует: угол задернут занавеской, но из-под занавески торчит краешком как-то по-домашнему кровать, небрежно застеленная синтетическим пледом. Ковер битый молью, с затейливым восточным узором, детали которого уже стали пропадать. В другом углу прилажена богатая икона: два тонких человека в красном, с печальными лицами и с хрупкими мечами в нежных долгих пальцах.

Отперев дверь, майор окинул комнату критическим взглядом, с оханьем подобрал брошенные в разных концах трогательные плюшевые тапочки, смущенно загнал их под стол.

— Прошу прощения за раскардаш. В спешке собирался.

Артем и остальные толклись пока в предбаннике. Прибравшись, Борис Иванович пригласил их внутрь. Но не всех.

— Брокер? — спросил он у Лехи с расстояния вытянутой руки.

— Брокер, — признал тот.

— Погоди снаружи, друг. Отдельно поговорим. А то ведь я в этом кабинете и обедаю. Работы невпроворот. Враг не дремлет.

И отрезал амбре дверь — стеганой, мягкой, но при закрытии лязгнувшей железно.

— Садитесь вот на стульчики.

Он смахнул со стола крошки, заглянул в расписанную гжелью кружку, цыкнул. Артем уже ждал — неужели и чаю еще предложит, но Борис Иванович не стал. Отодвинул латунную лампу под стеклянным зеленым абажурчиком в сторону, чтобы глаза не резало. И уже из уютного сумрака спросил:

— Откуда к нам?

— ВДНХ.

– О.

Борис Иванович ВДНХ покатал на языке как витаминку, потер себе нос, вспоминая.

– Как там начальство ваше? Каляпин, кажется, Александр Николаевич? Справляется?

– Каляпин в отставку вышел полгода назад. Сейчас Сухой.

– Сухой... Сухой! Это бывший по безопасности, да? Коллега! – обрадовался майор. – Рад за него!

– Так точно.

– А вы и сами оттуда, я так понимаю? – Свинолуп пролистнул Артемов паспорт. – Кем служите?

– Сталкер, – сказал Артем.

– Я так и подумал. Ну а вы? – Борис Иванович переключился на Гомера.

– С Севастопольской.

– Вот это – интересно! Не ближний свет. Севастопольская! Денис там... Денис... По батюшке-то, господи...

– Михайлович.

– Верно! Денис Михалыч. Как он?

– В форме.

– В форме! Хаа! – Борис Иванович подмигнул Гомеру заговорщически. – Лучше и не скажешь. Пересекались с ним как-то. С искренним уважением к нему отношусь. Профессионал. Мда.

Свинолуп снова заглянул к себе в чашку, словно надеясь, что та сама собой наполнится. Потом осторожно притронулся к своим щекам. Что-то не так было с его щеками, но в полумраке Артем никак не мог понять, что именно. Казалось, лицо у майора... Разрисовано, что ли?

В остальном он был внешности скорее приятной: рослый, лоб широкий и высокий от залысин, спортивная молодость ссутулена кабинетной работой. Глаза из полутени поблескивали тепло, изучающе. Фамилия его ему удивительно не шла, слишком его грубила. Это не из народа был человек.

– А вы, кстати, не еврей? – спросил Борис Иванович у Гомера.

– Нет. А что?

– «Нет, а что?» – засмеялся хозяин кабинета. – Вы мне определенно нравитесь. Я, кстати, к вашему брату с большим пиететом, в отличие от многих коллег...

– Я не еврей. Вы же паспорт видели. А что, это имеет значение?

– Паспорт! Паспорта люди рисуют. Я же не про паспорт говорю, а про состояние души. Отвечая на ваш вопрос: значения – никакого! У нас же не Рейх тут, в самом деле.

На стене шуршали стрелками ходики: простые, стекляшка в синей пластмассе. На циферблате был нарисован, кажется, щит, и шли через тире какие-то буквы. В зеленом отсвете настольной лампы Артем прочел про себя: «ВЧК-НКВД-МГБ-КГБ-ФСК-ФСБ-СБ СКЛ». «СКЛ — Содружество Кольцевой Линии», механически расшифровал Артем настоящее наименование Ганзы.

— Раритет, — объяснил ему Борис Иванович. — Таких на все метро пара штук только. Ценитель поймет.

— У вас к нам какие-нибудь еще вопросы есть? — сказал Артем.

— Конечно. И немало. Вот руки можете на свет сюда, ладонями кверху? — не покидая тени, попросил майор. — Ага, спасибо. Пальцы. Разрешите, я потрогаю? Ну как будто руку вам пожму. Оп. Мозольки. А вот это от пороха, да? Плечо покажете? Да покажите, покажите. Правое. Нет, можно не раздеваться. Пожалуйста, синяк. Приходится, видать, пользоваться автоматом-то?

И вот еще странно: пальцы у него были влажные и липкие немного. Но это не пот на них лип, а... Артем еле переборол желание понюхать свои руки, только они освободились от майорова пожатия.

— Сталкер. Я объяснил.

— Ну да, это да. Но ведь сталкеры в химзащите, в перчатках всегда, так? Это-то вы не наверху себе настреляли. А вы, Николай Иванович? — по паспорту обратился он к Гомеру, аккуратно ощупывая свои скулы. — Руки. Будьте любезны. Спасибо. Вот, тут видно интеллигента.

Он задумался, разминая, эти свои пальцы: толстые, сильные. Словно что-то он ими делал такое, от чего они затекли и болели. Может, долго фонариком-жужжалкой работал?

Раритетные часы прокрутили сколько-то времени, четко тикая: ц-к, ц-к, ц-к, ц-к. Все молчали, давая звучать часам. Железная дверь отсекала наружные голоса. Если бы не раздельное и внятное тикание, тут тихо было бы, как оглохшим — после взрыва.

Потом Борис Иванович опомнился.

— Можно поинтересоваться, какова цель вашего визита на Ганзу?

— Транзит, — ответил Артем.

— Пункт назначения?

— Театральная.

— Вы в курсе, что ввоз несертифицированного оборудования связи на территорию Ганзы запрещен?

— Никогда не было такого!

— Ну как же. Вы раньше не пробовали, наверное, просто, Артем Александрович.

Царапнул звук отчества: первый паспорт ему выправлял Сухой, а Сухой имени настоящего Артемова отца знать не мог. Он и материнского-то имени не расслы-

шал. А сам Артем мог бы, да не запомнил. Так что дядя Саша вписал себя, а Артему тогда кишок не хватило с ним спорить. Так и прилипло. Но фамилию он все равно потом поменял. Когда Мельник выписывал ему новые документы вместо испорченных.

— Вот еще вопрос: живете и работаете на ВДНХ, о чем гласит штамп, а паспорт выдан в Полисе. Много приходится путешествовать? Часто бываете там?

— Жил год. Калымил.

— Не на Библиотеке имени Ленина, случайно?

— На Библиотеке.

— К Красной Линии поближе?

— Поближе к самой Библиотеке.

Свинолуп заинтересовался, заулыбался.

— А на Театральную вы идете, потому что поближе к Театру, видимо? А не потому что обе пересадочные станции — красные? Поймите меня правильно, я просто интересуюсь. По долгу службы.

— Почти. Выход наверх запланирован. На Театральной.

— Конечно, с использованием рации армейского образца? Кому там будете шифрограммы отправлять? Балетной труппе? Труп-пе, ха.

— Послушайте, — прервал его Артем. — Мы никакого отношения к красным не имеем. Я объяснил: я сталкер. Все и так понятно, нет? По лицу, по волосам. Да мне ночью свет в сортире включать не нужно, у меня, блин, струя светится. Ну да, есть с собой рация. Что такого? А если я там застряну, наверху? Если меня жрать будут? Мне что, и на помощь позвать никого нельзя?

— А есть, кого? — спросил Борис Иванович.

Он подался вперед, выдвинулся из тени. И стало ясно, почему он трогает свое лицо. Все оно было исполосовано набухшими, сочащимися сукровицей царапинами. Одна распахивала наискось его бровь и через перерыв — скулу, будто кто-то пытался вырвать майору глаз, но он зажмурился, уберег.

Вот что у него на пальцах клеилось: сок, вышедший из этих царапин. Совсем свежих, не засохших еще; что-то случилось с майором всего за несколько минут до того, как он арестовал их. «В спешке собирался»...

— Может, и есть, — медленно ответил Артем.

Спросить у него: что это с лицом у вас, Борис Иванович? Но что это даст сейчас? Ничего не даст, разве на минуту отвлечет.

— Ну так вы, может, позовете? — Борис Иванович улыбнулся; из-за царапин вышло не очень. — Потому что вам это может сейчас пригодиться. Прописаны на одной станции, документы выданы на другой. С огнестрельным оружием. С тремя боекомплектами. С вашим запрещенным радиооборудованием. Вы понимаете, о чем я? Эта ваша рация... Мы имеем все основания задержать вас. Артем Александрович. Так сказать, до выяснения.

Оправдываться? Объяснять этому человеку про то, зачем ему, Артему, рация? Он и сам мог за этого Свинолуца сказать все себе в ответ: за двадцать лет — никаких сигналов, никаких свидетельств, что выжил хоть где-нибудь кто-то еще. Кого вы хотите обмануть, Артем Александрович?

Майор выбрался из-за своего бруствера, пошел на середину комнаты — топтать грязными сапогами слепнувший от времени и темноты узор.

— И вас, Николай Иванович, за компанию... Может, хоть вам есть, что рассказать? Необязательно тут, при молодом человеке. У вас-то в багаже ничего, кроме дневника, не обнаружено. То есть, ваши милые каракули можно по-всякому истолковать. Может, это «Повесть временных лет», а может, это вы отчет в госбезопасность Красной Линии строчите. А?

Гомер втянул голову в плечи и проглотил язык; но от Артема откреститься не пытался. Свинолуц завинтил тисочки еще чуть-чуть:

— Ну, как знаете. Времена-то трудные. Тревожные времена. Трудные времена вынуждают к трудным решениям. Понимаете, о чем я?

Артем искал ответ внизу, на плешивом ковре.

Выглядывали из-под стола тоскливые плюшевые тапочки. Какие-то они были... чужие этому кабинету.

Маленькие слишком для Бориса Ивановича с его ножищами.

Женские?

— И у вас, может статься, всему этому есть свое какое-то объяснение. Но ведь я его не знаю пока. Поставьте себя на мое место: мне приходится изобретать свои версии. И версия у меня пока вырисовывается вот какая...

В спешке собирался. Тапки подобрать не успел. Лицо в кровь разодрано. Кто его так, думал Артем — вместо того, чтобы думать, как себя выгородить. Женщина. Ногтями. Все лицо ему. Глаз выцарапать пыталась. Это не игра была. Что он с ней сделал?

— Что вы, товарищи, пытались проникнуть на территорию враждебной вам Ганзы мимо пограничного контроля путем подкупа официального лица. С целью, разумеется, шпионажа. Или, может быть, подготовки террористического акта?

Что он с ней сделал?

Чертова лампа жалела света, и в сумраке не понять было, не оплетал ли ковровый узор багровые пятна. Холостяцкая квартирка казалась прибранной, тут не дрались, не катались по полу, не опрокидывали мебель; но тапки-то... Тапки-то ведь тут валялись, раскиданные. Значит, она сюда пришла. Привели ее... Дверь захлопнули с этим лязгом, провернули ключ. Так же, как и за ними.

— У Ганзы немало врагов. Завистников. Но вот рация... Рация — не задекларированная и не сертифицированная, пронесенная контрабандой... Что это значит? Это значит: вы не одиночки. Ваше внедрение — часть какого-то плана. Кто-то собирался координировать ваши действия. Просочитесь на территорию Коль-

ца, создать тут схроны, возможно, найти связных, получить от них фальшивые документы, залечь на дно, ждать приказа... И в назначенный час выступить вместе с другими спящими агентами.

Гомер беспомощно тыкался в Артема своими прозрачными честными глазами. Но тот не хотел ему отвечать, поворачивался к нему все время бельмами, соскальзывал.

Кто она, интересно? Что с ней стало?

— И то, что вы молчите, означает, что возразить вам нечего. То есть, я все верно угадал, а?

Другого выхода из кабинета не было. Одна дверь — стеганая, удушающая всякий звук. Стол. Часы. Телефон. Икона. Кровать зашторенная в углу. Кровать. Застеленная синтетическим пледом. А что, если на ней... Шторка плотная, непроглядная, а за ней... На кровати...

— Ну?

Артем открыл рот, собираясь сделать признание. Свинолуп подобрался, затаился, прекратил гудеть. Чекистские часы потянули еще время. Ц-к. Ц-к. Ц-к. Гомер набрал воздуха, не смел дышать. И никто не дышал больше.

Она потому старалась из последних сил ослепить майора, что тот ее убивал. Навалился, может быть, на нее сверху... И душил.

Шторка эта. За ней. Застеленная кровать. И прямо на кровати. Где он спит.

Мертвая. А вдруг все же живая?

Вскочить? Отдернуть шторку? Закричать? Броситься драться?

Никто не дышит. А если там пусто?

— Кому сигналы подавать собрались? О чем? Откуда? — майор потерял терпение.

Артем остолбенело уставился на него. Голова налилась грязными грунтовыми водами, не вмещала их, грозила лопнуть; болела.

Кто она? Кто та женщина? За что ее?

Надо делать что-то. Нельзя тут оставаться. А шторка — разве его это, разве Артемово это дело?

— Ты правда меня в шпионаже обвиняешь, майор? На красных? — Артем привстал.

Свинолуп из воздуха достал маленький тусклый «макаров», пристроил его рядом с собой на столе, черным широким зрачком — Артему в зрачки. Но поздно было уже отступать. Надо было открыть стеганую дверь, надо было обязательно выйти из этой уютной квартирки наружу. Выйти самому и вывести старика.

— Мозоли у меня нашел, да? Порох? Хорошо. Ну давай, я скажу тебе, откуда мозоли. В прошлом году помнишь историю с бункером? Должен помнить! Корбута с Красной Линии помнишь? Должен был знать! Коллега же твой! Когда Орден половину бойцов потерял, помнишь?! От красных держали оборону! От ваших,

ваших врагов! Потому что если бы они взяли этот бункер себе... А от вас, от Ганзы вашей, мы подмоги просили, помнишь?! Когда уже думали, что все! Но у вас, сук, все силы на невидимом фронте видно были заняты! Вот откуда у меня мозоли! Оттуда же, откуда у Мельника коляска инвалидная!

— Закатайте рукав, — изменившимся голосом приказал майор.

Артем, кривясь, закатал. «Если не мы, то кто?». Татуировка уже посерела.

— Ну, по крайней мере, теперь с паспортом ясность появилась, — кашлянул Борис Иванович.

— Еще вопросы есть к нам?

— Вы вот напрасно так нервно со мной. У меня, между прочим, имелись все основания придержать вас тут до выяснения. Вы, может быть, не знаете, но мы сейчас на грани введения чрезвычайного положения находимся. У нас только на прошлой неделе выявлено и обезврежено пятнадцать агентов Красной Линии. Шпионы, диверсанты и террористы. Орден, конечно, другим занят. Я понимаю. Но ваш Орден, при всем моем почтении, в контрразведке не смыслит. Вам, может быть, кажется, что только в ваших руках судьба всей планеты. Вы, наверное, думаете, что мир и стабильность Ганзы — это нечто само собой разумеющееся, да? А если я скажу вам, что мы только вчера вот взяли человечка, который уже получил доступ к нашей системе водоснабжения? И у которого крысиного яду двадцать кило изъяли? Знаете, как мучительно от крысиного ядадохнуть? Или что вот такой же с виду беспечный говновоз, как дружок ваш, в бочке со своим товаром мину противотанковую привез на Белорусскую, знаете? Если ее в правильном месте поставить, представляете, что будет? А это только диверсанты. Провокаторов берем пачками. Агитаторов. Начинают с нытья о том, что у нас тут справедливости нет, что богатеи богатеют, а нищие нищают, что Ганза, дескать, душит бизнес, или что трудовому человеку по всему метро невмоготу, оттого что Ганза изо всех соки пьет, а потом вот листовочки — пожалуйста!

Он выложил перед Артемом кусок серой бумаги, на которой карта метро предстала паутиной; в центре сидел жирный паук. На пауке было написано «ГАНЗА».

— А с другой стороны, переверните — «Передай товарищу!» или — «Приходи на собрание!». Вот так. Ячеечки создают. Соображаем? У нас тут под носом революцию готовят, ясно? Денно и ночью. Вы там бывали у них, боюсь спросить? Понимаете, что нам тут всем светит, если что? Они даже пуль на нас тратить не станут, просто арматурой забьют. А те, кого они осчастливят насильно, будут друга друга жрать — и то по карточкам. Вот! Будет власть Советов! И что вы против народного бунта можете сделать? Сколько у Ордена людей осталось? Тридцать? Сорок? Ну да, спецназ, ну да, герои, ну да, если не вы, то уж кто уж. А против толпы, которую провокаторы накрутили, науськали — что вы сделаете? В женщин будете стрелять?! В ребятню?! А?! Нет, друг мой! Вы, может быть, в тактике ближнего боя

понимаете, или в штурме укрепобъектов, только жизнь-то этим не ограничивается! Жизненных ситуаций разных знаешь, сколько?

Ц-к. Ц-к. Ц-к.

Борис Иванович сцепил свои руки замком; это будто напомнило ему о чем-то, и он уставился на свои пальцы — толстые, сильные — задумчиво. Потом потрогал снова щеку.

— Зачем тебе на Театральную? — спросил он еще раз, спокойно. — И кто это с тобой? — он кивнул на Гомера.

— Выполняю задание Мельника, — ответил Артем. — Есть желание — свяжитесь, спросите у него. Я не уполномочен. Дед — проводник. Следуем до Павелецкой.

Гомер замигал. Услышал про Мельника. Помнит, куда тот Артема на самом деле послал. «Помешательство». Но и он всего не знает. Татуировка-то осталась, но если кто-то скажет Мельнику, что Артем до сих пор служит в Ордене... Если кто-то и в самом деле сейчас снимет вот эту угловатую трубку и попросит соединить с Мельником...

— Полупроводник, — рассеянно протянул майор и усмехнулся. — Полупроводник-полудед. А брокер что?

— Брокер... С нами.

— Был с вами. Теперь будет с нами. Это ведь он вас через кордон провел, договорился? В нарушение фитосанитарного карантина? Взятку ведь кто-то давал чиновнику Содружества Кольцевой линии? Так сказать, если не вы, то кто?

— Нет, — помотал головой Артем. — Брокер с нами.

Свинолуп ничего не слышал.

— Так что придется брокеру с нами тут... Пообщаться. А вас до Новослободской отправлю транспортом. По кратчайшей. И камень с души.

Гомер скосился на него. Но Артем не мог оставить тут этого дурацкого парня. Не Борису Ивановичу. Не в эти трудные, тревожные времена.

— Отпускаешь всех. Или давай звонить Мельнику.

Свинолуп постучал пальцами по столу, юлой раскрутил маленький тяжелый «макаров», сжал и разжал кулак.

— Что ты меня Мельником страшашь? — выговорил он наконец. — Он-то меня поймет. Мельник — офицер, и я — офицер. Просто глупо это будет. У нас ведь с вами враги общие. Мы вместе должны сражаться, плечом к плечу. Вы — по-своему, мы — по-своему. Метро от хаоса защищаем. От большой крови бережем. Кто как умеет.

Жарко было. Нечем дышать. Стучала в уши мутная вода. Нечем дышать, проворачивалось в голове. Койка в углу зашторенная. Тапочки под столом. Просто схватиться за занавеску эту треклятую... Открыть.

— Отпускаешь всех, — повторил Артем. — Всех троих.

— До Новослободской. Мой участок. В ту сторону — чужие. И я не хочу всем и каждому объяснять про тебя, про брокера, про Мельника твоего. Кто-нибудь начальству стуканет наверняка. Докладными замучают.

— Прямо сейчас, — нажал Артем.

— Прямо сейчас ему...

Ц-к. Ц-к. Ц-к. Святые в углу шептались, совещаясь. Мечи у обоих были наголо. Гомер тыльной стороной ладони хотел утереть пот с лысого лба, но весь пот было не высушить.

Наконец Борис Иванович снял трубку плоского кнопочного телефона.

— Агапов! Брокера на выход. Да. Я все сказал. Что? А что с Леоновым? Ну и выдай ему. Труд должен быть оплачен. Да. Тем более он! Сказочник от бога! Особенно это ему удастся, про невидимых наблюдателей... Заслушаешься! — он засмеялся. — Да. И брокера давай.

Артем толкнул Гомера в плечо: уходим. Тот стал подниматься, но медленно, будто зацепился за что-то.

— Вещи верните, — сказал Артем.

— На границе, — пообещал, посерьезнев, Борис Иванович. — А то побежите еще, прятаться станете. Мы же с вашим заданием так деталей и не выяснили. Не беспокойтесь. На границе все вернем.

Прежде чем запереть кабинет, окинул его хозяйским взглядом. Все там было в порядке. Борис Иванович зыркнул в угол, шаркнул сапожищами перед меченосцами в нимбах по-строевому, как перед командиром, и потушил свет. И Артем оглянулся через плечо в последний раз — на шторку. Не мое дело, сказал он себе.

— На границе тучи ходяжат хмууроо... — тихонько запел себе под нос Свинолуп.

* * *

Проспект Мира-Кольцевая имела совсем другое лицо, чем ее сиамский близнец. Радиальная станция слепо паялилась в темноту, Кольцевая шурилась от яркого света. Радиальная вся была загромождена лотками, киосками, развалами всевозможного хлама и ширпотреба, и выглядела в общем, как приборахлившийся на помойке бомж. Кольцевая, хоть и срослась с ней переходом, умудрилась от нее не завшиветь. Пол в черно-белую шашку был выскоблен и вылизан, позолота на потолке подновлена, а затейливо простеганный косыми линиями потолок, пусть и подкоптившись несколько, все же давал понять, что некогда был снежно-бел. Тяжелые бронзовые люстры с множеством ламп свисали с него. Горела на

каждой люстре всего только одна лампочка, но и этого хватало, чтобы на станции не оставалось ни темного угла.

Часть платформы была отведена под грузовой терминал: у нагнувшегося к дрезине подъемного крана курили вкусное и недешевое грузчики в синих спецовках, ящики какие-то построились и стояли ровно, дисциплинированно, прибывала из туннеля еще новая подвода с товарными тюками, звенел бодрый матерок. Шла работа и спорилась жизнь.

Дома у местных были устроены в арках выхода на платформы, чтобы не занимать зал и не портить его красоты: проемы заложили кирпичом и даже оштукатурили белым, дверки пустили по внутренней стороне, а рядом с дверками проделали еще и окошки — лицом к люстрам; сквозь занавески, наверное, можно было представить себе, что снаружи просто вечерет. А если в дверь постучат — отдернуть шторку и посмотреть, кто, прежде, чем отпирать. Люди тут были умытые, приодетые даже, и как ни ищи, выискать в толпе хоть одного дистрофика не получилось бы нипочем. Если был в этом мире еще возможен рай, Проспект Мира наверняка был бы одной из его станций.

Борис Иванович распрощался с ними еще до выхода в свет: извинился, дескать, надо отлучиться в травмпункт. Ему на замену вышел из служебных помещений какой-то дядечка в усах, приличный и заурядный, и вывел за собой бродера Леху. У того была разбита губа, но улыбаться это ему не мешало.

— На Новослободскую с нами поедешь, — сообщил ему Артем. — И на Менделеевскую потом.

— Да хоть куда! — сказал Леха.

Дядечка одернул свой застиранный свитер — не форменный, разумеется, а такой добрый, с вязаными снежинками — и, хлопнув Леху по плечу, поманил всех троих за собой. Со стороны казалось: четверо друзей шли по платформе. Четверо друзей, перешучиваясь, курили на остановке.

Подъехала точно по времени знаменитая ганзейская маршрутка: дымная мотодрезина с прицепленным пассажирским вагончиком. Вагончик, правда, был открытоверхий, но зато обустроенный мягкими сиденьями, вывороченными в каком-то метропоезде. Кондуктор собрал со всех по два патрона: свитер заплатил за всю компанию. Уселись друг напротив друга, качнулись и покатали.

Мест свободных больше не оставалось. Слева сидела баба с обесцвеченными волосами и с зобом. Справа — носастый смурной гражданин в чем попало. Позади — молодой сонный отец с сопящим кульком и мешками под глазами, потом человек с просто неприличным пузом, и темненькая девчонка лет шестнадцати, в юбке до пола — от греха. И там еще люди, а в конце, как и в голове дрезины — автоматчики в кевларовых жилетах, с титановыми шлемами на коленях. Но это не Артему конвоиры были: даже тут, на Ганзе, с постоянным ее движением и

негаснущим освещением, туннели оставались туннелями, и в них могло случиться всякое.

— И при нем — двадцать кило крысиного яда! — продолжила крашенная баба разговор из предыдущего перегона. — В последний момент взяли.

— Озверели. Крысиным ядом! Самого бы этого гада крысиным ядом, чтобы все сожрал, заставить! — пробухтел пузан. — Сколько этих можно терпеть! Тут один вон переметнулся от красных эт-самый... С Сокольников. Говорит, они там детей своих хавают уже! Это там Антихрист, этот их Москвин. И хочет нас всех тоже! Сатана!

— Ну уж детей... — протянул недоспавший отец со свертком. — Никто своих собственных детей есть не станет.

— Много ты в жизни понимаешь! — всхрапнул пузан.

— Своих детей — никто, — упрямо сказал тот.

— Вот когда они сюда придут, тогда и узнаем, — поддержал разговор свитер.

— Ведь хуже и хуже! А в прошлом году? С бункером! Орден еле выстоял! Чего им неймется? — пыхла баба с зобом.

— С голоду дохнут потому что! — пузан потер свой огромный живот. — Вот и лезут на нас эт-самый. Отнять и поделить.

— Не приведи хасподь! — попросил кто-то старушечий сзади.

— А я бывал вот на пересадке на Красной Линии один раз. И ничего такого страшного нет у них. Цивильно вполне. Одеты все по образцу. Пугают это нас ими!

— Да ты от буферной зоны шаг в сторону хоть делал? Я вот сделал! Тут же скрутили, чуть к стенке не поставили! С фасаду-то у них порядочек, ага!

— Работать не хотят, оглоеды, — сказал носастый. — Мы тут все своим трудом. Двадцать лет на галерах. А эти... Как саранча они. Конечно, им теперь новые станции подавай, у себя-то они все уже подчистили. Схарчат в два присеста.

— А мы-то почему должны?! За что?

— Только жить начали по-человечески!

— Войны бы не было бы... Войны бы...

— Хотят там — пускай своих детей и жрут, а к нам не лезут! Дела нам до них...

— Ох, не приведи хоспади! Не допусти!

Все это время дрезина катила мирно и неспешно, попыхивая приятным дымком — бензиновым, из детства — через образцовый перегон — сухой, молчащий и освещенный через каждые сто метров энергосберегающей лампочкой.

А тут вдруг — р-раз! — и стала темнота.

Во всем перегоне. Погасли лампочки, и будто Бог уснул.

— Тормози! Тормози!

Завизжали тормоза, кубарем полетели друг на друга зобастая тетка, человек с носом, и прочие все, неразделимые в темноте. Замякал младенец, все больше расходясь. Отец не знал, как его успокоить.

– Всем оставаться на местах! Не спускаться с дрезины!

Щелкнул один фонарик, зажигаясь, потом еще. В прыгающих лучах видно стало, как суетливо и неловко пролезают в шлемы кевларовые бойцы, как они нехотя сходят на рельсы, оцепляя маршрутку, становясь между людьми и туннелем.

– Что?

– Что случилось?!

У одного кевларового зашебуршало в рации, он отвернулся от гражданских и пробубнил что-то в ответ. Подождал приказа – не дождался, а без приказа не знал, что делать, и застыл недоуменно.

– Что там? – спросил и Артем.

– Да брось, хорошо сидим! – беспечно ответил свитер. – Куда нам торопиться?

– Вообще бы хотелось... – обсасывая губу, промямлил Леха.

Гомер молчал напряженно.

– А мне есть вот куда! – отец кулька привстал. – Мне к матери вон надо ребенка! Я сам ему, что ли, сиську дам?

– Ребятки, что там говорят хоть? – колыхнула зобом пергидрольная тетка в сторону бойцов.

– Сидите, женщина, – твердо сказал кевлар. – Ждем пояснений.

Минута натянулась, как струна. Вторая.

Сверток, не утешенный своим неумелым отцом, зашелся уже визгом. Из головы дрезины раздраженно посветили им всем в глаза миллионом свечей, разыскивая источник плача.

– В жопу себе посвети! – крикнул отец. – Ни хера не могут! Да пускай бы тут красные и взяли все, может, хоть порядок наведут! Каждый день отрубают!

– Чего ждем? – поддержали с тыла.

– Далекое едешь-то? – в голосе свитера слышалось сочувствие.

– Парк культуры! Полметра еще! А-а-а. Ба-ю-бай.

– Давай шагом хоть двинемся!

– У нас-то не на электричестве! Заводи! До станции бы добраться, а там уже...

– А если диверсия?

– И вот что наша эс-бэ? Где она, когда нужно?! Допустили же!

– Да уж не началось ли, хоспади?!

– Шагом, говорю, давайте! Помаленечку...

– Вот за что налоги плотим!

– Ждем указаний! – бормотал в рацию боец, но оттуда только кашляло.

– Точно ведь диверсия!

– А это что там? Ну-ка посвети... – свитер прищурился, ткнул пальцем в темень.

Один кевларовый по его наводке нацелил фонарь: на черную дыру. Из туннеля шел в земную толщу ходок, узкий коридорчик.

— Эт-то что еще?.. — изумился свитер.

Кевларовый резанул ему лучом по глазам.

— Не лезьте, мужчина, — отрезал он. — Мало ли.

Свитер не обиделся. Сделал себе из ладони козырек и стал для света неуязвимым.

— Про Невидимых наблюдателей сразу... Слышали историю?

— А?

— Ну... Про Метро-два. Что правительство... Лидеры той России, которая раньше была... Великой. Что не делись они никуда. Не бежали. Не погибли. Ни на какой Урал не спаслись.

— А я про Урал слышал. Ямандау там, или как называется. Город под горой. И туда все сразу, как заварушка! Мы-то тут пускай гнием, а первые лица все... Там и живут.

— Брехня! Никуда они нас не бросили. Они-то бы не предали нас, народ. Тут они. В бункерах, которые рядом с нами. Вокруг нас. Это мы их предали. Забыли. И они вот от нас... Отвернулись. Но тут где-то... Ждут. Присматривают за нами все равно. Берегут. Потому что мы им — как дети. Может, их эти бункера — за стенами наших станций. А их туннели, секретные, — за стенами наших. Вокруг прямо идут. Следят за нами. И если мы заслужим... Спасение. То — вспомнят. Спасут. Выйдут из Метро-два и спасут.

На дрезине попритихли, уставились на черный ходок, на беспросветный омут, зашептались.

— А вот черт знает...

— Х-херня это все, — зло бросил Артем. — Ересь! Был я в этом Метро-два.

— И что?

— И ничего. Туннели пустые. Пустые туннели и кучка дикарей, которые человечинкой кормятся. Вот и все ваши Наблюдатели. Так что сидите тут, ждите. Спасут.

— Не знаю, — добродушно хмыкнул свитер. — Рассказчик из меня не особо. Тебе бы послушать того мужичка, который мне все это дело изложил. Я прямо проникся!

— Правда, что ли, людоеды? — уже у Артема спросил отец с кульком.

Но тут дали свет.

Охране в рацию пробурчали благословение. Дрезина чихнула. Скрипнули колеса. Поехали.

Люди выдохнули, даже ребенок затих.

Стали проплывать мимо темного ходка, заглянули с опаской.

Ходок оказался подсобкой. Тупичком.

* * *

Новослободская была одной нескончаемой стройкой. На свободном пути стоял караван, груженный мешками — песок, наверное, или цемент; таскали кирпичи, мешали бетон, капали стынущим раствором на пол, промазывали щели, откачивали воду с путей. Шумели добытые где-нибудь наверху обогреватели, гнали лопастями горячий воздух на сырую штукатурку. К каждому был приставлен охранник в сером.

— Текёт, — объяснил свитер.

Изменилась Новослободская. Тут когда-то были цветные витражи, и станцию держали чуть в сумерках, чтобы стекольная живопись ярче сияла. А понаверх витражей раньше бежала двойная окантовка золотом, выделявая округлые арки; и пол тоже был в гранитную шашку, словно пассажир вступал на драгоценную шахматную доску, подаренную русскому царю персидским шахом... Теперь был всюду один цемент.

— Хрупкая штука, — проговорил Гомер.

— А? — Артем обернулся к нему: старик вот уже сколько молчал, странно было даже слышать его.

— Был один знакомый. Сказал мне как-то раз, что на Новослободской витражи полопались давно, дескать, хрупкая штука. А я и забыл. Сейчас вот, пока ехали, все думал увидеть их.

— Ничего. Вытянем, — уверенно сказал свитер. — Спасем станцию. Отцы могли, и мы сможем. Если войны не будет, все вытянем.

— Наверное, — согласился Гомер. — Просто странное чувство. Я эти витражи не любил никогда, и Новослободскую-то не любил за эти витражи. Думал, безвкусица. А сейчас, пока ехал, все равно ждал их.

— Может, и витражи восстановим!

— Это вряд ли, — мотнул головой Артем.

— А нет, значит, и хрен с ними! — лопнуто улыбнулся Леха. — Жизнь и без них продолжается. Где тут выход у вас?

— Все восстановим! Главное, чтобы войны не было! — повторил свитер, хлопая Леху по спине.

Он повел их на лестницу, над путями, по перешейку — к Менделеевской. Прошли один камуфляжный кордон, другой, и только потом — граница замаячила, с коричневым ганзейским кругом на штандартах, с пулеметной позицией.

Леха вертелся, все время оборачивался зачем-то назад; надрывное было у него веселье, знал Артем, не настоящее. Гомер склеил губы и смотрел в свое подлобье, на невидимый киноэкран. Свитер продолжал нести всякое жизнеутверждающее.

Дмитрий Глуховский

На последнем блокпосту маялись, помимо серых пограничников, еще и двое других, одетых работягами — в заляпанных спецовках и сварочных очках на лбу. В ногах у них стояло Артемово: баул с химзой и ранец с рацией.

Поприветствовали, расстегнули молнию, пригласили удостовериться, что и автомат, и патрончики все вот они, на месте, хотите — пересчитайте. Артем не стал считать. Сейчас просто убраться отсюда, живым убраться, а больше ничего не нужно.

Невозможно в одиночку бороться со всей их службой безопасности. Со всей Ганзой. А там, в комнате, за шторой... Нет там ничего. Паранойя.

— Ну! — свитер тряхнул энергично грязную Лехину лопату и протянул руку Артему. — С богом!

Со стороны поглядеть — четверо старых друзей прощались, не зная, когда свидятся снова.

* * *

Только когда они перешагнули уже на Менделеевскую, когда люди в штатском точно не могли их больше слышать, Гомер взял Артема за рукав и зашептал:

— Вы очень правильно с ним разговаривали там. Ведь мы могли бы оттуда и не выйти.

Артем пожал плечами.

— Не могу перестать об одном думать, — досказал Гомер. — Вот мы когда в кабинет его зашли, он тапки убирал разбросанные, помните?

— И?

— Это ведь не его тапки были. Вы обратили внимание? Женские. Это женские были тапки. А царапины...

— Ерунда! — рявкнул на него Артем. — Чушь собачья!

— Сожрать бы чего, — произнес Леха. — А то домой еще когда теперь по-падем.

Глава 6

ВОСЕМЬ МЕТРОВ

— Тут у нас дорога в одну сторону, — на прощание сказал им командир погранзаставы, теребя ногтем вызревший на шее сочный прыщ.

И тогда им стало интересно, куда их вынесло.

Менделеевская оказалась полутемной, туманной от пара и промокшей насквозь. Лестница перехода с соседней Новослободской спускалась не на напольный гранит, а в озеро: тут люди жили по щиколотку в стылой бурой воде. Артем расстегнул свой баул — там лежали его болотные сапоги. Повесил на себя заодно и автомат. Гомер тоже в резине был, сразу видно бывалого путешественника.

— Не знал, что ее прорвало, — пробурчал Леха, ежась.

Там и сям валялись в воде сколоченные из гнилого дерева рамы, немного приподнимающие человека над дном. Набросаны они были как попало, и никто не пытался сбивать их в остров или в дорогу.

— Поддоны, — узнал Гомер, обмакивая себя в холодную муть, чтобы дойти до деревянного помоста. — В фурах такие раньше использовали. И все Подмосковье в рекламных щитах: куплю поддоны! Продам поддоны! Целый черный рынок этих поддонов! И думаешь вот: на кой черт вообще кому сдались эти поддоны? Оказывается, их к Потопу скупали.

Но и поддоны давно отсырели и утонули сантиметров на несколько. Увидеть их сквозь грязь можно было только совсем вблизи, и только глядя себе прямо под ноги; а со стороны и вправду казалось, что все тут сплошь одно взбаламученное библейское море.

— Они тут все, как пророки, прямо по воде чудесно гуляют, — усмехнулся Гомер, глядя на шлепающих местных.

Брокер тоже оценил:

— Будто говном залито!

Скоро зрочки забыли, как ярко сияла Ганза, и им стало хватать с избытком здешнего скудного света. Горел жир в плашках — где попало, у кого нашлось; иногда за ширмами из магазинных пакетов — выцветших, но не до конца.

— Вроде китайских бумажных фонарей, — указал Гомер. — Красиво, а? Артему по-другому показалось.

В арках, которые сначала чудились сплошными и черными, обнаружился путь. Но не обычные, как на прочих станциях. На Менделеевской грани между платформой и путями не существовало, мутная вода все выровняла. Надо угадать, где еще можно стоять, а где придется оступиться и хлебнуть.

Но главное вот: как отсюда дальше-то идти?

Выход наверх был завален, запечатан. Переход — отрезан. Туннель — по шею налит холодной и грязной водой. И еще фонило от нее, небось; поди искупнись в такой. Сведет судорогой, фонарь замкнет, и будешь лицом вниз поплавающим валандаться, пока полные легкие не наберешь.

Вдоль невидимых путей сидели местные, почесываясь, ловили в глубине какими-то сачками лучше уж даже не думать, кого, и тут же всырую глотали.

— Мою глисту увел! Вернул глисту, падла! — вцепился один рыбак другому в патлы.

Ни лодок, ни плотиков у них не было. Никуда они с Менделеевской деться не могли, да и не собирались. А Артему с Гомером как быть?

— Почему затоплено все? Ниже она, что ли, чем Новослободская? — вслух сказал Артем.

— На восемь метров глубже, — извлек из памяти Гомер. — Вот вода оттуда вся сюда и течет.

Стоило отойти подальше от ступеней перехода, облепили ноги тощие дети. К ганзейскому кордону они соваться не смели; как-то их оттуда отвадили.

— Дядь, пульку. Дядь, пульку. Дядь, пульку.

Тощие, но жилистые. Опа! — ловишь чужую ручонку в кармане. Скользкую, быструю, верткую. Вроде поймал только что, а — пусто. И кто это был из дьяволят — не узнаешь.

Подземные реки обтекали все метро, скреблись в бетон, просились впустить на глубокие станции. Кто мог — выгребал: укреплял стены, откачивал жижу, сушил сырость. Кто не мог — тонул молча.

На Менделеевской народу лень было и грести, и тонуть. Перемогались временно, как придется. Наворovali где-то трубчатых строительных лесов, разгородили ими зал, свинтили себе из них джунгли, вскарабкались повыше, под потолок, и там повисли, на этих железных лианах. Кто постеснительней, намотал вокруг своего гнезда пластиковых пакетов, чтобы ему в жизнь снаружи не пялились. Кто попроще, прямо с верхних ярусов при всех в воду звонко дела делал — и ничего.

Раньше зал Менделеевской, торжественный и сдержанный, белого мрамора, с просторными округлыми арками, подходил, к примеру, для дворца бракосочетаний. Но грязевые потоки отключивали от стен мраморные плиты, закоротили электричество и погасили хитро изломанные металлические люстры, а людей превратили в земноводных. Вряд ли тут кто еще женился — забирались просто повыше, чтобы задницу не намочить, и спаривались наспех.

Кто не ловил глисту, сидел по своим ярусам-нарам безучастно и пришибленно: лупились в темноту, несли околесицу и безмозгло похихикивали. Других занятий тут, кажется, не имелось.

— Чего пожрать бы? — растерянно повторил Леха, выбравшись из мокрого на сухое, отмахиваясь от попрошаек и скорбно глядя на свои ботинки.

От его настойчивости подвело живот и у Артема. Есть было надо на Проспекте: там и свиные шашлыки жарили, и грибов тушеных в плоску хлопнуть могли. А тут...

— Пульку, дядь!

Артем обхватил свой баул покрепче, шуганул мелюзгу. Снова зашустрила в кармане чья-то пятерня. Нашла что-то, дернулась — но тут уже Артем был начеку. Девочка маленькая попалась, лет шести. Волосы спутаны, зубы через один.

— Ну все, жучка! Отдавай, что там?!

Разжал палец за пальцем, стараясь злиться. Девочка вроде напугалась, но пыталась нагличать. Предложила Артему поцеловать его, если отпустит. В руке у нее был — гриб. Откуда у Артема в кармане грибу взяться? Сырой гриб, с грядки. Что за чушь?

— Ну че ты, дай грибок-то! Че, жмот?! — запищала девчонка.

Догадался: Аня положила.

Сунула ему гриб на прощание: вот ты, Артем. Вот ты кто, вот твоя природа и твоя сущность, и помни об этом в своих героических странствиях. Помни о себе и помни обо мне.

— Не отдам, — твердо сказал Артем, сжимая детскую руку сильнее, чем собирался.

— Больно! Больно! Изверг! — она заверещала.

Артем распустил пальцы, освободил волчонка.

— Постой. Подожди.

Она замахнулась уже было на него какой-то железкой с расстояния, но замерла, согласилась потерпеть. Еще немного верила в людей, значит.

— На! — он протянул ей два патрона.

— Кидай! — приказала девчонка Артему. — Изверг. Не пойду к тебе. Разве если немного.

— А как выбраться отсюда? На Цветной бульвар бы?

— А никак! — она сморкнулась в руку. — Надо будет, сами заберут.

— Кто?

— Кто надо!

Артем подбросил ей в ладонь один патрон, другой. Первый поймала, а второй занырнул, и тут же за ним полезли в холодную муть сразу трое мелких. Девчонка их — пяткой в нос, в ухо, вон, вон, мое! Но уже повезло кому-то другому. Она от обиды не заплакала, а сказала счастливицу решительно:

— Ладно, зараза, я тебя еще достану!

— Слышь, подруга, — позвал ее Леха. — Хавчик тут есть вообще у кого-нибудь? Чтобы не травануться? Отведи, накину еще пульку.

Она уставилась на него с сомнением, потом шмыгнула носом.

— Яйцо хочешь?

— Куриное?

— Нет, блин! Куриное, конечно! В том конце деревни есть у одного.

Леха обрадовался, и Артем вдруг тоже поверил в это яйцо: вареное, с белком как человеческий глаз и с желтком как солнце на детских рисунках, свежее и мягкое. И ему самому приспичило такое яйцо, а лучше сразу тройную глазунью, на жирном свином масле жаренную. На ВДНХ кур не держали, и последний раз ему яичницу довелось пробовать в Полисе, больше года назад. Когда с Аней у них все разгоралось только-только.

Артем спрятал гриб-привет во внутренний карман.

— Я в деле, — сказал он Лехе.

— Яйцо жрать будут! — провозгласила девчонка.

Это известие привело мелюзгу в возбуждение. Все, кто пытался выклянчить у Артема патрончик, отложили свои мечты, перестали домогаться подачки; скопились молча и круглоглазо вокруг пришельцев.

Пришлось всей делегацией прыгать по поддонам, как цыплячьему выводку, до противоположного конца платформы, к спрятанному там где-то курятнику. Дети лезли за ними по строительным лесам, бежали, опережая, верхними ярусами, срывались иногда с визгом в болото.

Полудремлющие на нарах тупо и бессильно глядели им вслед, вяло распутывая спутанные мысли:

— Пойдем, может, в солянку сегодня? На афише читал, швед какой-то клевый приехал. Электронщик.

— По твою душу приехал. Они там пидарасы все в этой Швеции. Вчера по телику сказали.

— Глистов насосались, — на ходу объяснила про них девочка.

На одном из поддонов, предоставленный сам себе, пух труп.

Артем поглядел, как к нему, держа мордочку повыше, плывет кушать крыса, и подумал вслух:

— Разница — восемь метров всего, а как в ад спустились.

– Не ссы! – ободрил его Леха. – Значит, и в аду – наши! И русский не забыли, молодцом!

Доскакали до другого конца этой их проклятой деревеньки. До самого тупика.

– Во! – девчонка сплюнула. – Тут он. Давай пулю!

– Эй, хозяйка! – крикнул брокер вверх. – Говорят, яйцами торгуешь?

– Есть такое, – сверху свесилась спутанная борода.

– Пулю давай! Давай пулю, изверг! – забеспокоилась девчонка.

Леха вздохнул горько и жадно, но проводника рассчитал. С окружающих нар за этим завистливо наблюдали.

– Почему?

– Две! – затребовала борода. – Две пули!

– Мне бы пару и еще... И еще вот товарищам штучки три. Сделка века, брат, у тебя вырисовывается!

Наверху зашевелились, закричали. Через минуту перед гостями предстал мужичок в пиджаке на голое тело. Срам прикрыт белой юбкой, сделанной из прорезанного снизу широкого пакета с вытертой надписью «Аша»; борода востригана и замусорена, глаза пламенеют горящим жиром.

В одной руке мужичок нес уверенно, как царскую державу, символ власти – испачканное пометом куриное яйцо. Другой – нежно, но надежно обнимал исхудавшую курицу с загнанным взглядом.

– Олег, – с достоинством представился бородач.

– А скидка, Олежек, есть? – побренчал сумой брокер.

– У всего своя цена, – твердо сказал Олег. – Яйцо два патрона стоит.

– Ладно... Черт с тобой уже. Давай это сюда. Вареное? И еще четыре. Вот тебе... Раз, два... Пять. Десять.

– Нельзя! – Олег покачал головой.

– Что нельзя?

– Яйцо только одно. Давайте две пули. Лишнего мне не надо.

– Как одно? – растерялся Артем.

– На всю станцию одно. Сегодня. Бери, пока другие не перекупили. И оно сырое. Тут варить не на чем.

– И как его? – нахмурился Леха.

– Пей, как. Вот тут тюкни и пей, – Олег показал, как. – Но деньги вперед.

– Ладно. Вот тебе патроны. Я сырые боюсь. Однажды месяц провалялся, чуть не сдох. Сварю где-нибудь сам.

– Не! – Олег яйцо из рук не выпустил и патроны не взял. – Тут пей. При мне! Или не продам!

– Это еще почему? – изумился брокер.

– А потому. Рябе нужен кальций. Она из чего, по-вашему, должна скорлупку производить?

Волчья девочка стояла рядом, наблюдала. Набиралась ума-разума. Остальные повылазили из сумрака, готовились к чему-то. Не только дети — и взрослые, кто поближе жил, тоже придвинулись.

— Чи-во?.. — переспросил Леха.

— Скорлупка из кальция состоит. В школе учился? Чтобы новое яйцо снести, ей кальций нужен. Где я вам его возьму тут? Так что хряпай давай. И скорлупку — на базу. Складывает скорлупку, и завтра можете за вторым приходите.

— И за это два патрона?!

— У всего своя цена! — Олег был непреклонен. — Я на людях не наживаюсь! На один патрон Рябе грибов куплю, на другой — себе. На день. А завтра — новое яйцо. Все посчитано. Все работает. Как швейцарские часы. Ты не хочешь — зондеркоманде загоню. Они гоголь-моголь ценят. Ну? Берешь?

— Кому? — спросил Гомер.

— Давай сюда свой гоголь-моголь, — пробурчал Леха.

— Аккуратно только скорлупу бей, внутрь чтобы.

— Не учи ученого!

Тюк.

— Мастерски пробил! — прошептал уважительно кто-то в собравшейся вокруг толпе.

— Вкусно, а? — завистливо спросил мальчонка со вздутым животом.

— Ну ты быстро-то не пей так! Потяни, прочувствуй! — посоветовала еле отличимая от мужчин женщина.

— Желточек, желточек-то пошел уже, кто видит?

— Каждый день как будто он яйца жрет!

Лехе болельщики не мешали. Он их не замечал.

— А то — варить его еще! Яйцо сырым хорошо. Белок — как жидкое стекло. Душа человеческая, наверное, вот как-то так выглядит, — почесывая в бороде, сказал Олег.

— Слышь, дядь, — сказал ему Артем. — А как выбраться отсюда?

— Куда? Зачем?

— Что у вас дальше? На Цветной бульвар.

— Чего там ловить-то? Нечего! — категорически заявил Олежек.

— А вот, скажем, если, — смакуя измазанное яйцо, громко призадумался брокер. — Если бы тебе пойти таскать червей, и каждый день одно яйцо откладывать, а потом сразу два десятка продать на Ганзу, а на выручку купить себе вторую курицу? Ты ведь тогда перестанешь в ноль работать. За месяц в плюс выйдешь, а?

— И ее глистой кормить? Кура животное деликатное, она от глисты сдохнет! Ученый тут мне, вертеть!

— Ну а если цыплят подождать? Вот если бы я тебе пуль в кредит под петуха дал? — Леха поиграл, позвенел оставшимися патронами. — Или даже вложился

бы этим петухом, за пятьдесят процентов в нашем будущем акционерном обществе. А?

Тут волчья девочка, за всем этим следившая безотрывно, не вынесла дальше скуки честной жизни, метнулась, поднырнула и дала брокеру по руке снизу; острые латунные пилюли всплеснулись и попадали сквозь доски поддона, сквозь грязюку — на дно. Яйцевые болельщики взбудоражились.

— Ах ты, дрянь мелкая! — завопил брокер. — Прибью к едреной матери! А ну, сдали все назад!

— Вот он, кредит твой! — обрадовался Олежек. — Влезать еще в кабалу! Ради чего?

— Да пошел ты! — Леха опустил на колени, стал шарить через муть в холодной воде, выискивая свои утопии патроны; недопитое яйцо он держал высоко в свободной руке.

Девчонка закарабкалась куда-то недосягаемо, затаилась среди рваных пакетов, и, наверное, молилась там своему беспризорному богу, чтобы брокер не все пульки со дна достал. Остальные, имея в виду Артемов автомат, лезть на рожон убоялись.

— От денег счастья нету! — приговаривал Олег. — Человеку много не надо. Что мне, одно яйцо или десять? Одно мне аккуратно хватает. А от десяти заворот кишок может быть! Всегда так жил и еще проживу.

Но тут подлый бог бомжей учел девчачий шепот, вырвал волос из своей бороды колтуном, произнес абракадабру, и брокер Леха вместо патрона поймал гребущей пятерней бутылочный осколок. Вытащил — порез как раскрытый младенческий рот, тошнит черной кровью.

— Суки! Ну суки вы тут все! — Леха прямо заплакал от злости, смял чертовое яйцо и зашвырнул его в темень.

Люди ошеломленно стихли.

— Гад! Гадина! Ты что же... Что же ты... — Олежек прямо обомлел от того, как быстро и жестоко хрустнула скорлупа, и как мгновенно она канула. — Ты гад! Гадина ты паршивая! Скотина ты!

Он полез вместе с Рябой по острой воде голыми ногами искать, куда запропастилась скорлупа — вон, кажется, она белела — но до нее первой голодная крыса добралась, вцепилась и потащила, вереща, куда-то на свой круг, и там сгнула.

Это Олежка привело в отчаяние.

Он посадил куру на жердочку и попер на брокера, нелепо размахивая руками. Столько лет в метро пробыл, а драться не научился. Брокер ткнул его коротко левой в подбородок и сразу опрокинул. С поддона, купая бороду через дырявые доски, Олег бубнил отчаянно и униженно:

— Жизнь всю мне... Скотина... Жизнь мою всю... Об колено... Торгаш херов... Ученый... За что? За что ты меня?

Люди от переживания подались вперед. Артем на всякий случай перещелкнул предохранитель на автомате, взялся посподручней. Но вступаться за бедолагу никто не спешил.

— Ну вот и Олежеку раздали, — шепталось вокруг.

— А и не хер.

— Будя жировать.

— Пусть как все теперь.

Олежек заплакал.

— Да на Ганзе вон песку! На Новослободской ремонт. Пускай песок поклюет... — попробовал утихомирить его Гомер. — Да у нее, может, и еще одно так получится, на внутреннем резерве...

— Умник! Понимаешь ты в куриных резервах! А на Ганзу сам и иди! Песочку-то вам там сыпанут!

Леха, потерянный, сжимал здоровой рукой запястье резаной, страшноватый рот в его ладони не закрывался, и всем ясно было, что брокера нужно срочно, вот прямо сейчас, заливать спиртом, потому что в этом поганом мелководе водится такое всякое, что через день Лехе будет неременная гангрена.

— Самогон тут есть у кого? — крикнул Артем драным джунглям. — Сполоснуть!

В ответ ему похихикали по-обезьяньи глумливо. Самогон, ага. Сполоснуть.

— У вас же вон! Полстанции в хлам! Гоните ведь из чего-то?

— Хоть и из говна бы! — попросил Леха.

— Так это они глисту сосут! — объяснил кто-то сочувствующий. — Глиста им мульти показывает. А спирту в ней нет!

— Ни хера не могут! — разозлился брокер. — Сухорукие!

— А иди у солдатиков попроси, — посоветовали ему.

— Да, да, у солдатиков, — засмеялся другой.

— Правда! — Артем взял Леху за плечо. — Пойдем к погранцам. Вернешься на Ганзу. Визы стоят же. А свитер этот ушел уже давно. Заклеят тебя, а там разбежимся.

— Куда?! — вскричал Олежек. — Вы куда собрались?! А я?! Мне-то что делать?!

— Я к этим обратно не пойду! — заартачился брокер.

— Куда собрались?.. — не слышал Олежек. — Вы мне всю алгебру поломали!

— Так, дядь... — Артем взялся за рожок, чтобы выщелкнуть оттуда Олегу утешение, но тот иначе все понял.

— Палач! Каратель! Убить меня?! А и стреляй! — он поднялся с колен, схватил ствол и ткнул его себе в живот.

Громыкнуло.

Отлетела, порхая ощипанными крыльями, курица, забегала полоумно по поддону. Люди обалдели, оглохли. Звенело бесконечное эхо, уплывая по подземной реке.

— Ты что? — спросил у Олежка Артем.

Тот сел.

— Вот так вот, — ответил он.

Пиджак на животе у Олежка мок чем-то блестящим, которое, стекая ниже, на белой полиэтиленовой юбке уже понятно виделось, как жидкая оранжевая кровь.

Нелепица какая-то.

— Ты что это, дядь? — спросил у него Артем. — Ты зачем?

Олег поискал глазами курицу.

— На кого Рябу оставить? — грустно и слабо сказал он. — На кого ее оставить? Сожрут.

— Ты зачем, идиот, это сделал?! А, идиотина?! — Артем заорал от никчемности своей, Олежкиной, и всеобщей.

— Не кричи так, — попросил Олег. — Умирать тошно. Иди, Рябушка... Иди ко мне...

— Вот ты сволочь! Вот ты идиот! Бери его! Бери его живо за ноги! На Ганзу пошли! — кричал брокеру Артем, принимаясь за Олеговы подмышки.

Но Леха своей раззявленной рукой ничего держать не мог. Тогда Артем всучил Гомеру баул, навьючил брокера рацией, а сам взял Олега — легкого, обмякшего — и на закорках потащил его к переходу.

— Вот те и Олежка, — сказали в толпе.

— Был, да сплыл.

— И яйцо не спасло.

Гомер пошагал следом; и Леха тоже, глупо глядя себе в ладонь. Курица, оправившись от контузии, заквохтала и помчалась, перелетая с поддона на поддон, за хозяином. И все болевельщики процессией двинулись за ней, потирая руки и похихикивая.

Кроме одного.

Стоило отойти, как с лесов скользнула вниз половинчатая тень, прижалась к доскам лицом, сунула ручонку в грязь, в битое стекло — ничего не страшно, на беспризорниках все само зарастает, у них кровяка сама любую гангрену перемелет, а смерть собирает только изнеженных домашних детей, ей о сирот костлявых зубы сточить не хочется.

К тому моменту, как они вернулись в центр зала, к ступеням, которые из моря подземного поднимались на те самые восемь метров в небо далекое, леса вокруг были уже увешаны менделеевскими. Гвалт стих, все ждали чего-то.

Артем вылез на берег, установил свои болотные сапоги на гранит, и забухал ими вверх, оставляя за собой грязные лужи.

— Эй, мужики! — крикнул он пограничникам, тяжело поднимаясь. — У нас тут ЧП! В лазарет нужно! Слышите?

Менделеевские, перешушукиваясь, сгрудились и жадно глядели.

С той стороны не было никакого ответа. Мертвая тишина стояла.

— Мужики! Слышите меня?

По ступенькам журчал ручеек, переливая порченную кровь от поправляющейся Новослободской — к лихорадящей Менделеевской; и журчание это было ясно и отчетливо. Артем еще на одну ступень поднялся, через плечо шикнул, позвал за собой застрявших в самом начале небесной лестницы: Леху, Гомера.

— Не пойду! — упрямо затряс головой брокер.

— Ну и хер с тобой!

А как так получается, подумал Артем, что вот она, Ганза — сытая, подмытая, на пробор причесанная; и рядом с ней, в восьми метрах в глубину — пещера и пещерные люди? Сосуды ведь сообщаются, почему же возможно, что...

Все они были на месте. Командир имел вид озадаченный: все время трогал шею, потом на руку смотрел. Еще двое курили; и это почему-то Артема успокоило. Курят — значит, люди.

— Раненого в лазарет... Огнестрел... Случайно вышло... — запыхтел он, подтаскивая Олежека к мешочным брустверам.

И правда, вон сколько песку, думал Артем. И ради чего Олежку помирать?

— Станция Новослободская на вход закрыта, — сказали ему. — Карантин. Же предупреждали.

Артем подобрался еще поближе, насколько мог, но бойцы, не выпуская самокруток из зубов, вскинули стволы.

— Стаааять, — произнес командир.

А на кого досада? Артем присмотрелся.

Отсюда уже было понятно: командиру удалось все-таки прыщ сковырнуть. Теперь прыщ точил по капельке кровь; только командир утрется, а оно снова набирается, набухает. Опять доить нужно.

— У нас визы! Визы! Только что от вас!

— Ряба-то где моя?

— Шаг назад!

Он даже не глядел ни на Артема, ни на Олежека простреленного. Только на пальцы, на красные капельки. И смешно косил глаза вбок, как будто надеялся шею свою увидеть расковырянную.

— Договоримся, может? Только до травмпункта... Мы заплатим. Я заплачу.

Бойцам было все равно: их курево успокаивало. Они ждали терпеливо от начальника — стрелять или не надо. Олежек их не затрагивал.

— Ты дикого нам, что ли, тащишь? — раздраженно спросил у прыща командир.

— Рябушка.

— Гляньте, это же тот, с яйцом! По килту узнал! — обрадовался наконец один из рядовых.

Курица, пойманная Гомером, была глупыми слабыми крыльями. Хотела за хозяином — на небо.

— Дикого? То есть — дикого?

— Шаг назад!

— Да он подохнет тут сейчас!

— Виза есть у него? — командир вспомнил что-то; достал из кармана обрывок бумажной салфетки, заткнул им свою рану.

— Нет у него визы. Не знаю!

— Шаг назад! Раз. До трех.

— Временно его хоть! Хоть дырку зашить!

— Два, — командир отнял салфетку, поглядел — много ли крови натекло? — и остался недоволен.

— Обидно как. С яйцом. Обидно.

— Пустите, суки!

— Слышь, донкихот! Они ж там как мухи... — сказал Артему один из бойцов.

— Ты их всех переспасать собрался? Спасалка коротка! — хмыкнул другой, отплеывая дотлевшую самокрутку.

— Пожалуйста! Ну? Пожалуйста!

— Три. Нарушение государственной границы, — командир поморщился: прыщ никак не затыкался.

В первый раз он на Олежека посмотрел, чтобы в него прицелиться.

Чиркнуло, как кремьень, тукнуло — автоматы с глушителями, берегут на Ганзе солдатские уши! — и выщербило пулей стену, и клюнуло потолок. Пыль вниз опустилась, как занавес.

Спасла только служба у Мельника. Наука телу без ума обходиться. Кожей чувствовать, где автоматное дуло свербит будущей гибелью, и падать, на землю бросаться, отклоняться от гибели, ничего головой еще не понимая.

Упал, свалил с себя живой куль, пополз, вытаскивая Олежка за собой. По ним еще стрельнули, стараясь попасть, но пыль мешала.

— Суки вы!

Хлестануло тут же еще — на голос. Бетоном окрошило.

Обезьяны сзади заулюлюкали восторженно.

— А вот, хлебани нашенского!

— Песочку всыпали?

— Думал, ты белый человек, а?

— А давай, еще разок попробуй!

Тут можно было только бесполезно умереть. Больше ничего не поделать.

Артем скатился на одну ступень вниз, еще на одну. Подтянул Олега. Тот напряженно дышал и старался особо не кровить, но бледнел и бледнел.

Дмитрий Глуховский

— Слышь, дядь! Ты даже не думай, ясно? Как выбраться от вас?! На Цветном бульваре должно что-нибудь... Должно же что-нибудь там, а, дед?!

— Бордель там был, — вспомнил Гомер.

— Вот. При борделе врач может быть. Может же? Поплывем туда. Ну-ка не засыпай мне тут, сука! Я тебе сейчас... Не спать!

Но до борделя не доплыть было. Ни Олежку, и никому. Не на чем. Оба канала по краям платформы были с пустым берегом.

— Зря. Не жилец он, — сонно приговорил Олежка брокер.

— Сейчас, — сказал Артем. — Сейчас.

— Мне умереть хочется, — подтвердил Олег. — И яйцо мое разбили. Очень устал жить.

— Пасть заткнул свою! Нашел, как отсюда выгрести! — Артем стволом пихнул застывшего брокера. — А ты покажи пузо!

Ну что: грязная кожа, в коже дыра, перекачивает жиденькую водицу изнутри наружу, все перемазано. Гомер тоже посмотрел, пожал плечами. Умрет или нет, одному Всевышнему известно. Умрет, наверное.

Леха взялся за своего нательного Христа, как за парашютное кольцо, зашевелился и пошел, оскальзываясь, пригибаясь, искать спасение. Из волчьей ямы выход искать.

Кто это виноват, хотел определить Артем. Он сам виноват, этот человек с яйцом. Я не стрелял в него. Когда он умрет, он сам будет в этом виноват.

— Куру он, между прочим, мне обещал, если сдохнет, — сказала совсем над ухом коренастая женщина со сдутой грудью и заплаканным глазом. — Нас с ним много связывало.

— Уйди, — слабо попросил Олежек. — Ведьма.

— Не бери грех на душу. Тебе там кура не нужна будет. Скажи им давай. Пока еще можешь.

— Уйди. Дай о Боге подумать.

— Куру завещай и думай. А лучше сразу ее мне...

Курица прикрыла глаза под Гомеровой ладонью. Ей уже было все равно.

— Как выбраться отсюда, тетя? — спросил Артем у синячной.

— Да куда тебе, сладкий? И зачем? Тут ведь тоже люди живут. Куру можно и вместе держать. Олежек вот околеет... А уж с тобой-то мы договоримся! — она подмигнула тем глазом, который еще мог мигать.

Это не я его убил, решил Артем.

— Эй! Эй!

Какая-то песня послышалась, принеслась издалека.

Марш.

— Эй! Там!

— Что?!

– Там плывут кто-то! Из туннеля плывут!

Леха стоял, удивленно пялясь на сработавшего Иисуса.

Артем подхватил Олежка, который, высыхая, все легче становился, и они побежали медленно к пути-каналу.

Там и вправду показалось что-то. Плот? Плот!

Светил головной фонарь, плюхали весла, бодрился нестройный хор. Гребли со стороны Савеловской – и шли как раз в направлении Цветного.

Артем выковылял навстречу, чуть не проваливаясь вместе с раненым в канал, чтобы по-идиотски в последний момент утонуть.

– Стойте! Эй! Стойте!

Весла перестали частить. Но было не разобрать еще, что там. Кто там.

– Не стреляйте! Не стреляйте! Возьмите нас! До Цветного! Деньги есть!

Плот подползал поближе. Ершился стволами. На нем было человек пять, вооруженные. И – теперь можно было увидеть – оставалось место еще для нескольких.

Все собрались на краю: Артем с умирающим, Гомер с курицей, и Леха со своей рукой. Их по очереди обследовали широким лучом.

– Вроде не уроды!

– За рожок доставим! Залазь...

– Слава тебе... – Артем не договорил даже; хотелось петь.

С таким сердцем, будто это его родного брата помиловали, он положил Олежка на плот – непотопляемый, связанный из тысячи пластиковых бутылок, наполненных пустотой. И сам свалился около.

– Смотри у меня, только попробуй околеть до Цветного! – внушил он Олежку.

– Я не поеду никуда, – возразил тот. – Ехать еще куда-то. Смысл.

– Не увози его! Не рви женского сердца! – причитнула баба с синяком.

– Да куда ты его повезешь? – высказались в поддержку из джунглей. – Не мучь человека, оставь тут. Здесь жил, здесь и душу отдаст.

– Да вы его сжуете раньше, чем он очочурится!

– Обижаешь!

Преширяться времени не хватало: отплывать пора.

– Куру! Куру оставь! Чтоб тебе на оба глаза ослепнуть!

* * *

Уехала в прошлое станция Менделеевская. Впереди было плавание по сливной трубе на другой край света, откуда им маяком мерцала жизнь.

– А вы куда сами-то, братцы? – спросил у бутылочных гребцов брокер.

– В Четвертый Рейх плывем, – ответили ему. – Добровольцами.

Глава 7

ЦВЕТНОЙ

Толкнулись бортом в утопленника. Тот болтался горбом кверху, руками дно ощупывал. Потерял что-то там, наверное. Жалко было его, до Цветного всего чуть не доплыл. Или это он оттуда далеко сбежать не успел?

— У вас-то с уродами как?

Артем притворился, что это не его ковыряют вопросами. Промолчал. Но там не сдавались.

— Эй, друг! С тобой, с тобой! Говорю, у вас на Алексеевской с уродами как?

— Нормально.

— Нормально — это значит, что есть, или вы своих всех перебили?

— Нет у нас никаких уродов.

— Есть. Они, друг, везде есть. Они как крысы. И у вас должны быть. Ныкаются, суки.

— Учту.

— Но вечно-то они прятаться не смогут. Вычислим. Всех до единого, тварей, вычислим. Всех линеечкой, всех циркулем... Да, Беляш?

— Точняк. В метро для уродов места нет. Самим дышать нечем.

— Они ведь не просто грибы жрут, это они наши, наши грибы жрут, сечешь? Мои и твои! Нашим детям места в метро не хватит, потому что ихние все займут! Или мы их, или они...

— Мы, нормальные, вместе должны держаться. Потому что они-то, твари, кучкуются...

Артему положили руку на плечо. По-товарищески.

Один был: одутловатый, под глазами мешки, борода клином, руки пухнут от лишней воды. Другой: весь в пороховых кружевах, морда в оспинах, лоб в два пальца высотой. Третий: обритый жлоб со сросшейся черной бровью; этот точно не ариец. Еще двое таяли в темноте.

— Люди как свиньи, чуешь? Сунули пятак в корыто и хрюкают. Пока им туда помоев подливают, всем довольны. Никто думать не хочет. Фюрер меня чем зацепил? Говорит: думай своей головой! Если на все есть готовые ответы, значит, кто-то их для тебя подготовил! Задавать вопросы надо, понял?

— А вы сами-то раньше бывали в Рейхе? — спросил Артем.

— Я был, — сказал оспяной. — Транзитом. Проникся. Потому что правильно все. Все на свои места становится. Думаешь: сука, раньше-то я где был?

— Точняк, — подтвердил обритый.

— Каждый с себя должен начинать. Со своей станции. С малого, с малого начинать. Вот взять, прошерстить соседей хотя бы. Героями не рождаются.

— А они есть. Везде есть. У них типа мафии своей. Друг друга тянут. Нормальных не пускают.

— У нас на Рижской такое прям. Сколько ни бейся, как лбом об стену! — заметил Леха. — Это из-за них, что ли? Как они выглядят-то хоть?

— Они, чуешь, другой раз так спрячутся, от человека не отличишь. Поскрести приходится.

— Жалко, не все втыкают! — поддержал отечный обритого. — У нас на станции начал уродов вычислять... В общем, люди не все еще готовы, — он потер челюсть. — Некоторые скрещиваются с ними, прикинь, мерзота?

— Главное, запоминать всех. Всех, кто на наших руку поднимал. Кто душил нашего брата. Придет еще времечко.

— Я говорю: давайте с нами! — оспяной никак не убирал руку с Артемова плеча. — Добровольцем! В Железный легион! Ты же наш! Ты наш ведь?

— Не, мужики. Мы в политике по нулям. Мы — в бордель.

Горло прямо сдавило. А рука эта жгла сквозь водолазку: вот-вот паленым потянет. Хотелось извернуться по-ужьи, уйти из-под этой руки. Да куда?

— А не обидно? Его зовут метро спасать, а он — в свое корыто пятаком обратно. Ты вообще думал хоть, почему мы в таком положении оказались? Как выживать нам, людям, думал вообще? Своей головой? Ни хера ты не думал. Только по шлюхам. Мокрощелки тебе интересно, а будущее нации тебя не колеблет.

— Чуешь, Панцирь, забей! Может, он там уродку шпилит? Хххы! А?

— Э, дед, может ты хоть? На старости лет пора и о душе! Ты-то же нормальный должен быть! Или — с рачком? Фюрер вот приравнял, говорят...

— Ниче. Вот Железный легион соберут, и тогда... Сейчас потренируемся... А потом вернемся и припомним всем... Тварям. Пройдемся еще по метро. Маршем.

— Че за Железный легион? — не выдержал Леха.

— Добровольческий. Для своих. Кому уроды жить не дают.

— Мой случай!

— О! Вон там... Тихо... Приехали, гля.

На Цветном бульваре их встречал прожектор, так что подходить к станции пришлось зажмурившись, чуть не вслепую. Вместо дозорных тут стояли вышибалы; ни визы, ни паспорта их не интересовали. Только патроны: тратить приехали, или слюни пускать?

— Врача надо! Есть врач?! — едва пристали, Артем выкарабкался на платформу, дернул за шкирку брокера.

Олежек уже сдался и ничего больше не бредил. Ртом у него шли красные пузыри. Верная курица прикорнула на его дырявом животе, чтобы не дать Олежкиной душе через дырку выдохнуться.

— Врач или медсестра? — загоготал раскуроченный охранник: нос вплюснут, вместо ушей загогулины.

— Ну умирает человек!

— А у нас и ангелы найдутся.

Но все же показали: ладно, вон туда к врачихе.

— Она, правда, по дурным болезням у нас. Так что насчет пули извините, зато триппер в два счета определит.

— Берись, — велел Артем брокеру.

— Последний раз, — предупредил тот. — Это не я его, вообще-то.

— Никому-то ты не нужен, — передал бессознательному Олежку Гомер, принимаясь за одну ногу. — Одной курице.

— Кстати! Курица! — сказал Леха.

Двинулись через станцию. Она, по Гомеровым расчетам, должна была еще глубже лежать, чем Менделеевская; однако воды тут было ровно, чтобы превратить пути в каналы, а сама платформа оставалась сухой. На удивление Гомера, почему так, Леха объяснил: ну не тонет же, мол, оно.

Чем там был Цветной бульвар раньше, уже нельзя было понять. Теперь тут устроился один сплошной вертеп. Разбитый на кабинки, комнатки, зальчики, разграниченный фанерой, ДСП, коробочным картоном, ширмами раздвижными, шторками, занавесками — Цветной превратился в непроходимый лабиринт, в котором все измерения были нарушены. Не имелось на этой станции ни пола, ни потолка. Где-то смогли втиснуть под крышу два этажа, а где-то три. Какие-то дверки вели из вилияющих тесных коридорчиков в номера размером с койку, а другие такие же — в подплатформенные помещения со всю станцию размером; а третьи — и вовсе неизвестно, куда.

Гудело тут дико: каждая комната звучала на свой лад, а комнат была тысяча. Где-то плакали, где-то стонали, где-то смеялись, где-то пытались перебить крики заводной музыкой, где-то орали пьяные песни, а где-то выли от ужаса. Вот какой общий голос был у Цветного: как у чертей хор.

Ну и, конечно, женщины.

И ангелы блядские, и строгие в погонах, и в дырявых чулках роковые, и мед-сестры с голой жопой; и просто шлюх вульгарных, без придумки — целая дивизия. Сколько могло поместиться — ровно вот столько и поместилось. Все кричат, зовут, прелести преувеличивают, взгляд арканят, у каждой времени в обрез: на один змеиный бросок, пока мимо нее проходят, вот эти полметра. Не прокусила, соскользнула, не прыснула в царапинку любовного яду — все, ушел.

Кто не работает, тот не ест.

Леху сразу обезболило, даже будто рана затягиваться начала. А Гомер тут был не в своей тарелке; только в самом начале, как нырнули в витой и бесконечный коридор, он вдруг выкрутил свою окостеневшую шею так, как она и вывернуться не могла, назад — и потом все оглядывался, оглядывался через плечо.

— Что, дед? — спросил у него Артем.

— Кажется... Все время кажется... Везде... Все время... — ответил Гомер. — Девчонка одна... С которой... Которая...

Олежкина голая нога стала ускользать от Гомера.

— Молодец, дед-то, а? — пропыхтел Леха.

— Держи лучше. Вон. Вон та дверь!

Занесли умирающего внутрь. Там была очередь из раздракошенных душ; и из зудящих тел. Одни бабы. Вышла врачиха — в толстых очках, с самокруткой, сильная и мужиковатая.

— Не жилец! — уведомил ее брокер на всякий случай.

Чтобы Олежек не пачкал приемную последней кровью, его согласились сразу взять в оборот. Уложили в растопыренное женское кресло, взяли рожок патронов авансом, если все равно околеет, и сказали не ждать.

Лехе дали спирта рот в руке напоить, но он все равно в очереди остался.

— Тут-то они как люди сидят, а не как профессионалы, — объяснил он Артему шепотом, кивая на печальных дам. — Вдруг ту самую встречу?

Вдруг. Ну, попрощались.

Что мог — сделал, объяснил себе Артем. На этот раз сделал, что мог.

Гуляй смело.

* * *

— Вот: или туда, или сюда.

Сидели в какой-то комнатенке. Рядом гнулась на шесте некрасивая и недокормленная девчонка лет четырнадцати; груди у нее не было совсем, и жалостливо торчали ребра, натягивая застиранное трико. Она все лезла своими костями Артему в миску с супом, а ему было страшно обидеть ее, совсем прогнав, потому что других клиентов у нее не имелось, и он просто делал вид, что ни шеста ника-

кого тут нет, ни девчонки. Или так еще обидней ей было? Где у проститутки гордость, в каком месте? Неизвестно. Суп был дешевый зато, а считать уже приходилось. Быстро ушли патроны — и ни на что.

На стене висела карта метро. Про нее и говорили.

От Цветного бульвара дальше шли две дороги. Одна — по прямой — на Чеховскую. Другая — через переход — к Трубной, и потом на Сретенский бульвар. И по первой можно было, если карте верить, к Театральной попасть, и по второй. Но по обеим — нельзя. Давно карту рисовали.

Пересадочный узел — Чеховская, Пушкинская, Тверская — теперь по другому именовался: Четвертым Рейхом, и приходился якобы наследником Третьему. Может, завещание подделал, а может, и перевоплотился.

Режим убить можно, империи дряхлеют и мрут, а идеи — как бактерии чумы. Они в мертвецах, которых сгубили, засохнут и уснут, и хоть пять веков так прождут. Будешь туннель рыть, наткнешься на чумное кладбище... Тронешь старые кости... И неважно, на каком языке раньше говорил, во что верил. Бактерии все сгодится.

А бывшая Сокольническая ветка, пополам пересекающая метро, давно стала Красной Линией. Не по цвету так названной, а по исповеданию. Уникальный эксперимент: построение коммунизма на отдельно взятой линии метро. Формула та же — всеобщая электрификация плюс советская власть. Ну и прочие переменные этого уравнения; которые на самом деле и не переменные вовсе, сколько бы времени ни прошло.

Иные-то мертвецы пободрей живых будут.

— Я на Рейх не могу, — Артем помотал головой. — Нельзя. Чеховскую вычеркивай.

Гомер посмотрел на него вопросительно.

— Кратчайший путь все-таки. С Чеховской на Тверскую, а там Театральная следующая уже.

— Вычеркивай! У меня там...

— Ты русский же? Белый.

— Не в этом дело. Меня там... — Артем поманил пальцем скачущую в отчаянии девчонку. — Иди, супу поешь. За мой счет. Не висни тут.

Как-то не моглось ему откровенничать вслух после ганзейских разговоров. Везде свитера мерещились.

— Не важно, что. Через Рейх не пойду. Я, знаешь, этих паскуд... На плоту, когда плыли сюда... Еле усидел. Не было бы их пятеро... С пятерыми как-то... Несподручно. Нежилец еще этот наш... С яйцом...

— Дурацкая ситуация... — Гомер пригладил дремлющую у него на коленях курицу. — Жалко мужика.

— Длинный день сегодня какой, — Артем утерся. — Эй! Эй, официант!

– А? – официант был пожилой, неопрятный, равнодушный.

– Что есть? Самогон есть?

– Грибной. Сорок восемь градусов.

– Да. Будешь, дед?

– Грамм пятьдесят если только. И колбасы. А то развезет.

– И мне сто.

Принесли.

– Бесконечный какой-то день. Давай за идиота этого, что ли. За Олежка. Чтобы жил. Чтобы не снился мне со своим яйцом.

– Ладно. Глупая история совершенно. Нелепая.

– И мне ведь близко чиркнуло. Знаешь, вот ничего не чувствуешь. Вжик. А сейчас думаю: могло уже все кончиться. И не худшим образом. Тебе бы подошло для твоей книжки? Праз! И такая концовочка, а? Случайная пуля.

– Ты правда думаешь, что тебя там убить могли?

– Может, и к лучшему бы, а?

– В трех станциях от Театральной?

– В трех станциях... – Артем опрокинул еще; оглянулся на утопившуюся в супе танцовщицу, на кислого официанта. – Он там есть вообще, этот радист, а, дед? Правду скажи. Куда я иду вообще? Зачем?

– Есть. Петр. Умбах, кажется, фамилия. Петр Сергеевич. Познакомились. Мой ровесник.

– Умбах. Это прозвище? Как будто из Рейха сбежал. От паскуд этих.

– Вам еще?

– Нет. Нет-нет. Ну, допустим. Спасибо. Не думаю, что из Рейха. Просто...

– Меня ведь там чуть не вздернули раз, дед.

– А? Но ты-то же не... Или?

– Стрельнул их офицера. Так вышло. И потом еще... Короче. Из петли достали.

– Можно? Вот столечко. Хватит-хватит! А ведь достали, а? Я вот, знаешь, думал... Как и кто умирает. Куда в жизни добирается. То есть, я, конечно, романтический старый дурак, но... Ты ведь ни сегодня не умер, ни тогда. Может, не судьба тебе? Время не пришло?

– И что? А вот ребята, пацаны, с которыми мы... С которыми мы бункер от красных... Из Ордена ребята. Из моего звена один Летяга остался. И то еле-еле. А сколько там полегло? Ульман, Шляпа, Десятый... Они вот, к примеру, что? Почему им – тогда было умереть сказано? Плохо себя вели?

– Да боже мой, нет!

– Вот. Вот, дед. Эй, дядь! Принеси еще отравы своей! Работай, работай!

– Это... Это та история, которую ты у Свинолула в кабинете? – подождав, пока нальют и пока удалятся, осторожно спросил Гомер. – Это про Корбуа, да?

Начальника контрразведки у красных? Он всех своих бойцов на Мельника бросил... Так? Без санкции партийного руководства?

В фанерную стену мерно застучали с обратной стороны — то ли спинкой кровати, то ли головой — и, распалаясь, громче и громче замычали.

Они помолчали, послушали, вытаращили глаза, перемигнулись. Наклонившись к Гомеру через карликовый стол, Артем выдохнул:

— Контрразведки... Председатель КГБ он был. Красной Линии. А с санкцией или без санкции... Сам подумай: председатель! В общем, я был вместе с пацанами в том бункере. Весь Орден. Сколько нас было? Пятьдесят? Против батальона. И непростого батальона. А если бы бункер красным достался... Там склад был.

— Я слышал что-то. То ли консервов, то ли лекарств.

— Консервов, ага. Но таких, которые если откупоришь... Думаешь, жратва красным нужна? Всегда они без нее жили и дальше прожили бы. Химоружие. Консервы! Отбили. Консервы твои наверх вынесли. Половину наших похоронили. Вот и вся история. Не чокаясь.

— Не чокаясь.

— И Мельник... Ты его в коляске уже видел. А до того не встречался?

— Да. Но он и в коляске... Боевой такой...

— Это человек, который Орден сам — сам! — по человечку собирал. Лучших. Двадцать лет. И вот, в один день... Я-то с ними год всего прослужил... А как семья. А ему? И — инвалидом. Руки — правой! — нет. Ноги не ходят. Представь. Он — в коляске!

— А ты, я так понимаю, служил в Ордене с тех самых пор, как черных ракетами... Вы же вместе с Мельником эти ракеты нашли, верно? И если бы не нашли, черные бы все метро сожрали. И после он тебя в Орден принял. Как героя. Так?

— Давай сразу еще по одной, дед.

За стенкой кричали так, что даже курица очнулась. Пленка сонная слезла у нее с глазных ягод, и Ряба попыталась вспорхнуть.

— Па-алетела душа в рай, — сказал Артем, пытаясь заграбастать куру пьяной рукой. — И вот что интересно. Маршрут тот же. Смотри. Нам отсюда куда теперь? Только к Трубной. И оттуда — до Сретенского бульвара. На Красную Линию, прости уж, тоже не хочу. Такой у тебя спутничек. А тогда получается — дорога одна. На Тургеневскую. Потом по нашей ветке... До Китай-города. Гиблый там туннель был... Злой. И до Третьяковской. Два года назад по тому же маршруту шел... Черт. Сколько всего в два года влезло. А от Третьяковки — к Театральной. Тогда я, правда, к Полису шел...

— Это тот самый поход? Вот когда с черными?..

— Вот когда с черными. Слушай, подруга, иди лучше еще супу поешь. Правда. Я женат. Кажется.

— Нет-нет... Мне тоже ни к чему, спасибо... А что... Почему?... Дочь Мельника... Твоя жена ведь?

— Моя жена. Моя жена раньше снайпером была. Папаша натаскал. А теперь грибы вот... Где тут он был у меня... Гриб...

— А Мельник?.. За что он тебя?

— Он меня за то, что она меня... Лучше скажи, дед... Что за история? С тобой и блондинками?

— Я... Не понимаю.

— Про девчонку ты какую-то говорил. Что-то было у тебя. А то ты все спрашиваешь меня, пытаешь. Дай и мне спросить.

— Не было. Ничего... Она... Как дочь мне. В прошлом году. Я бездетный сам. И... Девчонка молодая. Прирос. Не то как отец, не тот как дед, правда... Не как... И погибла.

— Как звали?

— Саша. Сашей звали. Александра. Станцию... Затопило. И всех. Ладно. Давай, что ли... Не чокаясь опять.

— Дядь! Э! Еще, и колбасы!

— Кончилась колбаса. Глиста маринованная есть. Но от нее... Ее умеючи надо.

— А остаться можно у вас тут? На ночь?

— Комната только с бабой сдается.

— С бабой... С этой, что ли? Беру. Эй. Сегодня отгул. Иди. Иди.

— И ведь... Говорю себе, что погибла. Что нет. И все равно везде вижу. Встречаю. С этой жуткой кобылой перепутал... Как я мог? Она... Саша... Такая была нежная... Светлая такая девочка. И только выбралась со своей станции... Всю жизнь, представляешь? На одной станции. Сидела вот на таком же велосипеде без колес... Ради электричества. Воображала себе что-то. И еще пакетик у нее был от чая. С рисунком. Какие-то горы там... Зеленые. Китай, что ли. Лубок такой. И вот весь мир, представляешь, весь мир для нее был — этот пакетик. А вот... А вот кто такой Женя?

— Кто такой Жженя?

— Да, кто? Ты с каким-то Женькой, как забудешься, разговаривать начинаешь.

— Друг мой. Друг детства.

— А что он? Где? Всегда с собой? Слышит тебя?

— Где. Там же, где Саша твоя. С ним по-другому и не поговоришь.

— П-прости. Не хотел.

— Это я не хотел. Чтобы это всякие слышали. Не буду больше. Я все понимаю: Ж-жени нет, Артем. Точка.

— Простишь?

— Все, хер с Женей. Закончили. Афиц-цант! Уговорил! Давай сюда глисту свою. Порезь только... Помельче. Чтобы непонятно было. Жалко твою Сашку.

— Сашеньку.

— Может, надо было ей и оставаться на своей станции? Может, нам всем надо было просто оставаться на своих станциях, а? Не думал? Я вот иногда думаю... Сидеть дома и никуда не ходить. Грибы растить. Хотя... Женька остался вот, и что?

— Я. Я что говорю-то... Я ведь раньше машинистом был. Метро. Настоящим машинистом метро, да-да. И... Вот теория у меня... Сравнение такое, как бы. Что жизнь — как ветка... Как рельсы. Есть на ней стрелки, которые рельсы эти переключают. И конечная — но не одна, а несколько. Кому — просто отсюда туда, и все. Кому — в депо на покой. Кому — через секретный межлинейник на другую ветку перескочить. То есть... Конечных много может быть. Но! Пункт назначения у каждого — только один! И — свой! И надо на путях все стрелки правильно переключить, чтобы попасть именно в пункт назначения! Сделать то, ради чего вообще появился на свет. Я понятно излагаю? И вот, я начал говорить, может быть, я старый дурак, и это все дурацкая романтика... Но от случайной пули умереть... Или вообще не выходить никуда... Это все не твое, Артем. Мне кажется. Не твой пункт назначения. У тебя — другой. Где-то.

— Твоими бы устами, — Артем выпустил дух. — А ты на какой линии служил? Твой-то пунктик где был?

— Я? — Гомер махнул еще стопарь. — Я на Кольцевой.

Артем скривился. Подмигнул старику.

— Смешно. А глиста ничего. Если не знать, как она называется... А?

— Я не буду.

— А я буду. Вот что, дедуль: встречал я уже людей, которые мне про жизнь, про судьбу... Про предназначение. Х-херррня. Ересь. Понял? Ничего нет. Есть пустые туннели. И ветер по ним дует. Все!

Он сгреб в сосущий желудок остатки глисты и поднялся на воздушных неверных ногах.

— П-пойду па-ассу.

Выпал из одной комнатенки в другую — за фанерку — и все изменилось. Был бар с шестом и беднягой в трико, потолок два метра, а стала — проходная, коридор, в котором матрасов набросано, и на матрасах возятся голые люди, кто — не спеша, кто — яростно, задевая друг друга, пытаясь найти точку опоры, выставляя голые пятки, нащупывая ими твердь; стены заклеены страницами из порножурналов, выцветшими и выдохшимися. Низко — не разогнуться. Качнулся дальше...

Огромный живот в курчавых волосах, а на голове совсем волос не осталось, подтяжки полосатые, сидит на продавленном диване, и на каждом колене — по нимфе, а стены в обоях таких, таких домашних, как наверху, в брошенных квартирах бывает... Гладит девчонок по голым спинкам, они выгибаются, как кошки... Целует одна другую... Жир колеблется, трясется... Он хватает за затылок одну, по другому, грубо. Гаснет свет... Дальше на ощупь.

– Где тут сортир?

– Дальше!

Рояль разбитый дребезжит, настоящий рояль! И прямо на крышке разложили дородную мадам, один окорок вправо, другой влево, мадам пищит тоненько, посередине усердствует человек в джинсовой куртке; поджарый зад с ямками утоплен в мясной роскоши... Плывет потолок... На потолке что это нарисовано? Нет... Дальше нужно.

Трое в черной форме: говорят, в старом мире ее для железнодорожников сшили, но она и в новом себе хозяев нашла; на рукавах – трехлапые пауки, черные в белом круге: триумвират Чеховской, Тверской и... Пушкинской. Точно. Тут же всего один перегон до них. Они сюда каждый день, наверное... Ночь. Прямо стоя, ей задрал, себе спустил... Она закусила губу, терпит... Еще двое в очереди, готовятся. Дисциплина. Рояль тут еще слышно, и этот черный будто подстраивается... Сразу два выхода: направо и налево.

– Где...

А вот опять по-простому. Ноль декора, тела вповалку, как ров с растрелянными, и шевелятся так же вяло, как недобитки... Дурь клубится, ползет в щели из комнаты – соседям ноздри щекотать. В глаза этот дым, в легкие, в голову, в сердце. Дальше, дальше... Откуда же он шел, Артем? Как он назад возвращаться будет?

Прямо или налево?

Вот черт с исхлестанной задницей, и над ним трудится плечистая такая... Где они берут белье это, Господи? Ведь с трупов наверху снимают... Качественное белье какое, импортное...

Мальчик-одетый-девочкой навстречу, утирает губы рукавом платья, а у самого усы; как в цирке уродов – бородатая женщина... Тут ведь раньше цирк был, прямо над этой станцией... Знаменитый старый цирк на Цветном бульваре...

И еще дверь. Может, тут? Должен ведь у них быть тут где-то...

Застолье какое-то. В маскарадных масках. То есть, хотели маскарадные... Сами рисовали, что ли? Не отсюда ли этот... Сбежал?

Поднимается навстречу хрупкая такая, изящная, и совсем... Рукой только прячет... В руке... И шею... К шее... Чувствует, что шея... Что там...

– Сядь. Сядь. Не уходи. Сядь. Побудь.

– У меня... Гриб. Аня, – нашарил гриб в кармане, взял за него, как за оберег.

– Смешной.

– Где тут у вас? Мне надо... Надо!

– Вон. Туда. А потом ко мне. Пожалуйста.

Но нет, туда больше не возвратился: потерялся.

И потом – устал, и какой-то стол, и вокруг стола люди, а под столом – девушки. И тошно, а сил нет идти дальше. Сел. Потолок крутится, крутится, доказатель-

Дмитрий Глуховский

ство тому, что вся Вселенная вокруг Земли проворачивается. Выводят одну, голую — и хлыстом ее по связанным рукам. Остальные переглядываются, хлопают.

— Не смей! Те! — Артем привстал, насколько сумел.

— Ты кто? А?!

— Не сметь! Унижать! — бросился колотить мимо, а его поймали, держат.

— Она сама! Кто ее? Мы кормим ее!

— Придурок! — это девчонка кричит. — Отстань! Я работаю!

— Наподдай ей!

— Давай, не жалея! — она просит; это она их просит.

— И ты... И ты не смей! Ты же! Ведь!

— Ты не сама! Она не сама! Ей просто деваться некуда! Куда ей деваться?!

— Умник! А всем нам — куда? Хлестани, хлестани! А теперь по сисечкам!

— Аай!

— От! Дай, я лучше попаду!

— Сядь! Сядь, выпей! С нами выпей! Сталкер? Сталкер ты?

— Не буду с... С вами! Не буду! Не трожьте! Озверели! Все! Куда деваться? Я-то знаю, куда!

— И куда? А?!

— Искать! Искать, где еще люди выжили! Искать! Уходить из этого проклятого места! Мы тут... Становимся кем? Скотами! Да меня сейчас от вас...

— Сталкер! Фантазер! Слышали? Наверх! Ты затылок свой видал? Лысеешь, брат! И мы чтобы за тобой? Ага!

— Ааай!

— Ах, хорошо! Ах, сладко! А, с-сучка?

— А что мы тут, в метро?! Выродимся! Двухголовые... рождаются! Беспалые рождаются! Горбатые! Без глаз рождаются! Слизь вместо глаз! Рак у каждого третьего! Зоб! Вон, посчитайте, сколько с зобом! Пока умеете считать! Дети-то ваши ничего уметь не будут! Вы тут девок для развлечения бьете! А на соседней... На Мендель... Менделеевской... Там все! Там уже! Пещеры! За двадцать лет! Пе! Ще! Ры!

— Погоди... Погоди, сталкер! Ты же правильно все говоришь. Правильно же говорит, а? Наш человек!

— А Менделеевская славная станция! Этот бордель против нее — тьфу...

— А ведь он верно все говорит! Вырождаемся! Гены... Гены замусорены. Выпьем, сталкер! Как тебя? Верно, мужики?

— Загажены гены! Нет чистоты! Налейте ему... У нас тут с секретиком есть, сталкер. За тебя! За чистоту генов!

— А? Что?

— И по-другому нам не спастись. Тяжелая работа. Грязная работа. Но кто-то должен делать ее. За нас!

— За нас!

– За Рейх!

– За Рейх!

– Да пошли вы! Я за фашистов... Воевали... Деды...

– Глянь, сталкер-то, а? Развоевался! Фашисты! Не следишь за выступлениями фюрера! Сто лет уже не фашисты! Смена генеральной линии! И черножжж... Так! Все люди братья, впитываешь? Если гены не битые! Люди вместе должны держаться. Против уродов! Потому что из метро спасение одно... И-и-и...

– Чистота! Генов! Спасение! Народа! – хором.

– В натуре Дарвин был пацан!

На этих ногах никуда не уйти.

– И надо! Надо чистить, сталкер! Ты лазай там, лазай! Ищи нам, где жить можно! На здоровье! Хххаха! А мы пока тут будем... Чистить. У каждого своя! Работа! Нормальный ты! Нормальный! Не ссы! Наподдай!

Накопил сил на то, чтобы сползти, свалиться под стол. А там – голые девки, между ног у ораторов застряли. Вырвало.

Пополз на четвереньках вон. Вслед – аплодисменты.

– Скоты... Оскотинились... И я с вами... Оскотинился...

И потом уже комнаты-комнатушки-комнатенки завертелись, странные, были или не были, крашенные, картонные, заклеенные голым голым голым, и в лицо голые лезут, и кто-то голый верхом пытается проехать на нем, и еще все время, все время кто-то следом идет крадется догоняет черт это или кто или убийцу подослала те гуляки их бы так их бы в петлю побарахтаться не было ли среди них тех кто его тогда приговорил два года назад может и было а сзади все шаги и надо быстрее а на карачках как это не убийца наверное все же а черт а сатана за ним забрать забрать хочет утащить еще вниз на восемь метров на следующий круг а что там уйди уйди не хочу тебя где грибок мой где грибок который она мне вложила где мой оберег от этой нечисти господи спаси!

– Вот сюда. Сюда. Вот. У нас тут и диванчик удобный.

Странный зал какой странный зал и эта люстра и потолок тут сколько метра четыре потолок это разве может такое и откуда столько света это что он предлагает мне что это за человек сил нету нету сил почему в дверях охрана кто? Вы простите, я тут ненароком подслушал. Стало интересно. Сталкер, да? Мечтаете найти других выживших? Не верите, что мы тут совсем одни остались? Тошно, понимаю. Тошно даже вообразить, что нигде, совсем нигде, кроме нашего метро никто не спасся.

– Кто? Ты кто?

А вот вам как кажется, если бы вдруг выяснилось, что на самом деле мир во все не уничтожен? Что, думаете люди вышли бы из метро? Бросили тут все? Стали бы устраивать себе новую жизнь где-нибудь в другом месте? Полно вам.

— Сразу! Наша беда... Несчастье... Некуда деваться нам... Всем... Сидим... На каторге... В подземелье...

Ну как же, простите, некуда? Выбор какой. Вот вам фашисты, вот вам коммунисты, вот вам сектанты любые, бога выберите только, ну или сами себе изобретите по вкусу, а хоть и в ад копайте лестницу, и вообще, селитесь, где хотите, станций много, хотите — книжки спасайте, хотите — человечинкой балуйтесь, повоевать — пожалуйста! Чего еще? Думаете, людям не хватает тут чего-то? И чего же, интересно? Вот вам, например? Смешно. Да, и ведь с женщинами опять же что угодно, никуда они не денутся. Вот, кстати, и у нас на сегодня предусмотрено. Саша, Сашенька, проходи. Вот у нас гость. Да, он невымытый, и дикий, но ты же знаешь, знаешь, что я именно таких вот люблю осчастливить. Давай, малыш, понежнее с ним, этот человек, видишь, какой коростой оброс, у него, как у Кая, осколок льда в сердце, ему на сердце подышать надо, в руках его отогреть, иначе не оттает. Да, я хочу смотреть, как ты его, как он тебя, но можешь не спешить, у нас есть время. Целуй. Вот. И про меня не забывай, малыш. Нет постой не надо вот у меня есть гриб и он меня защитит конечно ты дьявол дьявол но должен же ты бояться грибов в них же вся святость ты Саша где я слышал это имя твое имя Саша Саша Саша Саша Саша.

* * *

— Эй! Слышишь меня? Э-эй! Да он дышит вообще?

— Дышал вроде. Ты нос ему заткни, если живой — рот разинет.

— Эй! Брат! Ты как? Точно он?

Что-то белое. Белое и треснутое. Трещина черная. Как Москва-река вскрывшаяся среди снежных еще берегов. И больно, как реке больно, когда лед рвется. Вода талая. Весна, наверное.

— Переверни его. Что он мордой в кафель-то?

Поменялась картина: не видно ни снега, ни реки. А боль течет по ней еще, странно. Ожгло щеку. Рука саднит. Глаз чей-то выявился в пустоте. Смотрит Артему внутрь, лезет куда не просили.

— Он! Вставай, Артем! Вы что с ним делали-то?

— Мы тут при чем? Он такой был уже!

— А одежда где его? Куртка где? Майка? А это еще что, на руке? Ч-черт...

— Вот это точно не я. Мамой клянусь.

— Мамой... Ладно, поднимай. Поднимай, говорю! Вот так, к стенке посади спиной. И воды принеси.

Даль распахнулась. Коридор, двери, двери, и свет в конце. Может, ему туда надо? Не там ли мама его ждет?

– Мама... – позвал Артем.

– Слышит он все. Нормуль. Возвращается из космоса. Глисту с самогоном мешал, а? Мешал, смертничек! И сверху еще что-то было. Давно вы его потеряли?

– Позавчера расстались.

– Хорошо, спохватились. Тут такой угол... Он тут и неделю мог провалаться. И полгода.

– Мы друзей в биде не бросаем. Держи свою трешку. Э, Артемыч! Все, хорэ. Подъем. Труба зовет.

Щелкнуло что-то, чуть поблекла боль. Поменяли линзы. Сначала одну приложили к миру, потом другую, подбирая нужную. Наконец подошло: контуры стали четкими. Резкость навели.

– Ты кто?

– Ассенизатор в кожаном пальто! Леха, кто!

– Почему? Почему ты?

Странно. Странно, мучительно думал Артем. И вот еще странней: не их Леха это был. Не хватало чего-то. Не хватало.

Вони.

* * *

Потому что найти Артема, канувшего в Цветном, сам Гомер не сумел. Леха вот встретился ему в лабиринте, признал и помог, спасибо. Обнаружили на третий день в нерабочей уборной, перепачканного, из одежды одни портки.

– Что случилось-то?

Неизвестно.

Щупаешь руками в памяти, а они не ловят ничего. Чернота, как в туннеле. Есть там что, или ничего нет – не понять. Может, пусто. А может, стоит кто-то прямо за спиной, дышит в затылок тебе и – улыбается. Или не улыбка это, а пасть раскрытая. Ни зги не видно.

– Рука. Что с рукой? – Артем дотронулся, сморщился.

– И это не помнишь? – Гомер был встревожен.

– Ничего.

– Татуировка твоя.

– Что с ней?

Было на предплечье: «Если не мы, то кто?». И ни одной буквы не осталось. Все закрылись обугленным, вспухшим, из-под которого красное и белое лезет. На каждую букву – маленькое круглое клеймо.

– Папиросой прижигали, – определил Леха. – А что там было-то? «Люся, я ваш навек»? Ревнивая попалась?

Татуировка спартанская. У всех в Ордене такая. Когда принимали, набили. Напоминание: это навсегда, в Ордене бывших нет. И Артем вот: год, как отставлен, но сам скорей удавился бы, чем эти слова свел.

— Кто это мог? — спросил Гомер.

Артем молча трогал выжженные бугорки. Саднило, но не так сильно, как хотелось бы. Не один день прошел. Короста уже стала расти. Короста?

Плавал в самогоне спасательным плотиком стол, за столом — хари какие-то, и он, Артем, к этому плоту прибившийся на время; но там не пытали его, не жгли, только хлопали ему за что-то... А дальше уже и вовсе глупость какая-то. Да и не сон ли бредовый? Сны от яви никак было не отодрать.

— Не знаю. Не помню.

— Похмелись, — предложил Леха. — Воскреснешь. И вот куртец тебе добыл, на замену.

Артем закутался. Куртка была велика ему размера на два.

Нельзя было понять, ночь сейчас на Цветном или день. Тот же суп был в миске, так же стонали и так же шатали ветхие стенки неугомонные соседи, варилась в мутном воздухе клейкая музыка, так же вертелась на полированном шесте другая девка. Артем хлебал горячее — такое же, как на ВДНХ, такое же, как по всему метро, и медленно думал: почему это клеймо? Кто мог? Кто посмел?

Орден никогда не лез в грызную линию. Всегда стоял над схваткой. Мельник политикой брезговал. Начальства над собой не терпел, приказов ничьих не слушал, и на довольствии ни у кого не состоял. Два десятка лет назад он первым принес клятву: не становиться ни на одну сторону. Защищать, не делая ни для кого исключений — всех людей в метро. От таких угроз, которым больше никто не мог противостоять, или таких, которых никто не понимал еще. К присяге в Ордене приводили немногих, и после долгих испытаний — армия Мельнику была не нужна. Бывшие бойцы спецназа, сталкеры, агенты Ордена блуждали по метро, невидимые, разведывали, запоминали, докладывали. Мельник выслушивал. И если угроза появлялась — подлинная, неминуемая угроза всему метро — Орден наносил выверенный, смертельный, удар. Из-за своей малочисленности открытых войн он вести не мог; поэтому Мельник старался врага уничтожить тайно, внезапно, в зародыше, в колыбели. Так получалось, что знали об Ордене немногие, и все, кто знал — опасались.

Однако вот: кто-то не побоялся.

Отчего же дело до конца не довели?

— Пока тебя искал, вышел в тупик. Вижу: витражи. На Новослободской полопались, а здесь — уцелели! — Гомер помолчал и добавил: — Поганая станция.

— Надо уходить, — Артем отставил пустую миску.

— Я через час отбываю! — сообщил Леха.

— Обратно? Думаешь, на Ганзу пустят?

– Не. Я подумал и понял: вырос я из говна. В Железный легион пойду.

– А? – Артем перевел на брокера свои глаза: красные, натужные.

Вот для чего Леха отмылся.

– Послушал пацанов: тема! Пока мы, нормальные, уродов на поверхность не выкинем, нам тут жизни не будет. В общем, отбываю в Рейх с добровольческим взводом. Не поминай лихом!

Гомер только поморгал влажно: он, кажется, уже был в курсе.

– Ты что, дебил? – спросил у Лехи Артем. – Ты дебил, что ли?

– Да пошел ты! Ты-то что об уродах знаешь? Понимаешь хоть, какая у них мафия дикая по всему метро? И эти все гады на Рижской... Точно ведь! Вернись к ним в подкованных сапогах. Они там сапоги выдают атасные.

– Я об уродах знаю кое-что, – ответил Артем.

– Короче! – сказал Леха так, как будто это был конец разговора.

– Ну, – сказал Артем. – Встретимся как-нибудь, значит.

– Обязательно, – радостно откликнулся Леха. – Обязательно встретимся.

Он встал, хрустнул счастливо руками: в них пора было брать свою жизнь. Тут его взгляд упал на тюкающую пол курицу.

– Раздербаним, может? – предложил он.

– А что с Олешком-то, кстати? – вспомнил Артем.

– Склеил ласты! – бодро объявил брокер. – Как я и думал.

* * *

Еще покачивало. Но задерживаться на Цветном не хотелось ни единой лишней секунды.

Пробиться сквозь Гоморру с ранцем и баулом было еще сложнее, чем нагишом.

Лабиринт ожил, калейдоскоп гадюшников встряхнулся, сложился новым узором, и верная дорога наружу устарела.

Так, вместо перехода на Трубную, их вытолкнуло к пути-каналу.

– О! Гляньте-ка. Это же соратник наш! Сталкер!

В спину сказали.

Артем не отнес это даже к себе. Но хлопнули по плечу, заставили обернуться.

Там стояли четверо в черной форме, трехпалые свастики на руках; Артем их не опознал сперва, а потом будто в трехлитровую банку с солеными грибами вгляделся, и в рассольной мути они к нему повернулись лицами. Из позавчера. Этот... Этот вроде за столом сидел, привечал Артема, подливал ему яду. Родинка его на переносице. В родинку Артем ему и перился, пока те... А о чем говорили? Почему после того разговора они ему рады? Должны ведь были глотку ему прокусить.

Дмитрий Глуховский

— Помните, товарищи? Сталкер, ну? Который наш человек! Луноходом от нас уполз еще.

— Хо-хо! Какие люди! — улыбки искренней Артем не видывал давно.

— Может, с нами? Нам идейные нужны! — позвал тот, с родинкой.

Воротники у них были в унтер-офицерских петлицах, а позади по трое строилась к отправке колонна сброда; где-то в хвосте Артем уловил и бывшего брокера. Догадался: добровольцы. Железный легион. За чистоту генов. А ведь и он за это пил? Хоть бы вырвало тогда.

— На хер идите.

И затопал от них, от греха, подальше.

Теперь вот чудилось: все жители славного города Гоморры смотрят на него с прищуром, с узнаванием, подмигивают: как же, как же, встречали тебя тут давеча на карачках и без порток, чего не здороваешься?

Вспомнил: вырвало.

И другое еще вспомнилось: как за ним шел кто-то, преследовал, не отставал, трезвый, надменный, взрослый, пока Артем как годовалый ребенок на расплывающихся четвереньках убежал от позора. И что-то этот человек хотел от Артема.

Липко, как кошмар; но кошмар ли?

А ведь в Гоморре, подумалось, местных мало. Все приезжие. Фашистов видно — они, дураки, в форме; а кто еще тут, в гражданском? От Трубной и к Ганзе можно попасть, и к Красной Линии, и к бандитским вольницам на Китай-городе, а оттуда — куда угодно. И кто угодно может сюда приплыть: любая изголодавшаяся сволочь.

Может, легко отделался еще. Знать бы только — чем.

Кое-как выпутались и оказались у перехода на Трубную. Артем — с вьюками, Гомер — с курицей: старик заупрямился и не захотел губить ее, чтобы отдать половину брокеру-добровольцу. Кура, как и предсказывал Олежек, более не неслась.

Тут был сюрприз: паспортный контроль. Чем перебивалась Трубная, Артем не помнил; но, видимо, не цветным делом, раз привередничала. Виз не требовали, но без документов не пускали. Гомер достал зеленую книжечку с орлом в короне: Николаев Николай Иванович, 1973 г.р., Архангельская обл., ст. Севастопольская, женат и зачеркнуто. На ламинированном фото — без бороды и не седой еще; и сорока нет. Но угадывается, угадывается.

Артем сбросил ношу, полез по карманам.

В штанах — нет. Похолодел.

Ведь не в куртке, а? Ведь не в куртке, которая пропала, ведь не вместе с исчезнувшим грибом, который должен был Артема хранить, спасти и приземлять? Раскрыл баул, и, покрываясь клейковиной — выпитый яд через поры от страха потек — зашарил, зашарил, то туда руку запустит, то сюда, потом психанул, вы-

дернул костюм, при всех распластал свою вторую шкуру на полу, по карманам баульным, автомат под себя, все вывалил уже, во все углы заглянул. Нет! Нету!

— Не оставляя? — омертвело спросил у Гомера. — За столом не выпадало? Тот развел руками.

Без паспорта.

Без паспорта в метро нельзя. Ни на Ганзу, ни в Полис, ни на Красную Линию. Ни на Алексеевскую, и ни на какую другую станцию, где люди хоть пытаются о завтрашнем дне думать. А можно: околеть от голода на диком полустанке или в туннеле быть сожранным.

Народ собрался. Глазеют — пополам подозрительно и сочувственно. Плевать на ротозеев. Некогда прятаться: надо правду знать. Влез в ранец при всех. Показал зеленый бок рации. Пограничники заметили, насупились. Выложил — и рацию, и динамо-машину. Люди закудахтали.

— Нету. Нету, блядь!

Гомер сам уже дальше: махнул рукой, бочком подступил к пограничникам, стал их соблазнять; хотя чем там уже соблазнять? Полтора рожка патронов осталось — самое большее. Не приведи господь, стрелять придется.

— Отказать! — рычит жирдяй-начзаставы. — Мы устим, а с нас потом красные кожу с живых снимут! Вам все равно дальше Сретенского бульвара не уйти.

— Чего это?

— Красная Линия вчера отрубилась. Вошли на Сретенский, проверяют документы у всех. На самую Линию хода нет, выхода тоже. Что-то заварилось там у них, а что — никто не знает. Так что... На Сретенский-то вошли. От Сретенского до нас тут... Лучше не провоцировать.

— Говорят, красные Театральную брать будут.

— Кто говорит?

— Люди говорят. Чтобы Рейху не досталось. Боятся, что фашня первой хапнет. Готовятся. Перерезают все смежные с Рейхом.

— И когда? — Артем так и застыл над растерзанным ранцем.

— Когда-когда. Поди спроси у них. В любую минуту могут. Если уж утекло...

— Надо... — Артем зло, нервно стал впихивать обратно динамо-машину, рацию, все свое проклятое барахло. — Надо... Иди сюда, дед. Двинешь один туда через Сретенский. У тебя паспорт, у тебя глаза добрые и борода, как у Деда Мороза, у тебя курица идиотская, тебя не тронут. Я поверху... Поверху пойду. Встретимся там. На Театральной. Если ее красные не возьмут раньше. А если возьмут...

Гомер наблюдал за ним потерянно; кивал — а что еще оставалось делать?

— А ведь... Ведь если бы не решил тогда... За Олежка... За здоровье его... — с ненавистью поглядывая на курицу, бормотал Артем, доскладывая в баул последнее. — И ведь все, сука, зря! Нежилец, сука!

Дмитрий Глуховский

Посадил себе на плечи своего ездока, вернулся к погранцам — распаренный, злой и от злости будто подлечившийся даже.

— Где у них тут подъем? Где наверх — что тут есть? Лестница, эскалатор?

Начзаставы покачал лысой башкой, почти жалеючи:

— Сталкер, да? Нет тут подъема. Завалено сто лет как. Кому тут наверх шагать? Прошмандовкам их?

— А у вас? На Трубной? Есть?

— Запечатано.

— Да что ж вы за люди такие! — выкрикнул Артем бешено. — Вам вообще, что ли, верх не нужен?!

Старший не стал даже отвечать. Повернулся к Артему раскормленной жопой, брюки лопаются: а пошел-ка ты, учить еще будешь.

Артем раздувал грудь, пытался успокоиться.

Бежал-бежал по лабиринту, и выход впереди казался уже, и вдруг: все коридоры окончились тупиком. И позади мостки, по которым прыгал, все в пропасть ухнули; куда деваться теперь? Загнали.

— Артем, — старик тронул его. — А если мы через Рейх все-таки? А? До Чеховской... Там только на Тверскую попасть... И вот, Театральная уже. Можем сегодня даже успеть, если все гладко... Больше-то ты куда...

Тот ничего не говорил, как воды в рот набрал. Только тер и тер шею: в горле першило.

* * *

— Не опоздали еще?

Унтер с родинкой — улыбнулся радушно.

— Вас ждали!

Артем помялся, оглядывая колонну: ему сейчас тыкаться ей в хвост?

— У меня... — он понизил голос. — Документов нет. Без документов берете в этот ваш легион? И — сразу говорю — это снаряга сталкерская. Плюс радио. Чтобы потом вопросов не было.

— Прекрасно без документов берем, — заверил его унтер. — Все равно биографию с нуля переписывать. Кому какое дело, кем там раньше были герои Рейха?

Глава 8

HEIL

Они ушли с Цветного последним бутылочным баркасом: Гомер с Артемом, радостный от их скорой встречи Леха и унтер с родинкой промеж глаз, назвавшийся Артему Дитмаром. Двое других, безымянных, в черной форме налегли на весла, и от Цветного скоро осталась одна медная копейка в конце туннеля. А потом и копейка утонула.

Пахло плесенью. Весла шлепали по воде, рассеивая радужную бензиновую пленку, разгоняя плавучий мусор. Внизу, под тinou и под пленкой, ходили смутные извилистые тени, чудились какие-то вертлявые гады в руку толщиной; тут таких раньше не было, и быть не могло. Радиация накрутила, накорежила каких-то своих существ, нелепых и жутких.

— А знаете, кто у красных в авангарде? — говорил унтер. — Они в авангард уродов берут. Ставят в прорывные отряды уродов. Вооружают их. Обучают. Трехруких. Двухголовых. Раковых, которым терять нечего. И — к нашим границам. Ближе... Ближе. Знают, как эти твари нас ненавидят. Вербуют их по всему метро. Разведка говорит, на Сретенском выставили блокпост, от Трубной линию отсекли. А старший поста весь чешуей покрыт. Тут уже и не поймешь... Красные уродами командуют... Или уроды — красными. Я думаю, второе. Поэтому они нас и хотят жечь. Готовится что-то... Что-то готовится...

Артем слушал и не слышал. Думал о другом: главное, чтобы там, в Рейхе, никто не узнал его. Чтобы никто не вспомнил паренька, которого восторженной толпе на Пушкинской с помоста обещали повесить. Чтобы не опознали тюремщики из казематов Тверской. Побег висельника — нечастое дело. Забудут такое?

— А, сталкер? — Дитмар тронул его за руку, и прямо за ожог прохватил сквозь рукав.

— Что?..

— Какие районы твои, говорю? Где работаешь? Наверху?

— Я... Библиотека. Арбат. Для браминов книги сверху носил.

Гомер смотрел мимо, рассеянно чесал куре холку: не успели отдать ее никому в вертепе, и съесть не успели, так что кура продолжала жить.

— Хороший район, — унтер смотрел на Артема; ломаные фонарные отсветы от гнилой воды липли к его лицу. — Все там знаешь? И Охотный ряд? И к Большому туда дальше?

— Бывал, — осторожно сказал Артем.

— А почему на браминов работал?

— Читать люблю.

— Молодец! — похвалил его Дитмар. — Молодец. Такие люди, как ты, нужны Рейху.

— А такие, как я? — спросил Леха.

— Рейху всякие люди нужны, — подмигнул ему унтер. — Особенно сейчас.

* * *

Приплыли.

Подземная река уперлась в запруду. Берегом навалены были мешки с грунтом, что ли, и в них ткнулась бутылочная лодка. За мешками шла уже настоящая стена, туннелю по середине. Гудела электрическая помпа, откачивая набирающуюся по ту сторону запруды лужу. Штандарты развешаны: красное поле, белый круг, трехпалая свастика. Триумвират Чеховской, Тверской и Пушкинской. Все, конечно, уже переименованы давно: Чеховская — в Вагнеровскую, Пушкинская — в Шиллеровскую; Тверская — тоже еще во что-то. У Рейха свои кумиры.

Спрыгнули на берег, унтер обменялся зиг-хайлем с дозором. Все были нарядные, с иголки. Главный офис железных дорог наверху обнаружили, не говорят, а у них форма была такая, черно-серебряная.

Досмотрели багаж, и сразу, конечно, все нашли: вот рация, а вот автомат. Спас унтер: пошептал что-то, улыбаясь Артему из-за черного плеча, и пограничники обмякли.

Однако на саму станцию не пустили.

Нашли в туннеле зарешеченный боковой ходок, у которого стояла охрана.

— Сначала медосмотр, — бодро сообщил Дитмар. — В Железный легион хлюпиков не берут. Снаряжение... и курицу... придется временно сдать.

Оставили все охране.

Комната. Белый кафель кругом. Пахнет карболкой. Кушетка, доктор стоит в маске микробной, в шапочке, одни лохматые брови нависают. Двери какие-то дальше. Унтер с ними вошел, в углу на табуретку присел. Доктор улыбнулся про-

соленными бровями, обмаслил глазами-маслинами. Заговорил певуче, с недобитым акцентом.

— Ну, кто у нас первый?

— Давайте, я, что ли! — брокер поежился.

— Раздевайтесь до трусов. Медкомиссию проходили?

Доктор поглядел, постучал, пощупал резиновыми перчатками, в глотку заглянул, попросил оскалиться. Стетоскоп надел, попросил подышать.

— А теперь трусы спускаем. Спускаем-спускаем. Так. Позвольте? Ага. А вот это у нас что?

— А что? — напрягся Леха.

— Ну вот левое яичко, кажется... Не чувствуете?

— Вот... Вот так, конечно... Чувствую.

— Подзапущено уже. Под-за-пу-ще-но.

— Ну... Доктор... Танцор-то я хороший! — оскалился брокер. — Так что мне нормально, не мешает.

— Ну, не мешает — и славно. Одевайтесь, уважаемый. Свободны. Вот, правая дверка.

Леха натянул, застегнул, а врач пока писал что-то в бумажке. Унтер прочитал, покивал.

— Добро пожаловать.

Брокер подмигнул Гомеру с Артемом: и вам не хворать, и нырнул в предписанную дверь. Там какие-то ступени вниз бежали.

— Теперь вы, что ли, уважаемый.

Это Гомеру.

Старик шагнул вперед. Оглянулся на Артема: кто знает, что у них тут за медкомиссии. Артем не забирал у него своих глаз, не бросал деда. Вдруг накатило дежавю, огорошило, как очнулся. Кашлянул: в горле запершило. Доктор на него внимательно посмотрел.

Гомер сложил четверо засаленный плащ, положил на кушетку, на край, в ноги; стянул через голову свитер, под ним — майка грязная, под мышками пятна. Встал — голый, грудь впалая, живот бледный, на плечах волосья курчавые редкими клочками.

— Так... Шею давайте посмотрим... Щитовидку... Под бородой-то... — доктор запустил руки Гомеру в его кислое серебро. — Ну что... Зоба нет. Остальное сейчас прощупаем...

Промял Гомеру — напряженному, насуспенному — живот, заставил и старика спустить брюки, там все проверил.

— Опухлей не вижу никаких. Блюдете себя, а? Наверх не ходите, водичку фильтрованную покупаете, да? — уважительно и удивленно даже подсказывал

врач. — Поздравляю. Я бы и сам в вашем возрасте не прочь вот в такой форме быть... Одевайтесь.

Накарябал что-то на бумажке, сунул ее старику в руки.

— Левая дверь.

Гомер засомневался. С надеванием плаща не спешил, оттягивал. Ищуще оглянулся на унтера, на начальство.

— А почему деду левая? — спросил за него Артем.

— Потому, уважаемый, что с вашим дедушкой все хорошо, — ответил врач. — В выписку загляните.

— «Нормален. Годен к службе и иммиграции», — прочитал Гомер, опасливо отнес бумагу подальше.

К иммиграции годен. Опухоли ищут. А если находят?

— А правая дверь куда ведет?

Дитмар, которого спрашивали, только улыбнулся.

— А! Молодого человека на дообследование отправили. Там еще окончательной ясности нет. Специалисты должны посмотреть. Проходите, дедушка, не держивайтесь. Мне к внуку уже пора приступать, — объяснил врач нетерпеливо так, но не грубо.

Гомер несмело потянул ручку, все еще от Артема не отцепляясь. А тот поджался, думая: а вот сейчас? Вот сейчас сумею? Смогу за старика вступиться, как тогда смог?

Жужжание какое-то послышалось из растущей щели.

За левой дверью начиналась каменная кишка, крашенная в зеленый; кишка была вся набита добровольцами, по пояс голыми. Всех по очереди усатый мужчина в форме проходил тархтящей электрической машинкой, снимал им волосы.

— Никаких причин для беспокойства! — заявил унтер.

Гомер выдохнул волнение наружу. Прошел туда, к нормальным. Закрылся. И Артема освободило чуть-чуть.

— Ну, а теперь вами займемся, молодой человек. Сталкер, вижу?

— Сталкер, — Артем провел ладонью по затылку, раньше времени лысеющему: предатель.

— Рискуете, риску-уете, уважаемый! Так. Кашель беспокоит, я слышал. Давайте-ка спину. Не холодно? Туберкулезом не болеете? Подышите. Поглубже.

— Думаете, надышусь? — скривил улыбку Артем.

— Ну-ну. Ничего ужасного нет. Хрипов каких-то... Теперь давайте на новообразование поглядим.

Он высунулся в коридор.

— Составите нам компанию?

Оба дуболома втиснулись внутрь.

— Это зачем?!

— Ну... Сталкер. Фон-то не падает, сами знаете. Ваш брат частенько, не дотянув и до сорока... Да вы не переживайте, не переживайте так. Ребятки, поддержите. Ну-ну. Прилягте вот. Сталкер. Шею. Так. Горло. А-а-а-а...

Шею: у кого рак щитовидки, самый от облучения частый, иногда сначала зоб отращивают на шею. Но, бывает, и без зоба человек за месяц сгорает, а другие — с зобом до старости ковыряются как-то.

А если нащупает сейчас что? Скажет: осталось полгода. Прав доктор, среди сталкеров такое сплошь и рядом.

— А что там за дообследование? Рентген?

— Ну уж вы загнули, рентген! Так... Погодите-ка... Нет, показалось. На бочок. Ага. Все у вас пока ничего. Дайте живот... Не напрягайте, не надо.

Резиновые пальцы — мягкие, холодные — как-то вдруг притронулись, минуя кожу и мышцы, сразу к печени, пощекотали испуганные кишки.

— Ну такого прямо ничего не пальпируется. Давайте половые органы проинспектируем. Как, пользуетесь еще?

— Почаще, чем вы своими.

— Ну вы сталкер, вот я и спрашиваю. Выбрали себе ремесло, конечно. Ладно. Никаких патологий особенных я тут не вижу. Поднимайтесь. Сидели бы вы, уважаемый, в метро, как все люди. Неймется вам! А то в следующий раз как бы на дообследование не пришлось вас тоже...

— А сколько... Сколько его... этого... дообследовать будут?

Артем прислушался против своей воли: что там творится, за правой дверью? Глухо.

А внутри у него, Артема, что творится? Важно ему сейчас, рентген там у бродера или не рентген? Тоже глухо.

Сейчас важно исхитриться, схватить Гомера за шкуру и вытащить из этого места живым. И попасть на Театральную, пока туда не пришли красные. Всего один перегон. Шаг до цели. А Леха... Хотел же с уродами бороться. Пускай сначала про себя все докажет. Идиот.

— Сколько-сколько... Сколько потребуется, столько и будут, — задумчиво проговорил доктор, выписывая Артему путевку. — В этом деле, уважаемый, наперед ничего известно не бывает.

* * *

Дитмар озирался по сторонам с гордостью.

— Ну вот, добро пожаловать! Станция Дарвиновская, бывшая Тверская. Не случалось тут раньше бывать?

— Нет. Никогда.

В горле опять першило.

— А жаль. Не узнать станции!

И Артем — правда — не мог узнать Тверскую.

Низкие арки были два года назад сплошь зарешечены, превращены в клетки. И в этих клетках сидели на корточках в собственном дерьме изловленные на сопредельных станциях нерусские люди. В одной из клеток и Артем два года назад провел ночь, отсчитывая минуты до утренней казни, стараясь надышаться и надуматься.

— Полную реконструкцию прошла!

Сгнули клетки. Ни факельной копоти на потолке, ни ржавых пятен от вытекшей человеческой жидкости на полу. Все вычищено, вымыто, продезинфицировано и забыто.

И вместо казематов — торговые киоски стоят, аккуратные, покрашенные, с номерками. Праздничный базар. Толпа в нем плещется: счастливая, мирная, ленивая. Семьями прогуливаются. Ребятишки у отцов на шеях сидят, ногами болтают. Выбирают что-то на прилавках. Музыка играет.

Захотелось глаза потереть.

Поискал место, где его вешали... Не смог найти.

— Вы и весь Рейх не узнаете! — сказал унтер. — После того, как генеральная линия партии поменялась... Реформы пошли. Становимся современным государством. Без эксцессов.

Черной формы в толпе — капля, глаз не режет. Пропали рукомазные плакаты на тему превосходства белой расы, исчезли растяжки «Метро — для русских!». А из прежних лозунгов остался всего один: «В здоровом теле — здоровый дух!». И точно: лиц вокруг полно всяких, а не сплошь курносых и молочно-веснушчатых. А главное — люди все подтянуты и ухожены; как и на Чеховской-Вагнеровской, куда они попали вначале. Не слышно надрывного кашля, непременно на ВДНХ, нет зобастых облученных, и детвора вся как на подбор: две руки-две ноги, щеки — будто помидорки с Севастопольской.

Вспомнился Кирюха, который ждет экспедиции на Север.

— Прямо твои Полярные Зори, — обернулся Артем к Гомеру.

Тот шаркал сзади и крутил бородой, впитывал: для книжки для своей, не иначе. Курица болталась у него под мышкой, тетрадь торчала, скрученная, из заднего кармана. Все остальное, включая и Артемово снаряжение, унтер пока возвращать отказался.

— Вот там, за углом, в служебных помещениях у нас больница. Бесплатная, разумеется. И диспансеризацию населения проводят два раза в год. Детей — каждый квартал! Пойдете смотреть?

— Нет, спасибо, — сказал Артем. — Только что от врача.

— Понимаю! Ладно, давайте тогда знаете, что... А вот что!

Вдоль путей растопырились погрузочные краны, дрезины скопились. Пошли ими восхищаться.

— Дарвиновская теперь — главный наш торговый шлюз! — с гордостью объяснил Дитмар. — Особенно большой товароборот с Ганзой, и все время растет. Я считаю, что в эти трудные, тревожные времена все цивилизованные силы метро должны сплотиться!

Артем кивнул.

Чего же Дитмар от него хочет? Зачем избавил от забривания и строевой подготовки, на которую погнали остальных добровольцев? Почему уступил, когда Артем затребовал себе Гомера? С чего такая честь рядовому добровольцу — экскурсией его по станциям водить: сначала по Чеховской, а теперь еще и тут?

В эти трудные. Тревожные.

— Там вон туннель к Театральной.

Бросить все и рвануть туда бегом.

— Самый беспокойный участок границы. Укрепляемся. Готовимся. Так, чтобы мышь не прошмыгнула. Так что, простите, туда сейчас не пойдём.

А как же? Как же на Театральную теперь? Ряба заквохтала, захлопала крыльями: видно, Гомер сжал ее слишком, чуть не задушил. Но никуда не делась: старик держал крепко. Артем себя чувствовал, как курица. Как же теперь?

— А в этом вот конце, посмотрите-ка: производство жировых свечей, одно из немногих в метро, как ни странно, а там вон ткацкая артель у нас сидит, ударницы! Носки просто волшебные, все, кто с ревматизмом, платят за такие любую цену! Так... Что бы еще? А давайте в переход спустимся! Там у нас жилой сектор.

В переход на Пушкинскую-Шиллеровскую вели два эскалатора, нырявшие прямо в гранитный пол зала. Скатились по ребристым черным ступеням и оказались на настоящем бульваре: переход застроили домиками-кабинками с обеих сторон, светильники-факелы бронзовые между ними ласкали мрамор. В одном из пряничных домиков даже школа была, и дети умытые, живые-здоровые на перемену выплеснули изнутри Артему навстречу, прямо в грудь ему, вместе с дребезжащим звонком.

— Зайдем?

Подняли задумавшегося над журналом учителя Илью Степановича, тот показал класс: портрет фюрера карандашом — молодежавый строгий человек с щетиной, карта Рейха, карикатуры на красных, призывы делать зарядку.

— Артем — наш единомышленник, добровольцем вступает в Железный легион! — отрекомендовал его Дитмар. — А это...

— Гомер.

— Какое любопытное имя! — щуплый Илья Степанович снял очки, потер переносицу. — Вы русский?

Дмитрий Глуховский

— Иль-я Сте-панович! — укоризненно протянул Дитмар. — Ну разве это теперь важно?

— Это прозвище, — сказал Гомер. — Дитмар ведь тоже Дмитрий, наверное, а?

— Был когда-то, — ухмыльнулся унтер. — Ну а вы как Гомером стали?

— Люди издеваются. Книги пытался писать. Историю нашего времени.

— Что вы говорите! — Илья Степанович дернул себя за бородку. — А не откажете в любезности, зайдете в гости на чай? Вот уж интересно было бы! Жена вас и обедом угостит, если проголодались.

— Зайдем! Зайдем! — обрадовался Дитмар. — А чай какой крепости?

— Крепкий, как любовь к Родине! — улыбнулся желтыми лошадиными зубами Илья Степанович. — Мы в самом конце перехода, напротив цыганской семьи.

— Социальное жилье! — воздел палец к штукатурному небу Дитмар. — Заботами фюрера!

* * *

Жилой блок оказался и вовсе каким-то зазеркальем: пол был застелен уютными половичками, раскатавшимися на всю бесконечность коридора; на стенах висели репродукции всякого торжественного старья и календари с кошками и цветами. На пути объявлялись то женщины в передниках, то мужчины в подтяжках на голое тело, сквозняк ключьями нес из чьей-то кухни пары грибного рагу, и вдруг, вырвав из какого-то заворота, понесся по бульвару, жмурясь и хохоча, карапуз на трехколесном велосипеде.

— Оказывается, есть и на Марсе жизнь, — произнес Артем.

— Видите? А нас демонизируют, — через плечо улыбнулся ему унтер.

Упирался переход на Шиллеровскую в кирпичный тупик; Дитмар объяснил, что станция на реконструкции, так что сходить туда нынче вообще не получится. Побродили еще там, где можно. Каждую тягучую секунду отсчитывая, побродили. И ни на одну из этих секунд унтер не отстал от них, не оставил наедине. Гадать приходилось молча.

А к сказанному времени постучались в гости.

На пороге встретила темноволосая и кареокая молодая женщина с огромным круглым животом.

— Наринэ, — представилась она.

Дитмар выхватил из рукава неизвестно уж когда и купленную шампанскую бутылку, перезалитую какой-то загадкой, и галантно вручил хозяйке.

— Жаль, вы не сможете попробовать! — он подмигнул ей. — Готов спорить, там мальчик! У моей мамы был способ узнать: если живот круглый, значит, мальчик будет. А если девочка — на грушу похож.

— Хорошо бы, если мальчик, — бледно улыбнулась она. — Кормилец.

— Защитник! — засмеялся Дитмар.

— Вы проходите. Илья придет сейчас. Вот руки помыть... уборная.

И у них действительно была своя собственная крохотная уборная. Отдельная, как в брошенных домах наверху. Человеческий унитаз вместо дыры в полу, и фаянсовая раковина на ножке, и шпингалет на деревянной двери; на одной из стен даже висел толстый ковер.

— Красота! — сказал Дитмар.

— Очень холодно оттуда... — пояснила тихо хозяйка, подавая ему вафельное полотенце. — Утепляемся, как можем.

Гомерову курицу решено было запереть в туалете; ей даже крошек насыпали.

Пришел со службы и хозяин, жадно и любопытно позыркивая на Гомера. Пригласил в милую комнатку, рассадил на раскладном диване, потирая руки, разлил всем по чистеньким стопочкам свой чай с секретиком.

— Ну, как вам у нас тут? В Рейхе?

— Удивительно, — признался Гомер.

— А люди в большом метро нами все детей пугают, а? — смешно сморщившись, Илья Степанович опрокинул стопку. — У нас такие изменения! После новогодней речи фюрера в особенности! — он обернулся на карандашный портрет — точь-в-точь такой, как в школьном классе. — Ничего. Пускай приезжают, сами глядят. Такой системы соцзащиты для граждан, как в Рейхе, даже в Ганзе нет! И, кстати, сейчас программа по приему иммигрантов разворачивается! Вот Шиллеровскую реконструируют...

— Это в Железный легион?

— И туда тоже. Кстати, не представляете себе, сколько добровольцев едет со всего метро! Многие с семьями. У нас в классе только в этом месяце двое новеньких. Я должен признаться: отказ от национализма — совершенно гениальная идея! А какая смелость! Вы представляете, какая смелость нужна, чтобы признать — публично, на партийном съезде, что политический курс всех последних лет, да что там, столетия — ошибочен? Какое мужество! Прямо в лицо всем делегатам такое заявить! Думаете, Партия состоит из безвольных марионеток? Нет! Позвольте вас уверить, там есть оппозиция, и вполне серьезная! Некоторые состоят в Партии дольше самого фюрера! И вот так бросить вызов этим бонзам? Вы как знаете, а я хотел бы за него выпить.

— За фюрера! — Дитмар живо поднялся.

Даже Наринэ пригубила.

Не выпить было неловко. И Артем с Гомером выпили.

— Что греха таить? И мы с Наринэ... Фюрер и нам дал шанс, — Илья Степанович нежно дотронулся до руки супруги. — Разрешив смешанные браки. И не про-

сто шанс. Квартира эта... Наринэ раньше жила на Павелецкой-радиальной. Земля и небо! Просто земля и небо!

— Бывал там, — неловко отвечая на его пылкий взгляд, пробубнил Артем. — Там гермозатвор сломан, да? С поверхности лезла дрянь всякая, помню. И... Больных много было... Из-за радиации.

— Никогда. Не было. У нас. Никаких. Больных, — жестко и неожиданно зло выговорила маленькая Наринэ. — Это вы глупость сказали.

Артем опешил. Заткнулся.

— Так что история меняется прямо на глазах! — звонко от радости высказал Илья Степанович, успокоительно поглаживая руку жене. — И вы чертовски правы, что решили именно сейчас писать! Я и сам, знаете... Ну, я ведь преподаю своим ученикам историю Рейха. От гитлеровской Германии и до наших дней. И самому мыслишка покоя не дает: а не взяться ли за учебник? Не написать ли про все наше метро? И вот — конкуренция! — он засмеялся. — Выпьем, коллега? За всех тех дураков, которые спрашивают, зачем нужно писать исторические учебники! За всех тех дураков, которые над нами издеваются! И чьи дети узнают о том, как все было, по нашим книгам!

Гомер моргнул, но выпить согласился.

А Артем поглядывал исподтишка за Наринэ. Та не ела; разговор не слушала. Руки ее обнимали, защищали большой круглый живот, в котором сидел смешанный из двух кровей мальчик.

— А что, правда, напишите, Илья Степанович! — воскликнул Дитмар, заразившись учительским энтузиазмом. — Хотите, я с начальством поговорю? У нас ведь и печатный станок есть! «Железный кулак» издаем армейский, почему бы и не книгу?

— Вы всерьез? — зарделся учитель.

— Конечно! Воспитание детей — важнейшая задача!

— Важнейшая!

— И тут ведь очень важно, как и что подать, так?

— Принципиально! Принципиально важно!

— Вот, к примеру, наше противостояние с красными. Их пропаганда, знаете, обвиняет нас во всех смертных грехах... Вы-то теперь сами могли убедиться, — Дитмар обернулся к Гомеру. — Но ведь немало людей, которые верят! Верят и боятся к нам даже нос показать!

— А представьте себе! — продолжил Илья Степанович. — Представьте только, что вы взялись бы писать о Рейхе, не побывав тут! И что бы вы рассказали о нас потомкам? Страшные байки! Ерунду какую-нибудь!

— А вы что расскажете? — не выдержал Гомер.

— Правду! Правду, разумеется!

— Но ведь у каждого своя правда, разве нет? — поинтересовался старик. — Даже у красных, наверно. Если столько людей верит...

— У красных пропаганда с успехом заменяет правду! — вмешался Дитмар. — Эта уравниловка... Говорю вам, у них уроды тайком захватили власть и промывают нормальным мозги! Натравливают, науськивают их на нас! Готовят к войне! Где тут правда?!

— Голодные, нищие люди! Думаете, сложно заставить их поверить во что угодно? Думаете, они будут хотя бы пытаться отличить истину от лжи, отделить зерна от плевел? — поддержал Илья Степанович. — Не могут же они признать, что тут, в Рейхе, создана социальная модель, равной которой нет во всем метро? Нет! Они будут вас страшить концлагерями и печами какими-нибудь!

Наринэ приложила ко рту ладошку, словно боясь, что какое-то слово вырвется непозволенное наружу, потом встала поспешно и вышла вон. Илья Степанович не заметил даже, а Артем заметил.

— А про уродов вы что в вашем учебнике станете писать? — спросил Гомер.

— А что про них писать?

— Ну... Если я правильно понимаю, они ведь теперь... Это с ними ведь теперь борется Рейх, верно? Вместо...

— С ними, — подтвердил Илья Степанович.

— А как? Как борется?

— Беспощадно! — подсказал Дитмар.

— А куда вы девааете их? Тех, кого находите?

— Какое это имеет значение? Ну, отправляют их на исправительные работы, — нахмурился учитель.

— То есть, уродство этими работами можно исправить? А рак?

— Что?!

— Рак. Вот я слышал, фюрер рак приравнял к генетическому уродству. Интересно, что это за работы такие.

— Ну, если вам так интересно, — улыбнулся Дитмар. — То можем и показать. Но вдруг руки к кирке привыкнут? Ручку в пальцах держать не сможете.

— Тогда хороший же у вас учебничек выйдет!

— А не сочувствие ли к уродам мне сейчас почудилось? — спросил Илья Степанович. — В вашей книге, что же, вы их подадите как белокурых ангелят? Фюрер на их счет все объяснил четко: если мы этим тварям позволим размножаться, уже следующее поколение людей будет нежизнеспособно! Вы что, хотите, чтобы они нашу кровь своей разбавляли? Чтобы ваши дети двухговыми родились?! Этого хотите?!

— Двухголые дети у каждого в нашем проклятом метро родиться могут! У любого! — выкрикнул Гомер, вскакивая. — Бедные больные дети! А вы тут со своими двухговыми — что делаете?!

Илья Степанович молчал.

И Гомер ничего не говорил, только дышал тяжело. Артем, который в разговор не вступал, вдруг понял, что старик этот оказался храбрее него. И захотел кого-нибудь за старика этого убить, чтобы быть таким же храбрым, как он.

— А давайте-ка поглядим, что пишет многоуважаемый писатель-историк в своей книге? — Дитмар перегнулся через стол, макнув китель в салат, и ловко выхватил у Гомера тетрадку.

Артем вскочил, но Дитмар опустил руку на кобуру.

— Сядь!

— Перестаньте! — сказал старик.

Вбежала Наринэ; лицо у нее было сморщено, глаза блестили. В этой крошечной комнате страшно было бороться с Дитмаром: случайный выстрел мог выпасть любому.

Наринэ прижалась к мужу, испуганная.

— Все в порядке, любимая.

— Илья Степанович, оцените! — Дитмар, не снимая руки с кобуры, передал тетрадь учителю.

— С удовольствием! — тот ухмыльнулся. — Так. Допустим, начало. Ага. Они не вернулись ни во вторник, ни в среду, ни в четверг, оговоренный, как крайний срок... Умгум. Почерк, конечно... Первый блокпост нес... де-жур-ство. А это что? А, круглосуточно. Слушайте, а вы запятые, что же, вообще нигде не ставите? Так, пока беллетристика какая-то. Возьмем в середине... Скучно... Скучно... О! То Гомер — мифотворец и живописец — яркой бабочкой-однодневкой только появлялся на свет! И, вообразите, «мифо-творец» через дефис! Мифо-дефис-творец! Почему бы тогда и не «живо-дефис-писец» уж? И пунктуация опять... Аж скулы сводит! И это вы о себе так, коллега? Или вот еще... Одна против легиона убийц... Она упрямо сказала: хочу чуда! Охо-хо! Вот это пафос. И что же? Зашуршали струи... Зашуршали, ага. Прорыв, завопил кто-то. Это же дождь, кричала она. А! То есть, она дождь с прорывом. Романтично.

Гомер будто язык проглотил. Артем глаз не спускал с кобуры.

— Ну и конец возьмем, хотя и так уже про вашу историю все ясно, думаю. Негромко, как колыбельную... Тут вообще черт ногу сломит разбирать... Ага... Сашиного тела Гомер на Тульской... Так и не нашел. Что еще? Конец. И опять о себе в третьем лице. Ну прелесть, прелесть! Держите! — учитель шлепнул тетрадку на мокрую клеенку. — Никакой крамолы тут нет. Одна только претенциозная чушь.

— Идите-ка вы на хер, — сказал Гомер, вытирая тетрадь о брюки и упикивая ее во внутренний карман.

— Да бросьте! Вы без ошибок сначала научитесь писать! А потом будете свою «Илиаду» ваять! Сами же, небось, себя и назвали Гомером, а никакие не люди?

— На хер, — упрямо повторил Гомер, набычась.

— Да там половина книги — про вас! Какая, к чертям, история? На историю и места не осталось!

— Это старая. Новая другая будет.

— Ну, пусть новая получится лучше! — Дитмар вдруг отстал от своей кобуры, чтобы взять в руку стопку. — Поругались, поспорили, и будет. За вашу новую книгу! А, Илья Степанович? Как-то мы с гостями... Вы уж простите нас. А то и жена тут ваша, красавица, расстраивается. Мне, кстати, вот пассажи даже понравились, которые Илья Степанович зачитал, пассажики эти. Я и сам по запятым не специалист, а в остальном все складно. Вы простите, Гомер Иванович, мы так разгорячились, потому что тема очень чувствительная. Для всех.

— Для всех, — подтвердил учитель, положив руку на живот жены. — Про детей двухголовых, с вашей стороны... Это было просто бестактно!

— Думаю, вы и сами понимаете, Гомер Иванович? Понимаете же? — строго сказал Дитмар. — И мы бестактно себя повели, но и вы. Давайте считать на этом инцидент исчерпанным?

— Да. Хорошо.

Гомер сгреб со стола рюмку и опрокинул ее махом.

Артем его поддержал.

— Табаку нет? — обратился он мимо Дитмара.

— Угощу.

— Курите в уборной, пожалуйста, — попросила Наринэ.

Артем выставил вон курицу, заперся в сортире, сел на настоящий человеческий унитаз, скрутил папиросу из вражьего табака, чиркнул, посадил светляка на самокрутку, потянул, потихоньку выпуская из себя злых бесов. Остудиться хотелось.

Вспомнил про стену, которую грела коверная красота.

Пощупал ворс рукой: хоть прохладный? А зачем он тогда? Пропустил пальцы под ковер. Обычная там была стена, ничуть не холодная. Зачем тогда врать о ковре?

Артем дососал наскоро папиросу, утопил бычок, прислушался: не убивают в комнате никого? Нет пока. Дитмар гогочет, весельчак.

Забрался на унитаз верхом, нашарил, чем там ковер за стену цепляется, приподнял усилием и — снял.

Что он там думал найти?

Дверцу с замочком, к которой золотой ключик бы подошел? Для здешних буратин волшебная страна начинается по эту сторону ковра, а по ту — что?

Ничего не было. Голая стена была. Кирпичи, штукатуркой промазанные. С ковром повеселей просто.

Теперь надо было тяжеленный никчемный ковер обратно вешать, попадать петельками на гвоздики. Не хотелось жутко.

Артем все равно прижался к этой глупой шершавой стене — лбом, щекой. Она не помогла ему остыть. Папироса лучше помогла.

Но...

Что-то... Показалось, нет?

Он повернул голову, прислонил к штукатурному наждаку ухо.

За стеной, с той стороны, с обратной стороны тихо — выли.

Выли и орали тихо, еле-еле слышно, потому что стена была толстая, но орали дико, жутко. Затыкались ненадолго, на секунду, набрать воздуха — и снова принимались вопить. Плакали, умоляли неразборчиво, взывали опять. Перебивались, захлебывались, и все равно опять кричали. Как будто там кого-то в кипящем масле варили: такие вопли.

Артем оторвался от штукатурки.

Что там?

Станция Шиллеровская. Это ведь на Шиллеровскую переход. И оканчивается тупиком, потому что Шиллеровская на реконструкции. Убрали казематы с Тверской, перенесли на Пушкинскую. Вот и все реформы.

— Эй, сталкер? — из-за двери Дитмара голос.

— Прихватило! Иду уже.

Артем натужился, отнял от пола двухпудовый ковер — лишь бы унитаз сейчас не скovyрнулся... — и еле угадал, когда уже в руках почти не оставалось силы — куда навесить его.

Осторожно, тихо слез вниз.

В сортире вновь воцарилась глухая тишина.

Теперь тут опять можно было срать спокойно.

* * *

— Ну, как тебе квартирка? — Дитмар так и торчал снаружи, видно, тоже при-спичило.

— Шикарная.

— Скажу по секрету: тут рядом еще одна есть такая же. Свободная.

Артем уставился на него.

— Социальное жилье. Доделывают ремонт. По квоте нам отдают, военным. Хотел бы в такой жить? А?

— Мечтаю.

— Ну а мы могли бы наградить героя Легиона. Другим в пример. За подвиг.

— За какой еще подвиг?

Дитмар засмолил, ухмыльнулся.

– Бесишься еще, что мы твоего старика по носу щелкнули? Не бесись. Проверочка это была. На адекватность. Ты ничего, справился.

– Какой подвиг?

– Квартирка с отдельным санузлом. А? Звучит! И пенсия военная. Сможешь завязать со своими вылазками. Доктор тебе сказал же, а ты...

– Что сделать?

Унтер стряхнул пепел на пол. Осмотрел Артема еще раз: холодно. Улыбка у него прошла, и черная родинка казалась на бесстрастном лице пулевым отверстием.

– Красные будут брать Театральную. Это нейтральная станция, всегда была. Им она как кость в горле. У них – Охотный ряд и Площадь революции, а прямого перехода нету. Только через Театральную могут попасть. Разведка говорит, решились соединить. Мы этого допустить не можем. Театральная отсюда в одном перегоне. Следующий удар уже по Рейху будет. Слушаешь?

– Я слушаю.

– У нас готова операция, чтобы спасти Театральную от них. Надо отрезать переходы с Театральной на Охотный ряд, на Красную Линию. Чтобы они не успели войска через них двинуть. Переходов три. Тебе достанется верхний, через вестибюль. Пройдешь поверху, по Тверской улице. Зайдешь в вестибюль. Установишь там мину. Развернешь рацию свою. Доложишь. И будешь ждать от нас сигнал.

Артем вдохнул чужого дыма полную грудь.

– А своих почему не отправите? У вас что, сталкеров нет?

– Кончились. Два дня назад группа из четырех бойцов пошла наверх с тем же заданием и пропала. Других времени готовить нет. Надо срочно действовать. Остальных на Театральной могут вычислить. Красные могут атаковать в любую секунду.

– А на Театральной вестибюль... Открыт? Не завален?

– Не знаешь? Твой ведь район.

– Мой.

– Сделаешь?

– Если старик со мной пойдет. Он мне нужен.

– Ну нет! – унтер улыбнулся. Пулевое отверстие стало опять родинкой. – Мне он нужней. Мне он нужней, потому что если ты вовремя не выйдешь на связь, или если вовремя не рванешь это гребаный переход, или если ты вовремя не вернешься, то мне нужно будет кого-то за это... Дообследовать.

Артем шагнул ему навстречу.

Дитмар свистнул, и дверь сразу нараспашку хлопнула, а в квартире вдруг оказались трое в черной форме, короткие автоматы наготове, знают уже, где будут в Артеме дыры.

– Соглашайся, – сказал унтер. – Большое дело сделаешь. Хорошее, нужное дело.

Глава 9

ТЕАТР

Плюнул в окошки противогаса, потер пальцем. Чтобы не запотевало. Щелкнул тумблером на рации, послушал шум. Выкрутил на нужную частоту.

– Прием.

– Связь через час. Все должно быть установлено уже.

– Это поверхность. Я тебе час не могу обещать.

– Если ты через час не вышел на связь, ты или от меня сбежал, или сдох.

Старику как в обоих случаях.

– До своих-то третий день дозвониться не можете, а мне...

– Удачи.

Снова пустой шум.

Посидел еще минуту. Послушал его, покрутил ручку: чтобы что услышать? Потом застегнул ранец. Влез в лямки осторожно, поднялся на ноги и понес его нежно, как раненного ребенка. Десять кило взрывчатки внутри.

Толкнул исцарапанную прозрачную дверь, выбрался в крытый переход. Ряд торговых киосков без конца и края, все витрины расколочены, везде нагажено, все изрисовано. Фонарь не включал; фонарь издали видно. Интересно было, где тут четверо сталкеров навернулись? Четверо. Все вооруженные. С рацией. И ни один не успел в эту чертову рацию сказать ни слова.

Пошел по стенке вперед – мимо киосков. Чем они тут торговали, знать бы. Книгами. Ну и смартфонами, наверное. Их столько в метро, смартфонов этих... Все развалы забиты, на килограммы продают; и все почти дохлые. Где-то их купали же. Покупали, чтобы звонить своим родным. Прикладываешь к уху крошечную плоскую коробочку... И оттуда голос матери. Артем как-то заставил Сухого купить себе такой на Проспекте, еще когда мелкий был. Тот нашел рабочий. Артем в него полгода играл, маме звонил по ночам из-под одеяла, пока батарейка не закислилась.

И потом еще три года звонил по сломанному.

А теперь вот... Хочешь поговорить — тащи на себе такую бандуру. И если б хоть на тот свет прозвониться можно было... Звонила бы она на тот свет, а?

Поднялся по ступенькам, щурясь. Сумерки.

Здравствуй, Москва.

Мир крестом распахнулся. Огромная площадь, каменные дома в десять этажей ущельем стоят, погорелые и обугленные, улица Тверская забита столкнувшимися ржавыми авто с растопыренными дверьми, будто они пытались этими своими четырьмя дверцами как стрекозиными крыльями махать, чтобы из пробки вырваться и спастись. Все распотрошено: сиденья выдраны, багажники взломаны. А поперек Тверской идут бульвары: черная чаща, узловатые голые корни тянутся с обеих сторон по земле друг другу навстречу, хотят кольцо замкнуть, раздвигают нетерпеливо машинные скелеты.

На домах огромные рекламные щиты. Без стариков и не понять, что они продают: часы? Газировку? Одежду? Ничего покосившиеся латинские буквы, с чело-века размером каждая, не значат; Артем и не понял бы даже, что это реклама, если б старшие не объяснили. Абракадабра. Воспоминания склеротиков. Пускай теперь покупают эту абракадабру голые коряги и черные ветки, и бродячие собаки, и перекасти-поле, и раздетые мародерами кости.

Присмотрелся к зарослям: нет никого? Лучше близко не подходить. Мертвым кажется город, но кто-то сожрал ведь тут четырех бойцов в полной экипировке. До Театральной расстояние небольшое: всего пятнадцать минут ходу. И они тоже так думали. Если не здесь, не у бульваров случилось с ними это, значит, где-то впереди.

Вдоль домов идти или посередине? Если по дороге прямо, между машинами, слишком заметно будет. Если по тротуару, нужно слушать все время, все время смотреть: дома пустыми могут только казаться. Это у себя на ВДНХ Артем все знает; а тут...

Перевесил автомат поудобней, взялся за рукоять, пошагал по тротуару мимо огромных, в два этажа, торговых витрин. До дороги все засыпано в мелочь, в стеклянные брызги колотым стеклом, манекены все лежат, убитые; разные манекены — какие-то похожи на людей, какие-то на черных — из блестящей темной пластмассы, а еще безликие, безносые, безротые. Все вместе тут лежат. Никто не ушел.

Магазин украшений разграблен, магазин одежды разграблен, магазин один черт ведает чего разграблен и сожжен. И по ту сторону дороги то же. Хорошая улица — Тверская. Жирная. Повезло тем, кто живет на окрестных станциях. Продуктовых только, жаль, нет.

Дома стояли сплошь, стеной; а небо вечернее ложилось на них прямо толстым брюхом, стеганым ватником. От этого Тверская была как огромный туннель, и дорога, железная замерзшая река, казалась Артему рельсами.

В просвете этого туннеля, как в пасти, клыками маячили башни Музея революции, а сбоку еще кремлевские. Звезды на них погасли, выдохлась вся их колдовская сила, остались одни нечеткие силуэты из черной бумаги на фоне грязных облаков. Уныло на них было глядеть: все-таки ходячий мертвец веселей обычного.

И вот еще: было тихо.

Тихо-тихо, как в метро никогда не бывает.

— Как думаешь, Жень? Раньше-то, наверное, город шумел, должен был шуметь. Все эти машины тарахтели, сигналили друг другу! И люди хором галдели. Потому что каждому нужно было сказать свое больше, чем другим; и эхо еще от этих домов, как от скал... А сейчас вот заткнулись все. Оказалось, ничего важно-го. Обидно только, что попрощаться не все успели. А об остальном можно было и вовсе не говорить.

И тут Артем впереди увидел что-то.

На тротуаре.

Не манекен. Манекены так не умеют ложиться: мягко. Их всегда судорога столбнячная корежит, руки не сгибаются, ноги торчат, спина как палка. А этот вот — подобрался, поджался, как маленький. И умер.

Артем оглянулся быстро. Никого.

В черной форменной химзащите. Автомат в руках. Каска сбита, рядом валяется. Смотрит в асфальт, в засохшую кровь. В затылке дыра. Пригляделся — и из живота еще натекло, полоса по земле тянется. Ранили, значит, а потом подошли и ползущего добили. А ему, видно, было совсем плохо: занят был тем, чтобы не умереть, чтобы еще поползти, очень на этом сосредоточен. Даже не обернулся, не посмотрел в лицо тем, кто стрелял. Ну и им это было не интересно.

Вот первый.

Значит, никто их не жрал.

И автомат не взяли, побрезговали. Вот странно.

Артем присел рядом, попытался его забрать. Но руки у убитого заоченели, хоть пальцы ему ломай. Ладно, оставь себе свой ствол.

Отсоединил только рожок, нашел запасной. Настроение даже поднялось. Будто Дитмар ему аванс за операцию выплатил. Сталкеры в мародерство не верят. Сталкеры верят в такое: взял у покойника снарягу — считай, помянул. Ему все равно со снарягой лежать бессмысленно и тоскливо. Ему приятней, если она еще хорошему человеку послужит.

Дальше хотелось побыстрей.

Откуда этого страдальца пулей достали? Почему товарищи не остановились, не добрали, не понесли втроем раненого в укрытие?

Не могли сами же своего и докончить? Почему автомат бросили тогда подотчетный? Спешили? Расспросить бы их.

Но расспросить не вышло.

Второй лежал метров через триста. Звездочкой лежал, на спине. Хотел в небо напоследок посмотреть, только вряд ли что увидел: один окуляр противогаза прострелен, другой изнутри весь бурый залит. И под спиной лужа. Так же, то есть: сначала подбили, потом подошли — и контрольным.

Друзья его и здесь задерживаться не стали.

Что-то вдалеке почудилось.

Порывом ветряным принесло. Гул. Двигатель как будто. Не понять толком: слишком громко гудит воздух в фильтрах, противогазная резина уши затыкает.

Артем быстро отнял у мертвого рожок, прижался все-таки к стене, заторопился, озираясь. До Охотного ряда полкилометра уже всего. Теперь бы не сковырнуться нигде самому.

Третьего не сразу заметил; боковым зрением только. Этот хитрый был, свернул с улицы, хотел в ресторане спрятаться. А как спрятаться, когда все стены — стекольные? Отыскали и изрешетили всего. Был человек — стал куль. Выволокли, наверное, из-под стола — и докончили.

А вот сейчас был шум. Точно.

Рык моторный.

Артем задержал дыхание. Нет, не помогло. Тогда стащил противогаз, — какая уже разница, что там через год будет? — повернул ухо навстречу ветру, чтобы тот слушать не мешал. И повторилось: надсадный рев. По газам дали где-то далеко, за домами.

Машина. Рабочая. Кто?

С места Артем рванул уже изо всех сил.

Вот, значит, как.

Вот почему они бежали, и вот почему не могли убежать.

Их догоняли по одному, добивали — остальные получали фору еще метров в двести-триста пока, но потом и следующего доставали. Но почему не отстреливались? Почему не засели в какой-нибудь витрине, не дали отпор?

Надеялись до Театральной все же успеть?

Сначала не хотелось трясти ранец, но взревело вдруг совсем четко: по прямой уже, по туннелю уличному, за спиной. И Артем понесся скачками, не оглядываясь, не останавливаясь — вперед, вперед; если от тряски рванет, не так страшно, как если сначала подстрелят, а потом еще добивать придется... Пусть уже бы и рвануло...

А потом расслоилось: моторов два было, не один. Прямо сзади и еще сбоку... Вроде. По одной стороне улицы и по другой. Загоняют его?

Кто это может быть? Кто?!

Спрятаться? Нырнуть в дом? Побегать, укрыться в какой-нибудь квартире? Нет... С фасада на этой улице не было жилых подъездов. Одни аквариумы магазинные, выгоревшие, пустые, без выхода.

Вот до поворота еще чуть.

Там Охотный ряд... Потом Думу обогнуть... И все.

Четвертого сталкера не было нигде на Тверской; значит, успел завернуть; значит, и Артем успеет, может, должен успеть.

Тень свою увидел впереди — длинную, жидкую. И дорожку света.

Они сзади фары ему в спину включили. Или прожектор?

Через глотку в легкие колючую проволоку протащили. Протащили и дергали туда-сюда, чистили Артему бронхи, как бутылочным ершом.

Не смог совладать с собой, оглянулся на бегу.

Там был внедорожник. Широкий, тварь, внедорожник. Гнал по тротуару: дорога ржавчиной вся забита, не пускала. Потом визгнул тормозами, остановился: что-то мешало ему проехать.

Артем глотнул воздуха холодного и завернул за угол.

И тут же сбоку послышался второй мотор — надрывный, комариный, дребезжащий.

Мотоцикл.

Государственная Дума стояла тяжелая и основательная, похожая на громадное надгробие — первый этаж из сумрачного гранита, верх серо-каменный. Кого под ним похоронили?

Мотоцикл вырвался вперед, мчал сбоку. Ездок, не отвлекаясь от дороги, выбросил влево руку, сверкнул огнем наугад; застрекотало, заотскакивало от могильных стен. Артема миловало.

И он тогда тоже, не останавливаясь, не сбавляя — выставил прыгающий автомат, и куда-то туда, в мотоциклиста, резанул. Все мимо. Но тот дал по газам, чтобы не подставлять себя под слепые пули, рванул вперед, ушел где-то далеко разворачиваться.

Сзади снова взревело. Внедорожник выпутался.

А Артему до Театральной, до входа — уже чуть-чуть, уже только сто метров. Открыт вход, Господи? Господи Иисусе, вход открыт?

Если ты есть, должен быть открыт! Ты есть?!

Последний, четвертый боец валялся у самых дверей; не валялся даже, а сидел, привалившись спиной — к запертым деревянным створам. Уныло сидел, смотрел себе на простреленный живот, на ладони, на вышедшую сквозь пальцы жизнь.

Артем подскочил к дверям, одну дернул, другую, третью.

Возвращался с виража истеричный мотоцикл, все громче, громче. Потом вырулил с заносом квадратный внедорожник; бронированный, что ли? Артем таких никогда не видел. Таких не могло быть ни у кого в метро. Ни у кого из бесштаных подземельных империй такого не было.

Прижался спиной к дверям, вскинул автомат. Стал ловить узкое лобовое стекло в скачущую мушку. По такому стрелять и смысла нет. На крыше внедорожника появилась крошечная фигурка, как мишень в тире, чертик из табакерки. Дзынькнула пуля, сделала аккуратную дырку в стекле рядом с Артемовой головой. Снайпер. Все, хана.

Отправил очередь в молоко.

На крыше внедорожника зажглась целая прожекторная рама. Хлестанула по глазам, ослепила. Теперь даже целиться было нельзя. Разве что в воздух палить.

Сейчас кончится. Все сейчас кончится.

Вот снайпер только поймает его в кружок свой. Артем зажмурился.

Раз.

Два.

Три.

Четыре.

Вылетел мотоцикл, зашел поудобнее, и вдруг заглох. Артем попытался подглядеть, прикрываясь рукой. Нет, оба были целы. Стояли неподвижно, и Артем стоял в перекрестье их лучей.

— Эй! Не стреляйте! — попросил он их по-петушиному.

Поднял руки. Возьмите меня, пожалуйста, в плен.

Плевать им было, что он им там кукарекал. Какое-то было у них там свое бессловесное совещание. И в плен они его брать не хотели.

— Кто?! Вы — кто?!

Шестьдесят семь. Шестьдесят восемь. Шестьдесят девять.

И вдруг мотоцикл сорвался с места, пыхнул бензиновой голубой гарью, и унесся с глаз долой. Потом и броневик тоже: погасил прожектора, дал задний, развернулся и канул в сумерки.

Есть ты все-таки, а? Есть?! Или что это, блядь, такое было?!

Он пнул от радости и неверия последнего, четвертого бедолагу: а тебе-то не свезло так, а? Тот покосился, съехал. На боку у него была сумка с торчащими проводами. Мина. Мог бы, сказал он Артему, я тебя сейчас наказать за это. Не зли меня.

Артем извинился, но не покаялся.

Вспомнил кое-что, обшарил покойника.

Обежал вокруг, быстрее, быстрее, пока те, на броневике, не передумали. Подергал еще все двери: должна быть хоть одна открытая! И нашел, с обратной стороны. Влез внутрь, сразу сбежал по скользкой лестнице вниз, и только там присел отдышаться. Только там поверил, что сейчас не умрет. Что умрет не сейчас.

Лестница привела к залу с турникетами и билетными кассами.

Из него было два пути. По пустому проваленному эскалатору вниз — на Охотный ряд, и по галерее куда-то: на Театральную. Больше всего Артем боялся, что красные выставят тут патруль, который довершит то, что не сделали люди на внедорожнике. Но переход не охранялся: видно, запечатали просто гермоворота внизу, на станции, а наверх даже не поднимались, чтобы не травиться; прямо как у них дома, на ВДНХ.

Артем вытащил мину. Посмотрел на нее. Как ее тут в действие приводят?

Мина была тупая и страшная, как власть. Она и была власть, данная Артему — над неизмеренным еще числом людей.

Что с ней было делать?

* * *

Трусцой по галерее — ко входу на Театральную. Там тоже закрыто, застроено, замуровано. Но оставлена дверь: для сталкеров, чтобы подниматься. Артем влез в противогаз свой и заколотил в эту дверь, что было дури. Пять минут снизу, со станции, кто-то забирался наверх. Потом еще не хотели отпирать, допрашивали из-за заслонки, не верили, что Артем один. Наконец произвели щелку — для документов — и Артем всунул в нее конфискованный у покойника паспорт.

— Открывай живо! Открывай или буду жаловаться послу! Открывай, говорю, слышишь?! Меня тут чуть не пришили! Боевого офицера! Рейха! На твоей совести будет! Открывай, ссука!

Открыли; и даже не заставили противогаз снять, чтобы сличить с документом. Хорошо, когда за твоей спиной целое людоедское государство! Хорошо, когда шагаешь, а в шаг с тобой марширует какой-нибудь Железный легион! Уверенно жить можно!

Артем не дал опомниться дозорным, не дал досмотреть ранец, выдернул паспорт и покатился вниз; крикнул только им через плечо, что важное поручение, и хватит, и больше вам, холопам, ничего знать и не нужно.

Как только оказался внизу — свернул за угол, спрятался, полинял, как змея, сменил химзащитную зеленую кожу на свою обычную, затолкал резину куда-то временно, но рацию не бросил.

Через сорок уже минут надо связываться с Дитмаром. За сорок минут, значит, нужно ему найти тут Петра Сергеевича Умбаха, человека, который услышал в радиоэфире, что люди выжили где-то еще. И выдернуть этого Петра Сергеевича со станции, прежде чем сюда ворвутся красные — или коричневые.

Артем выглянул: не бегут за ним? Нет. Не бежали. Забыли уже об Артеме, вернулись к своим делам. Дела, наверное, поважней были, чем диверсантов арестовывать. Какие, интересно?

И тогда только вспомнил, что такое вообще — Театральная.

Центральный зал станции — маленький, уютный, низенький, с потолком прошитым ромбами, как одеяло — был зрительным залом театра: весь почти заставлен стульями, а впереди, ближе к затянутой бархатными портьерами сцене — и столиками. Арки тоже занавешены, но не бархатом уже, а чем придется. С потолка прямоугольные путевые указатели свисают, светятся тускло, подбито, но вместо списка станций — надпись витиеватая: «Добро пожаловать в Большой театр!».

А живут тут в метропоездах, стоящих на обоих путях; один ровно на станции был, когда электричество во всем мире кончилось, а другой успел уже ткнуться в туннель, поехать к Новокузнецкой. Ничего, уютно получилось. Лучше, чем на строительных лесах над водой. И чем в социальном жилье через стенку от ада лучше.

Хоть никуда эти поезда и не шли, а в окнах у них был один вид всегда — на камень, в землю — местные жили все равно весело: смеялись, шутили, за задницы щипали друг друга и не обижались. Как будто бы просто ждали в своих купе, что вот-вот машинист извинится по громкой связи за двадцатилетнюю задержку, а состав тронется, и доедет, никуда не денется, до следующей станции, и, уж конечно, в тот самый день, из которого выезжали: последний день перед концом света. А пока и тут существовать приноровились.

Дети вокруг носились чумазые, и все с придумкой: дрались пластиковыми изоляционными трубками, как на мечях, бросались друг в друга вычурными фразами, из каких-то полутлелых пьес вырванными, насмерть боролись за сворованный картонный, гуашью раскрашенный реквизит, хихикали и пищали.

Люди тут, сколько их ни было, все кормились театром. Одни играли, другие декорации рисовали, третьи гостей кормили, четвертые пьяных выпроваживали. По платформам бродили очковые бабки, обмахивались билетными веерами, заывают надтреснуто: «На сегодняшний спектакль! На сегодняшний спектакль! Последние места!». Подходили к краю, заглядывали в перегон к Новокузнецкой: сколько оттуда еще дураков принесет?

А Артему хотелось в другой конец заглянуть, в обратный.

Другим концом оба туннеля шли к Тверской. К Рейху. Где-то там в темноте, наверное, построены уже к маршу колонны в черной форме, ждут. Минут пятнадцать им идти строевым шагом. А если на дрезине бензиновой лететь — две. Две минуты пройдет, как Артем скажет Дитмару в рацию: готово, и тут будет штурмовой авангард.

Посреди зала в две противоположные стороны разбегались вверх, по-над путями, две лестницы; и обе были переходом на станции Красной Линии. Одна — на Охотный ряд, которому коммунисты вернули старое имя — Проспект Маркса. Другая — на Площадь революции; раньше она вообще-то к Арбатско-Покров-

ской линии относилась, но после первой войны с Ганзой красные ее разменяли на Библиотеку имени Ленина.

Оба перехода были отгорожены переносными металлическими заборчиками. За заборчиками стояли красноармейцы в стираной-перестираной зеленой форме, и по офицеру в фуражках, кокарды — эмалевой звездой, малиновой от времени. Друг напротив друга стояли, в десяти шажках, перешучивались. Но эти десять шажков были территорией нейтральной станции, над которой у них власти не имелось. И еще они были, хоть и галерочной, а все равно частью зрительного зала — Большого театра.

Вот так Театральная жила: зажата между двумя пересадочными форпостами Красной Линии и Рейхом. Между молотом и наковальней. Но как-то ей все удавалось от судьбы отскакивать, юлить, обманывать железо, уходить от войны, нейтралитет держать. Долго удавалось: до этого самого дня.

И в сегодняшнем воздухе, кажется, только Артем чувствовал грозное электричество: остальные не понимали и не видели скорой и неотвратимой бойни. На променадиках вдоль застрявших составов прогуливались с барышнями отпускные железнодорожные офицеры со свастиками на рукавах, и совершенно мирно получалось у них разминуться с отпускными стирано-зелеными офицерами в малиновых звездах, которые вот тут же, в шаге, в театральном буфете поднимали тост за здоровье товарища Москвина, генсека Компартии Метрополитена имени Ленина. У всех одинаково торчали из нагрудных карманов билетики. Все готовились идти на спектакль.

Все, да не все, кто-то готовился и к другому: по сигналу отсечь переходы на Охотный ряд и резать людям глотки. Переходов, кроме центрального, было еще два: один с тыла станции, в самом конце платформы, а другой — наверху, через вестибюль. Трудно все три заблокировать одновременно. Наглую операцию придумал Дитмар.

А у Артема задача была — вдвое трудней.

С самого того разговора у сортира Дитмар больше не позволил Артему оказаться наедине с Гомером ни на секунду. Не успел старик передать ему, ни как выглядит радист, ни кем работает, ни где живет. Найди, Артем: того, не знаю кого. За полчаса уже.

— Извините, — сунулся он в купе к чужим людям. — Петр Сергеевич не тут живет? Умбах?

— Кто? Тут таких отродясь...

— Простите.

Влез в соседнее.

— Петр Сергеевич? Умбах? Племянник я его...

— А вот я охрану щас... К людям в дом... Танька, ложки заперты?

— Да засуньте вы эти ложки... Дура...

Прошагал, оглядываясь на всякий случай, еще две двери.

— Петра Сергеевича не знаете, как найти?

— Эххм... Што?

— Умба, Петр Сергеевич. Технарь. Дядька мой.

— Технарь? Дядька? А?

— Радист, кажется. Не тут проживает?

— Радиста не знаю. Эххм! Есть Петр Сергеич, который в театре инженером служит. Сцену который, ну... Ну?! Сам, что ли, не понимаешь?

— Где найти его, не подскажите?

— Там и ищи. Спроси вон. Ну? У директора, господи. Что ты как тупой-то?

— Счастья вам.

— Да иди ты в жопу. Ничего сами не могут. Молодежь, бля.

Из зала запиликали музыканты, разогреваясь. Артем сунулся ко входу — билетерша его чуть за руку не цапнула:

— Тут всех бесплатно пускать! Ничего святого не осталось! Хам! Это же Большой! Театр!

Пришлось обратно бежать, покупать билетик, расплачиваться патронами, которые ему покойники ссудили. Покупал, а сам по сторонам: где-то ведь тут, где-то среди гуляющих, среди приехавших на спектакль с Новокузнецкой или откуда еще угодно, со всего метро — рассеявшиеся две диверсионные группы. Где-то, притворившись театралами — подрывники. Где-то, может — и смертники, играющие, к примеру, в отцов семейств, а сами уже взрывчаткой обвязанные. Получат сигнал, что пора умереть за Рейх, пойдут, потея, к пограничным кордонам Красной Линии, поглядят на часы и одновременно бросятся напролом. А еще через пятнадцать минут из двух туннелей сразу ворвутся штурмовые бригады Железного легиона.

Посмотрел на часы.

Понял: если он все ко времени исполнит, будет как раз спектакль. Это не Артем так рассчитал; это Дитмар. Артем просто смог не умереть там, наверху, чтобы у Дитмара все по плану прошло.

А если Артем не станет ничего делать, Гомера вздернут. А на Театральную вместо фашистов красные войдут — и вместо сегодняшнего дня, завтра. Вроде и может один человек мир изменить, но чуть-чуть только; мир — тяжелый, как поезд метро, его особо не подвинешь.

Опять метнулся к церберше, сунул ей билет в зубы; и еще ссыпал патрончиков ей в карман. От патрончиков у нее очки затуманились, и через туман ей не видно стало, что он в зал первым полез, до всей публики. Прошел мимо обоих красноармейских постов деловито, не заглядывая бойцам в глаза, не запоминаясь им. Забрался на сцену, сунулся лицом в бархат.

За занавесом было темно; угадывался в мелкой глубине сцены силуэт беседки какой-то, что ли, или смутно выкрашенного античного храма... Артем дотронулся до него — фанера. Из-за фанеры, как будто в нее можно было войти и жить там, доносились голоса.

— Ну и я, поверь мне, тоже хотел бы ставить что-нибудь другое! Неужели ты думаешь, что меня устраивает наш нынешний репертуар! Но ты должна понимать, что в нашем положении...

— Я ничего не хочу понимать, Аркадий. Я устала от этой галиматши. Если бы был в этом метрополитене, в этом мире еще один театр, я ушла бы не раздумывая! И, видит бог, душа моя сегодня не лежит играть совершенно!

— Не говори так! Что я могу сделать? Я хотел поставить «Носорога» Ионеско. Всем хороша пьеса! Главное — из костюмов одни носорожьих головы, можно хоть из бумаги делать. А потом понял: нельзя! Это ведь о чем пьеса? О том, как нормальные люди становятся животными как бы под воздействием идеологии. Ну и как такое ставить? Рейх запишет на свой счет, Красная Линия — на свой. И все! В лучшем случае — бойкот! А в худшем... И к тому же, эти люди с носорожьими головами... В Рейхе точно увидят параллель с уродами. Решат, что мы высмеиваем их страхи по поводу мутаций...

— Господи, Аркадий... Это паранойя.

Артем сделал осторожный шаг вперед. Появились несколько комнатух: примерка, закуток с реквизитом и еще что-то запертое.

— Ты думаешь, я не ищу материал? Все время! Постоянно! Но вот классика, например «Гамлет»: открываешь, и что ты там видишь?

— Я? Вопрос в том, что там видишь ты!

— Вопрос в том, что там видят наши зрители с Красной Линии! А сюжетец таков: Гамлет узнает, что его отец убит родным братом! Дядюшкой Гамлета, то есть! Ничего не напоминает?

Ругались в закрытой комнате; а рядом — в закутке — сидел, склонившись над столом, и паял что-то седой мужчина с вислыми усами и слезящимися от дыма глазами. Как-то примерно так Артем себе и воображал человека по фамилии Умбах.

— Представления не имею...

— А смерть прежнего генсека Линии? Во цвете лет! Который Москвину приходился кем? Двоюродным братцем! Тут только слепой идиот не увидит намек! Мы этого хотим? Послушай, Ольга, мы просто не имеем права их провоцировать! Они только этого и ждут. И одни, и другие!

Артем встал на пороге закутка, где сидел вислоусый. Тот почувствовал его, вопросительно уставился.

— Петр Сергеевич?

И вдруг долетели шаги — drobные, злые, визжащие — подковки сапожные пол царапали — откуда-то из зала. Несколько человек. Молчащие. Артем затаился, повернул ухо так, чтобы оно сквозь бархат слышало.

— Ты просто трус, Аркаша.

— Трус?!

— У тебя все пьесы слишком рискованны, за кого ни возьмись! Напомни-ка, почему мы не можем поставить жалкую «Чайку»? Жалкую, невиннейшую «Чайку»? В ней-то уж мне нашлась бы роль поприличнее!

— Потому что ее Чехов написал! Чехов! Как и «Вишневый сад»!

— И что?!

— Да то, что Чехов! Чехов, а не Вагнер! Я уверен на сто процентов, что наши соседи с Вагнеровской решат, что это — камень в их огород! Что мы злонамеренно выбрали именно Чехова, лишь бы их усты!

Шаги разлетелись по залу, рассыпались.

— Двое держат зал, четверо за сцену! — шепнул кто-то на ухо. — Радист тут должен быть!

Артем умоляюще прижал палец к губам, упал на пол, пополз-покатился куда-то вслепую, и получилось случайно найти щель под сценой.

Радиста ищут. Его, Артема. Это караульные не стали его сразу ловить, а положили кому-то. Службе безопасности. Лишь бы усач не сдал!

Двое, ругавшиеся за закрытой дверью, не слышали шагов.

— Трамвай «Желание»? Я могла бы сыграть Стеллу!

— Да там вся история держится на том, что Бланш стыдится своей внешности и сидит в полумраке!

— Не понимаю...

— А ты не слышала про жену фюрера?..

— Досужие сплетни!

— Дорогая. Оленька. Ну послушай. На тебя ведь люди придут... Пришли... Билеты распроданы... Можно тебя обнять?

— Трус... Мужлан...

— Мы даем нейтральный, понимаешь ты, нейтральный спектакль! Спектакль, который не может покоробить ничьих чувств! Искусство не должно оскорблять людей! Оно дано им в утешение! Оно должно будить в них самое лучшее!

Руки заоченели, спина начинала болеть. Осторожно-осторожно Артем приблизил запястье с часами к клинышку света. Поглядел на циферблат: через десять минут нужно было включаться, говорить Дитмару, что мина установлена, и выполнять следующий его приказ.

Женский голос зазвенел:

— И что же я, по-твоему, в них бужу? А?!

Дмитрий Глуховский

— Я понимаю, о чем ты, но ведь и в «Лебедином озере» балерины выходили на сцену с голыми ногами! Ах, если бы мы только могли дать «Лебединое озеро»... Но нам четко было сказано: «Лебединое озеро» воспринимается в народе как намек на путчи и дворцовые перевороты. Ситуация и так накалена, мы не должны нервировать ни тех, ни этих! И потом, твои ножки... Твои эти вот ножки...

— Животное. Носорог.

— Ну скажи, что выйдешь сегодня... Скажи, что будешь играть... Сейчас и девчонки из кордебалета уже придут...

— Трахаешь там кого-нибудь, а? Зинку трахал?

— Боже, ну какие глупости! Я ей про искусство, а она мне... Зачем разминаться на мелких шлюшек, когда влюблен в приму?

— И что же ты мне тут про искусство, а, носорожина ты дрянная? Правду говори!

— Ты знаешь, как я сам устал от этого... От этого нейтралитета... От того, что искусство... Бла-бла-бла... Уже самому хочется лечь под кого-то... Понимаешь меня? Уже хоть под кого-нибудь.

— Не начинай. До спектакля осталось всего...

— Пусть красные, пусть коричневые, но пусть кто-нибудь один...

— Уж я тебя понимаю... Не надо.

— Надо.

— Не успеем.

Над ухом шикнули, и кто-то неуклюжий затоптался и закричал. Кто бы это и по чью душу ни пришел бы, он стоял сейчас под закрытой дверью — и жадно подслушивал. Было шесть минут до эфира.

— Успеем. Пусть уже кто-нибудь один. Кто придумал, господи, что искусство должно быть независимым?

— Ты мне ухо щекочешь. Аркаша.

— Кто придумал, что художник должен быть голодным? Идиот какой-то придумал.

— Согласна. И мне, знаешь... Уже хочется четкости. Однозначности. Жесткости. Хочется.

— Понимаешь меня, да? Пусть бы содержали уже нас, но пусть бы дали четкий кодекс правил, пусть бы цензора поставили — но один кто-нибудь. Тогда мы могли, например, «Трамвай» дать и «Чайку»... Или, наоборот, «Гамлета» и...

— Да! Да...

— В утешение, понимаешь? Искусство нам... С тобой...

— Тише... Вот так...

Стук в дверь.

– Добрый вечер! Аркадий Павлович! – голос был хриплый, низкий – и странно знакомый Артему.

– Кто? Кто там?!

– Господи...

– О, да и Ольга Константиновна там. Откроете?

– А... О! Товарищ майор! Глеб Иваныч! Какими судьбами? Сейчас... Сейчас. Чем обязаны? Открываем. Мы тут... Красили вот... Ольгу Константиновну. Перед спектаклем. Открываю уже.

Артем видел через щель: четыре пары подкованных сапог и шнурованные ботинки. Дверь раскрылась.

– О... Что происходит? Вы разве имеете право тут... С вооруженными людьми... Глеб Иванович! Это нейтральная станция! Мы всегда, разумеется, рады вам... Как гостю... Но что происходит?!

– В исключительных случаях. А сейчас как раз исключительный. Нам поступил сигнал. На станции скрывается шпион. Вот бумага. Все официально, от Комитета государственной безопасности. Известно, что он ведет незаконный радиобмен с врагом. Готовит диверсию.

Артем перестал дышать вовсе. Почему-то подумалось, что ведь ни у одного из четырех застреленных сталкеров наверху рации не было. Мина нашлась, а рация пропала.

– У вас есть люди, обладающие радиооборудованием?

– Куда? Стоять! Документы! – грянуло из соседней комнатенки. – Держи его!

– Это кто там?

– Сотрудник наш. По технической. Петр Сергеевич.

– Куда же вы, Петр Сергеевич?

Загрохотало, застонало. В щели показали брошенного на колени вислоусого Умбаха: один распластанный ус ему придавили шнурованным ботинком. Артем помолился, чтобы Умбах не стал смотреть в подценный мрак. Чтобы Умбах от страха забыл продать сапогам Артема, а себе на вырученное купить жизнь.

– Ну-ка, ребятки, гляньте, что там у Петра Сергеича за барахло свалено...

– Это... Это профессиональное... Я инженер...

– Уж мы знаем, кто вы. Нам наводочку на вас дали. Теракты готовили?

– Упаси... Упаси! Я инженер! Я по технической! В театре!

– Забирайте этого губошлепа. На Лубянку поедет.

– Я протестую! – Аркадий от решимости дал петуха.

– Забирайте-забирайте. Подите сюда, Аркадий Палыч. На секунду, – голоса сместились далее по сцене, и оттуда уже тихо и очень разборчиво зашипело. – Слушай, мразь. Ты тут кого на груди пригрел? Ты думаешь, нам трудно сейчас будет и тебя заодно выдернуть? Прокатишься по Красной Линии до конечной, и никто тебя тут не хватится. И Оленька твоя... Твоя... Тронешь ее еще раз, хер от-

Дмитрий Глуховский

режу. И яйца. Сам. Я умею. Герой, бля, любовник. Иди, шпиль свой кордебалет, а на Ольгу даже не смотрел чтобы. Понял? Понял меня, говно?!

— Я... П. П.

— Скажи: так точно! Так точно, товарищ майор!

— Так точно. Г-глеб Иванович.

— Все. Иди. Погуляй.

— Куда?

— Куда хочешь. Пшел!

Заскрипела над головой сцена: сбитым, потерянным шагом. Не знал Аркадий Павлович, куда идти. Потом прыгнул наземь, чертыхнулся. Зашаркал побито. Стало тихо: Умбаха уже подняли и увели, и кованые сапоги все ускакали с горизонта.

А еще время связаться с Дитмаром — прошло.

Снова стук в дверь. Теперь уже другой: грубый, хозяйский, без притворства.

— Ольга.

— А... Глеб. Глеб, я так рада...

— Я под дверью стоял. Рада она, сучка.

— Ну, Глеб. Он меня шантажирует. Не дает ролей нормальных. То одно, то другое... Держит меня на поводке, кормит обещаниями!

— Помолчи. Иди сюда.

Громко, сочно зачавкали. Со слышным трудом оторвались.

— Значит. Я сегодня ночью приду. У меня расстрелы вечером. Предателей тюкать будем. А меня после этого дела... На сладкое всегда. Так, что зубы сводит. Чтобы тут была и ждала. Ясно? И в пачке чтобы. Балетной.

— Я поняла. Я буду.

— И чтобы никаких не было. Аркаша там твой или...

— Конечно-конечно. Глеб... А что... Что за предатели?

— Попа поймали. Проповедовал. А остальные перебежчики. На Линии с грибами швах. Хворь какая-то. Ну и побежали уже, ссыкуны. Помнят, как в том году пухли. Ничего. Далеко-то не убегут. Сейчас мы для остроточки десяток-другой тюкнем, остальные враз успокоятся. Ладно. Не твое бабье дело. Ты подмойся лучше, а не вопросы спрашивай. И пачку не забудь.

— Так точно.

Смачно шлепнули по заднице, пробухали по сцене каблуками, тяжело прыгнули на гранит и сгнули в никуда: в ту же бездну, откуда изверглись.

Артем все лежал, все ждал: будет плакать? В истерику, в судорогу впадет, будет своего Аркадия обратно звать?

Она запела.

«То-ре-а-дор... Сме-ле-е... В бой...»

* * *

— Дамы и господа! И! Позвольте! Представить! Вам! Суперзвезду! Большого! Теееее-аааатрааааа.... Ольга Айзенберг!

Зашлась какая-то труба — печальная и прекрасная, и Ольга Айзенберг вышла длинными своими и совсем неподходящими для существования в катакомбах ногами на сцену — к шесту. Лица ее не было видно из закулисья, только тень, вычерченную тушью; но и тень была невероятна.

Выступила на сцену в длинном платье; и первым же делом, перед тем еще, как закинуть свои чудесные ноги на шест, освободилась от платья.

Артем выложил на полу из штырей антенну, направил ее туда, где Тверская, по его представлению, должна была находиться. Нахлобучил наушники, перещелкнул тумблер. Не было времени, не было куража пробиваться с рацией на плечах через битком набитый зал, ругаться с караульными, ползти по эскалатору вверх. Хоть бы достало отсюда сигналом по туннелю до Тверской-Дарвиновской. Пусть бы добило.

— Прием... Прием...

Пошуршало в голове, поперхало, и смиловилось:

— О! Сталкер? А мы тут твоему деду уже галстук примеряем. Опаздываешь.

— Отменяйте операцию! Прием! Отменяйте! Они не собираются Театральную брать! Прием! У них там голод... На линии. Они эти блокпосты... Ставят... Чтобы перебежчиков ловить...

Дитмар издал какой-то невнятный звук: то ли харкнул, то ли хрюкнул.

— Ты что, думаешь, просветил меня сейчас, а?

— Что?

— Где мина, кретин? Мину ты установил?

— Ты не слышал меня? Не будет никакого вторжения на Театральную!

— Ну как же... — теперь прояснилось: это Дитмар смеялся. — Как же не будет? Обязательно будет!

Глава 10

КРАСНОЕ

– Эй, парень! Тебе чего надо?

Артем посмотрел на того, кто спрашивал: малиновая звезда плавала в мути. Пожал плечами.

У арок косились усталые древки с увядшими красными знаменами. Арочные своды были чуть по человеческий рост обрезаны повешенными табличками: «Красная Линия. Государственная граница».

– Иди давай. Хорош пялиться.

Офицер не спускал глаз с его рук. Красноармейцы за его спиной ждали команды.

Чего мне надо, спросил себя Артем.

Нельзя ему ни в коем случае: поднять руки и шагнуть вперед. Нельзя ему: идти за этим несчастным Умбахом туда, где Петру Сергеевичу сейчас будут кишки на палку накручивать. Нельзя признаться, что радист-диверсант, которого искали – не Умбах, а вот он, Артем. Потому что его, Артема не пустят к Умбаху все равно, а Артемовы кишки зато будут следующими.

Тогда что?

Тогда забыть про Умбаха, про слышанное им или не слышанное в туберкулезном московском эфире, про Гомера забыть, который там где-то, на Пушкинской, ждет его в петле, про Дитмара с его заданьем, про людей, которые вот сидят за его спиной сейчас и любят эту дрянью, и которых будут скоро резать в штыковой, попрощаться с малиновой звездочкой и пойти гуляючи к Новокузнецкой. А за его спиной пускай творится что угодно – на спине глаз нету.

А что там, на Новокузнецкой?

Ничего.

То же, что и на ВДНХ.

Пустота. Духота. Грибы. Такая жизнь, которую Артему положено тащить, не переча, пока не сдохнет. Сделать круг, вернуться к Ане. Когда-нибудь, по чужим мертвым документам.

Документы чужие, а жизнь своя будет – своя, Артемова, прежняя – черная, перекрученная и сухая, как сгоревшая спичка. Хочет он такую жизнь? Может он ее?

Ольга Айзенберг сняла лиф. Прожектора, без рук Петра Сергеевича осиротелые, выцеливали ее неумело – слишком резко, слепя, отбрасывая на стены яркую черноту по Ольгиному контуру.

Труба играла слишком быстро, слишком тонко, тошнотворно, закручивала кишки, и под нее бился, крутился бешено женский силуэт на шесте, как на кол насаженный.

– Оглох? Вали давай!

А ведь Артем, пока Умбаха искал, пока шел сюда вместе с Гомером, забыл ненадолго, как это: когда идти некуда. Старик дал ему что-то. Направление хотя бы. Прости, дед.

Как тебя спасти? Сделать, как черт велит? Помочь ему резню устроить? И что, неужели тебя отпустят тогда? Не отпустят, дедуль.

Вот ведь выбор: что ни берешь, одна безнадега.

– А ну, общите этого!

Ноги сами сделали шаг назад. Ноги еще не решили ничего.

В зале заоборачивались, зашикали.

Кто-то отдыхающий, в железнодорожной форме – зацепился за Артема. Не Артема ли он на самом деле томительно ждал, скучно наблюдая за актриской, извивающейся на колу?

Если в другую сторону пойдешь, вперед, обратно не вернешься, знали ноги. Телу было рано умирать. А душе обратно в ту старую жизнь не моглось.

Не хочу от нее детей, понял Артем. Понял просто и насовсем.

Что там, на ВДНХ? Там ничего. Там все, чем Артем не стал. И все, чем он лучше сдохнет, чем станет.

Умом заставил себя поднять руки – одна поползла чуть быстрее. Пот шел по вискам, затекал щелочью в глаза, щипал. Плыла в нем малиновая звезда.

Может, тебя не убили еще, Петр Сергеевич? А? Я ведь к тебе через полметра шел. Пришел вот. И теперь отсюда мне дальше некуда. Давай, тебя не убили?

– Имею информацию.

– Что ты там бормочешь?!

Артем чувствовал паучий взгляд из зала на себе – кожей. Поэтому повторил так же глухо:

— Имею важную информацию. О готовящейся диверсии. Со стороны Рейха. Хочу переговорить. С офицером. Госбезопасности.

— Не слышу!

Артем утер пот и сделал шаг вперед.

* * *

Переход на Охотный ряд был длинный, нескончаемый, словно специально Артему тут построенный, чтобы он успел за этот переход передумать.

Снаружи у Красной Линии граница была тонкая: ограждение переносное и пара снулых бойцов. Зато внутри, где чужим не видно, шли укрепления в три полосы. Мешки, колючая проволока, пулеметы. Стволы у них в стену глядели, не внутрь и не наружу: не знали еще, с какой стороны будет наступать враг.

Краской по трафарету был обозначен на стенах сдвоенный профиль: толстощекие и лысеющие нахмуренные люди, страшно похожие, будто сбитая чеканка на медали; один другого не то прикрывает, не то заслоняет. Братья Москвины, знал Артем. Тот, что на первом плане — Максим. Нынешний генсек. Тот, которого Максимом припечатали — прежний, скончавшийся.

С каждым шагом от Театральной порочную изломанную трубу Большого становилось слышно все хуже; потому что с обратной стороны, от Проспекта Маркса, громче и громче несло по переходу — прямо в лоб — бравурное, маршевое, бодрое, многоголосое — производимое целым духовым оркестром. Оркестровый марш сшибался с томливой трубой уже там, где у перехода только начиналась вторая треть — и выбивал ее назад, в Театр.

Освещено было скверно, бедно: вдоль колючки только ров из света, а дальше сумрака налито, как киселя. До следующей колючки. Живых людей им по пути не встретилось, только смурная солдатня. Артем рвался вперед, хотел уже определить с судьбой, а конвоиры не собирались спешить, у них с судьбой все было глухо.

Еле дотерпел до Проспекта Маркса — Охотного ряда. До самого последнего кордона, который выглядел так же, как и первый: хлипко, дунешь посильней — снесет. Остального от него видно не было, лестницей прятало, и поэтому казалось, что никому тут, на Красной Линии, Театральная не сдалась.

А оркестр был самый настоящий — и стоял прямо на входе, у границы, и изо всех сил дудел, звенел, барабанил. От него против воли хотелось расправить плечи; и уж, конечно, никакая труба и никакие другие театральные звуки сквозь него пройти не могли.

Станция — уютная, домашняя, маленькая, как все первые станции метро, была наполнена народом одного цвета. Тут не грязно было, и вода с потолка не текла, и лампы горели; все пристойно, одним словом.

Но: в те секунды, когда оркестр замолкал на секунду, чтобы переменить один марш на другой, делался слышен второй голос станции. Непривычный: вместо гомона, который людям положен, на Охотном ряду стояло шуршание. Шуршали, озираясь, в витых очередях, где у каждого на ладони был записан номер, шуршали в подворотнях арок — за столиками, выполняя какую-то Артему непонятную волокиту, шуршали бабы и шуршали дети. И вдруг — пока барабаны и литавры переводили дух — станции переставало хватать света и чистоты. А потом оркестровый конвейер запускался снова, и выезжающее с него веселье снова подменяло станцию. Лампочки загорались ярче, губы у прохожих натягивались, а мрамор принимался блестеть.

Для построения еще были лозунги — тоже трафаретные, печатные: «Перечеркнем Красной Линией нищету, безграмотность, капитализм!», «Нет — ограблению бедноты! Да — всеобщему равенству!», «Их олигархи жрут грибы наших детей!», «Каждому — полную норму!» и «Ленин, Сталин, Москвин, Москвин». Лысый Ленин с усатым Сталиным были повешены на стену в золотых рамах в торце станции. Рядом стоял караул из бледных мальчишек в красных тряпочках на шее, лежали цветы: пластмассовые.

Артема, подконвойного, местные как будто и не замечали: у всех, мимо кого он шагал, как-то находились дела поинтересней; ни с одним он не смог встретиться глазами. Но стоило разминуться, как заговор начался — эти рассеянные взгляды тут же пучками собирались из их любопытных стекляшек.

Он шагал и договаривался с Петром Сергеевичем о том, чтобы тот еще чуть-чуть не умирал и не уезжал никуда, чтобы дотерпел до Артема. Времени всего прошло — час, шансы были.

КГБ сидел с изнанки станции: под полом, по которому топтались одноцветные граждане, имелся еще один этаж, низенький и никому не известный, и вход туда тоже был такой, как будто это шкаф — швабры с ведрами приткнуть куда-нибудь.

Но внутри — привычно все, как везде, как во всем мире — коридор масляно выкрашенный, по пояс зеленым, дальше белым, штукатурка от влаги буреет и пузырится, лампочки вечные болтаются, и вереница комнат.

Конвоир одну отпер, пхнул в нее Артема.

— Мне срочно! Срочное донесение!

— Донесения в армии, — подмигнули ему. — А сюда с доносами.

Пролязгали по ушам, по голым нервам засовом снаружи.

Посмотрел на соседей: женщина с тушевыми глазами и с вытравленной в желтое челкой, остальное в комочек на затылке собрано, и угрюмый малорослый мужик с белыми бровями и ресницами, остриженный как попало. Шкура у него была дубленая и загорелая, как у алкоголиков.

Умбаха в камере не было.

— Присаживайся, — сказала женщина. — В ногах правды нет.

Мужик сморкнулся.

Артем примерился к скамье и остался стоять, как будто от этого быстрее его бы приняли, выслушали и согласились отпустить радиста на все четыре стороны.

— Тоже думаешь, сейчас вот сразу разберутся, да? — вздохнула женщина. — Мы-то третий день тут вот так. И хорошо, может. Они тут разбираются так... Что лучше б и не разбирались.

— Помолчи, — простонал мужик. — Хотя сейчас бы ты помолчи.

— Сюда дядьку передо мной не приводили? — спросил Артем у нее. — С усами такого? — он руками показал, как бессильно свисали у Умбаха усы.

— Не было. И без усов не было. Одни кукуем. Друг друга вон грызем.

Мужик отвернулся к стене и с ненавистью заковырял ее ногтем.

— А ты что натворил-то?

— Ничего не творил. Дядьку вытащить надо.

— А дядька что сделал?

Артем посмотрел на ее телесные колготки, все в шрамах заштопанных, на ее руки — синяя кровь течет под кожей совсем близко, распирает. Глаза из-за черной каймы сперва кажутся большими и страстными, как в последний раз, а на самом деле — нет, обычные. Улыбка морщинистая. Морщины усталые.

— Дядька тоже ничего. Мы с Театральной вообще. Жили и жили себе.

— И как вам там, на Театральной? Хреново, небось? — она посочувствовала.

— Нормально.

— А нам тут говорят, вы друг друга доели почти уже. Врут, что ли?

— Юлька! Ну ты не дура? — окликнул ее мужик.

— Мы-то тут хорошо живем, — вспомнила Юлька. — Нам-то так, в принципе, и насрать, что у вас там, — она подумала, посомневалась. — За грибами-то подолгу стоите?

— Как — стоим?

— Ну вот в конец очереди встал. Каким номером будешь?

— Какая очередь? Деньги есть — купил.

— То есть — деньги? Купоны, что ли?

— У нас тут, — вмешался мужик, — не нужны деньги никакие. У нас кто работает, тот и ест. А не как у вас на вашей Театральной. У нас трудовой человек под защитой.

— Ладно, — сказал Артем.

— Жрите сами ваши деньги, — добавил мужик.

— Ну что ты, Андрюш, напал на него? — заступилась Юлька.

— Подсадили мурло какое-то, а ты ему и титьки еще покажи! — Андрюша харкнул под себя, но как бы и в Артема.

— А то вдруг тебе титьки мои занادобились, — улыбнулась она мужику.

— Я не провокатор, — сообщил сам себе Артем.

— Я вообще ничего не хочу знать, — сказал Андрюша. — Это все не мое дело. Помолчали.

Артем прислонился ухом к двери. Было тихо.

Посмотрел на часы. Что там Дитмар? Верит ему еще? И сколько еще согласится верить?

— Вообще, что ль, очередей нет за грибами? — спросила Юлька. — А сколько в одни руки дают?

— На сколько денег хватит. Патронов, — на всякий случай объяснил Артем.

— Дела! — восхищенно сказала Юлька. — А если вдвоем прийти?

— Что?

— Тогда обоим дадут, сколько хватит?

— Ну да.

— Зажрались, бляди, — сказал Андрюша. — Ты думаешь, они чьи грибы жрут? Наши с тобой! У нас дети с голоду пухнут, а эти жируют!

— И ничего не пухнут! — испугалась Юлька. — У нас и детей-то нет.

— Я конфигурально. Образно, то есть, я.

Он уставился на Артема с тоской и чувством только что совершенной неправимой ошибки; заливаясь багровым.

— Он не говорил такого, — попросила Юля Артема. — Хорошо?

Артем пожал плечами. Кивнул.

— За собой последи! — рявкнул Андрюша жене. — Манда! Не балаболила бы, были бы дома. А то тебя Ефимовы ничему не научили!

— Ефимовы-то ведь молчали, Андрюш, — прошептала та. — Их так взяли. Ни словечка никогда от них против... Против.

— Значит, было за что! Было, значит! — шепотом же крикнул он. — Как это — вот так, ни с того, ни с сего людей возьмут и... — он схаркнул. — И всю семью.

— Что — всю семью? — спросил Артем.

— А ничего! Что надо!

— Да я только что сказала-то? Что грибов не хватит на этот год. Что неурожай в совхозе, из-за хвори... Из-за гнили белой. Голодать будем. Ну это же так все! Я ведь это не из головы взяла! А они: клевета... Эта... Пропаганда...

— Кому сказала-то? Дура ты пиздливая! Дементьевой Светке сказала! Ты про Дементьевых не знаешь, что ли?

— У Дементьевых Дашка в консервном цеху стоит, она будто сама не понимает!

— Стоит и помалкивает, значит! Людей не за такое берут! Васильеву за что? Что «Господи, помилуй» перекрестилась! А Игоря вон из сто пятой за что забрали? На перекуре болтал, что на Черкизовскую люди пришли снаружи.

— Из какой снаружи? И что?

— Не из Москвы. Поверху откуда-то. Из другого, типа, города. И без химзы пришли якобы. Ну и что тут такого? В этом-то что? И ясно, что байка. Типа, всех этих иногородних до единого враз замели и тем же днем... — он чиркнул пальцем по горлу.

— Не показывай на себе! — испугалась Юлька.

— Байка, ну? Дурь ведь! Америкосы, га-андоны, все начисто нам снесли, это и дите малое знает, что одна Москва стоит. Какой еще город! А Игорька Зуева на следующий день выдернули. Юдин там слушал, а Юдин тоже... Пнем надо быть, чтобы при Юдине...

— Из какого города? — Артем подобрался. — Из какого города пришли? Эти, на Черкизовской?

— Ага, — сказал ему Андрюша. — Щас я тебе.

Артем оторвался от двери, шагнул к мужику, наклонился к нему.

— Но он ведь говорил? Говорил же? Игорь этот?

— И договорился.

— Скажи! Скажи, важно!

— Ты донос на дядьку своего еще не сдал! Куда столько загибаешь? — недобро усмехнулся Андрюша.

— Идиота ты кусок! Скажи просто! Откуда?! — Артем взял мужика за ворот, накрутил материю на кулаки, прижал к стене.

— Отстань от него! Отстань! — тонко сказала Юлька. — Он ничего, ничего он не знает! Охрана! Люди!

— Хрень это все.

— А если нет?!

— И что? И что, если нет?!

— Да все! Да тогда можно отсюда валить! Из этого метро!

Андрюша, приоторванный от пола, помотал головой. Скривил харю.

— Было б им так хорошо там, лезли бы они к нам?

Артем набрал духу — спорить — и не нашелся.

— Поставь меня. Поставь, где стоял, гнида, — сказал Андрюша.

Артем поставил. Отвернулся, ушел назад к двери.

Хотел упереться в нее лбом — а она раскрылась.

— С Театральной который. На выход!

— Зря, — сказал Артем Андрюше.

— Вот и спросишь у них сам, — харкнул тот.

* * *

— Вот, товарищ майор. Это который в диверсии.

— А браслеты? Пускай в браслетиках.

Щелкнули наручниками.

— Вот это, когда сами сознаются... Всегда надо в браслетах, — объяснил Артему товарищ майор, встречая на пороге. — Зови меня Глеб Иванович. А ты кто?

А Артем уже знал, что это Глеб Иванович. Голос его хриплый и низкий знал. И ботинки шнурованные.

— Колесников Федор.

Как в паспорте, который ему Дитмар выдал.

— Ну докладывай, Федор.

Глеб Иванович был кряжистый, крепкий; мясной породы. Лобастая башка лысела, толстые губы румянились. Он был с Артема ростом — не очень, значит, высок; но шире вдвое, а здоровей — вчетверо. Гимнастерка на нем не сходилась, ворот был бычьей шее узок, и в брюках бугрилось.

Сам Глеб Иванович сел за стол, Артема оставил торчать.

— Вы не того взяли.

— Какого не того? — насторожился майор.

— Умбаха. На Театральной. Он не виноват ни в чем. Перепутали.

— А кого нужно было брать?

— Другого.

— А. Ага. И ты его пришел выручать?

Майор сразу заскучал.

— Он не диверсант никакой. Он инженер из театра, — сообщил Артем.

— Ну а признался, что диверсант.

— Так ведь... Наговорил он. Он наговорил на себя.

— Это уж его беда. У нас все подписано.

И что дальше?

Комната была просторная, но простая до строгости. На полу линолеум свертывается, в углу сейф серым кубом, стол разве вот богатый, трофейный — и сдвоенный профиль на стене. Все.

А нет, не все.

Что-то тикало еще. Артем оглянулся: сзади, над входом — висели часы. Недавно только им виденные — совсем в другом месте. Простые часы: стекляшка в синей пластмассе. На циферблате щит изображен, и в него воткнутый меч, и еще буквы в строчку — все заглавные, через дефис. «ВЧК-НКВД-МГБ-КГБ». Было без десяти минут десять.

— Спешешь куда, Федор? — спросил его майор. Ухмыльнулся. — Опаздываешь?

— Часы интересные.

— Часы что надо. И я вижу на этих часах, что меня ждут дела. У тебя все, Федор? Я бы с тобой попозже продолжил.

— Мне с ним надо переговорить.

— А вот этого никак не получится сделать. Он тебе кем приходится? Родственник? Или коллега?

— В чем он признался? Он не диверсант. Он на Рейхе и не был никогда. Это не его вы искали. Другого.

— Нет, Федор. Мы искали его. Петр Сергеича. И Рейх тут ни при чем. Вот, — майор помахал какой-то жирной бумажкой. — Ориентировка. Из центрального аппарата. Центральный аппарат ошибаться не может.

Значит, это не за ним, не за Артемом, приходили? Умбах сам виноват?

— У тебя все? — Глеб Иванович поднялся. — А то у меня на десять назначено.

Он нагнулся к сейфу, поколдовал, скрипнул заслонкой; и вытащил черно-серый тусклый от царапин револьвер.

Тут Артем вспомнил, что именно у майора назначено.

— И что... Что теперь с ним будет, с Петром Сергеевичем? — спросил он пересохшим горлом.

— К высшей мере, — приговорил майор. — Ладно, Федор. Дождись завтра. Завтра с тобой будем еще разговаривать. Чувствую, разговор у нас некороткий выйдет. Что-то ты хочешь мне сказать, а мнешься. Надо тебя расшевелить как-то, а со временем сегодня, как назло, туго. Дела.

Он пошарил там же, в сейфе, достал из коробки пригоршню медных болванчиков, рассыпал их по столу. Выкинул у револьвера барабан, стал фаршировать его тупоголовой смертью. Один, два, три, четыре, пять, шесть, семь. И еще осталось.

— Его нельзя стрелять! — крикнул Артем. — Умбаха!

— Почему?

— У него сведения... Он радист. И он знает что-то...

— Все, что он знает, знаем и мы, — успокоил его майор. — От нас секретов быть не может. Все. Иди, проспись. Тут меня... люди ждут.

Глеб Иванович почесал, погладил себя по напряженному гульфику, потянулся сладко.

— Да вы представления не имеете! У него информация! Ценная... Он... — Артем укусил себя за губу, в последний раз взвесил. — Он выживших нашел! Связался! С другими! Понимаете? С другими выжившими! Не в Москве! — он заглянул майору в его широкое ровное лицо.

Ничего там не изменилось и не подвинулось.

— Херня какая.

Потом улыбка по губам тенью прошла. Глеб Иванович рукой поправил волосы. Вид у него был мечтательный. Ждал он, ждал вечера, ждал десяти часов, и ждал

того, что будет после — назначенного свидания с красивой своей сучкой в балетной пачке. Вот об этом ему хотелось думать.

Артем вскинул скованные руки.

— А если есть еще какие-то места, где можно жить? Если мы не должны, не обязаны тут в метро... До конца... А? И он — он! — может это знать!

Майор взвесил в руке револьвер, зажмурил глаз, поглядел на стол через мушку.

— Вот качество, — задумчиво произнес он. — Из него, наверное, сто лет назад еще расстреливали. А все равно... Надежней нагана машинки нет. Особенно для этого дела. Не заклинит, не перегреется.

— Ты что, не слушаешь меня?! — взбеленился Артем. — Или ты знаешь что-то?!

— Ладно, хватит. Конвой!

— Нет, не хватит! Если ты его расстреляешь сейчас, мы никогда, ничего... Никогда!

— Конвой, бля! — рявкнул майор двери.

— Никогда! Он — единственный, понимаешь ты? Больше никому не удавалось! Найти, связаться... Его нельзя убивать!

— Нельзя все-таки?

— Нельзя!

— Ценная информация?

— Да!

— Выжившие!

— Выжившие!

— Ладно, идем.

Майор схватил Артема ручищей за плечо, гидравлическим прессом, пнул дверь, вывел в коридор. Конвой подбегал, виноватый и испуганный, допыхивая самокрутку, но майор только сунул ему вороненый ствол в рыло и оттолкнул.

Вытащил из кармана связку ключей, позвенел ей у какой-то двери. Шваркнул ей, втолкнул Артема в камеру. Там сидели семь человек, бледные и потные.

— Умбах!

— Я.

Вислоусый Петр Сергеевич поднялся, глядя ищуще и беспокойно. Он весь был перемазан бурым, подсыхающим; переносица вскрылась, и рот щербился. Голову он чуть запрокидывал, чтобы из носа не текло.

То тень мелькнет через его лицо, то света пятно: чего ждать?

Майор вскинул револьвер к его лбу и сразу по ушам хряснуло, молотом врезало, и прыснуло мелким красным вокруг, на руку ему, на лицо, на гимнастерку. Умбах ослаб и сел на пол, стал как мешок с песком. Остальные бледные зажали уши, баба завизжала. Стена вся была в мокрых блестящих ошметках. Засунул го-

лову в камеру тюремщик, ругнулся неслышно, что-то неслышно спросил. В ушах надрывно звенело.

Майор схватил Артема за плечо и выволок в коридор, хлопнул дверью. Зарычал сквозь звон:

— Кому нельзя? Мне? Мне нельзя? Сучонок ты мелкий! Мне — нельзя?!

Тошнило, крутило.

Артем сглатывал, держал в себе. Выблюет — покажет слабость.

— Выводите расстрельных! Сколько можно! — крикнул еле-еле сквозь звон майор тюремщикам. — Сколько их там у нас?

— Семеро было с Умбахом.

— Как раз, значит, барабана хватит. И камеру замыты!

Майор сделал шаг и встал прямо у Артемовых глаз. Подбежавшим из караулки сказал:

— За мной его!

Вернулись в кабинет.

— Ты говоришь, не надо. Надо! Надо вас расстреливать. И прилюдно. Полезная штука — расстрел. А то каждый, блядь, думает, что он — главный герой, что это кино про него снято. А на, погляди, как люди мешками с говном становятся. Чик! И готово. И не будешь столько о себе воображать!

Он взял со стола ничейный патрон и сунул его Артему под нос.

— Гляди. Это для тебя. Хотел с тобой завтра разобраться без спешки. С бреднями с твоими. Но ты прям на рожон лезешь.

Выдернул барабан, загнал в него Артемов именной.

— Этого к остальным!

— Нет, — Артем замотал гудящей головой. — Нет!

— Пшел!

— Сегодня... Сейчас... Рейх... Будет... На Театральную...

— Пшел, тварь!

— Умбах... Он их агент. Был. Я должен был... Вытащить его. Отсюда. Я тоже...

Тоже дивер... сант.

— Болтун ты...

— Стой. Стой. Все врал про радиста. Не убивайте. Я правда. Клянусь... Там сейчас две... группы. Минируют переходы.

Глеб Иваныч наконец повернулся к нему.

— Зачем?

— Будут Театральную брать.

— Ну?

— У них в туннелях стоят штурмовые бригады. Наготове. И две диверсионные группы на Театральной. Будут взрывать переходы к вам сюда. И когда отрежут Театральную... Через пять минут... Будут там.

- Умбах что? Зачем он?
- Он радист. Должен был сигнал к началу получить.
- А ты?
- Я при нем. Связной.
- Кто задание давал? Тебе – кто?
- Дитмар.
- Знакомы.

Майор окаменел. Часы над головой у Артема считали: ц-к, ц-к, ц-к. Такие же точно часы, как у ганзейского майора. Только окончание у аббревиатурной истории ВЧК было другое, преждевременное.

– Ну ведь ты тут. У нас. И Умбах у нас. Значит – они пока ждут. Сколько будут ждать?

– Должны были до окончания спектакля ударить. Если затянуть... Пошлют кого-нибудь проверить. И все равно рванут.

Ц-к. Ц-к. Брови у майора сползли.

- Остальных знаешь в лицо? Из тех двух групп?
- Знаю. Старших.
- Поможешь?

Он кивнул раз проржавело, натужно.

– Так быстро не успеем собрать людей... – сказал вслух майор. – Надо время потянуть. Надо потянуть время.

Хотел подсказать майору, но боялся: тот ведь нарочно сделает наоборот. Должен сам. Думай, думай, майор. Ну?!

- А если дезу им? Что группы уже нейтрализованы?
- Как? Не успеть.

Артему хотелось зажмуриться, спрятаться, запахнуть нутро, чтобы майор его намек, его мольбу не разгадал; но он заставил себя держать глаза выпученными, как будто он сам приглашал Глеба Ивановича в себя. И тот влез в Артема через зрачки, раскорябал роговицу, пообтер и испачкал там все мелкими брызгами Петра Сергеевича.

– Пароль, отклик для радиообмена есть у тебя? – в конце концов решил он.

Артем молча наклонил голову. Потом осторожно вернул ее обратно. Боялся спугнуть майорово решение – единственно Артему спасительное.

– Пошли.

Через коридор, мимо отпертой уже камеры, где стояли смертники, пялились в пол, в стены, словно спешили спрятать и сберечь свои души в кафельных швах, под линолеумными отворотами, проследовали в другую комнату, с надписью на двери: «Связь».

Стал по стойке «смирно» замороженный связист с заячьей губой. Стол с телефоном, зеленые ящики с тумблерами и стрелками, наушники.

Конвоир встал в дверях, Артема пинком пригласили к аппарату. Но до этого Глеб Иванович снял телефонную трубку, попиликал кнопками.

— Алло. Это Свинолуп. Да, Свинолуп. Мне Анциферова.

Артем поплыл. Часы-близнецы наложились на дурацкую и нечастую фамилию. Не могло быть такого совпадения. Совпадения — не могло.

Тот был Борис Иванович. Этот — Глеб. Отчество одно. Похожи между собой они были мало. А все равно поверилось сразу, хоть и фантастика.

— Да, товарищ полковник. Тут деятель у меня сознался. Говорит, Рейх собирается Театральную брать. Сейчас прямо.

Голос. Голос Артем узнал — там, под сценой лежа, потому что голос у братьев был один на двоих. Слова они этим голосом произносили разные, и разные из них собирали предложения; и разные у них были мундиры, и часы у них в разных временах остановились. А голос все равно был один.

Глеб был, наверное, старшим. Казался старшим. А у Бориса, значит, служба быстрее шла. Как с ними это случилось, подумал Артем зачем-то. Вместо того, чтобы подумать, не лопнет ли белая нитка, по которой он собрался над пропастью идти. Как у них, у двух братьев, случилось оказаться в одном звании по разные линии фронта? Знают они друг о друге? Должны. Не могут не знать. Воюют? Ненавидят друг друга? Пытаются умертвить? Играют? Что?

— Даете добро? Есть. И как раз успеете тогда подкрепление нам... Да. Согласен. Не мы это начали. И я тоже не вижу другого... Есть. Принято.

Артем ждал тихо, больше даже не думал, чтобы шумом мысли не спугнуть севшую ему на плечо волшебную жар-птицу, удачу. Один шанс был на тысячу.

— Частота какая?

Криворотый связист сел к радио; Артем выдал ему частоту. Пошли шерстить эфир. Наушники Артему водрузили на голову косо: один ухо прикрывает, другой к людям развернут.

— Антенны вы наверх вывели? — спросил он. — Как отсюда ловится?

— О своем лучше думай, — посоветовал ему Свинолуп. — О нашем.

— А вы... Вам никогда не удавалось... Другие города услышать?

Связист, будто это его спрашивали, покачал головой.

— Нет никаких других городов, пацан, — сказал майор. — Забудь.

— Но люди же приходят... Были ведь люди из других городов? Приходили в метро.

— Враки.

— А их устраняли. Ваши же.

— Тоже враки.

— И тех, кто об этом болтал...

Глеб Иванович сощурился. Постучал стволom по железному ящику.

— Не хера потому что вранье пересказывать! Сидим тут и сидим! Душу баламутить зачем людям? Пускай мечтают, о чем сказано мечтать. О том, что победим Ганзу, всех буржуев поставим к стенке и тогда будет в метро коммунизм. И грибов всем полная норма. Тут будет хорошо. Здесь. У нас. Родину любить нужно, понял? Где родился, там и пригодился.

— Я наверху родился.

— А сдохнешь снизу!

Свинолуп хлопнул его по плечу и гоготнул. Это была первая его шутка.

Из эфирной каши высунулся голос. Майор кивнул Артему, подвел дуло к его голове, поощряя, наставляя.

— Дитмар.

— Это сталкер.

— О! Сталкер. Ну как?

— Ландыши распустились.

— Значит, весна.

Ствол влез Артему в свободное ухо, холодный, железный. Прямо в слуховое отверстие. Волновался, хотел понять, не обманывают ли.

— А мне больше зима нравилась.

— Ну иди, прячься.

Пытался скоситься на Свинолупа — но револьвер не пустил. Надо бы было считать, но не получалось. Ствол, оцарапав, втиснулся в дырку; заткнул ухо.

— Что за херня? — через дуло в мозг проскрежетал ему майор.

— Отзываем операцию, — сказал Артем. — Дитмар, отзываем...

И тут — за один миг.

Грохнуло!!!

Подскочило все, потолок распался, ввалилась пылюга, повисла в воздухе, мигнул и исчез свет, все ослепло, оглохло.

Артем один этого ждал. Только этого и ждал он.

Нырнул вбок, скованными руками рванул за ствол и выдернул из ослабивших хватку толстых пальцев, отскочил вбок.

Проморгался свет.

Конвоир валялся на полу, придавленный бетоном. Свинолуп, посеченный каменной крошкой, кровотока, шарил вокруг. Связист так и сидел, не соображая, над своей аппаратурой.

Крики пробились через вату... Топот.

Свинолуп наконец увидел Артема.

— Руки! Руки!!!

Майор поднял их лениво. Глаза у него бегали. Искал уже, как подобраться к нему половчей.

— Встал! На выход! Живо! Ну?!

Наган сидел в руке неудобно, нехорошо, как чужой.

— Это чего такое было? — спросил у него Свинолуп, еле шевелясь.

Назло, скотина.

Артем потянул крючок: туго пошло. Курок отстал, замахнулся.

— Встал!!! Па-шшол!!!

— Это где рвануло?

Дожал: громынуло еще раз, но уже не так больно, как в камере, когда Умбаха убивали. Уши забились уже. Свинолуп взялся левой рукой за пятно на правом плече. Наконец послушался, встал. Перешагнул через конвоира, выглянул в коридор.

Там колупался еще один тюремщик пришибленный, дернулся было со своим автоматом, Артем наугад выстрелил ему куда-то в живот, пнул автомат в сторону.

— Ключи у кого?! Ключи от камер у кого?!

— У меня есть.

— Открывай! Открывай всех! Где тут этот... Который про выживших врал? Зуев! Где он?!

— Его нет. Услали на Лубянку. Запрос на него пришел. Нет его!

— Иди сюда. Сюда. Где моя камера? Это? Открывай!

Майор повозился с беззвучными ключами, отпер. Накрашенная Юлька и угрюмый харкун были живы-здоровы.

— Выходите! Бежим отсюда!

Свинолуп скривил рожу.

— Куда это еще? — спросил Андрюша.

— Куда?! На свободу отсюда!

— Да никуда они с тобой не побегут, — сказал Свинолуп.

— С Линии! Я вас вытащу отсюда!

Юлька молчала. Мужик похлопал припорошенными глазами. Соображал что-то и воздуху набирал. А потом — не закричал даже, а заорал.

— Отвали, мурло! Мурло, провокатор! Отвали! Мы никуда не пойдём! Мы тут живём! Тут!

— Усек? — спросил Свинолуп, ухмыляясь. — Вот к Родине-то любовь.

— Да вас к стенке поставят тут! Он и поставит! Этот же! Свинолуп!

— Иди на хер! Сядь, Юлька, что вскочила, как дура?!

— Правильно, — сказал Свинолуп. — Вот все правильно. А ты, сосунок...

Артем озверел.

— В камеру зашел! Зашел! Они тебя боятся! Ключи сюда! Бросай! Он никуда не денется отсюда, ясно? Все, вот он! Пойдем! Как тебя? Андрей. Я вас вытащу отсюда! Вытащу, ну? Быстрее! Времени нет!

— Мы не пойдём, — отказалась вслед за мужем Юлька.

– Дурак ты, Федор! – засмеялся Свинолуп. – Утырок зеленый... Это же кролики! Смирные! Куда они побегут?!

– Какие еще кролики?!

– Смирные! На, смотри!

Свинолуп задрал Юльке платье, сдернул с нее колготки штопанные вместе с трусами, показал рыжий пух. Та только спрятала рот в ладони.

– Ну?! – крикнул он в Андрюшу. – Ну?! Что стоишь?!

И ручищей своей сжал Юлькину дряблую задницу. В промежность ей сунул пятерню, взялся там.

– Что?! Стоишь?!

Андрюша лупился в пол.

– Говно! – Свинолуп дал ему пощечину левой – и свалил его этой одной пощечиной на пол. – Иди, говно! Беги! Хватай жену свою драную и беги! А?!

Андрюша отполз к скамейке, сел, взялся за щеку.

Юлька тихо выла. Тушь текла.

– Никто за тобой не пойдет!

– Врешь, паскуда. Врешь!

Кто-то бежал по коридору, бухал сапогами. Неужели подкрепление прибыло уже? Артем пальнул туда, в пыль. Там пригнулись, спрятались, или умерли по случайности.

Где тут смертники были?

Скакнул – нашел камеру. Дверь распахнута. Конвоя нет. Все стоят внутри. Шестеро. Две бабы и четверо мужчин.

– Бегите! Бежим! За мной! Вытащу вас!

Никто не верит. Никто не двинется.

– Вас же расстреливать... Вас к стенке всех! Ну?! Ну?! Чего боитесь? Что теряете?! Ему даже не отвечали.

Покачиваясь, двигался к нему по коридору Свинолуп. Нюхал руку. Улыбался.

– Кролики. Кро-олики. Эти разок попытались уже. Знают, чем кончится.

– Ты паскуда.

– Ты поди, все камеры открой. Давай, пацан. Освободи их. У тебя же вон – ключики, ствол. Ты хозяин же. А?

– Заткнись.

Свинолуп подошел вплотную – грязный, жуткий, кряжистый – и Артем сделал шаг от него, и еще один.

– Никто за тобой не пойдет. Свобода, блядь. Герой, блядь, освободитель.

– Он вас на расстрел вел! – крикнул Артем приговоренным. – Уже! Сейчас!

– А теперь простят, может? – пробубнил кто-то. – Ведь мы вот, мы никуда.

– Может! – поддержал Свинолуп. – Все может! Понял, ты, говно?! Ты понял?!

Ты все понял?!

Дмитрий Глуховский

Артем выстрелил ему в грудь, в середину выстрелил этого человека, и пулька увязла в нем, и он отшатнулся, и опять засмеялся. Тогда Артем выдавил ему еще одну пулю из чужого, неверного револьвера — в живот. Не мог выстрелить ему в лицо, в глаза не мог посмотреть Свинолупу. В его уверенные, наглые, хозяйские глаза.

Тот все же упал нехотя.

— Ну?! — повторил Артем смертникам. — Все! С ним все! Пошли!

— С этим-то все. Другие есть, — пробубнили ему. — Куда бежать-то тут? Некуда. Сверху кричали, лаяли командами. Сейчас спустятся.

— Ну и оставайтесь! Вы! — заорал им Артем. — Ну и дохните тут! Хотитедохнуть — дохните! Как говно!

Он сунул наган стволом в штаны, подобрал у подстреленного конвоира автомат, поискал ключики от наручников, но снять не успел — уже бежали навстречу. Полоснул из автомата, пробрался через коридор целым, вскарабкался по лестнице, выскочил в зал.

Там был дым, грязь, сутолока.

Оркестр продолжал греметь и веселить, как на «Титанике».

Мина рванула там, где Артем ее установил — в нижнем конце эскалатора, с обратной стороны заслонки, ровно над камерами. Но не завалило — наоборот, вырвало ворота, как он и надеялся.

Хорошо, станция неглубокая, сигнал пробился. Хорошо, Дитмар не доверился наемнику: мину вручил не с таймером, а радиоуправляемую.

Добрался до пролома, отпихнул копошащихся, белых от пыли спасателей — и рванул по ступеням вверх.

Кроме него, эта мысль тут никому в голову не пришла.

Глава 11

ОСАДКИ

Что-то ему кричали, когда он бежал по эскалатору. Но Артем не обернулся назад ни разу. Вдруг в спину испугаются стрелять, а в лицо выстрелят?

Оказался у турникетов, у касс; там, где выбирал себе путь в театр.

Внизу глухо гремело. Как будто где-то глубже, чем метро, вскипала продырявленная людьми земля, как будто лава разъедала ее тонкую корку, чтобы забрать станции и туннели. Как будто. А на самом деле это — на Театральной шла война. Война, начало которой Артем скомандовал. Может, гибли сейчас там этот дурак-режиссер и его звезда-поблядушка: в эту самую секунду умирали, может. А он, Артем, был опять вот жив.

Он сел и сидел тут, приткнувшись на холодных ступенях, хотя нужно было уходить, убираться отсюда, пока война не поднялась, не выплеснулась из эскалаторных кратеров наверх, сюда, и не обварила его.

Не мог просто пока дальше идти. Нужно было... Нужно было подождать чуть-чуть. После Умбаха. После всего этого подпола. После Свинолуца. После смертников в камерах. После Умбаха опять. Чуть-чуть побыть тут просто, посидеть на холодном. Послушать эхо того, что творилось там, внизу, уже не с ним.

Вспомнил про наручники, потыкался в них ключиком, сорвал.

Трясло. Потом чуть отпустило.

От турникетов поднялся к выходу. Толкнул дверь.

И только когда погладили его ветром по груди, но ногам, по щекам, понял: вышел без химзащиты. Наверх — без скафандра!

Нельзя. Нельзя. И так надышался уже дряни.

Он обогнул здание, рассчитывая встретиться с настоящим Федором Колесниковым. У Федора в тот раз еще много полезного оставалось: костюм, например.

Но там, где Федор сидел, теперь ничего не было. Кто-то Федора утащил вместе со всеми его пожитками. А Артем стоял на земной поверхности в портках и куртке: без панциря, голый.

И тогда он пошел голый.

Странное это было чувство.

В последний раз он без химзащиты наверху оказывался когда? Когда ему четыре годика было. Когда мать пробивалась с ним на руках в метро. Но этого дня он не помнил. Помнил другой: с мороженым, с утками на пруду, с асфальтом, изрисованным цветными мелками. Так же — или по-другому? — тогда майский ветерок шутиливо дул в лицо, щекотал под коленками?

И теперь вот ветер поднимался. Спускался с неба к Артему, бежал, распевая, по переулочкам, спрятанным за парадными фасадами, летел навстречу, омывал лицо. Что он с собой нес?

Проскользило что-то тяжелое в штанах, оцарапало ногу, зацепилось в штанине, держась за Артема, как паразит за хозяина; наконец выпало, брякнув, на мостовую.

Револьвер черный.

Артем нагнулся, поднял его. Осмотрел, ощупал. Странное оружие. Будто из магнита сделанное: трудно отпустить. А держать больно.

Он размахнулся и зашвырнул его куда-то к Кремлю. И вот тут только его отпустило. Начало отпущать.

Мурашки пошли.

Надо бы было бежать скорей, прижимаясь к домам, в ресторан, где под стол забился один из четверых сталкеров, тот, который догадался свернуть с улицы, спрятаться от преследователей. Надо было раздевать его, опухшего, поспешно, мерять на себя его растянутое шмотье, дышать воздухом, которым он недодышал, и глядеть на Тверскую через его противогазные окуляры. Надо, чтобы выжить еще раз, чтобы жить.

Но Артему сейчас не могло быть, не имелось права — смотреть на город через заплеванное и протертое стекло. И дышать пылью через банки фильтров.

«Жить» для него сейчас стало, хоть ненадолго, хоть на полчаса, хоть на десять минуток — это вот так, в обычной одежде, без тесной резины — шагать по ночной улице, как он шагал за ручку с мамой двадцать лет назад; как двадцать лет назад все люди ходили.

Или как двадцать семь лет назад, но такой же, может, ночью, и вдруг даже вот по этой же самой улице — его мама в обнимку гуляла, юная и обязательно красивая — с еще несбывшегося Артема безымянным отцом. Кто он был? Что он говорил ей? Почему ушел? Каким бы Артем вырос, если бы отец остался?

Артем как-то привык уже потому ненавидеть его, что маму свою обожал безговорочно. Однако Сухой вот на место отломанного отца прирасти не смог. А больше некому и пытаться было.

Но вот сейчас...

Сейчас Артем мог представить себе, как этот человек шел рядом с его матерью. Обычно: взял под теплую живую руку и пошел, болтая о всякой всячине. И дышал он так, как Артем сейчас дышит: не хоботом складчатым, и даже не носом, а — всем телом, каждой порой. И слушал ее, эту девушку, всем телом сразу, как слушают в самом-самом начале, когда друг к другу еще только на ощупь осторожно тянутся.

Его отец был живой человек, и мать была живой человек, понял сейчас Артем. Такие же живые люди, как он сам.

А он сейчас был очень живым.

Только что он должен был неизбежно умереть, и видел даже ту самую пулю, которой назначили его жизнь порвать, и чужая смерть брызгала на него в доказательство того, что люди вполне могут умирать, и умирать мгновенно, глупо и без всякого смысла.

А сейчас — жил. И никогда еще не был более жив и более взаправду, чем сейчас. Внутри что-то распускалось в Артеме; словно до этого у него сердце было сжато, как кулак. А теперь вот чуть разжималось.

Высвобождало его понемногу.

Смог ведь он представить себе, как отец шел рядом с матерью; и ему не хотелось вмешаться, втиснуться между ними, отпихнуть его от нее.

Пускай идут себе двадцать семь лет назад, пускай дышат себе, как он сейчас дышит. Пускай радуются друг другу, сколько смогут. И пускай все же он появляется на свет. Сюда, наверх.

Как будто там, под землей — это все бред был, долгий тифозный бред, вязкий, топкий, и вот только сейчас начинается настоящее, действительное.

Поверилось от ветра: впереди — что-то удивительное. Все самое потрясающее у него — еще только впереди.

Артем миновал Тверскую. Двинулся дальше.

Прямо посередине улицы, промеж сцилл и харибд всяких кремлей, дворцов, государственных дум — бесшабашно; плевать, что отовсюду могут высунуться, нагнуться к нему, сожрать — гулял; просто гулял. Выбросил из головы и тех, кто гнался за ним по Тверской: случилось в первый раз чудо, пощадили, и сейчас случится.

Наверное, у Артема не тут конечная, не на Театральной; не тут его пункт назначения.

Правительственные здания — напыщенные, на века построенные — больше не казались гранитными надгробиями, могильный дух ветер развеял. Стало от них не жутко, а жалостливо. Вот они стоят в ночи, пустые: наверное, жалеют, что прожили дольше, чем все, для кого их строили. Как старики, которые своих собственных детей больно и страшно переживают.

Лизнуло что-то руку.

Еще. Теперь в нос лизнуло.

Дождь.

Начинался дождь.

Он был такой же вкрадчивый и ядовитый, как воздух тут, наверху: на вкус — вода; но и воздух на вкус был — жизнь, а скольких сгубил. Конечно, под этим дождем нельзя было раздетым идти. А Артем вот шел и почему-то был этому рад. Зашагал даже медленней: захотел вымокнуть.

Дождь...

Артем остановился, запрокинул голову, подставил ему лицо.

И вдруг представилось.

Улицы, по которым прохаживаются неторопливо удивительные гиганты в ярких, пестрых одеждах. Пузатые белые самолеты, летящие низко, над самыми крышами домов — не всамделишные самолеты, а придуманные кем-то: вместо плоских алюминиевых распорок, которыми настоящие самолеты за небо цеплялись, у этих были — прозрачные, трепещущие крылья, как у стрекоз, что ли? И не неслись они, а парили. Машины: не эти ржавые консервы, в которых мертвецов, как кильки, и не то, чем они раньше были; а — смешные крохотные вагончики, точь-в-точь вагоны метро, только всего на четыре места.

И там тоже, в этом мире странном — дождь. Теплый и ласковый.

Откуда это ему явилось все? Воспоминание? Нет, этого мира никогда не было. Тогда что? Защемило, затомило в груди. Артем отер капли с лица.

Как будто бы приснилось. Как осколок сна вышел наружу; и воспалил ткани там, где выходил. Кто это? Чье это? Артем замер, боясь спугнуть.

Не его это мечты. И сны такие — ему зачем? Кому вообще такое могло приниться? Маме его? Нет. Нет. Что-то другое.

Закинул автомат за плечо, подставил тучам ладони ковшиком, они наплакали ему немного; он промыл глаза отравой, чтобы снаружи ослепнуть, а внутри прозреть.

Нет. Не могло вспомниться. Странно как.

Артем зашагал дальше — мимо «Националя», мимо университетских факультетов онемевших, мимо памятников, которым памяти еле-еле на полпоколения еще хватит, мимо башен бессмысленных, ничего уже не значащих, мимо стен, на которые никто приступом больше никогда не пойдет — туда, вперед, к Великой Библиотеке. К тому, что под ней.

К Полису.

Могло бы от этого слова сейчас свое прошлое нахлынуть, вернуться. А перед глазами все равно стояла эта невозможная ерунда, эта красивая глупость — стрекозиные самолеты и великаны в смешных вагончиках.

И никак уже было от этого чужого не отделаться, не отвязаться.

Что это?

* * *

В ворота Артем позвонил особым, тайным сигналом. Так звонили, возвращаясь из вылазки, сталкеры, нанятые, чтобы грабить Великую Библиотеку. Иногда они стояли у этих ворот и звонили левой рукой, потому что правой придерживали свои выпадающие кишки. Иногда звонить мог только один из группы, дотащивший сюда, к воротам, остальных — еще раненых или уже успевших по пути околеть. Иногда сил и крови в нутре хватало только на один хитрый звонок. Поэтому тем, кто его знал, на Боровицкой открывали сразу.

Открыли и Артему.

Даже те, кто отодвигал в сторону заслонку гермоворот, собираясь показаться в вестибюле Боровицкой всего на минуту, были затянуты в брезент и резину. Знали, чем рискуют.

И на Артема — вымокшего под дождем, в портках и в куртке, темных и липнувших к телу — смотрели через свои противогазные иллюминаторы как на чудо, как на дикаря, как на самоубийцу. Наставили стволы, обшарили. Отняли автомат. Поднесли дозиметр, дали ему обнюхать Артема. Дозиметр забился в истерике.

Артем стоял, подняв руки, улыбаясь.

— Говорить умеешь? — спросили у него.

Он поймал в кадр того, кто обращался: зеленого слоника с запотевшими от удивления кругляшками.

— Умеешь? Говорить? — медленно повторил слоник.

Стало смешно, но Артем прикусил язык. Люди нервничают: мало ли кто приходит к ним сюда?

— Мельнику позвоните. На Арбатскую. Скажите, Артем.

— Документы есть у тебя?

— Мельнику скажите. Скажите, его Артем. Он знает.

А они знали Мельника — как все тут.

Подальше, как от чумного, от Артема держась, его ввели внутрь. Высекли его струей из брандспойта, смывая всю дрянь. Одежду отравленную отобрали. Сами разоблачились. До караулки вниз вели голым, а там выдали чью-то форму. Стали звонить на Арбатскую, не спуская с Артема глаз.

— Ну и духан у вас тут стоит, — сказал он им.

— Да пошел ты, — буркнул ему один из встречавших. — Нормально пахнет. Никак.

— Ясное дело, — улыбнулся ему Артем.

— Ты бухой, что ли?

Тот, что ждал с трубкой у уха, оглянулся на него с сомнением: стоит ли верить, нужно ли тревожить Мельника, не лучше ли этого подозрительного в карцер, пока суть да дело? Но на том конце уже ответили.

— Да. Полковника Мельникова. Застава «Бор-Верх». Знаю, что поздно. Нет, это срочно.

Как тогда, подумал Артем.

Как в тот самый, в первый раз. Когда он шел в Полис, чтобы предупредить о черных. О жуткой угрозе ВДНХ, всему метро и всему человечеству. Дурак. Тоже Мельникова и тоже «Бор». Как вчера и как век тому назад. За эти неполных три года он прожил больше, чем за предыдущие двадцать четыре.

— Мельник, — кляцнуло в динамике.

И сразу ушел бездумный настрой. И снова накатило, сжало кишки. А если Мельник не признает его?

— Тут чудак какой-то. С поверхности голый пришел. Ну без химзы, как. Да! Говорит, Артем. Просто Артем. Да. Ваш Артем. Ну ваш, то есть, товарищ полковник. Так сказал.

В трубке перестали скрежетать, замолчали.

А если он откажется от Артема? Ведь не он звал же его сюда. За эти два года ни разу не послал за ним. Не справился даже, как там Анечка его. Как отрезало. Зря Артем ждал.

— Я занят, — шипастой шестерней провернулось на том конце.

— Можно трубку? — не выдержал Артем.

Караульный нехотя подпустил его.

— Святослав Константинович. Это Артем. Анин муж.

— Артем, — повторил за ним ржавый, надломленный голос. — Ты зачем пришел?

— Скажите им, чтобы впустили, Святослав Константинович. Я без резины, без документов.

— У меня тут ЧП. Не могу разговаривать. Надо идти.

— Мне обратно лезть, наверх?

Трубка опустела. Караульные слушали ее вместе с Артемом, но там шипела тишина. Та же, что и в последние два года. Мельник не хотел ему отвечать. Начальник заставы сжал и разжал пальцами невидимый фонарик-жучок, требуя от Артема вернуть телефон. В караулке стало чуть темнее.

— ЧП — это на Театральной, да? — спросил Артем.

В телефоне нехотя проснулись.

— При чем тут Театральная? На Охотном ряду взрыв. До Полиса — один перегон. Надо выяснять, что...

— Охотный ряд — ерунда. Я только оттуда.

— Какого ты черта там...

— А вы... Вы про Театральную не знаете еще ничего? Про вторжение? Не доложили еще?

— Какое еще вторжение? Ты что несешь?

— Скажите, чтобы впустили меня. Я по телефону не буду. Вам — расскажу.

Стукнуло: Мельник положил трубку на стол. Донеслось, брошенное в сторону: «Анзор! Что там со Смоленкой? Выдвинулись они? Да, идем! Бери Летягу! За мной через минуту!»

Артем вцепился в разогретый пластик.

— Свято...

— Ладно. Давай старшего сюда. Через десять минут на Библиотеке.

* * *

Полис.

В московском метро были станции, жившие сыто. Немного — но имелось. В сравнении со станциями нищими, дикими или заброшенными они казались раем. Но в сравнении с Полисом оказывались свиным хлебом: сытым — правда.

Если у метро было сердце, сердце его было здесь: вот эти четыре станции — Боровицкая, Александровский сад, Библиотека имени Ленина и Арбатская, связанные сосудами переходов.

Только тут люди не хотели отказываться от того, чем были раньше. Зазнавшиеся университетские профессора, академики забубенных наук, глупые книжные люди, артисты любые, кроме площадных — на прочих станциях всем им было уготовано: жрать дерьмо. Никому они, избалованные лентяи, были не нужны. Их науки в новом мире ничего не объясняли, на их искусство ни у кого не хватало терпения. Или ступай грибы чисти, или туннели стереги. Можешь еще крутить педали, потому что в метро свет — это просто свет, а знаний тут каждому и без тебя хватает. И не говори слишком сложно, не пыжься, если не хочешь схлопотать.

Вот так — везде, кроме Полиса.

А в Полисе их как раз привечали. Подкармливали. Давали им себя почувствовать людьми: помыться, синяки подлечить. В метро многие старые слова теряли смысл, становились ореховой скорлупой с истлевшим в чернь ядром: например, культура. Слово есть, а раскусишь — гниль одна на языке и горечь. На ВДНХ так, на Красной Линии так, на Ганзе.

Но не в Полисе. Тут это слово еще сладким отдавало. Его тут и сосали, и грызли, и амбары полные запасали. Не грибами же едиными, в самом деле.

Станция метро Библиотека Ленина имела верхние выходы прямо в здание самой Великой Библиотеки, когда-то Российской государственной; и чтобы оттуда никто в метро не прорвался, выходы эти были давно и прочно замурованы, а попасть сюда можно было только через боровицкий вестибюль. Рядом совсем: поэтому Артем с провожатыми явился на Библиотеку Ленина еще раньше, чем десять минут Мельника истекли.

Библиотека Ленина была совсем старинной; будто метростроевцы ее не сами возвели, а при прокладке туннелей наткнулись в московской глине на древнюю усыпальницу чью-то и раскопали ее, приспособив для своих метростроевских нужд. Зал тут был для метро неподходящий: высоченные потолки, широкие своды, воздуха слишком много для пассажиров метро; строили и не боялись, что глиняная толща задавит эти своды, обрушит их. Новые станции почти все были спрятаны в узкие и низкие туннели, в панцирь из тюбингов, чтобы земля, сев на них, им хребет не сломала. Чтобы бомбы сверху не достали. А тут еще о красоте думали, когда строили; как будто она могла мир спасти.

Свет здесь горел ярчайший; полыхали все до единой лампы, белые шары под двухэтажной высоты потолком. Растрата, пир во время чумы: людям столько света без надобности. Но тут жгли его, не жалея — волшебство Полиса в том только и было, чтобы давать пришлым почувствовать себя хоть на денек, хоть на часик — в том, старом, канувшем мире.

И Артем тоже, как все: на секунду зажмурился, и на секунду купился.

А потом мелькнула перед глазами та картина из чужого сна, несбывшийся город наверху, почему-то напомнило. Отмахнулся от нее, отмахнулся от самолетов со стрекозиными крыльями. Хватит.

На станции был переполох.

Старички неряшливые и старушки с очками, толстыми, как лупы, сорокалетние студенты сгинувших институтов, женоподобные артисты всех мастей, брамины в халатах и с книгами под мышкой — вся эта милая вымирающая заумь — роились тревожно вдоль путей, вытягивая свои шеи, чтобы получше было видно черный квадрат туннеля, который вел к Охотному ряду. А ведь им спать бы уже: полночь на часах.

Квадрат дымился.

На его границе стояли часовые Красной Линии: до Библиотеки и сразу после нее шла ее территория, перегоны все к ней относились. Саму Библиотеку Ленина красные после войны с Ганзой обменяли на Площадь Революции.

— Что такое? Что там случилось у вас? — приставали зеваки к красноармейцам. — Что хоть рвануло-то? Теракт?

— Ничего не рвануло. Ситуация штатная. Вам показалось, — врали часовые, хотя дым из черного квадрата им легкие ел, так что врать нужно было сквозь кашель.

— Началось у них, наверное. Наконец-то и у них народ будет свободен, — убежденно твердил один очкарик другому, оставляя оловянных красноармейцев в покое.

— Надо их поддержать. Это наш долг! — говорила возбужденная дама в цыганской юбке, накинутой небрежно на широкую корму. — Пойду рисовать плакат солидарности. Не хотите присоединиться, Захар?

— Я знал, знал, что это будет. Но что так скоро! Кончилось терпение у русского человека! — тряс указательным пальцем долгобородый старичина.

— Вот вам и равенство. Вот вам и братство.

— Видите? А ведь не случайно именно на Охотном ряду в первую очередь! Все потому что мы тут рядом. Полис. Мягкая сила в действии, так сказать! Просто вот наше присутствие, наше культурное влияние! Сам наш пример! Демократические ценности на штыке не занесешь! А наш... Дух свободы, прошу прощения за пафос...

— Думаю, мы должны протянуть им руку. Открыть границу для беженцев. Устроить раздачу еды! — выступала женщина с начесом и драматическим вырезом. — У них там голодомор, я слышала. Жуть какая! Принесу-ка из дому печенье на всякий случай, как чувствовала ведь, когда вчера пекла.

— Не будет тут беженцев, — сказал им всем Артем. — И восстания там не будет. Ничего не будет. Подымит и пройдет.

— Откуда такая уверенность? — обиженно спросили у него.

Артем пожал плечами: как объяснить?

Но о нем уже забыли; все развернулись от дымного квадрата — к мостику, поднимающемуся под самый потолок над одним из путей.

Оттуда, с этого мостика, беззвучной лавиной скатывались затянутые в черное люди. На лицах — маски, на груди — кевлар, и вороненые каски с забралами поднятыми на головах; а в руках — семьдесят четвертые АК с глушителями.

— Орден! — загудело над головами, в головах.

— Орден, — повторил Артем шепотом.

Сердце заколотилось. Засвербели сигаретные ожоги, сделанные вместо каждой из букв: «Если не мы, то кто?»

Как всегда. Больше никому.

Колонной подтекли к туннельному входу, построились. Артем пробился к ним поближе и провожатых своих подтянул. Пересчитал: пятьдесят человек. Много как. Значит, успел Мельник за это время потерянное восполнить...

Артем всмотрелся в масочные прорези, в обрамленные черным глаза-переносицы. Есть здесь его товарищи? Летягину фамилию слышал. А Сэм? Степа? Тимур? Князь? Но его никто не замечал, все глядели, застыв, в туннельную точку.

Не мог же Мельник всех заменить? Таких и заменить нечем.

Самого Мельника с ними не было. Это, наверное, отряд со Смоленской, с базы орденской, подошел. Теперь ждали командира. Он отдельно располагался, на Арбатской.

Те десять минут, которые Мельник сам себе назначил, вышли. Потом и пятнадцать. И двадцать. По колонне поползла волна: люди переминались с ноги на ногу, распрямляли спины. Все же это люди были, а не истуканы.

Наконец показался.

Один человек снес инвалидную коляску по ступеням. Другие двое — амбалы — тащили, взяв на руки, его самого. Мельника. Усадили, поправили, покатили.

На широченные его плечи был накинута пятнистая бушлат — почти естественно, почти как если бы он просто замерз. Но рука на костлявых коленях лежала только одна, левая. Правой по плечо не было, для нее и бушлат. Два года уже прошло; а он все прикрывал культю, прятал. Не хотел привыкать. Как будто рука заново отрасти может, надо просто потерпеть.

Весь строй едино развернулся на каблуках, лицом к своему командиру. Общая судорога вытянула всех во фронт. И Артем понял, что сам тоже тянется — но понял, только когда спину с непривычки свело.

— Вольно, — скрипнул им Мельник.

Да он весь усох, пожелтел. Мясо румяное сошло. Волосы, бывшие черными с белой прострочкой, теперь выстирались, полиняли: стали сплошь серыми. Но — сейчас, когда ближе подвезли его, стало ясно — жесткости он не потерял от этого, морщины и складки его только еще четче обрисовывали; и глаза у него не поблекли. Наоборот — разгорелись.

Артем двинул через толпу к нему.

— Пропустите! Мне к полковнику...

Его тут же отсекали, отгородили черными руками. Один из двоих амбалов, не пускавших, удивился:

— Артем? Ты?

— Летяга!

Обниматься смутились, но перемигнулись потихоньку. Летяга постучал пальцем себя по нашивке на плече: «A(II)Rh-»: вторая группа крови с отрицательным резусом. Как у Артема.

Мельник через плечо полуобернулся, тоже признал.

— Сюда его.

— Товарищ полковник, — на людях обратился к тестю Артем; рука сама собой к виску взлетела.

— К пустой голове, — сказал ему Мельник.

— Так точно, — улыбнулся Артем; а Мельник ему улыбаться не стал.

— Докладывай. Что там? Теракт? Диверсия?

— Не там главное. На Театральной.

— Я тебя про Охотный ряд...

— На Театральной, Святослав Константинович. Фашисты атаковали. Забирают Театральную себе. А взрыв... Там не один. Там три. Отрезают ими Красную Линию, чтобы подкрепление не пришло.

— Ты это откуда все? Откуда про фашистов?

— Был... Был на Театральной. Бежал.

— Анзор! — Мельник махнул рукой адъютанту; бушлат от этого поехал накось и упал на гранит.

В толпе завздыхали, запоказывали на культю, заобсуждали ее с увлечением.

— Убери этих... — Мельник раздосадованно кивнул на народ.

Строй мигом распался, стал цепью, и цепь пошла растущим кругом теснить недовольных зевак дальше от Мельника и от туннеля.

— Чертова военщина! — обижались в толпе.

— Ты уверен, что они хотят станцию взять? — без доверия спросил Мельник. — Это ведь против договора.

— Говорят, если они не возьмут, красным достанется.

— Ты что там делал? — Мельник смотрел на него снизу вверх, а казалось — сверху вниз.

— Я... Можно потом сказать? Лично — вам?

— Лично мне... — он потрогал свое острое колено; ноги у него были худые, бессильные, никчемные. — Лично мне, да? Анзор! — сказал он недобро, негромко. — А ведь мы и сами могли бы догадаться, а? Про фашистов. Могли бы мы?

Из оцепления теперь наконец некоторые оборачивались на Артема, узнавая. Артему потеплело. Может, улыбались под масками. Два года не объявлялся все-таки. Но мог бы и сто два — с кем воевал, того все-таки не забудешь. Зря сомневался.

— Могли бы, товарищ полковник.

— Погоди. А если они Охотный ряд отрежут... Площадь Революции тогда тоже без поддержки будет. Там же единственный переход через Театральную с Красной Линии, так?

— Так точно, — подтвердил рыжий Анзор.

— Если это все правда, — Мельник крутанул левое колесо, сделал в раздумье полукруг. — Я бы на их месте уже и Площадь сразу оттяпал. Так одна станция в плюс, а так — две.

Точно, понял Артем. Грех не взять. Все равно крови литься. Дитмар, конечно, попробует.

— Вопрос — не велик ли кусок. А что, удалось им переходы отрезать?

— Один точно нет, — ответил Артем, сообразив.

— Ну, значит, красные будут перебрасывать силы и отвоевывать. А это что? Большая война в шаге от нас. От Полиса. По трем направлениям сразу, — он поднял левую руку, загнул на ней пальцы. — Площадь Революции — это один перегон от нашей Арбатской. Охотный ряд — отсюда, от Библиотеки. И Боровицкая — от Рейха, от Чеховской. Нас коснется. Вопрос — когда. Завтра, послезавтра, или через неделю.

Мельник оглядел своих бойцов; их хватало ровно, чтобы очистить половину платформ.

Дмитрий Глуховский

— Половину здесь оставить, — приказал он Анзору. — Половину на Площадь Революции.

И покатился сам, неровно, к лестнице.

— Святослав Константинович... Я поговорить с вами...

— Иди, — Мельник катил дальше, не останавливаясь.

Довезли его до Арбатской, где у полковника было свое помещение. По пути не говорили. Артем не хотел при свидетелях, а Мельник вообще не хотел. Артема оставил в предбаннике с Летягой; сам заперся у себя. Чужой им обоим Анзор побежал с каким-то поручением, и только тут русский Летяга Артема обнял, чуть кости ему не переломав, подмигнул косящим глазом.

— Как ты? — прошептал он.

— Скучаю, — сознался Артем.

— Обратно не возьмет? — Летяга кивнул на дверь. — За что лютует?

— Из-за Ани.

— Ну ты тоже... Ягодку его сорвал! — Летяга бесшумно хохотнул, толкнул Артема в грудь, пошатнул его. — Думаешь, он ее для таких шалопаев растил?

— А вы тут как?

— Много новых набрали. После бункера...

Переглянулись, помолчали.

— Да. Не отвечает. Отключился. В отказ ушел. Достанем, Алексей Феликсович. Вручим. Принято. Есть! — еле пролезло под дверь тихое из Мельникова кабинета.

Мелькнуло — кому это Мельник рапортует? Какому-то Феликсовичу? Мельник! Чтобы сгладить, чтобы не думали, что он подслушивает, Артем спросил про закрытую дверь:

— Как он?

— Ну как... — Летяга помялся; совсем в шепот ушел. — Перед тем, как на Библиотеку идти, решил до ветру... Приспичило. И в сортире упал с этой клятой коляски на пол. Мы, конечно, стояли там рядом... Снаружи. Хотели войти, поднять его... Ноги ведь не свои, и рука одна всего. Он как заорет — пшли вон! Десять минут по полу кочевряжился... Пока сам обратно не залез... И хер его знает, как он залез... Одной рукой. Чтобы мы его только на полу без порток не видели. Вот так.

— Да...

— Вот те и да. Ладно. Ты... Ты-то сюда какими судьбами?

— Я-то...

Артем смерил, оценил Летягу; в бункере Летяга принял за Артема пули, когда тот сидел на полу с заклинившим затвором — выскочил из укрытия и на себя огонь отвлек. А Артем тащил его, тушу, истыканного свинцом, на закорках, к са-

нитару. Санитар прописал Летяге околеть от кровопотери, но Артем с ним по группе и резусу был близнец, и полтора литра из себя Летяге нацедил; Летяге хватило. Свинец достали из него мятыми комками: все пули порасшибались о Летягино жесткое мясо. Так с тех пор и булькало в нем полтора литра одолженной Артемовой крови. Все вернуть собирался.

— Я радиста искал. На Театральной.

— Какого радиста? — насторожился Летяга.

— Был там... Один. Говорил, что нашел выживших. Кроме нас еще. Где-то на Севере. Странная история. Я сам... Знаешь... Сколько раз пытался? Поймать сигнал. Все... Пусто. А этот... Ну вот, я и...

Летяга кивнул ему. Участливо так.

— Да пошел ты! — Артем усмехнулся и пихнул его в каменный живот.

— Артем! — крикнули из-за двери.

— Изобрази нормального, — сказал Летяга. — Может, он тебя обратно возьмет. Мы-то тут по тебе тоже скучаем.

* * *

Комната была большая; как раз хозяину по размеру. Мельник въехал за широкий дубовый стол, заваленный бумагами. Въехал, поправил бушлат — и коляски не стало видно. Как будто на стуле сидит замерзший человек. Не топят в кабинете, вот и все.

— Летяга! — рывкнул Мельник в проем. — Мне три человека нужно, добровольцы. Фюреру конвертик доставить. Один — ты. Других поищи!

Все стены в картах, флажки какие-то, стрелочки. Списки поименные, напротив каждого — пометки: дежурства.

А еще стена — с другим списком, особым. Долгим. Под которым — полочка, а на полочке — стопарь граненый, до половины налитый мутным, белесым. Как будто отхлебнул кто-то из него самогончику, крякнув; кто-нибудь из этого особого списка.

Но нет. Это Мельник их поминал. Первое время каждый день поминал, чудак-человек. Только у бушлата все равно рукав пустой.

У Артема ком в горле встал.

— Спасибо. Что приняли. Святослав Константинович.

Есть там Хантер, в этом списке, интересно? Он ведь не в бункере погиб...

— Дверь прикрой. Ты зачем пришел, Артем? — теперь, с глазу на глаз, он стал жестким, нетерпеливым. — Что ты тут делаешь, и что ты делал там — на Театральной?

— Сюда — к вам. Больше с таким не к кому, наверное. А там...

Мельник на него не смотрел — неловко скатывал себе одной рукой папиросу. Предложить помощь Артем побоялся.

— Тут... Складывается какая-то странная история. В общем, я почти уверен, что... — Артем набрал воздуха побольше. — Почти уверен, что мы — не единственные выжившие.

— То есть?

— Я нашел на Театральной человека, который смог поймать радиосигналы из другого города. Вроде, Полярные Зори. Где-то под Мурманском, что ли. Общался. У них там... Можно жить. А потом... Есть информация, что в Москву прибывали люди... Извне. Оттуда, наверное. Из Полярных Зорь. Попали они на Черкизовскую, на Красную Линию. Рассказали там, откуда они... Но вот что интересно: их всех сразу накрыли. По слухам, — оговорился он.

— Кто накрыл?

— Комитет. А потом стали арестовывать тех, кто их видел. И тех, кто пересказывал эту историю даже. Причем отправляли их, кажется, на Лубянку. То есть, все по-серьезному. Понимаете?

— Нет.

Артем пригладил зачем-то ерш на голове.

— Нет! — повторил Мельник.

— А вам... Вам ничего не докладывали? О людях из Полярных Зорь? По вашей линии? Может, та группа, которая добралась до Черкизовской — была не единственная?

— Где этот твой радист? Сейчас он где? — перебил его Мельник.

— Его... Нет. Его расстреляли. Красные. Явились на Театральную и забрали. Чекисты. И... — Артем замолк, составляя все вместе. — А ведь они за ним и шли... За ним, а не за мной. Он сказал, ориентировка из центрального аппарата... На него. Они ведь тогда вообще про меня ни сном, ни духом...

— Кто? Что?

Мельник засмолил; дым шел ему в глаза, но у него глаза не слезились. Дыму было тяжело подниматься к потолку, и он вис облаком у полковника над головой.

— Что, если им известно про Полярные Зори? Что, если Красная Линия в курсе? И старается эту информацию скрыть. Убирает... Всех убирает, кто узнает... Кто общался с ними... С теми, с другими... Ищет, находит и...

— Значит, так, — Мельник разогнал дым, тут же накуривая новый. — Значит. Красная Линия сейчас меня интересует очень. Потому что они вот-вот схватятся, уже схватились, с Рейхом. Ты можешь вообще вообразить, что это будет? Сейчас все метро в эту Театральную затащит, как в мясорубку. Вот об этом, Артем, об этом — надо думать. Мне. Как командиру Ордена. О том, как не дать этим скотам друг друга перегрызть. Как Полис защитить от них. Всю нашу очкастую интелли-

генцию в банных халатах. А заодно, — он дернул подбородком вверх, где над станцией Арбатской придавливала город белая глыба Генштаба. — Заодно и всех этих пенсионеров, убежденных, что они — победители Последней войны и единственные защитники нашей Родины. Весь наш заповедник волшебный. Все наше метро. Я против Рейха, и я против Красной Линии. В Железном легионе знаешь, сколько народу? А в Красной армии? А у меня, знаешь? Сто восемь бойцов. Включая ординарцев.

— Я готов... Разрешите вернуться в строй.

— А вот я не готов, Артем. Мне зачем тут человек, который шляется в одной рубашке под дождем? Мне зачем тут человек, который какие-то заговоры фантастические раскрывает? С марсианами никто на связь не выходил?

— Святослав Константинович...

— Или, может, с черными твоими? А?

— Да вам плевать, что ли?! — Артема разорвало. — Вся эта возня подземная! Давайте! Одни гады будут все равно других гадов грызть! Им тут места не хватает! Воды! Воздуха! Грибов! Вы их не остановите! Положите еще половину наших ребят! Всех положите! Что это даст? Что это решит? — Артем махнул рукой на стопарь, мертвецами недопитый.

— А ребята клятву давали. И я давал. И ты давал, Артем. Если нужно жизнь положить, чтобы это гребаное метро спасти — значит, положить жизнь. И ты мне ими в морду не тычь, салага. Я из бункера вышел червяком одноруким. А ты — здоровеньким, и для чего? Для того, чтобы сейчас мог себя гробить вылазками своими? Ты о детях-то думал?! О том, кто у тебя родится после этого дождичка, думал ты? О том, кто у моей дочери родится?!

— Думал!

— Хера лысого ты думал!

— А вы — вы думали?! Если можно куда-то уйти отсюда?! Вернуться наверх? Вывести всех этих... Наружу. Если есть хоть одно — наверху! — пригодное место? Наше место — там, наверху! Я сегодня под этим дождичком... Я человеком себя чувствовал. Там! Хоть бы мне и сдохнуть после этого! А спустился... В вонь эту нашу... И обратно. Это не только красные с фашистами оскотинились! Мы все! Это же пещеры! Мы в пещерных людей превращаемся! В бункере вы ноги-руки оставили! А в следующей войне — может, голову! И кто вместо вас будет? Есть кому? Никого нет! Если есть куда, хоть куда-нибудь — надо уходить! И вот, я вам говорю: кажется, есть! И, может, красные знают, куда...

— Ты знаешь, что, Артем, — Мельник потерял голос, засипел. — Я тебя послушал. А теперь ты меня послушай. Не позорься. И меня не позорь. Люди знают, на чьей дочери ты женился. И весь этот бред... Это все потом на меня ложится, ты понимаешь? Не вздумай еще кому-нибудь...

— Бред?! Зачем тогда зачищать всех, кто слышал и видел этих людей... Других...

— Артем. Артем! Господи, еб твою! Да что она в тебе нашла-то?! Неужели она этого не видит?

— Не видит чего? — спросил Артем негромко, потому что воздуху не хватило громко спросить.

— Что ты шизоид! Началось с черных, теперь вот заговором продолжается. Они тебе мозг выжрали, твои черные! Ей-то ты про черных, небось, исповедался? Что не на-а-адо их было... Ракетами. Что они были добренькие. Что ангелы на земле. Что божье посольство. Что последний шанс человечеству выжить. Что нужно было просто говорить с ними. Впустить этих тварей к себе в череп. Расслабиться и получать удовольствие. Как ты. Как ты!

— Я, — сказал Артем. — Я вот что. Да, я это все вам рассказывал, и еще раз скажу. Мы, уничтожив черных, совершили самую страшную ошибку из всех возможных. Я совершил. Не знаю насчет ангелов, но уж демонами они точно не были. Как бы они ни выглядели... И да, они искали с нами контакта. И да, меня выбрали. Потому что... Потому что это я их нашел. Мальчишкой. Первым. Как я и говорил уже... И да, они меня... Вроде как усыновили, что ли? А я этому противился. Боялся, что они меня как куклу балаганную на пальцы натянут... И превратят во что-то... В свое. Потому что я был кретин, и трус. И я был такой трус, что я их на всякий случай всех... Всех до единого... Ракетами этими вашими... Лишь бы не проверять, что будет, когда они со мной заговорят. И такой был трус, что уже понимал: вот я только что уничтожил новый вид разумной жизни! И наш — последний! — шанс! — выжить! — а мне все хлопали, за это самое хлопали — бабы, дети, мужики — думали, я их спас от чудовищ, от монстров! — идиоты несчастные! — а я! — я! — я их всех обрек! — обрек! — торчать под землей — всегда! — пока не сдохнут они все! — и бабы! — и ребятишки их! — и те, кто у них родится! — если вообще!

Мельник смотрел на него холодно, бесстрастно. Артем не мог его заразить ничем: ни виной, ни отчаянием, ни надеждой.

— Мы не должны это были делать! Мы просто так озверели тут, под землей у себя, что на любого бросаемся, каждому вцепляемся в глотку, кто к нам слишком близко подойдет... Черные... Они нас искали. Симбиоза с нами. Мы бы смогли вернуться наверх, если бы объединились... Они нам во спасение были... Даны... Посланы... Проверить нас. Заслуживаем ли мы прощения... За то, что сделали... С землей. С собой.

— Ты мне это уже проповедовал.

— Да. И Ане вашей. Вам двоим только рассказал. Больше никому. А остальным... Стыдно даже теперь признаться. Трусом был, трусом остался.

— И хорошо. Хорошо, что трус! Зато на свободе разгуливаешь, а не в дурдоме в смирительной рубашке — головой о стенку... Я ее предупреждал. Дуру. Ты же буйный! Ты в зеркало на себя посмотри! Будь моя воля...

Артем помотал головой.

– С ними – все... Кончено. Но... Но ведь... Если есть другое место, где можно жить... Где живут... Тогда... Тогда еще не все потеряно.

– Тогда вроде и не так страшно все, что ты устроил этим своим братьям по разуму, а? Ты за этим наверх шляешься? За этим в эфире торчишь? За индугенцией?

Зажав папиросу в зубах, он левой живой рукой выкрутил колесо своей коляски, выкатил ловко из-за стола. Подъехал близко.

– Можно закурить? – попросил Артем.

– Ты ебнулся, Артем! Ты понимаешь? Тогда, на башне! И то, что ты сейчас делаешь... Это все воображение твое. Это шиза. Нет, нельзя закурить. И все, Артем. У меня в двух станциях война начинается, а ты... Иди, Артем. Уходи. Ты мою дочь там одну оставил?

– Я... Да.

– Как она?

– Хорошо. Нормально. Все нормально с ней.

– Я очень надеюсь, Артем, что она тебя бросит. Что она найдет себе нормального мужика. Она заслуживает большего, чем зацикленный психопат, который раздетым по поверхности таскается. И ради чего тогда это? Оставь ее, Артем. Отпусти ее. Пусть вернется. Я ее прощу. Передай ей, пусть вернется.

– Я передам. С условием.

Мельник выпустил пар, жар через самокрутку.

– С каким же? На что жену променяешь?

– Эти трое, которые на Рейх пойдут с конвертом. Я буду четвертым.

Глава 12

ОРДЕН

Уходили с Боровицкой.

Красно-кирпичной, уютной, похожей на читальню средневекового университета. Заставленной стеллажами с книгами, украденными наверху, в Великой Библиотеке, и дощатыми столами, за которыми эти книги изучались и обсуждались; населенной книгочеями-чудаками, которые называли себя браминами, хранителями знаний.

Над столами низко свисали лампы с матерчатыми абажурами, давая мягкий, добрый свет — и в средневековье, каким Артем его видел в исторических книжках с картинками для детей, проникал дух московских квартир, каким он его помнил картинками, вырванными из книжки своего собственного короткого — четырехлетнего всего — детства.

Арки были забраны под жилые комнатки; Артем проходил мимо одной — настигло из прошлого, из первого появления его в Полисе: ночевка у доброго человека, разговоры до поздней ночи, странная книга, которая все убеждала, что в рубиновых кремлевских звездах демоны были заточены, и что в каждой октябрятской звездочке малый бес сидел... Смешная книга. Правда всегда и проще, и жутче, чем люди могут придумать.

Нет больше того доброго человека, и звезды погасли.

И Мельника того, что встречал тут Артема, закинув «Печенег» на плечо, обвешанного пулеметными лентами Мельника-сталкера, боевого командира, который всегда впереди отряда, который первым в любое пекло, больше нет.

И того Артема — тоже. Оба обуглились.

А Летяга вот был тот же: косой глаз, спиной туннель заткнуть можно, и улыбка такая, как будто он шнурки у твоих ботинок связал вместе и все ждет, когда ты споткнешься; самому ему — двадцать семь, а улыбка у него — от десятилетнего. Несгораемый человек Летяга.

— Ну! — вот он эту свою улыбку расчехлил. — Можно тебя поздравить, значит? Вернул тебя старик?

Артем покачал головой.

— А что... Испытательное задание?

— Лебединая песнь. Я только до Рейха с вами.

Летяга перестал лыбиться.

— Чего ты там забыл?

— Человека одного надо вытащить. Очень надо вытащить оттуда одного хорошего человека. Не вернусь за ним, его вздернут.

— Рисковый ты. Женщина хотя бы? — подмигнул ему Летяга.

— Пожилой мужчина. С бородой.

— Ну... — Летяга хрюкнул. — Дело ваше, но... Эээ...

— Вот ты идиотина. Помолчи, — удерживая расползающиеся губы, попросил его Артем; неловко было перед Гомером.

Но не смеяться не получалось. Смех шел из него наружу — пережеванный, вязкий, едкий; корчило его от смеха, выматывало, опустошало — и Артем опустил на скамью, чтобы не вставать на четвереньки. Смехом, непереваренное, лезло изо рта обратно все, что метро его заставило в последние дни сожрать. До слез в глазах смеялся, до заиканья. Набрал воздуха — и снова. Летяга смеялся с ним заодно — может, о своем; а может, и ни о чем.

Потом прошло.

— Секретная миссия, точно! — убежденно и уже совершенно серьезно подытожил Летяга. — Таких, как ты, братик, не списывают.

Не списывают.

— Давно тебя хотел спросить, — сказал ему Артем. — Как ты целишься вообще? — он скосил глаза к носу, изображая Летягу. — У тебя же все двоится должно.

— У меня и двоится, — признался Летяга. — Поэтому я по боеприпасу расходный очень. У всех нормальных людей одна цель, а у меня две. И в каждую стреляй. Старик меня не зря послал на Рейх. Избавиться от меня хочет, скупердяй.

— Думаешь, это билет в один конец? — хмыкнул Артем.

— Я по жетонам езжу, — подмигнул ему Летяга, дзынькая ногтем по именованным орденом жетонам, для опознания повешенным на его бычью шею вместо крестика.

— Зачем они тебе? Тебя и так ни с кем не перепутаешь.

— Не дождетесь, — гыкнул Летяга. — Это для другого. Это, знаешь, вот просыпаешься иногда, и думаешь: кто я? И что я пил? И потом опять — ладно, ну хотя бы кто я?

— Знаю, — вздохнул Артем.

Подошли двое других. Один был скуластый и ежиком стриженный, узкоглазенький, другой — с боксерской бульбой вместо носа, подвижный и разболтанный.

— Ну вы собираетесь! Как телочки на свиданку. Но видно, что спешили все-таки: губы накрасить не успели, — сказал им Летяга. — По дороге тогда уже, хорошо?

— Это кто? — с ходу ткнул в Артема разболтанный.

— Нормально ты вместо поздороваться, — покачал головой Летяга. — Это не он кто, это ты кто, Юрец. Артем с нами еще в бункере был. Живая легенда это, вот кто. Ты там у себя по Ганзе крыс трещоткой гонял, а Артем уже с полковником черных ракетами уютжил.

— А потом где пропадал? — спросил второй.

— Копил, Нигматуллин, силы для новых подвигов. Да, Артем?

— Не много-то и накопил, — скептически оглядев Артема, заметил Нигматуллин.

— У меня каждый день подвиг, — сказал ему тот. — Ничего на себя не остается.

— И снова бой. А гёрл нам только снится, — поддержал его Летяга. — Все, мужики, айда. Фюрер ждет. А фюрер не ждет!

Он сурово козырнул малахольным боровицким пограничникам, и по приставной лесенке все четверо спустились на пути. Надвинулся туннель — сначала освещенный, потом сумрачный, наконец беспросветный. Те двое как-то призадержались, пропуская Артема с Летягой вперед.

— Этот с Ганзы, да? — сказал Артем.

— Оба с Ганзы. Нигматуллин с Комсомольской, а Юрец с Парка культуры, по моему. Нормальные ребята, кстати, и один, и другой. Надежные, — Летяга подумал. — Да они все почти с Ганзы.

— Кто — все?

— Все пополнение наше.

— Почему так?

— Ну а где еще обученных брать? Не по темным станциям же шерстить. Или как фашня вон, с легионом своим... Сброд всякий. Это не для нас. Мельник как-то с Ганзой добазарился. Они и согласились... Доукомплектовать.

Артем глянул на него вопросительно.

— А он-то согласился? Он же клял их. Помнишь? Мы же тогда... В бункере. Они ведь обещали тогда нам помощь. И кинули нас. Если б они пришли тогда... Если б они тогда людей дали... Может, и доукомплектовывать бы... И столько пацанов наших... Короче.

— Короче, — сказал Летяга. — Короче, тогда не дали, а дали потом. Дали, когда смогли. Техники подбросили еще всякой, боеприпаса. У Ганзы, сам понимаешь, куры денег. Сами предложили. Ну и... Старик погоревал-погоревал, со списком нашим почокался... А делать все равно нечего. Пятьдесят человек взять больше негде. Посоветовался с народом. Народ сам все понимает. Стали набирать потихоньку. С испытаниями, ясно дело, с беседами. Шушеру сразу

отсеивали. В итоге нормально. Спецназ ганзейский, главным образом. Ну и так... Все мирно с ними. Не то что мы сами по себе, а они сами. Все вместе.

— Ага, — хмыкнул Артем, кивая на отстающих. — Вместе.

— Все в одном месте, — подтвердил Летяга.

— Не верю, — подумав, сказал Артем.

— Во что?

— Не верю, что Ганза вот просто, чтобы вину загладить, выделила нам полсотни бойцов и техники еще отсыпала. У них ничего за так не бывает.

— А это и не за так. Старик подписался их спецназ обучать. Потому что, — Летяга цыкнул зубом, — не такой уж он у них и спец. Особенно по части поверхности. Они наверху как котятки тычутся. Дети подземелья, блин.

Последняя лампочка осталась болтаться где-то позади. Летяга вынул из походного ранца похожий на дубинку фонарь. Те двое сзади подтянулись, автоматами защелкали: перегон короткий и всем известный, вроде, а удовольствия все равно мало. Лучше рядом держаться.

Фонарь сразу влез в туннельную темноту, налил в нее молока, взболтал.

— Подземелья... А ты же моего возраста, — вспомнил Артем. — Тебе, значит, тоже четыре было, да? Когда Последняя война...

— Нет уж, мальчик, — сказал Летяга. — Я тебя на год старше. Это мы уже выясняли. Так что мне было пять.

Артем хотел свою Москву представить, а опять впорхнули в голову стрекозо-леты пузатые, въехали, дребезжа, машинки-вагончики, заморосил теплый дождик. Он тряхнул головой, выбросил чушь эту привязчивую, небыль.

— А ты что помнишь? Родителей... Квартиру вашу?

— Помню телевизор. Помню, как в телевизоре — у нас здоровый такой был — показывают президента. И президент говорит: у нас нет другого выбора. Нас вынудили. Нас загнали в угол. Не нужно было нас в угол загонять. Так что я решил... Тут мать входит с кухни, а у нее в руках тарелка для меня с куриным супом. Лапша называлось. Она мне: что ты смотришь страсти всякие? Давай, я тебе мультики включу. А я ей: я лапшу не буду. Наверное, это я тот самый момент запомнил. Самое начало. Ну или конец. Потом уже ни мультиков не было, ни лапши.

— А родителей помнишь?

— Помню. Но лучше б забыл.

— Слышь, Летяга, — перебил развинченный Юрец. — Это по нам ударили первыми. Не мы, а по нам. Предательски. И первый залп мы перехватили, а только потом уже сами. Точно говорю. Мне семь было.

— А я тебе говорю: лапша! Лапша, и в угол, и вынудили. Я тогда подумал: вот, президент, а и его кто-то в угол, значит, ставит.

— Какая разница теперь? — сказал Артем. — Мы или они?

— Есть разница, — возразил Нигматуллин. — Мы бы не начали. У нас вменяемый народ. Мы за мир были всегда. Эти суки обложили нас, в гонку вооружений втянули, чтобы измотать. Хотели расчленив страну. На куски распилить. Ради нефти и газа. Потому что им наше государство как кость поперек горла встало. Им независимые вообще страны не нужны были. Все под них легли, ляжки раздвинули. Одни мы... Огрызались. И эти гниды, эти падлы нас... Они не ждали просто, что мы до конца пойдем. Думали, мы сейчас обоссемся. А мы... Чтобы расчленив нас, ага. Врагу не сдается. Хер им нефти. Колонизировать нас. Вот сами-то и обоссались, гондоны. Когда им по ихнему телику показали, чего к ним летит. К нам с мечом давай, сунься. Мы-то и под землей не дохнем.

— А тебе-то сколько было лет? — спросил Артем.

— Какое твое дело? Год. Мне мужики рассказывали. И чё?

— И ничё, — ответил Артем. — И с той стороны океана ничё, и с этой.

Летяга примирительно кашлянул. Больше не говорили.

* * *

— Стоять! Потушить фонарь!

Нигматуллин с Юрцом расступились, приникли к стенам, автоматы свои полувскинули; Артем остался с Летягой в середине. Щелкнула, послушавшись, кнопка, сник свет. Стала ночь.

— Граница закрыта! Разворачивайтесь и идите назад!

— Мы из Ордена! — крикнул в гулкий колодец Летяга. — Деша руководству вашему!

— Разворачивайтесь! И назад! — повторили из колодца.

— Я говорю, письмо для фюрера! Лично! От полковника Мельникова!

Выскочили из темноты красные зайчики лазерных прицелов, заметались, запрыгнули Летяге на лоб, Артему на грудь.

— Назад! У нас приказ открывать огонь на поражение!

— Вот те, епта, и вся дипломатия, — подытожил Летяга.

— Не пустят, — шепнул Юрец.

— Прорываться приказа не было, — отозвался Нигматуллин.

— Но конверт сказано доставить, — возразил Летяга. — Старик иначе бошку оторвет. Не знаю уж, что там... Но сказал так: конверт ему не всучишь — всему хана.

Пахло сладко и мерзко прелой мочой: видно, удобств на посту предусмотрено не было, и часовые, когда приспичит, просто выходили в туннельную темноту, на ничью территорию.

Артем смотрел на рубиновое пятнышко, которое подсветило ему сердце. Подумал о Мельнике. О последней невыполненной своей миссии: пойти домой к Ане и заявить ей, что он ее бросает. В лицо заявить, а не сбежать тайком, поджав хвост, ради великих дел.

Он и так ради великих дел много чего натворил. Олежека вот врачихе оставил: сделал все, что мог. Свалил дырявое тело, отряхнул руки и водку пить пошел. Лехе дал по лестнице в никуда пойти, насвистывая, решил не вступаться, не возвращать его. Кому направо, кому налево: каждому свое. Смертников на свободу свинолуповым расстрельным наганом не погнал. Про женские тапочки в майорском кабинете не спросил. И шторку не стал отдергивать. Ничего: не стал, и не увидел, есть там кто, или нет. А не увидел, значит, и нет никого: так можно себе рассказать, и жить с этим преспокойно. И о Гомере можно себе объяснить что-нибудь будет, о никчемном старике, о безграмотном писаке. Все врут про муки совести: человек силен, он со всем справиться может. Великие дела все извиняют.

Он попытался дрожащего зайчика ладонью накрыть, а тот на руку перепрыгнул.

— Последнее предупреждение! — крикнули из колодца.

— Отходим, что ли? — спросил у себя Летяга.

Оставь старика. Все свои трупы оставь, в этот колодец свали и крышкой закрой. У тебя задача поважней, Артем: мир спасать. Ты на грибы тратиться не должен.

— Дитмара найдите! — крикнул туда, в глубину, Артем; и дал петуха.

— Кого?!

— Дитмара! Скажите, сталкер вернулся!

— Это что еще? — обернулся Летяга. — Что за история?

— Да все та же история. Про пожилого мужчину с бородой, — хотел улыбнуться Артем. — И еще про одного идиота. Мое секретное задание.

И тут в этом их космосе задрипанном зажглась сверхновая.

* * *

Дитмар вышел к первому блокпосту, к пулеметному гнезду. Посмотрел на попрятавшихся в ладонях храбрых орденских бойцов, наверное, и, наверное, усмехнулся по-своему. А прожектор гасить не стал.

— Кто звал? — Артем увидел только силуэт в море слепящего света; пришлось по голосу узнавать.

— Я! Артем!

— Артем? — Дитмар будто забыл его. — Какой Артем?

— Так и знал! — запыхтел Нигматуллин.

— Сталкер! Дешу! Фюреру! Лично в руки! От Мельника! От главы Ордена! По поводу положения!

— По поводу какого положения? — Дитмар не хотел его понимать.

— На Театральной! По поводу вашего вторжения!

— Нашего вторжения? От Мельника? — Дитмар звучал удивленно. — Нет никакого вторжения. На Театральной беспорядки. К нам рекой текут беженцы. Фюрер приказал начать миротворческую миссию на станции с целью предотвращения человеческих жертв. А сейчас четвертый час ночи. Он спит. И писем от гражданина Мельникова он не ждет. Но вы, если хотите, можете вручить дешу мне. Утром я передам ее в его секретариат.

— Исключено, — подсказал Летяга шепотом. — Распоряжение или лично в руки, или уничтожить документ.

— Исключено! — криком повторил Артем. — Только фюреру, из рук в руки!

— Очень жаль, — вздохнул Дитмар. — Фюрер никого не принимает. Особенно профессиональных головорезов. В любом случае, до вручения конверт будет вскрыт и досмотрен во избежание попытки отравления.

— У меня есть информация, — собравшись, произнес Артем. — Что на Театральной не беспорядки. А спланированная диверсия. С целью захвата станции.

— А у нас другая информация насчет Театральной, — равнодушно отозвался Дитмар. — И не всем она понравится, гражданин сталкер. Вашим товарищам, к примеру. До свидания.

Он отдал им честь и, развернувшись, зашагал к станции.

— погоди! — крикнул Летяга. — Стой! Это не от Мельника конверт!

Дитмару было все равно. Пулеметчик пошевелил долгим жалом, намечая дорожку для свинца. Снайперы выпустили зайчиков; даже сквозь прожекторный свет, белый и яркий, как первая секунда смерти, эти зайчики пролезали.

— Слышишь?! — заревел Летяга. — Не от Мельника конверт! Он от Бессолова! Черная фигура, почти расплавившаяся уже в белом, застыла.

— Повтори.

— От Бессолова! Фюреру! Лично! Срочно!

Артем повернулся к Летяге. Что-то тут происходило, чего он понять не умел. Нигматуллин и Юрец склоняли возбужденно незнакомую фамилию. Дитмар молчал; но с места больше двинуться он не мог.

— Хорошо. Один человек будет допущен на станцию. Остальные могут ждать.

Летяга вздернул свои саженные плечи, принимая условие. Шагнул вперед.

— Не ты! — остановил его Дитмар. — Отдай дешу этому парню. Артему.

— У меня приказ...

— И у меня приказ. Пропущу только его. И только после досмотра.

– Почему его?! Артем, это что за...

– Давай конверт, – сказал ему Артем. – Давай, Летяга. Ты рассек меня. Секретное задание. Мельник меня за этим и отправил. Если вас не пустят... У меня тут своя история. Тебе нельзя. Как, думаешь, я про Театральную узнал?

– Тут у всех свои истории, бля! – рыкнул Летяга. – Друг от друга... Параноик он старый...

– Не давай ему, ты че? – просипел Нигматуллин. – Он вообще кто? Полкан сказал, чтобы ты... Или мы...

– Заткни пасть, Русланчик, – попросил его Летяга. – Это Артем, ясно? Это наш! Наш человек! Ясно?

– Как хотите! – охладел Дитмар. – У меня больше на это времени нет. Я уже должен быть на Театральной и раздавать населению гумпомощь.

Летяга проклял его, плюнул досадливо и выхватил из присердечного кармана плотный, непроглядный конверт – небольшой, бурый. Всунул его Артему.

– Это наш человек, ясно?! – заорал он пулемету, снайперским винтовкам, лазерным зайчикам, черным трафаретам, зассанному космосу и ослепительной звезде. – Мы будем его здесь ждать!

– На здоровье, – отозвался Дитмар. – Но фюрер может спать и до полудня. Ждите.

– Мы будем ждать, здесь будем, Артем, – горячо зашептал Летяга. – Ты вернешься. Если они хоть волос на твоей голове... Старик бурчит на тебя, конечно, но за своих горы свернет... Мы ведь с тобой одной крови, ты и я... Да?

– Да, – сказал Артем; он уже мало что слышал. – Да, Летяга. Спасибо. Не знаю.

И, приклеив чертов конверт к коже, спотыкаясь о шпалы, он полетел к сверхновой, прямо в нее самое; в миллиард градусов.

* * *

– ВРАГИ РЕЙХА! ВРАГИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА! НА НАШЕМ ПОРОГЕ! СТОИТ ОРДА УРОДОВ!

Диктор был один, но вещал он из десятка чуть-чуть друг от друга отстающих мегафонов, и оттого дробился, повторял сам себя эхом; и этот хор одного человека звучал как голос гидры – жутко и завораживающе. Яд капал из этого голоса.

– ЕСЛИ МЫ НЕ БУДЕМ БИТЬСЯ ДО КОНЦА! НАМ ГРОЗИТ ПОЛНОЕ ИСТРЕБЛЕНИЕ!

Он встретил Артема раньше, чем свет Чеховской-Вагнеровской; свет не умел отражаться от гнутых и извилистых туннельных стен, а голос мог.

— УЗНАВ О ПРЕДАТЕЛЬСКИХ ПЛАНАХ КРАСНОЙ ЛИНИИ! В НАРУШЕНИЕ МИРНОГО ДОГОВОРА! ЗАХВАТИТЬ СТАНЦИЮ ТЕАТРАЛЬНАЯ! Я! РЕШИЛ НАНЕСТИ ОПЕРЕЖАЮЩИЙ УДАР!

— Фюрер? А ты говорил, он спит... — сказал Артем Дитмару.

— Сейчас никто в Рейхе не спит, — ответил тот.

На Чеховской-Вагнеровской Артема встречал транспарант: «Добро пожаловать, дорогие гости из Полиса!»; посреди зала строились шеренгой разновозрастные мужчины — кто в чем, тарасили красные заспанные глаза, неуверенно шушукались. Вдоль рядов сновали похожие на овчарок прапоры, покрикивая, похлопывая, похлестывая. Устанавливали столы с табличками, выкладывали на них горами камуфляжное тряпье, везли, громыхая, тележки с оружием. В противоположном краю платформы разворачивали тент с красным крестом, и взгляды из шеренги магнитились все время к нему.

— НО КРАСНАЯ ЛИНИЯ НЕ ОСТАНОВИТСЯ НИ ПЕРЕД ЧЕМ! ЧТОБЫ ЛИШИТЬ ГРАЖДАН ТЕАТРАЛЬНОЙ! ИХ ЗАКОННОГО ПРАВА! ЖИТЬ СПОКОЙНОЙ И СЧАСТЛИВОЙ ЖИЗНЬЮ!

Станция была странная — круглосводая, как туннель, и с арками, похожими на пропиленные в стенах бойницы. Ее белый мрамор сверкал; были вычищены и светильники — старые, подлинные. Забавные они были: не отдельные друг от друга, как на прочих станциях, не сдвоенные и не соцветиями спаянные, а сразу по двадцать сидящие на бронзовых гондолах двумя рядами; словно их тоже среди ночи разбудили и построиться заставили. А еще похоже было на рабы души, которые на летучих галерах гребут по удивительному белому туннелю в свой честно заработанный рай.

— Где мину заложил?

Дитмар шел скоро, Артем еле за ним поспевал; лица в шеренге мелькали мимо, и ни одно не успевало оформиться. За спиной повизгивали о гранит сапожные подковки: печатала шаг охрана.

— Внизу, по эскалатору спустился, — доложил Артем. — У гермоворот.

— Хорошо завалило?

— Основательно.

— Смотри. На Театральной пока все под нашим контролем, так что хочу тебе верить. Но проверю, конечно. Если все исполнил, награда... Орден! — Дитмар хмыльнулся. — Орден тебе за такое полагается.

Вдруг выскочил из шеренги кто-то им наперерез; охрана метнулась вперед, вскинула «калаши». Но это был маленький кто-то, дурацкий, безобидный: бороденка, очки запотели...

— Простите! Простите! Гражданин офицер... Господин Дитмар... Ради всего святого! Тут ошибка. Меня по ошибке мобилизовали. У меня жена... Наринэ... Вы ведь только что у нас... От нас...

Дитмар вспомнил, встал, отмахнулся от охраны.

— Илья Степанович. А мы тут с вашим знакомым. В чем ошибка?

— НАВОДНИТЬ СТАНЦИЮ УРОДАМИ! ВОТ ЧЕГО ОНИ ХОТЯТ! ОНИ ВЗБЕШЕНЫ! НАШИМ СОПРОТИВЛЕНИЕМ! И ЭТА ОРДА УЖЕ! У НАШИХ! ГРАНИЦ!

— Наринэ моя... У нее схватки начались. После взрывов этих на Театральной... Ее забрали. В роддом. Сказали, в любой момент воды могут... А у нее срок еще... Не подошел, понимаете? Может, на сохранении она бы... У нас такой замечательный роддом! Но если меня призовут... Или что-то случится там... Как же она? Сейчас? С кем? А если роды? Надо ведь быть там... Я должен знать... Кто родится... Мальчик или...

— ИМЕННО ПОЭТОМУ! Я ОБЪЯВЛЯЮ! ВСЕОБЩУЮ! МОБИЛИЗАЦИЮ!

Унтер улыбнулся учителю, положил руку ему на плечо.

— Так сказать, родила царица в ночь... Не то сына... Да, Илья Степанович? Не то дочь.

— Зачем вы... Зачем вы так?

— Ну господа, шутка же. Помню наш разговор. Помню. Давайте пройдемся.

Он сделал знак овчаркам-прапорам, и, приобнимая, повлек Илью Степановича за собой. Артем шагал рядом; мял в кармане конверт. Что там? Конверт был жесткий, что-то в нем лежало... На что это похоже? Не письма, не бумаги... Голова раскалывалась. Завод кончался.

— Вы ведь собрались нам учебник истории писать, да? — говорил Дитмар учителю.

— Господин офицер... А если... Если при родах что-то...

— Вот вы садитесь — и пишите! Сейчас же начинайте! История прямо на ваших глазах делается! — он остановился, снял с Ильи Степановича очки, подышал в них, протер и водрузил их на место. — У себя в штабе выделю вам уголок. А то убьют еще, правда...

— ЗАЩИТИТЬ ОТ КРАСНОЙ ОРДЫ НЕЙТРАЛЬНУЮ СТАНЦИЮ! ВОТ НАШ ДОЛГ! НАС МОЛИЛИ О ПОМОЩИ! И МЫ ИДЕМ!

— Спасибо. Благодарен. Господин... Дитмар... Но... Позвольте к жене... Сейчас... Поддержать... На ней лица не было... Чтобы знала, что все хорошо... Что вы заступились... И если роды...

— А зачем? — спросил у него Дитмар. — Там-то уже ни вы ничего не измените, ни я. Родится здоровый малыш — хорошо. В роддоме есть, кому поздравить мать от лица Партии.

— Но... Но если вдруг... Тьфу-тьфу-тьфу... Если, не дай бог...

— А если урод... Тише, тише. У нас прекрасный роддом, вы сами сказали. Наркоз. Когда она очнется, все уже будет сделано. А ребеночек даже ничего не почувствует, поверьте. Там же все профессионалы. Тот же самый наркоз, только доза другая. Все гуманно. Чик, и все.

— Конечно... Да, я понимаю... — на Илье Степановиче лица не было. — Это просто так скоро случилось. Схватки ее. Она так волновалась, Наринэ моя... Я ду- мал, еще время будет...

— А еще будет время, Илья Степанович! — стиснул его покрепче унтер. — Еще какое хорошее время будет! Так что в роддоме вам делать нечего. Все. Бумагу и карандаш вам выдадут. Буду за вас держать кулаки! — он подтолкнул ошалевшего учителя к одному из охранников. — Распредели гражданина ко мне.

— НИКТО НЕ ОСТАНОВИТ НАС! КОГДА МЫ ВЫПОЛНЯЕМ! НАШ! СВЯЩЕН- НЫЙ! ДОЛГ!

— Куда мы идем? — затревожился Артем, когда почти вся станция уже была позади; кончалась она ступенями перехода, у которого стоял караул.

— Ну тебе ведь нужно вручить эту вашу депешу, так? — оглянулся на него Дит- мар. — Что там, кстати? Ультиматум? Мольбы? Предложение о разделе Театраль- ной между заинтересованными сторонами?

— Я не знаю, — сказал Артем.

— Орден, а? Стоило бы мне, дураку, догадаться, что именно ты делал в По- лисе, сталкер.

— МЫ НИКОГДА НЕ ДАДИМ В ОБИДУ МИРНЫХ ЖИТЕЛЕЙ! МЫ БЕРЕМ ТЕА- ТРАЛЬНУЮ ПОД СВОЮ ОПЕКУ! МЫ ЗАЩИТИМ ЕЕ ОТ ПОЛЧИЩ УРОДОВ!

— Кто такой Бессолов?

— То есть ты и правда понятия не имеешь, что хочешь вручить фюреру?

— Это не мое дело. Я просто выполняю приказ.

— Ты нравишься мне все больше и больше! Я бы сказал, ты мой идеал, — Дит- мар усмехнулся. — Сказано человеку: взорвать переход — взрывает переход. Ска- зано: вручить конверт черт знает с чем и черт знает от кого — и это сделает. Сказа- но: сунуть яйца под пресс — и тут нельзя отказать! Больше бы таких, как ты!

— И МЫ ГОТОВЫ ЗАПЛАТИТЬ ЛЮБУЮ ЦЕНУ ЗА ПРАВО НАЗЫВАТЬСЯ ЛЮДЬМИ!

— Гомер жив? — спросил у него Артем. — Что со стариком моим? Где он?

— Жив. Тебя ждет, — успокоил его Дитмар.

— Я хочу сначала его забрать.

— Предсказуемо. Поэтому к нему мы и идем. Вот что в тебе, сталкер, еще хорошо — это твоя предсказуемость. Одно удовольствие с такими людьми ра- ботать.

Караульные скрежетнули каблуками, старший выкинул руку; даже в глаза Дитмару глядеть побоялся. Стали подниматься по стесанным ступеням.

— Ты... Зачем тебе эти погоны? Ты ведь никакой не унтер, да? Кто ты?

— Я-то? Инженер человеческих душ! — подмигнул ему Дитмар. — И немного волшебник.

Переход был отдан казармам; в прошлый раз Артема с Гомером сюда не пу- стили. Рядами шли нары. Козыряли дневальные. Хмурился с плакатов фюрер.

Свисали с потолка штандарты Железного легиона: серый кулак, черная трехпалая свастика. Громкоговорители росли из стен, как грибы, перекрикивали друг друга:

– ПУТИ НАЗАД НЕТ! И МЫ НЕ СОБИРАЕМСЯ ОТСТУПАТЬ! РАДИ ВАШЕГО, РАДИ НАШЕГО БУДУЩЕГО! РАДИ БУДУЩЕГО НАШИХ ДЕТЕЙ! РАДИ БУДУЩЕГО ЧЕЛОВЕЧЕСТВА!

– На что вы рассчитываете с этим конвертиком? – Дитмар хмыкнул. – Поезд уже идет, его не остановишь, хоть на пути бросайся. Театральная будет нашей. И Площадь революции будет. Красные ничего не смогут. Им свои голодные бунты подавлять еще. Половина грибов стухла из-за этой сухой гнили. Идет как пожар.

– Кто такой Бессолов? – повторил Артем; думая: от кого Мельник станет принимать приказы?

– Понятия не имею.

– Почему тогда письмо от него важнее письма от Мельникова?

– Мне не письмо от Бессолова какого-то важнее, сталкер. Мне ты важнее.

Кончились казармы; загроздилились укрепления, ежи, колючая проволока; зачернели пулеметы, развернутые стволами вперед – туда, куда Дитмар вел Артема; залаяли сторожевые псы, передразнивая фюрера; а потом в их рваный стих пением влился протяжный мужской стон, с которым, наверное, из какого-то человека уходила жизнь. Пушкинская, понял Артем. Дитмар вел его на Пушкинскую.

– Он там? На Пушкинской? Ты обещал его не трогать!

Они остановились у кирпичной стены в потолок с железной дверью. Охрану Дитмар отогнал указательным пальцем. Извлек кисет, выудил из кармана резаную газету, присыпал причудливые жирные буквы сушеным дурманом, лизнул, скрутил.

– На, и ты покури.

Артем не побрезговал. Душа просила отравы еще там, у Мельника; но Мельник вот пожалел ему последней папиросы перед тем, как навсегда Артема от себя отшвырнуть, а Дитмар угостил.

Унтер прислонился к стене спиной, опер затылок, поглядел в потолок.

– А вот родится у его армяночки урод, как думаешь, будет учитель нам книжку писать?

– Если вы убьете его? Ребенка?

– Если усыпим. Что, не станет он нас в книжке хвалить?

– Не станет, – ответил Артем. – Не может же он быть такой сволочью.

– Ну вот, – Дитмар зажмурился, выпуская дым. – А я думаю, станет. Армяночка, думаю, будет переживать, клевать нашего Илью Степановича, но он потом убедит ее, что так хорошо и правильно. Что надо просто еще попробовать. И сядет писать книгу про Рейх, а мы ее потом издадим тиражом десять тысяч. Чтобы каждый в метро прочел, кто умеет читать. А остальных по ней читать на-

учат. И фамилию Ильи Степановича каждый будет знать. И вот за это Илья Степанович простит нам, что мы его ребеночка усыпили.

— За десять тысяч книжек? Он тебя удивит еще, — скривил Артем Дитмару улыбку. — Бежит со станции, а может, и покушение совершит. Такое простить нельзя.

— Простить нельзя, а забыть можно. Все с собой договариваются. Люди меня редко, сталкер, удивляют. Человек просто устроен. Шестеренки в башке у всех одинаковые. Вот тут — желание жить получше, вот тут — страх, вот тут — чувство вины. А больше в человеке никаких шестеренок нет. Жадных соблазнять, бесстрашных виной морить, бессовестных запугивать. Ты вот: какого черта обратно приперся? Знал же, что шеей рискуешь. Нет, совестливый. За старичка своего переживаешь. Рванул переход, потому что совестливый. Войне помог, потому что совестливый. А теперь крючок уже вот он, торчит крючочек! — Дитмар прокуреным пальцем дотронулся до Артемовой щеки; тот отдернулся. — Слопал. И куда ты рыпнешься от меня? Ты ведь Орден свой предал. Снюхался с врагом. Вот твои друзьяшки стоят там, ждут тебя. Думают, ты их человек. А нет, ты мой.

Артем и курить забыл. Самокрутка погасла.

— Говно твой табак, — сказал он Дитмару.

— Зато когда Рейх во всем метро победит, табак у всех будет отличный! — пообещал ему Дитмар. — Ладно. Пойдем к Гомер Иванычу.

Мигнул охране; поехал в сторону метровый засов с пудовым замком; и их пустили на станцию Шиллеровскую.

* * *

Артем помнил ее Пушкинской: такой же белой, такой же мраморной, как соседняя Чеховская, хоть и перемазанной ненавистью к нерусским. На Пушкинской его показывали толпе, объясняли, за что к виселице приговорили: за убийство фашистского офицера. Офицера Артем убил так — навел на него автомат и вжал крючок; судорога палец свела. Свела, когда этот офицер дауну-подростку голову пробивал пулей. Простительно: Артем молодой был, впечатлительный. Сейчас бы, наверное, перетерпел; отвернулся. Отвернулся бы? Постарался бы отвернуться. От петли в горле чересчур першит.

А сейчас оказались они не на Пушкинской; и не на Шиллеровской.

Оказались нигде.

Вся станция была разнесена, раскурочена. Мрамора не осталось ни плиточки, все ободрали и куда-то унесли. Был голый исшкрябанный бетон, были горы земли, реки грязи, подпорки дряхлые деревянные; вместо воздуха была водяная пыль, смешанная с цементной пылью — и воздух от нее становился тоже бетон-

ным. Лупили через пар прожектора, и их лучи были видны от начала и до конца, как огромные дубины.

Эти дубины оживали по хребтам и мордам жутких голых людей — кто тряпкой срам прикрыл, кто уже и этим не заботится; все отпечатаны черным, все каплют кровью. Те, кто был мужчинами, заросли по глаза. Кто был женщинами — от спутанных волос вовсе безглазые. Но — все обычные, двурукие и двуногие. И только подростки — искореженные. Спины перекошенные, сросшиеся пальцы, головы сплюснутые; и циклопы, и двухголовые, и шерстистые как звери. Уроды.

Одежды тут не было ни на ком; были нагие, и были в форме.

Автоматчики носили респираторы: без них здоровью вред. Респираторы смотрелись намордниками, будто охрана могла иначе на голых наброситься и зубами загрызть. А из-за намордников приходилось с ними иначе: цепями, плетью из колючки. От них и стоял здесь тот рев, который Артем слышал из-за стенки, из учительского туалета.

А самое страшное в станции было то, что она нигде не кончалась. Эти голые зверчеловеки скреблись из нее во все стороны — кирками, лопатами, молотками, ногтями — отчаянно корябали землю, камень, прогрызая пустоту вправо, и влево, и вверх, и вниз. Шиллеровская уже стала больше самой просторной из станций, где Артему пришлось побывать; и каждую минуту она продолжала раздуваться.

— Вы их как рабов?! — спросил Артем.

— А что? Гуманней, чем просто в расход пускать, нет? Пусть пользу приносят! Расширяем жизненное пространство! Такой приток добровольцев со всего метро, размещать негде! — перебарывая рев уродов, объяснил ему Дитмар. — Когда закончат реконструкцию, здесь будет город-сад! Самая большая станция метро! Столица Рейха! Кинотеатр, спортзал, библиотека и больница!

— Он для этого про уродов придумал, фюрер ваш? Ради рабства? Тут уродов и четверти не наберется!

— А это не тебе, сталкер, решать, кто урод, а кто нет! Фюрер — гений! — засмеялся Дитмар. — Глупо же травить людей за то, что они армяне! Или евреи! Эффекта ноль. Если уж человек родился евреем, с этим ничего уже сделать нельзя. У некоторых даже на лице написано: еврей. Чеченец. Казах. И все! Он твоя мишень, он твой враг, и верным тебе он никогда не станет. А кто русский — у него что же теперь, иммунитет? Он что, по одному рождению избранный? Ему все дозволено? Ему, может, ничего бояться больше не надо? Бессмыслица! А уродство?! Совсем другой коленкор! Тонкое дело — уродство! Мутация! Родишься здоровым, а потом как пойдет опухоль расти! Или зуб! Или отклонения! А может, это вообще глазом не увидеть! Это только врач наверняка сказать может! И поэтому — каждая сука должна трястись и под себя ходить от страха, идя к врачу на осмотр. И врач сам должен трястись. И уж с нами, консилиумом, решать, кто урод, а кто нет.

Дмитрий Глуховский

И никто не может быть уверен ни в чем. Никогда. И всю жизнь, понял, всю жизнь должен оправдываться. И нас оправдывать. Вот красота-то! А?! Красотища!

Он положил Артему руку на плечо. Родинка у него на переносице оказалась третьим глазом, положенным ему, как демону, чтобы лучше видеть гнилое и мягкое человеческое нутро.

— Где он? Где Гомер?! — выкрикнул ему Артем.

— Давай конверт!

— Что?!

— Давай сюда конверт!

— У нас был уговор!

Закрошились искры, зубы хрустнули, пещера накренилась: Дитмар наотмашь съездил Артему пистолетной рукоятью по щеке, по скуле. Потом перехватил полюдски, дулом Артему в лоб: убойный пистолет, «Стечкин».

— Хочешь, чтобы я с трупа твоего его снял?

Артем шагнул назад, думая, как ему успеть уничтожить депешу, а сзади уже ждала охрана. Заломили руки, опрокинули, пригнули к грязи, вырвали конверт из рук. Передали бережно Дитмару. Тот покрутил его в пальцах, попробовал сложить, посмотрел на прожекторный просвет.

— Фотографии, кажется, — сказал он, присев к Артему. — Очень любопытно. Фотографии, которые остановили войну. Красиво, а?

Убрал во внутренний карман.

— Чертовски хорошие должны быть фотографии. И очень должны понравиться именно фюреру, раз больше никому их видеть нельзя. Так? Ну кто откажется от соблазна на такое хоть одним глазочком? Тебе вот — не интересно?

— Где Гомер?!

— Тут где-то. Поищи. У меня времени нет. Мне на Театральную пора. Гуманитарная помощь, выявление агентуры... Ты здесь пока побудь. Обыкнись... Поработай.

— Они меня не бросят! Летяга! Орден! Они ждут меня! Вам всем хана тут! Слышал, мразь?! Тварь?! Слышал ты, гнида?!

Артем рванулся, но охранники были откормленные, опытные, держали крепко; так и остался на карачках, мордой в грязь воткнут.

Дитмар, прежде чем с корточек подняться, погладил Артема по голове.

— Ждут. Точно, ждут ведь. А я пойду вот и расскажу им, чей ты человек.

И ласково шлепнул Артема по заднице.

Глава 13

ЖИЗНЕННОЕ ПРОСТРАНСТВО

Думал, наступит день, когда он ночь отработает; но тут ничего не было — ни ночи, ни дня, и смена была только одна: от начала и до конца. Поили из шланга, считая глотки, воду запасать не позволяли. Нужников не было; туннели, кроме одного, были переплетены сплошь колючей проволокой, как паутиной, не сбежишь, не уползешь. Зверолюди гадили стоя, не отрываясь от работы: мужчины при женщинах, а женщины при мужчинах; вновь прибывшие учились этому в первые же сутки. Учили плетками из колючки. Убивали без сочувствия, дежурно: тех, кто не хотел работать, тех, кто умирал сам и поэтому работать не мог, и тех, кто притворялся уже мертвым из хитрости. Работников не жалели — новых приводили два раза в день, им тоже надо было жрать, а жратвы не прибавлялось.

Каждый раз, когда открывалась железная дверь, когда втаскивали ошалевших новичков, выпихивали их в Шиллеровскую бескрайнюю пещеру, у Артема подкручивало кишки: вот сейчас войдет Дитмар. Обман его вот-вот вскроется: красные отправят солдат с Охотного ряда на Театральную через разорванные гермовороты, через верхний вестибюль, блицкриг обернется бесконечной позиционной войной, и Дитмар вернется, чтобы повесить Артема за предательство.

Когда он придет? Скоро?

Артема ощупали, определили, что силы в нем пока много, и дали ему возить тачку. Забирать у бородатых грызунов отковырянное, отбитое, кидать в тачку и везти в открытый туннель, который шел к Кузнецкому мосту. Поверх шпал лежал настил из досок. По нему нужно было бежать, может, метров триста, и там сваливать землю с камнями в гору, которая уже поднималась до потолка.

У Артема была хорошая работа, это он сразу понял: ему не стали сковывать ноги, и обязали не стоять на месте, а обходить кругом всех прочих, глядя, у кого скопилось больше грунта. Жаль, бежать было некуда. Зато так он смог найти Гомера.

Старик тут только полсуток провел, и еще был в одежде; но уже понял, что можно делать, и чего делать нельзя. Нельзя отлынивать. Нельзя филонить. Нельзя смотреть в глаза, с кем бы ни говорил. А если говоришь, не глядя на человека, такое прощают: на этом заводе земли и тел все равно ничего не слышно уже за шаг.

Гомер, хоть и старый, держался. Не стонал, не плакал. Бил породу сосредоточенно, не быстро и не медленно, не спешил себя спустить. Весь мокрый, землей измазанный, плечи прорваны и испачканы бурым, губы обкусаны.

— За тобой пришел, Николай Иванович, — сказал Артем мимо Гомера. — А теперь, наверное, оба тут останемся.

— Спасибо. Зря, — с ударами выдохнул ему Гомер. — Эта. Сука. Лживая. Мразь. Никого. Не. Выпустит.

— Как-нибудь выберемся, — пообещал ему Артем.

Разговор у них пошел обрывистый: слишком часто нельзя было возвращаться в один и тот же угол, надзиратели замечали и стегали плетками за такое. Плетки были упругие, стальной проволоки, шипы из них во все стороны торчали: один укусит, когда ударят, другой — когда отдернут.

— Ты. Как. Был. На. Театральной.

— Был.

— Видел. Умбаха.

— Его красные арестовали. Донос чей-то. За то, что радио слушал. Забрали и расстреляли. При мне. Не успел поговорить.

— Жалко. Как. Хороший. Мужик.

Забрал Гомеровы куски. Потом у горбатого мужичины с другого конца станции принял груз породы. Потом женщине с вислой грудью помог подняться на ноги, пока надзиратель через каменный туман не увидел. Потом снова к Гомеру.

— Он не один был, Умбах. Еще другие связывались. Люди приходили из другого города в Москву, из Полярных Зорь, наверное.

— Люди. Ну. Люди. Говоришь. Где ж они. Не встречал.

— Красные всех находят, всех метут. Стреляют, на Лубянку увозят, в Комитет. Кто пришел, и кто их видел, и кто о них слышал.

— Может. Боятся. Что. Те Ганзе. Помогут. Против. Них.

Забрал у Гомера новые камни. Потом к пареньку побежал — медленному, скособоченному, недопалому, его поскребыши сгребать. Потом к тощему кавказцу, который намахал целую гору от злого нежелания околевать. Через марево вроде увидел знакомое что-то, но подойти не было повода.

— Так ты веришь мне? Я Мельнику рассказал, Мельник не верит. Говорит — бред.

— Я Умбаха. Сам слышал. Верю. Не понимаю. Но верю.

— Спасибо, дедуль. Спасибо тебе.

— Или. Шпионы. Чьи-то. Агенты. А.

— Не знаю.

Вычистил все. Побегал дальше: кто-то помахал, меня, мол, разгрузи. Случилась радость: Леха-брокер. Измотанный, истеганный, а лыбится.

— И ты к нам!

— Живой?! — и Артем ему улыбнулся честно; чуть полегчало.

— Слишком ценный кадр! — крикнул брокер. — Чтобы сокращать!

— Не задалось с Легионом, а?

— Не задалось! — Леха, воровато озираясь, помогал Артему накидывать в тачку породу. — Наверное, не мое. От призвания не уйти, — он кивнул на засохшие кучки.

Подскочил надзиратель, огрел цепью и Артема, и Леху за разговор.

Артем вжал голову в плечи, чтобы сберечь. Сбегал в туннель, вывалил тачку, вернулся, огляделся: охрана позвала. К той женщине, которую Артем с полу поднял, чтобы она еще пожила. А она подержалась еще немного, и опять упала. Ей фонарем в глаза, а она все равно темноту только видит. Один охранник Артема автоматом отгородил, другой взялся за арматуру покрепче, примерился — и расколол женщине голову, как яйцо разбил. Артем забыл про автомат, кинулся — и ему арматурой по плечу, и прикладом в челюсть, и на земле сапогами. Пропихнули в рот железный влажный ствол, мушкой небо расцарапали.

— Будешь еще, сука?! Будешь?! Встать!

Поставили на ноги, сложили ему эту женщину в тачку: вези.

— Куда?

Дали подзатыльник, проводили в последний путь. Мертвых туда же, куда и грунт. Женщине было в тачке неудобно: ноги свисали, голова разбитая вбок клонилась. Потерпи уж.

На первый раз показали, что с такими делать.

Мертвых надо было везти по дощатому настилу до земляной горы, которая затыкала туннель до Кузнецкого моста. И там сваливать их на насыпь вместе с камнями. Насыпь иногда сползала вниз, одевала голых, забивала им рты и уши глиной и песком. Это были похороны.

Потом Артем не хотел ни к Гомеру, ни к Лехе подходить: надзиратели его приметили. Вместо Гомера были разные — еще крепкие, и уже изношенные, киргизы и русские, русские и азербайджанцы, азербайджанцы и таджики. Каждый давал Артему камни, каждый отнимал у него силы. Скоро перестало хватать минуты, которую он грузил тачку, чтобы ноги отдохнули, а минуты, когда он с тачкой бежал, чтобы руки отошли. Оборачивался на лязгающую входную дверь: не Дитмар? Не за ним?

Терпел, пока не стал падать. Тогда вернулся к своему старику. Тот его ждал; тоже иссякал уже.

— Почему. Красные. Почему. Никто. Не. Знает. Только. Они.

— Не дают никому узнать? Думаешь, у них самих есть связь с Зорями? Держат от остальных в тайне?

— Врут. Зорям. Переговоры. Ведут. А.

— О чем переговоры?

— Черт. Знает. Что. Красным. Надо.

— Голод у них... Грибы гниют. Может, чтобы продовольствие им поставили? А? Если так, там земля есть... Плодородная!

— Ну. Заврался.

Проходил мимо надзиратель, свистнул: ты и ты и ты и ты, живо жрать, ваша очередь. Притащили лохань с помоями, велели нагребать руками. Артем еще не мог даже нюхать такое, а другие чавкали и хлебали, сколько успевали.

Зато Гомера кормили в эту же смену, так что им выпало десять минут без кирки и без тачки.

— Был наверху. По Тверской улице к Театральной пока. И там... Кто-то там охотится за всеми, кто по Тверской идет. Броневик настоящий. Мотоцикл. Четверых их сталкеров положили. Меня... Хотели. Не тронули почему-то. А нашли быстро.

Гомер пожал плечами; потом сложил пальцы пригоршней, зачерпнул баланды, поднес ко рту, понюхал, подумал.

— А потом обратно шел... И не было никого. Дошел. Без химзы, раздетый. И знаешь, что? Под дождь попал.

— Под дождь? — старик поднял взгляд.

— Под дождь, — Артем хмыкнул.

Вокруг, сбившись к корыту по-свинячьи, толкались и лакали наперегонки. Артем этого не видел: видел вместо этого высоких и тонких людей в широкополых шляпах, видел дождь из безоблачного неба, и еще летучие тихоходы.

— Идиот какой, — сказал он себе. — Можешь представить? Иду под дождем и воображаю себе такое... Самолеты... Как дирижабли, что ли. Только с прозрачными крыльями. Как у мух, но большими. Как у стрекоз. И все в таком ярком... Парадном. И тоже дождь. Приснилось, — он сбавил голос от стеснения: зверолоуди жрали, нельзя было их отвлекать такой ересью.

А зверолоудям было насрать на Артемовы сны, у них мелела лохань, а им еще нужно было тут прожить еще сколько-нибудь времени, и без помоев они это сделать бы не смогли никак.

Но Гомер его слушал. Слушал и не ел.

— И вагончики такие... Маленькие... — он кашлянул, прочищая горло. — Вместо машин... На дорогах...

— Да, — подтвердил Артем, озадаченный. — На четыре места.

— Ты видел? Ты это видел? Там? Наверху?

— Я видел. Как будто сон вспомнил, знаешь? А ты... Ты откуда?

– Это из книги моей. Из тетради. В тетради написано!

Гомер щурился, осматривая Артема, моргал, стараясь понять: розыгрыш? Издевательство?

– Ты брал ее? Мою тетрадь? Читал? Когда?

– Не брал. Да и где она?

– Конфисковали. Сразу. Дитмар этот. Документы, тетрадь... Все. Как – не читал? Откуда ты знаешь тогда?

– Говорю же – сон!

– Это не твой сон, Артем. Это и не сон.

– Что?

– Я тебе про девочку рассказывал. Про Сашу. Которая на Тульской... Утонула. На затопленной станции.

– Что-то... Что-то такое, да. Когда мы на Цветном надрались с тобой?

– Да. Это... Саша эта... Это ее... Так она себе представляла мир наверху. Она в метро родилась. Никогда наверху не была. И так вот, глупо... Наивно.

– Саша? С белыми волосами, ты говорил? – Артема повело, мир заколебался, как от волны горячего воздуха.

Артем потер виски. Голова трещала.

– Жри, что не жрешь? – отвалившись от корыта, устало сказал ему дядька с вспухшим пузом; борода у него была колтуном, и по ней струилась темная вода. – Хорош трындеть! Раз в день кормют!

Он натужился и протяжно пукнул. Потом лег на спину и стал глядеть в потолок. Что мог, для спасения Артема он сделал. Но Артем сегодня даже и глядеть в это корыто не мог – сразу мутило.

– С белыми волосами. Худенькая. Лет восемнадцать ей. Как ты знаешь? Откуда? – Гомер тоже встал, придерживая поясицу.

– Не понимаю. Не помню. Откуда. Но я видел это все сам. Представляю себе... Своими глазами, – Артем поднял руку, словно хотел поймать проплывающий мимо него игрушечный самолет.

– Ты брал ее. Тетрадь мою. Брал, – убежденно и недобро произнес старик. – Другого ничего тут быть не может. Зачем ты сейчас мне врешь?

– Не брал я твою гребаную тетрадь! – обозлился Артем. – На хера ты мне сдался со своими летописями!

– Ты издеваешься надо мной, да? Засранец!

Артем, не дождавшись даже свистка, схватил свою тачку.

Потом пожалел. Еще достаточно времени оставалось, чтобы пожалеть.

Дальше склеилось, срослось: погрузи, побеги, разгрузи. Камень, земля, мертвый человек. Одно на другое сверху, одно под другим. Руки и ноги сперва зажглись, потом замолчали, потом обессилели, упали; потом откуда-то взялось в

них еще на доньшке жизни, и они уже через тупую боль: дергались, поднимали, опускали, шагали, тянули время.

Начал засыпать на ходу — сутки не спал — будили стальными шипами. Попытался помочь тем, кто падал — отгоняли цепями. Перестал оборачиваться, отзываться, когда дверь гроыхала — забыл уже про Дитмара. Не хотел о нем знать, не хотел слушать скулящих несчастных звероловцев, слушать их истории, кто как сюда попал, кто за какое уродство наказан; какие-то из них все равно бубнили — не Артему, а всем людям, чтобы все люди чуть-чуть о них знали и запомнили, когда им придется тут подохнуть и лечь под надвигающуюся насыпь. И не было уже ума строить линии и цепочки от расстрелянного радиста к чекисту Свинолу-пу, от проболтавшего Зуева к Лубянке, от Мельника к какому-то Бессолову, от Бессолова к фюреру, от фюрера к Дитмару: ничего не срасталось, ничего смысла не обретало.

Вместо невидимым карандашиком черченных связей, вместо пыльных забоев, вместо лоханей с помоями — Артем вызывал в бетонный воздух тихоходы, строил в пещере дома до неба. Самолеты эти и дали ему дожждаться отбоя, эвакуировали его в мир, который себе эта девчонка утопшая представляла. Нет; это он сам все видел, точно. Своими глазами. Но когда? Как?

Отбой случился все же.

Тычками отогнали в угол, повалили друг на друга: спите. Артем и уснул, думая тот город увидеть, Сашин. А увидел клетки, восставшего из праха Свинолу-па и свой побег. Только во сне ему бежалось не по прямому коридору на свободу, а по лабиринту — закольцованному и безвыходному.

А дальше кончился сон и прогудела новая смена.

Был еще день, или это ночь была — сутки, в которые Артем научился против тошноты хлебать пойло со всеми вместе; в которые не заставил себя подойти первым к обиженному старику; в которые перестал считать тачки с землей и тачки с телами.

От колючей проволоки одежда на нем разорвалась, царапины от шипов всегда сочились красной жидкостью, и эта жидкость становилась все прозрачней, все тщетней. Вытекала вторая, отрицательный резус, компот разбавленный. Некому было восполнить, своей долить Артему: Летяга постоял-постоял, видно, половил руками зайчиков, повернулся — и потопал обратно. Без приказа не мог. А приказ от Мельника касательно Артема мог быть один: вычеркнуть. И Дитмар за ним не пришел. Не повел вешать. Был, наверное, занят на фронте.

Ни спасения Артему не причиталось, ни казни.

Потом еще одни сутки провернулись.

Отнимал Гомеровы камни молча, тот молча уступал. Выглядел Николай Иванович плохо; пожелтел, качался. Артем и пожалел бы его, да старик не давался. За летописи оскорбился, и за то, что Артем ему надежду дал.

Поговорил через силу с обессилевшим Лехой: как эти чертоги роют, кто направляет работников, кто сказал тубинги разбирать? Леха указал на какого-то раскосого. Вот Фарух, он Москва-сити строил, у него свои люди, Абдурахим и Али, им и доверили. Других специалистов не нашли. Фарух расхаживал везде со своими заместителями и без кандалов, важный; но помои черпал руками из общей лохани. Стройкой руководил уверенно: кому копать, кому бетон мешать, кому подпорки ставить.

— Сбежать надо, — сказал брокеру Артем. — Сдохнем иначе.

— Сдохнуть — и есть самый верный способ сбежать, — слабо улыбнулся брокер.

— Ну давай ты первый тогда, — Артем посмеялся половиной лица. — На разведку.

На четвертые сутки Дитмар так еще и не пришел; и Летяга не пришел тоже. И уже не было сил думать про побег. Но пожить хотелось обязательно, и с каждым часом все отчаяннее. Не чтобы дела доделать, отомстить, правду узнать, родных увидеть, а просто так — пожить, чтобы пожить.

Для этого Артем обучился не получать свежих следов от колючей проволоки. От гнусного помойного вкуса его выворачивало, но он заставлял себя возвращаться к корыту, чтобы хоть чуть-чуть в нем сил почерпнуть. Обучился так работать, чтобы не видеть ничего вокруг, кроме самолетов стрекозиных.

Но слепота не бесплатно досталась. Когда при тебе лежачим людям головы ломают, а ты молчишь, несказанное копится, киснет и гниет. Пока шипами стега-ли, душевный гной вместе с болью и кровью выходил. А когда ранки стали подсыхать, коркой покрываться — Артем забродил изнутри.

Отбой дали, а он не мог уснуть: ворочался, расчесывал корочки, отрывал коросту... Коросту.

Коросту.

И от бессонницы, от духоты, от чрезмерной телесной близости с другими людьми, как во рву с трупами, плыл. Кто говорил ему про коросту? Кто хотел эту коросту с него смыть? А?

Голова его лежала на коленях какой-то женщины. Этот человек, видишь, какой коростой оброс? Давай, понежнее с ним, малыш... Было мутно, словно он через грязный полиэтилен все видел... Но нет — не сон. Правда. Его голова лежала на коленях... Девушки. Он смотрел ей в глаза снизу вверх, а она на него — сверху вниз, наклонившись. Груды маленькие снизу полумесяцами белыми кажутся. Она обнажена. И Артем обнажен. Он поворачивает голову, целует ее в мягкий втянутый живот... Багровые следы там... Как точки... Сигаретные ожоги... Старые. След ленивых пыток. Он целует ее в этот ожог. Там нежнее, там ранимей. Спасибо, Саша. Она... Она прикасается пальцами к его волосам, ведет руку — приглаживает их, а они — мягкие, но сразу же, как пальцы пройдут, распрямля-

ются упрямо. Улыбка ее рассеянная. Все плывет. Закрой глаза. Знаешь, как я представляла себе мир наверху?..

На следующую смену Артем все оглядывался, когда у Гомера наконец наберется достаточно породы: не терпелось рассказать ему, поделиться, обрадовать — и оправдаться.

Но старик работал совсем медленно, будто никуда не спешил. Он стал тонкий, кожа повисла на нем; взгляд блуждал. Стену Гомер бил щадя, и куски от нее откалывались мелкие, а больше оставалось на ней порезов.

А потом он, так и не накопив породы, взял и сел на пол.

Прислонился спиной, вытянул ноги, закрыл глаза.

Артем заметил первым, раньше надзирателей; швырнул в Леху камень: отвлеки. Сам погрузил высохшего старика к себе, повез вроде как в туннель хоронить, а вывалил к спящим. Схватил потом плети за то, что шел с пустой тачкой — но не за старика.

Артем попросил у Бога пока старика не списывать. Много уже за последнюю неделю просил, как рассчитываться? Но еще раз отпустили — в долг. Гомер не стал умирать: проснулся по гудку вместе с чужой сменой.

Артем исхитрился с ним встретиться у корыта. Не терпелось сказать.

— Слышь, дед? Я вспомнил. Вспомнил, откуда у меня эти самолеты в голове!

— А? — старик был еще оглушен.

— В тот раз, на Цветном. Когда ты напоил меня. Мне кажется, я ее видел. У меня, знаешь, прямо перед глазами... Мерещится. Ты только... Не будешь злиться на меня?

— Ты ее видел?

— Видел. Там, на Цветном. Это она мне рассказала все. Ни при чем здесь твоя тетрадь. Честно.

— Она — на Цветном? Что... Как она...

— Девушка. С белыми волосами. Хрупенькая. Саша. Сашенька.

— Сейчас — не врешь? — голос у старика стал слабый; он хотел Артему поверить, старался.

— Не вру. Не издеваюсь, — твердо ответил Артем.

— Живая? Ты же... Ты же там ел эту дрянь... От нее всякое...

— Я видел ее. Я с ней говорил. Помню это. Вспомнил.

— Постой. Саша? Моя? В этом гадюшнике? В притоне? Она? Что она... Что она там делала? Ты ее видел — как? Она — что?

— Ничего, дед. С ней все... Все в порядке было. Неделю назад — была жива.

— Но как же она могла... Как же выбралась? Как она?

— Это от нее у меня. Картинки эти. Самолеты. Дождь. Она сказала: закрой глаза, представь...

— Но в борделе... Почему она в борделе?!

– Тише... Тише, дед. Тебе нельзя так... волноваться. Она – в борделе, мы с тобой – вот... Видишь, где. Бордель еще, может, не худшее место.

– Надо достать ее. Надо ее вытащить оттуда.

– Достанем, дедуль. Достанем обязательно. Нас вот с тобой достал бы только кто-нибудь. Ты сядь, сядь, чего вскочил?

Саша Гомеру дала силы, надежда обманула тело. Но обмана ненадолго хватило. Киркой старик махал слабо, и не он теперь командовал инструментом, а инструмент им – вел Гомера, раскачивал. Раньше с ним бежать со станции было некуда, теперь – невозможно.

Просить за Гомера у охраны значило бы сразу его приговорить. Казнь задерживало только одно: начались перебои с новыми работниками, и к старым надзиратели стали снисходительней. Так Гомер протянул еще день.

А потом за ним пришли.

* * *

– Николаев! – крикнули от двери в рупор. – Николаев Николай!

Гомер втянул голову в плечи, заколотил киркой быстрее, чтобы успеть намолоть до расстрела свою норму.

Артем пополз с тачкой ко входу, разведывать; в проеме, брезгливо и напуганно озираясь, стоял, усиленный автоматчиками, учитель Илья Степанович. Опухший, но целый; и в мундире. Поднес к бородке мегафон, позвал еще раз:

– Николаев! Гомер!

Тут охрана вспомнила, пригляделась, и приволокла Илье Степановичу старика. Учитель спустился – шажок, другой – вниз. Что-то забубнил старику в грязное ухо, морщась от вони. Гомер не на него глядел, а вместо этого в пол. Артема хлестнули за раздумья и любопытство плеткой, пришлось двигать дальше. Илья Степанович постоял, махнул на Николаева Николая чистой рукой – и ушел.

– Чего хотел? – спросил Артем у старика, улучив момент у корыта.

– Хотел забрать меня. Сел писать свою книгу – а она не идет. Ему все условия дали... Кабинет отдельный. Спецпаек. Ан нет. Говорит, читал мою тетрадь. Хочет, чтобы я помог ему. Подсказал. Заберет отсюда насовсем.

– Иди! Соглашайся!

– Что соглашаться? Его книгу писать?

– Какая тебе разница? Ты сдохнешь здесь!

– Писать его книгу о славе Рейха своими словами?!

– А так никакой книги не будет! Тебя не будет! Ничего не останется!

Гомер втянул баланды, проглотил; нормальный у нее был вкус, как у жизни, примерно.

Дмитрий Глуховский

— Я сказал ему, что без тебя не пойду.

— Пойдешь, дед! Иди!

— Он не может. Одного для работы выпросил, двух ему не позволят, говорит.

— А что... Что Дитмар?

— Дитмара убили. На Театральной. Красные прорвались как-то и убили. И еще многих. В тот же день. Учитель теперь при самом фюрере. Тому понравилась идея с книгой.

Дитмара убили.

Артем повис в туннельной пустоте.

Теперь тут о нем не знает никто и не помнит; из заложника, из пленного, из двойного агента он стал — безымянным уродом, расходным рабом. Нет смысла больше ждать, нечего бояться, не за что цепляться. Его потеряли тут, в бескрайнем жизненном пространстве, и искать его некому. Силы свои он из себя вынимал и складывал в туннель: тот набивался ими, как кишка, а Артем истощался и плохел. Во рту ржаво было, кусок в горло не лез, голова гудела. Человек, сволочь, исчерпаем. Замаячил вот и Артему, видать, конец туннеля.

— Иди, дед. Иди все равно.

— Как я тебя оставлю? Ты за мной сюда пришел.

— Так хоть какая-то надежда. Я им больше не нужен. Хоть один из нас им нужен сейчас. А ты помрешь — и я тогда тоже, уж точно. Попроси, чтобы они вернули учителя. И уходи.

— Не могу так.

— Как ты тогда девчонку свою вытащишь, если тут окочуришься? А тебе осталось-то, прости уж... Ты вон на ногах еле стоишь! Ну?!

— Не могу.

Но к ночи, к отбою, когда увезли в тачке заваливать камнями Гомерова соседа с раздутым зобом, старик наконец наскреб столько, чтобы Артем и к нему пошел.

— Ведь я, если бы согласился... Я ведь мог бы там как-нибудь устроиться и потом попробовать тебя тоже выручить отсюда.

— Конечно! — сказал Артем. — И я об этом!

— Думаешь, попросить...

— Попросить!

— А ты продержишься? Сколько продержишься?

— Сколько надо, дед! — как мог уверенно пообещал Артем. — Ты погоди, я сам за охраной схожу.

Потом, пока ждали учителя — надзиратели остерегались теперь Гомера уродовать, и Артему тоже немного его неуязвимости досталось — они еще успели сказать друг другу кое-что.

— Это хорошо, что ты выходишь, дед. Хорошо, что писать будешь. Ты ведь, наверное, не только ему книгу напишешь, но и свою продолжишь, а?

— Не знаю.

— Продолжишь. Точно. Правильно, когда от людей что-то остается на этом свете. Все ты хорошо придумал.

— Брось.

— Нет, слушай... Тут сейчас все не расскажешь... Я просто про черных тебе хотел, самое главное. Ты что в своей книге про них писать думал?

— А что?

— Черные, дед... Это не то, что мы о них... Они не демоны, не угроза всему. Это было единственное наше спасение. И вот еще... Это я им открыл ворота в метро. Я мелким еще был. Все никак не мог забыть день один, из детства... И поэтому...

И поэтому, когда подначивал Виталика и Женьку, таких же, как он, мальчишек, поиграть в сталкеров и отправиться на заброшенный Ботанический сад, хотя детям строжайше запрещено было вступать в туннели, и когда он крутил запорный винт на гермоворотах, открывая дорогу наверх, и когда первым рванул через проваленные эскалаторные ступени — как бы это объяснить? — с матерью он хотел увидаться, с мамой из того дня с утками и мороженым; с ней на свидание шел, потому что очень соскучился. Остальных потащил за собой, просто потому что одному было страшно.

А черные... Черные его увидели не снаружи, а сразу внутри: одиночку, сироту, который потерялся в их мире. Увидели и — приручили? Нет, усыновили. А он думал, приручили; боялся, что они на цепь его посадят, что обучат свои команды выполнять, и что натравят на людей. Боялся, что они хотят быть его хозяевами. А им это не нужно было. Они пожалели его просто, и, жалеючи, сберегли. И так же, жалеючи, готовы были спасти всех людей под землей. Только люди были для этого уже слишком озверелые. Черным нужен был толмач, переводчик. Артем вот, подобранный ими, мог чувствовать их язык, научился бы перекладывать его на русский. Вот его назначение было: стать мостиком между новым человеком и человеком старым.

А Артем испугался. Испугался довериться, побоялся голоса в своей голове, снов, образов. Не верил им, не верил себе; и за задание — найти способ истребить черных — он взялся, только потому что боялся их в себя впускать, их слушать и их слушаться. Проще оказалось найти неизрасходованные в войну ракеты и всех до одного черных уничтожить. Выжечь оранжевым огнем место, где зародился новый разумный человек. Ботанический сад. То же самое место, где Артем четырехлетним гулял за ручку с мамой.

Перед тем, как разрешить ракетам старт, передать Мельнику координаты, у Артема была секунда. На эту секунду он черных все же впустил; и они — не чтобы

спасти себя, а из жалости к нему, зная уже, что их казни Артем все равно не отменит — показали ему все же напоследок маму. Лицо ее улыбочливое. Сказали ему — ее голосом — что любят, и что прощают.

Он мог тогда еще все исправить. Остановить Мельника, отключить радио... Но опять побоялся.

А когда ракеты стали падать... Уже некому было Артема любить. И просить прощения было не у кого. И лицо мамино сгнуло навсегда. И Ботанический сад стал плавленным асфальтом и черным углем; квадратные километры угля и сажи. Некуда Артему больше возвращаться.

Он спустился с Останкинской башни, пришел домой, на ВДНХ — его встретили как героя, как избавителя. Как святого, который смог забороть чудовищного змея. А он продолжил бояться: не сойти с ума, так прослыть умалишенным. И никому, кроме Ани своей и кроме Мельника, не говорил, что там случилось на самом деле. Не говорил, что он, может, уничтожил для человечества последнюю возможность вернуть себе землю. Двум людям признался, и ни один ему не поверил.

И только потом, через год, стал вспоминать: вроде бы, когда разворачивали они с Ульманом антенну на Останкинской башне, у того в рации что-то мелькало еще перед Мельником. Какой-то был вызов... Но наушники не у Артема были; могло и почудиться.

Но если почудилось, значит...

Значит, все. Безвозвратно. Бесповоротно. Своими пальцами неуклюжими, склизкими от грибов, единственную надежду для себя и для всех — задушил. Сам. Он. Он, Артем, осудил людей на станции и во всем метро и к пожизненному заключению приговорил. Их, и их детей, и детей их детей.

Но если есть хоть одно еще место на земле, где люди выжили...

Хоть одно...

— Хоть одно.

— Николаев! Николаев Николай!

— Иди. Пойдем, я с тобой дотуда... Вдруг не прогонят.

— Это правда все? — Гомер держал Артема за руку, будто Артем помогал старику идти; а на самом деле это старик помогал Артему.

— Правда. Я быстро тебе рассказал... Как мог. Чтобы успеть.

— Когда я тебя достану отсюда, ты мне ведь все поподробней изложишь, да? Пообстоятельней? — Гомер заглянул ему в глаза. — Чтобы в книге все целиком было, чтобы не спутать ничего.

— Конечно. Когда достанешь. Но это — главное. Просто... Захотел тебе сказать. Ты мне веришь?

— Верю.

— Так и запишешь все?

— Так и запишу.

— Хорошо, — сказал Артем. — Правильно.

Илья Степанович стоял, нетерпеливый, оглядывал зверолодей; может, думал, как их исключить половчей из своего учебника. Гомеру он обрадовался, заулыбался, накинул ему на плечи ватник. Старик протянул Артему руку на прощание.

— До встречи.

Учитель дернулся лицом; знал, что никакой не будет встречи, но не захотел с Гомером спорить.

Артем тоже знал, и тоже не захотел.

— Илья Степаныч! — позвал он учителя, когда тот уже уводил старика жить.

Тот через плечо оглянулся нехотя. Охрана пробудилась, занесла над Артемом колючие плетки.

— А что жена ваша, родила? — спросил Артем разборчиво. — С кем можно поздравить?

Илья Степанович посерел, вмиг состарился.

— Мертвый родился, — беззвучно произнес он; но Артем все равно понял, по губам.

Грохнула дверь, и Артема по плечам сладко ожгла плеть. Пошла кровь. Хорошо. Пусть идет. Пусть все наружу выходит.

Когда подали помои, Артем жрал не просто так.

Поминал Дитмара.

* * *

Хорошо, что старика выпроводил.

Хорошо, что убедил его, будто Артема можно было отсюда забрать.

Хорошо, что сам себя в этом убедить не дал. По крайней мере, больше не дергался, когда дверь входная лязгала. Ни на что не надеялся. Дни не считал. Так проще было, в безвременье.

И хорошо еще, что смог самое главное Гомеру про себя и про черных рассказать. Что хватило минут и дыхания. Теперь не так жутко было оставаться тут, забытым.

Что-то происходило там, на других станциях: может, война; но Шиллеровской это не касалось никак. Тут все шло своим чередом: жизненное пространство разъедало породу, туннель к Кузнецкому мосту питался землей и людьми, подползал к станции все ближе. Артем слабел, но еще старался существовать. Леха-брокер стал как ходячий скелет, а все же хотел переупрямить Артема.

Они уже не общались между собой: стало не о чем. Были люди, которые пытались сбежать, бросались с кирками на колючую проволоку, на охрану — всех

расстреляли, и для острастки расстреляли еще случайных разных. Побега с тех пор боялись, и говорить о нем боялись, и думать о нем боялись даже.

Артем держался единственным: после отбоя, укладываясь на чье-то тело в спальном рву, запирал глаза и воображал, что его голова лежит на коленях девушки Саши, нагой и прекрасной; и сам гладил себя по волосам, не чувствуя тяжести собственной руки. Представлял, как она ему показывала город наверху. Без Саши бы ему пришлось подохнуть.

Проспав положенные четыре часа, поднимался и бежал, и кидал, и поднимал, и бросал, и вез, и сгружал. И шел, и полз, и падал. И вставал снова. Сколько дней? Сколько ночей? Неизвестно. В тачке уже только половина была: больше не увезти. Хорошо, что и уроды ополовинились от скверной кормежки: а то б их не поднять, не зарыть.

Днем было еще тайное развлечение: вон ту стену, знал Артем, никто не долбил, потому что неглубоко за ней начинался тот самый переход с социальным жильем. Там, за стенкой, по его расчетам, располагалась уютная квартирка Ильи Степановича и Наринэ. Раз в день Артем, воровато озираясь, подбегал к этой стене и стучался в нее: тук-тук. Охрана не слышала, Илья Степанович не слышал, Артем сам не слышал стука; а все равно каждый раз его разбирали от этого дикий бесшумный смех.

А потом, посреди вечности, настало избавление, которого люди уже забыли, как ждать. Страшное избавление.

Из наружного мира в их мирок прободела война.

Захлопала дверь часто-часто, и Шиллеровская наполнилась упитанными мужчинами в форме Железного легиона. Уроды и зверолюди перестали копошиться, замерли, уставились тупо на гостей. Стали непослушными, заоченелыми мозгами составлять мозаику из оброненных прищельцами слов.

- Красные взяли Кузнецкий мост!
- Перебросили войска с Лубянки! Будут прорываться сюда!
- С минуты на минуту! Приказ блокировать!
- Где подрывники? Почему подрывники задерживаются?
- Туннель на Мост — минировать! Подальше от станции!
- Где взрывчатка? Где подрывники?
- Уже идут! Ближе! Авангард! Пулеметчики их! Живо! Ну?!
- Режьте! Проволоку режьте! Дальше от станции минировать!
- Дальше! Сейчас!

Вбежали потные подрывники, притащили тяжелые ящики со взрывчаткой; зверолюди все еще ничего не понимали. Артем наблюдал за суетой через обычный свой царापанный и запревший полиэтилен. Его это как будто не касалось все.

- Не успеваем! Слишком близко! Нужно время выиграть! Время!

— Что делать?! Как?! Здесь будут! Превосходящие силы! Потеряем станцию! Недопустимо!

Тут кого-то осенило.

— Выгоняйте уродов! В туннель!

— Что?!

— Уродов в туннель! Примут удар на себя! С кирками! Лопатами! Задержат красных! Пока их будут крошить — как раз успеем заминировать!

— Не будут они драться! Смотри на них...

— Заградотряд, значит! Погоним их... Соловьев! Борман! Клык! Загоняй их! Ну! На секунды счет, калоеды! Живей!

Охрана засвистела плетками, цепями, стала отрывать прилипших к стенам окаменелых копателей, собирать их в стадо, заправлять в туннельное жерло. Только что была тут непреодолимая преграда — колючей проволоки в три слоя. А теперь паутина свисала ключьями, и оказалось, что за ней был перегон. Еще один перегон к Кузнецкому мосту. И там, в его глубине, что-то дурное заваривалось.

Зверолюди плелись в туннель оглушенно, беспомощно и непонимающе оглядываясь на надзирателей: чего от них надо? В руках у каждого был тот инструмент, которым он работал всегда: кто киркой — кирка, кто молотком — молоток. Артем пошел со своей тачкой было, но тачка мешала другим, тыкалась им под колени, не умела ехать через шпалы, и Артему приказали ее бросить. Он бросил, дальше шагал с пустыми руками. Рукам было неудобно, им хотелось инструмента. Пальцы уже заковчели, заскорузли кружком: так, чтобы аккуратно помещались внутри них ручки тачки или лопатный черенок.

Тех, кто брел последним, подхлестывали, поджимали автоматчики. За автоматчиками шли саперы; тащили ящики, разматывали провода.

— Куда? Куда? Зачем? — блеяли голые, таращась в темноту, оглядываясь на фонари и на стволы конвоиров.

А из отверзшейся перед ними черной дыры, в которую вот-вот было должно затащить всех тут, вытекали уже вместе с тоненькими прирельсовыми ручейками отголоски далекого: «ураааааа».

— Что? Что это там?

— Куда мы идем? Нас освобождают?

— Говорят, нас освобождают! Там сказал кто-то!

— Заткнись! Заткнулись все! Вперед! Вперед, твари!

— ...уаааааааа...

— Слышал? Слышали?! Не успеем с этими гнидами ползучими на сто метров... Они еле ковыляют! Это саботаж!

— Тут! Тут! Начинай минировать!

— Уродов дальше гони! Гони их в штыковую!

– ураааааааааааааааа...

– Не успеем! Тут! Вперед этих!

Саперы остановились, засуетились, открыли ящики свои, стали вынимать брикеты, крепить их на туннельные стены, закладывая в выемки тубингов.

Артема пихнули стволом в спину, он заперебирал ногами чаще, и дерганные подрывники остались позади. Секли воздух плетки, светили через бредущих в черноту фонари в миллион ватт, рисуя на сырых шпалах горбатые протяжные тени, и лаял, подстегивая, громкоговоритель.

– Эй, вы! Вы все! Вам предстоит великое дело! Вы должны спасти Рейх! На нас прут полчища уродов! Красных людоедов, которые не остановятся ни перед чем! Сегодня, сейчас вы можете заслужить прощение! Кровью заплатить за право называться людьми! Они уничтожат Рейх, а потом все метро! Некому их больше остановить сейчас, кроме вас! Они хотели ударить нам в спину, но не знали, что нашу спину прикрываете вы! Они вооружены лучше, но и у вас есть оружие! Вам нечего терять, поэтому вам нечего бояться!

– Я... Куда? Я не пойду! Не буду! Я не буду! Я не умею драться!

Грохнуло. Эхо выстрела сожрало эхо крика. И сразу – не дожидаясь, пока каждый в стаде поймет, что случилось, автоматы загревели по затылкам отстающих. Выпустил кто-то последний вздох. Взыл недобитый. Завизжала баба. Артемов сосед оглянулся – жикнуло – и, он булькнув горлом, кувырнулся вниз.

– Вперед, мррррааааази!!!! Не смей!!! Не смей останавливаться!!!!

– Убивают! Не стойте! Стреляют! Бегите!

Артем толкнул чью-то кривую спину, пролез вперед через застрявших, подал руку и выдернул из-под чужих ног упавшего подростка, забыл о нем тут же, и, ежесекундно оборачиваясь на погонщиков, стал протискиваться к середине – в безопасность.

– Вперед! Вперед!

Смерти от упавших лицом на рельсы, как костяшки домино толкнули в спины следующих – одни запнулись, другие – повалили вперед, навстречу мутному и страшному УРРРАААААААА, которое бурлило и вихрилось и несло к ним через туннель, как прорвавшиеся в забой грунтовые воды.

– Мы не бараны! – вдруг впереди кто-то заорал; кто-то из уродов. – Мы не дадимся так!

– Идем!! Не сдадимся!!

– Смерть им!!!

– Бей их! – завопил кто-то еще в толпе. – Вперед! Вперее-оод!

И – медленно, как маховик паровоза, как просыпающийся больной – вся эта длинная голая толпа, обросшие и избитые звери-люди с кирками и молотками, начали разгоняться, искать в себе силы, чтобы занести над головами свои инструменты, чтобы убить кого-нибудь, прежде чем погибнуть самим.

– Смерть им! Не сдадимся! Вперед!

– ВПЕРЕЕЕЕЕЕД!

Через минуту все бежали, с ревом, с криком, с плачем; и пастырям с автоматами тоже нужно было бежать в ногу со своим взбудораженным стадом, а им было лениво и брезгливо. Фонари в спину побледнели; погонщики отстали, не желая мешаться с пушечным мясом. Впереди стало сумрачно и вязко, тени бегущих растворялись в наплывающем мраке.

У Артема так ничего и не было в руках, но остановиться он уже не мог: того, кто вздумал бы остановиться в середине этой лавины, немедленно снесло бы и растоптало. Поравнялся с Лехой: тот глядел дико, безумно, не узнавал Артема. Потом обогнал его.

– УРААААААААААА!

Красные грянули внезапно.

Прорвали мгlistую пелену – и сразу оказались со зверолоудьми лицом к лицу, морда к морде. Только родились из туннеля – и сразу же схлестнулись, врезались лбами.

– АААААААААА!!!!

У них не было фонарей, как и у стада с Шиллеровской; они мчались в темноте, наугад. Первые в стаде только успели отвести кирки...

И тут же:

УУАААААААХХХХ!

Как взревело сзади!

Как перетряхнуло всю землю!

Как смело последние ряды бегущих жарким выдохом взрыва, как загудел туннель иерихонской трубой, как погасли в один миг все фонари, и заткнулись все автоматы, и ничего не стало – только черное-черное, беспросветно черное – вокруг, будто мир целиком пропал; взорвалась и затопила все полная темнота, абсолютная, безнадежная.

Артем ослеп – и оглох, и бежавшие за ним оглохли, и бежавшие впереди. Кто упал, перевернутый и контуженный, сразу же стал подниматься на ноги, шаривать впотьмах свою кирку, свой молоток...

Потому что не ушами, а кожей, подшерстком слышали, как в голове стада работает, вертит серпами, молотит людей вслепую, на ощупь – смерть. И надо было встать, надо было загородиться от нее киркой, а лучше размахнуться и разможжить ее пустой череп, всадить ей острое в сухие глазницы, вырвать, размахнуться опять от плеча и снова бить.

Никто их уже не гнал вперед, но все рвались туда сами, потому что смерть звала, потому что страшней было спрятаться и ждать, пока она отыщет тебя сама, потому что хотелось ударить первым, пока не ударили тебя.

Ни одного выстрела не сделалось: у тех, у красных, тоже не было ружей и автоматов, все шли в рукопашную с чем попало, в кромешной темноте не понять, с чем.

Артем раскинул в стороны руки, ухватил рукоять, отнял чужую кирку, и тоже полез, пьяный от страха и страсти, вперед по голым людям, чтобы сунуть голову в жернова, чтобы быть в этой бойне не слепым скотом, а незрячим мясником, раз уж другого не давали.

Там — уже близко — секли друг друга, мозжили, рубили — ожесточенно, нечеловечески, не зная, кого убивают и за что, и не кричали уже ни «Смерть!», ни «Ура!», потому что забыли русский язык и любой другой забыли, а ухали и хекали, и просто рычали, вопили несвязное, бессмысленное.

Свистело, гудело, резало воздух.

Звенели, промахиваясь мимо мяса и ударяясь о бетон, кирпичи. Чавкали — угадывая и впиваясь.

Дуло воздухом ржавым в лицо: пронеслось заточенное железо на расстоянии ладони; Артем отшатывался, бил в ответ — своих ли, чужих? — и были ли тут свои? Это кровь пахла ржавчиной; а люди — дерьмом.

Зверолоуди и человекозвери с обеих сторон спешили друг к другу, изо всех, из последних сил спешили друг друга переубивать и так уже закончить все, и перестать бояться.

Артем раз рубанул, два, три — и несколько раз нашел кого-то. Хлюпнуло, плеснуло горячим; застряла кирка, потянула его вниз, спасла: тут же поверх пролетело тяжелое, чтобы ему голову расколоть, но мимо.

Потом взорвалось где-то в колене, отшвырнуло на рельсы; стоять больше было нельзя, и он пополз, хотел спрятаться в мягком, но мягкое брыкалось, пока могло, отпихивало его, огрызалось бессловесно, пачкало его чем-то липким, чем-то горячим.

Прошло времени бесконечно, а вокруг не светлело; а люди все мололи друг друга — приходили на плач, на стон, лупили наугад, выбивали, промахиваясь, набат из рельсов. Артем слушал звон, крестился тихо и не пускал звук из глотки наружу. Улегся затылком на ком-то мертвом, притворился, что это Сашенька его голову к себе на колени положила. Натянул сверху другое тело, спрятался в нем.

Долго еще было, пока улеглось.

Закончили убивать, только когда на ногах уже никто не мог стоять.

Тогда недоумершие зашевелились, стали заново учиться разговаривать. Артем, придерживая изуродованное колено, оторвался от Сашиних колен, сел. Зашептал:

— Все... Все. Все. Я больше не хочу. Я больше никого не буду убивать. Ты кто? — он протянул пальцы вокруг себя. — Кто тут? Ты с Шиллеровской?

— Я с Шиллеровской, — сказали где-то.

— Мы с Лубянки, — ответили близко.

— С Лубянки?

— Вы фашисты? Железный легион? Людоеды?

— Мы с Шиллеровской, — сказал Артем. — Мы уроды, заключенные. Нас вперед погнало. Заградотряд.

— Мы с Лубянки, — повторили ему. — Заключенные мы. Политические. Нас вперед бросили... На Пушкинскую. Как мясо бросили... Впереди настоящих частей... На амбразуры... Чтобы мы... На себя...

— Чтобы мы на себя... Как мясо нас... — повторил Артем. — Чтобы мы — на себя! Мы — уроды...

— Тут все с Лубянки, все из камер, все арестанты, — говорили ему. — Нам заградотряд в спину... Чекисты в спины стреляли... Чтобы мы...

— Нам... Нам стреляли... Охрана...

— За нами не пошли... Заградотряд остался сзади...

— Они сзади взорвали туннель. Там некуда... Нам некуда... За нами они не пошли. Бросили нас...

— Что же вы... Вы за что нас?

— Вы нас за что?! За что?! А?!

Кто-то трудно, больно, переломанными ногами, по-червячьи пополз к Артему на голос. Он слышал это — а не мог больше бить. Человеку тяжело было приближаться, и Артем тоже двинулся ему навстречу. Протянул руку, сцепился пальцами с пальцами другого человека, подволок его к себе.

— За что вы нас, господи?

— Прости... Прости... Господи, прости.

И они прижались друг к другу. Артем обнял его — кажется, взрослого мужчину, они прикоснулись лбами; мужчину трясло от рыданий, и Артема тоже скрутило как судорогой — трянуло, потекли слезы. Наплакавшись, мужчина вздохнул и умер. И Артем тогда тоже отпустил его.

Полежал.

Пружинка в голове соскочила, вспомнилось кое-что.

— С Лубянки... Кто с Лубянки еще?

Тут и там оживали тела, пытались шевелить перебитыми руками, думать вмятыми лбами, кряхтели, бредили.

— Наташенька... Чайничек поставь, любовь моя... Я торт принес.

— Вот вернусь из Турции, сразу созвонимся!

— Я Москва-сити строил! Строил!

— Почему темно так? Я боюсь темноты! Включи свет! Сережка!

— Господи, бабуль, а ты что тут? Ты зачем пришла?

— Будем расширять жизненное пространство! Чтобы каждому место было!

— Воды дай... Дай воды...

Дмитрий Глуховский

– Аленка! Аленка, озорница!

– Я с Лубянки. Я.

Артем на одном колене и двух локтях полез туда, где признались.

– Кто? Кто? Говори, не бойся! Ты? Где ты?

– Ты кто такой? – женщина какая-то.

– Зуев. Зуев был тут с вами?

– Какой Зуев? Не было никакого...

– Зуев! – заорал Артем. – Зуев Игорь! Зуев, ты живой?! Зуев!

Встал на одну ногу, оперся о стену, вслепую заскакал, держась за тюбинги.

– Зуев! Игорь Зуев! Кто Игорь Зуев с Охотного? С Проспекта Маркса – кто?!

– Ну хватит! Хватит кричать! Сейчас эти придут! Эти!

– А давай в кино сегодня вечером? А? Погода такая, жалко дома сидеть.

Игорь не отвечал.

Может, вот он, тут лежал, рядом совсем, но без половины головы ему было говорить несподручно. А может, хитрюга, затаился и молчал, не желая, чтобы его нашли.

– Игорь! Зуев! Кто с Зуевым сидел? Который про выживших в других городах... В Полярных Зорях... Которые в Москву сами пришли... Кто с ним сидел?! Зуев!

– Что?

– Байки рассказывал! Что в другом городе где-то еще люди выжили! Что в Москву пришли!

– А сколько на Шиллеровской говна пропадает, ребята, вы бы знали!

– Нет его тут. Эх-кхххх. Нет тут Зуева.

– Что? Ты где? Кто сказал?!

– Нет Зуева. Ганзе его выдали.

– Погоди. Постой. Повтори. Где ты? Ты где, блядь?! Ну скажи, не прячься!

– Ты зачем его ищешь? Друг твой?

– Мне надо знать! Надо знать, что он говорил! Какие люди? Куда пришли? Откуда?! Почему Ганзе?

– Люди, эхххх. Не из Полярных Зорь. Полярные Зори, бля. Провокаторы про Полярные Зори брешут. Провокаторы. Слухи... Распускают... Это наши... Вернулись... С Рокоссовского. Кхххххх. Наши, ударники... Кх-кх. На стройку века которые... В Балашиху... Оттуда вернулись. Из Балашихи.

– Погоди. Да где ты?!

Скакал, рука в стену провалилась – проем, что ли?! Упал, поднялся; сел, стал к голосу, к натужному кашлю, пододвигаться.

– Красивый город Казань. Мечеть у них замечательная.

– Разбогател бы на этом говне, если бы подряд получить.

– Я сам из Казани! А бабка у меня деревенская. Хайруллины мы по деду. Бабка по-русски даже не может!

— Ты где? Ты, кто тут про пришлых говорил, ты? Что, Балашиха уцелела? А Полярные Зори как? Погибли?! Не понимаю!

— Молочка, может, в чай?

— Кто знает, что там выжило. Про Полярные Зори провокаторы рассказывают. Кх-кх. Красивая история. Идиоты покупаются. Кх-кх-кх. В Балашихе... Форпост. На поверхности. Там... Радио... Радицентр... И с другими городами... Чтобы если... Зуев сказал...

— Что?! Что Зуев сказал?!

— Из садика кто сегодня Танюшу забирает, я или ты?

— Уйди, сатана, не трогай меня. Уйди, уходи, пожалуйста. Я не твой. Меня на небушке ждут.

— Форпост? Наверху? Кто строит, не понимаю! Что за радио?!

— Кхххх... Кхххх...

— Ты где? Говори! Почему радио?!

— А вообще та еще сволота они, фашисты. Мучают человека за так. И говно не учитывают.

— Красные... Красная Линия строит... Кххххь... Наверху... В Балашихе... Спец-объект... Станция... И форпост... Чтобы... Вместо... Метро... Радио... Станция... Людей нагнали...

— В Балашихе станция?! Что за станция?

— Туда людей... С Рокоссовского... А эти... Вернулись... Сами. Кхххххь. Хххххь. Ххххххь.

— Там ловят? Оттуда можно поймать?! А?! А?!

— Ыыыых... ыыыыых... ых.

И потерялся человек, и как не бывало. Из тьмы вышел, в тьму ушел. Тряс-тряс Артем живых, уговаривал мертвецов, убеждал, и все без толку.

— В Балашихе! — твердил себе он, чтобы не запомнить, и чтобы не решить, что весь разговор ему причудился. — В Балашихе. В Балашихе. В Балашихе, в Балашихе!

Теперь нельзя было ни в коем случае умереть. Теперь Артем обязан был вылезти из-под этих людей, выбраться из утробы бетонной, родиться заново, залатать все в себе дыры и идти, ползти в эту гребаную, обетованную Балашиху, кто бы там, что бы там ни было.

Он снова встал, взялся за тубинг, как за мамину руку. Шиллеровскую отрезало. На Кузнецком мосту красные. Не шли сюда пока, наверное, услышав, что туннель завалило; но и к ним было нельзя.

Вспомнил тот провал в стене. Может, межлинейный ходок какой-то? Поскакал вдоль, нащупал... Ткнулся внутрь... Крысы прыснули... Быть бы крысой. Крыса и с выколотыми глазами не потеряется.

Подуло. Пошевелило отросшие волосы.

Как Шашины пальчики его причесали.

Он задрал свои бельма кверху.

Подуло еще раз — нежно и игриво, как мать младенцу — в лицо.

Вцепился пальцами в пустоту, обломал ногти о бетон... И задел железо.

Скоба. Скоба еще. Лестница колодезная. Вентиляционная шахта вверх. Оттуда дует. С поверхности.

— Ээээй!!! — закричал он. — Ээээй!!! Эгей!!! Вы! Вы там! Сюда! Тут выход есть! Выход наверх! Тут шахта! Можно наверх вылезти! Слышите! Вы, уроды! Тут наверх можно!

— Наверх! Ебанулся, что ли?! — закричали невидимые зверолюди.

— Наверх! — крикнул им Артем. — За мной! За мной, уроды!

Они боялись, не верили ему. Не знали, что там есть и ветер, и дождь, и что с первого раза там не умрешь. Надо было пример им подать.

Он обнял ржавую скобу своими круглыми пальцами: скоба пальцам оказалась как раз. Подпрыгнул, подтянул разбитую ногу. Перехватился, подтянулся. Еще. Еще. Еще.

Голова кружилась.

Скользил, срывался, но тут же ловил скобу снова. Не чувствовал разбитую ногу, исхлестанную спину, разодранные руки. Карабкался. Подпрыгивал. Лез.

Глянул вниз — кто-то последовал за ним.

Не зря, значит.

Останавливался на секунду — и дальше. Если сейчас не выберешься, не выберешься никогда.

Неважно, через сколько — вывалился в крошечную комнатку, в зарешеченную будку. Дверь на засове изнутри, засов ржавый. Изодрал окончательно руки, стали кровавой кашей, ржа со ржой перемешались; но пересилил его. Распахнул дверь, выполз на четвереньках, перевернулся на спину. Раннее утро было в мире; поднималось медное солнце.

Он просто лежал на земле. На земле, а не под землей. И нет, это не голова кружилась — это весь гребаный глобус, раскрученный Артемом, вертелся волчком.

Рядом кто-то еще упал, лег. Только один, больше не лезли.

— Ты кто? — спросил его Артем, не оборачиваясь даже к своему единственному последователю, блаженно улыбаясь через опущенные веки розовому утреннему небу. — Кто ты, блядь, человечиче?

— Леххха, кто, — ответили ему. — Брокер. Фффф... Фф к-хх-ожаном п-пальто.

— Это ты был брокер, — сказал Артем, счастливый, что дожил аж досюда. — А теперь будешь первоапостол.

На этом и выключили.

Глава 14

ЧУЖИЕ

— Я думал — Полярные Зори, думал, тысяча километров, а это все под боком у нас, в Балашихе! Можешь себе представить, Жень? Здесь, в Балашихе, рядом совсем. Считай — Москва! Тут строят! Форпост! Значит, земля есть чистая... Если строят! Ну не суки они, скажи мне, а? Красные? В тайне ото всех! Никто не знает. Строят на поверхности базу. Мы — в метро сиди, да, Жень, а они будут воздухом дышать!

— Суки, Темыч, суки. Ты поспокойней сиди.

— И ты слышал, главное? Радио-то! Он говорит, этот, что вокруг радицентра строят. А зачем? Ясно дело! Потому что они — они! — смогли связаться все-таки. С кем-то. Может, с Уралом? А? Может, с базами на Урале! А, Жень? Если не с Зорями.

— Тяжелый ты какой, черт тя дери.

— А может, и с Зорями? Он-то откуда знает? А?

— Не дергай ногами хоть! Сейчас скину тебя, сам поползешь!

— Я и пойду, Жень. Пойду. Никто ведь ничего... Ни один гад не признается. Надо самому в эту Балашиху. Искать форпост. Без этого не разберешься, какая тут каша заваривается! Пойдешь со мной, Жень?

— Знаешь, что? Вот правду? Ты задрал уже. То тебя на Цветной неси, к Сашеньке твоей. А теперь, когда еле до Трубной доковыляли — в Балашиху! Ну ты не оборзел? Небось, не ведро с говном, чтобы я с тобой тут круги наматывал! Кило шестьдесят вешишь! Я, между прочим, так же, как и ты, в этом их адище срок мотал! И киркой махал еще, пока ты с тележкой своей пидарастической кружился! Ну совесть-то есть? Все, слезай.

— Погоди, Жень... Куда ты меня?

— Куда! Куда! К Сашеньке твоей. Полежи тут. Стучать пойду. Если не откроют... Стоило и вылезать.

Дмитрий Глуховский

— Жень. Ты думаешь, я не понимаю ничего? Ты же мертвый. Я знаю. Как ты меня сюда принес?

— Сам ты мертвый!

* * *

— Ну, я вас сразу предупреждаю. Нежильца вы спровадили на тот свет, но Темыч чтобы у вас как миленький оклемался!

— Что с плечами? И что с ногой?

— Травма. Производственная. Короче. Помажьте его чем-нибудь.

— Чем бы это? Вокруг посмотри.

— У нас на станции от всего говном мажут, но у вас, надеюсь, есть что поядре-ней. Зря, что ли, сверху его тащил?

— Не выступай-ка. Сейчас обратно и потопаешь.

— Я тоже пациент, между прочим! У меня-то спину гляньте, тетенька! Мне тоже не баба расцарапала.

— А лучше, если бы баба. А этот выглядит так, как будто его вагоном переехали. Дайте-ка света... Не мой профиль. Я венеролог вообще-то. Ко мне очередь.

— Тетенька. Я знаю, кто вы. Просто заделайте его, как было. И у меня потом еще яйца пощупайте, а то мне тревожно. Такую неприятную вещь мне тут сказали!

— Почему он без сознания? Не из-за колена же! И румянец этот. Загорал он еще, может?

— Я загорал. Я в сознании. Мне поспать нужно. Где Саша?

— Кто такой Саша? Ой, а тут-то...

* * *

— Эй! Эта?

— А?

— Эта телка?

— Постой... Не расплывайся... Побудь...

— Эта? Саша твоя?

— Как ты меня нашла?

— Она нашла?! Ха! Да я весь этот хренов бордель на уши поставил! Я! Неблагодарная ты скотина все же, а?

— Я его помню. Помню. Ты... Что ты тут делаешь?

— И я... Я, как только вспомнил тебя... Уже не могу из головы выбросить.

— Ты Артем, да? Сталкер с ВДНХ. Правильно? Что с ним?

- Ну что с ним, что с ним... Вот так вот с ним.
 - Ему тут нельзя оставаться.
 - Почему мне тут нельзя? А? Я никуда не хочу. Я сюда шел.
 - Ага, ты шел. Он шел, ага.
 - Нельзя, потому что... Потому что я работаю. Это рабочее помещение.
 - Поработай с ним теперь. Зря я, что ли, спину сорвал?
 - Что ты... Что ты помнишь, Артем? Из той ночи?
 - Тебя. Помню, что лежал у тебя на коленях. И что мне было... Так было...
- Можно, я положу опять голову к тебе... Мне очень нужно.
- Ему тут нельзя быть. Ты должен его забрать.
 - Пожалуйста. Иначе мне где сил взять, чтобы уйти? Просто пять минут.
 - Пять минут. Ладно.
 - И погладь меня, пожалуйста, по голове. Вот так. Да. Еще. Господи, как хорошо-то.
 - Давай уж я час за него оплачу! Все равно в долгах... Ради пяти минут стоило и переться!
 - Что? Артем... Ты видишь? Посмотри...
 - Ну да. В общем, я об этом как раз.
 - А? Что? Не останавливайся, ну пожалуйста.
 - У тебя волосы лезут, Артем. Выпадают волосы.
 - У меня? Правда? Смешно... Смешно как...

* * *

- Ты же говорила, что всего пять минут...
- Молчи. Вот, проглоти это. Запей. Глотай. Глотай давай, это тебе нужно. Это йод.
- Мне все равно, что. Это хорошо, что пять минут не закончились. Йод поздно пить. Спасибо.
- Ты говорил... Во сне. Про Гомера. Неразборчиво. Ты знаешь Гомера?
- Да. Да. Гомер. Хороший старикан. Ищет тебя. Думает, ты утонула. Это ведь ты утонула? На Тульской?
- Я.
- Но ты ведь не утонула? Я очень не хочу, чтобы ты утонула!
- Да не утонула она! Вот сидит. Не такая румяная, как ты, конечно...
- Я, знаешь, что? Я вспомнил твой рассказ. Про город наверху. Глупый рассказ такой. Я же наверх каждый день лазал. И тут... Про самолеты со стрекозиными крыльями. Про машинки-вагончики. И дождь. Я под дождь попал там. Без резины.

Дмитрий Глуховский

— Вот, наверное, и схватил! И меня наверх без химзы поволок еще! Пойдем да пойдем! Тоже мне, сталкер! Сидел бы я в туннеле себе с этими весельчаками... И так все не слава богу...

— Ты можешь выйти? Как тебя зовут?

— Ага! За час плати, это у нас пожалуйста, а как что — пойди погуляй, да?

— Лех... Пойди погуляй, а?

— Ну вы и гады! Хотя ты ничего. Ладно, милуйтесь. Если у тебя там штепсель не сгорел.

— Что ты помнишь, Артем? Что еще?

— Не знаю. Помню, что меня какой-то человек подобрал в коридоре. Привел... Не сюда?

— Не сюда.

— И позвал тебя. А потом... Не знаю. Помню, что лежу у тебя на коленях. Вот как сейчас. И еще... Можешь... Можешь, пожалуйста, майку приподнять тут? Вот тут, да. Живот. Можно? Вот это... Погоди... Откуда это? Это от сигареты, да?

— Не важно.

— У меня такие же... Вот, на руке тут... Смотри... Появились. Что это?

— Я не знаю, Артем. Можно, я одерну? Холодно. А где сейчас он? Гомер?

— Он... На Рейхе. Пишет книгу. Учебник истории. У него еще одна книга есть.

Про тебя.

— Про меня? Он... дописал?

— Да. Заканчивается, кажется, так: «Сашиного тела Гомер на Тульской так и не нашел».

— Я через вентиляционный колодец выбралась.

— И я. Тоже. Забавно?

— А про Хантера там что сказано?

— Про кого? Постой... Про кого?!

— Лежи... Лежи... Ты болеешь! Тебе нельзя!

— Эй! Вылазь! Где ты? Я от Сома!

— Все, ко мне пришли. Побудь тут. Потом.

* * *

— Ну, че ты? Не кукожься. Давай. Вот сюда. На коленки.

— Деньги сначала.

— Деньги ей! А я, может, сначала пробу снять хочу! Удостовериться! Качественно или нет! Ну!

— Ай!

— Шире! Шире давай! Во. Во-о-о. Во-о-о-о...

— Сейчас. Секундочку. Так неудобно.
 — Это не тебе должно быть удобно, зайка. Не тебе, сучка. Не тебе, шлюшка.
 Не тебе, не тебе, не тебе.

* * *

— Что ты на меня уставился?
 — Ничего.
 — Ну и все. Ты что, не знал, кто я? Куда попал? И вообще, твой час кончился уже.
 — Я... Ты тут ни при чем. Извини. Мне уйти?
 — Да куда ты пойдешь... Такой. Лежи уже... Так и будешь молчать?
 — Про Хантера. У Гомера там про Хантера, в этой книге его?
 — Я думала, ты мне скажешь. Ты знаешь его?
 — Хантера? «Знаешь»?! Он разве... Он разве живой? Ты его видела?!
 — Видела. Это про него должна была книга быть, а не про меня. Гомер с ним шел. Они вместе были. А потом уже мы все.
 — Когда? В каком году?
 — В прошлом. Эта вся история его, которую он писал — я ему просто подвернулась под руку. Он все героя искал. Из мифов. Он смешной такой, Гомер. Я заглядывала ему через плечо, когда он в тетрадке писал. Он Хантера таким изображал... Загадочным... Как будто у него чудовище внутри. И будто бы это чудовище пытается вырваться наружу. Гомер... Он поэтом хочет быть.
 — Он Гомером хочет быть. А я вот...
 — Что?
 — Я с ВДНХ ведь... Я это все уже рассказывал тебе, да? И почти всю жизнь там прожил. Меня отчим не отпускал никуда. А потом Хантер появился. В броне. С пулеметом. Плащ такой черный, кожаный. Голова наголо обритая. И они спорили с Сухим... С отчимом. Хантер говорил, что нет угрозы, с которой мы, люди, не справимся. Что надо бороться до последнего. Как лягушка, которая в банку с молоком упала, и лапками сучила, пока в масло не сбила молоко, и вылезла. Как сейчас перед глазами. А отчим... У него мозги размякли. Был готов сдаваться.
 — Кому?
 — Черным. Неважно. Кому угодно. Важно то, что я Хантера увидел... И все. Понял: вот каким я должен быть. Это не Гомера был герой... Хех. Он мой герой был. И он меня отправил... Мне дал это задание. Сам пошел наверх, чтобы уничтожить черных. А если не вернусь, сказал мне, доберись до Полиса. Возьми вот патрон... Найди Мельника. Понимаешь? Это все из-за него. То, кем я стал. Из-за него. Благодаря ему.

Дмитрий Глуховский

- Я в него тоже влюбилась. Ну мы с тобой и встретились. Два дурака.
- Сашулька! Ты где там, зараза?
- Извини. Поспи пока, может?

* * *

- Тебя не было давно.
- И я вот, поверишь, кроме тебя – ни с кем! Ждал встречи!
- Устал? Ложись, я сама все сделаю.
- Ну а ты? Это не по-человечески как-то. Я хочу, чтобы ты тоже это самое.
- Не надо. Мне и так хорошо. Правда. Мне с тобой всегда хорошо. Ты осторожный, ты ласковый.
- А ты... Вот мне с тобой знаешь, как? Не как с женой.
- Хватит болтать. Все. Мне лишних денег не нужно. Вот. Снимай давай.
- Ух. Ух ты... Что же... Ух. Я тебя... Ты моя...

* * *

- Спишь?
- Поспишь тут.
- Погоди, я сполоснусь. А то вся пахну... Пахну им. Подождешь?
- Подожду.

* * *

- В общем, я думал, что он погиб. Все это время так думал. А ты говоришь, он живой.
- Был живой. Сейчас не знаю. Я не стала его искать. Когда вылезла с Тульской... Куда угодно, только не назад. Только не туда, где можно его встретить.
- Почему?
- У Гомера не написано, что с Тульской случилось? Из-за чего ее затопило? Нет?
- Я не читал. Он просто говорил: затопило.
- Ну да. Он его все время оправдывал, Гомер. Чудовище пробудилось... И я у него в тетрадке пыталась это чудовище приручить. Кто в такое поверит?
- А как на самом деле?
- Он спился. Хантер. Беспробудно пил. Каждый день – в хлам, вдребезги. Шатался, идти не мог ровно. Жутко с ним было рядом. Просто страшно. Он же убийца.

Пистолет этот у него всегда... С глушителем. Чуть что — хватается за него. В правой — пистолет, а в левой — фляга. Постоянно. Все время прикладывался. Еле связывал слова. Я его просила, чтобы он перестал. Он не мог. Вот так. Привет Гомеру.

— Он... Он тебя трогал?

— Нет. Ни разу. Как от огня просто. Может, не хотел девочку портить. А может, ему это все вообще не нужно было, женщины. А я вот, когда с ним встречалась взглядом... У меня коленки подгибались. Представляла себе иногда... Как бы он... Ну, обнял бы и так далее. Что я там могла себе представить тогда.

— А с Тульской что стало?

— Это он ее затопил. Заминировал к грунтовым водам поближе и затопил. Вместе со всеми больными и со всеми здоровыми. Чтобы предотвратить эпидемию в метро. А чтобы они не сбежали оттуда, он огнеметы выставил. Я на Тульской была. Кричала ему, что есть способ людей вылечить. Он слышал. Видел меня там. И все равно подорвал все. Нас со станции выбралось трое. Остальные захлебнулись.

— Зачем? Зачем он это сделал?

— Сказал, что должен спасти метро. Вот так вот спасти. Но я думаю, у него просто зудело. Понимаешь? Ему одного поила не хватало.

— У Гомера было не так.

— А как?

— Там ты просишь о чуде, кажется. И потом, когда прорыв... Ты думаешь, что это дождь пошел. Что-то такое.

— О чуде!

* * *

— Меня... Мне плохо. Мутит. Помоги мне... До уборной.

— Можешь прямо тут. Я уже ко всему привыкла. Дать таз?

— Не хочу тут. Не хочу при тебе.

* * *

— Давай! Давай! Еще! Еще! Пожалуйста, еще! Ну. Ну?!

— Ты сладкая. Ты такая сладкая. Боже, какая ты сладкая.

— Не останавливайся. Еще. Еще хочу.

— Я больше... Я больше... Я...

— Нет. Нет-нет.

— Я все. Я все. Боже. Боже. Я тебя люблю.

Дмитрий Глуховский

- Не болтай ерунды.
- Нет, правда. Я тебя заберу отсюда. Сейчас вот подкоплю и заберу. Не хочу, чтобы ты тут была. Ты неходишь для этого места. Заберу.
- Ладно, уговорил.
- Ах, с-сладкая! Сколько с меня?
- Как в прошлый раз.
- А скидочку? Сделай скидочку! Как постоянному клиенту?

* * *

- Ты зачем это делаешь?
- Что?
- Зачем этим занимаешься? Я тебе не читаю морали, просто...
- Начинается, да?
- Нет, правда. Гомер говорил, что... Что ты не такая.
- Не какая? Ты не понимаешь, да? Какая разница, что говорил Гомер! Он живет в своем волшебном мире. А я в своем настоящем. И в моем настоящем мире лучше вот этим заниматься, чем людям в голову стрелять. А что мне еще делать? Мечтать о том, как однажды мы все вернемся наверх, и как это будет прекрасно и удивительно? Но это потом будет, а деньги нужны сейчас.
- Только из-за денег? А если бы были деньги?
- Ну вот у тебя есть?
- Нет.
- О чем тогда разговор?
- Как ты сюда попала?
- Один добрый человек привел. Подобрал и пристроил. У меня больше никого нет. Жить негде. У тебя есть дом?
- Есть.
- А жена?
- Есть. Была. Есть.
- Вот и хорошо. А тут ты что делаешь?
- Не хочу туда. Мне тут спокойней.
- Тебе скоро уйти придется. Полежишь еще чуть-чуть – и вперед. Потом когда-нибудь вернешься.
- Почему?
- Мой хозяин придет. Он не должен тебя видеть.
- Какой еще хозяин? Сутенер?
- Лежи. Успокойся. Вот бульон, попей. Пей.
- Я не буду эту дрянь... Меня тошнит. Что за хозяин?!

- Не имеет значения.
- Ты что, вещь? Какой хозяин еще?!
- Дурак!
- Ты от этого удовольствие, что ли, получаешь?! От всех этих грязных мужиков?!
- Удовольствие... Хорошо бы, между прочим, и тебе помывться. Вставай, отведу тебя.

* * *

- Найдешь Леху? Брокера? Который меня сюда привел? Скажи, чтобы забрал меня. Ночевать где-то надо.
- Можешь... Можешь сегодня остаться. Хозяин не придет, наверное. Из-за этой войны... Сейчас не каждый день бывает. Хочешь?
- Где? Прямо тут? Или на той койке, где тебя...
- Тут. Поешь со мной? Грибы.
- Спасибо. Я не знаю, как... Я потом заплачу.
- Дай колено посмотреть. Мне тут мазь дали. Полежи спокойно.
- Холодно. И щиплет. Ай.
- А когда тебе так спину раздирали, не щипало?
- Там... Пожаловаться некому было. А тут – ты.
- Да.
- Что – да?
- Ты вот спрашивал. Почему я? Почему я шлюха. Как стала.
- Я не спрашиваю.
- А ты спроси. Мне не стыдно. Думаешь, ты один такой? Тут знаешь сколько таких? Одичавших. Одиноких. Которым некому пожаловаться. Их тянет всех ко мне. Ко мне, магнитом. Понимаешь? В меня. И если их не принять... Не дать им... Выплеснуть это все... Грязь, ужас свой... Злобу. Нежность. Они тогда совсем озвереют. Вы, мужчины, так сделаны. Они приходят ко мне такие – их трясет прямо от жизни. А я их успокаиваю. Мир им даю. Понимаешь? Мир. Утешаю их. Они потыкаются-потыкаются... Покричат... Позлобствуют... Поплачут... Утихнут. Ширинку застегнут. И могут еще немного пойти пожить без войны.
- Ты так говоришь... Так девочка не может говорить. Ты же девочка. Хрупкая. Изящная. Вот эти руки твои... Ручки...
- В борделе год за десять идет.
- Значит, мы с тобой ровесники?
- Ой, все!
- Мне нужно выпить. От облечения помогает. У тебя нет ничего?
- Мне тоже нужно.

* * *

- Подвинься.
- Ты разве не там собиралась ложиться? Не у себя?
- Двигайся давай.
- Я тут с тобой не смогу так просто лежать, учти. Ты себя в зеркале видела? Ты же красивая очень.
- Помолчи.
- Я не могу помолчать.
- Куда тебе, вояка? Ты-то видел бы себя в зеркале. Тебе сейчас ни до чего должно быть. У тебя вон волос не останется скоро. Будешь похож на своего Хантера, как мечтал.
- Ты в меня влюбишься тогда? Я хочу, чтобы ты в меня влюбилась.
- Зачем?
- Ну мне проще будет тогда жить и умирать.
- Помолчи. Повернись. Повернись ко мне.
- Ты... Нет, постой. Я так не хочу.
- Что?
- Не хочу, чтобы ты со мной из жалости. Из сострадания. Как со всеми остальными. Не надо со мной спать, потому что у меня волосы выпадают. Ясно?
- Хорошо, не буду. Видок, если честно, так себе. Завтра побреем тебя. Спокойной ночи.
- Погоди. А может, другие причины найдутся?
- Какие?
- Ну... Потому что в первый раз, тогда еще, тебе со мной было хорошо. Потому что я красивый, там, не знаю... Мужественный.
- Я не очень помню, как там было в первый раз.
- Дай еще глоток. И да, я думаю, я один такой. Хочу думать, что я такой один. Можно, я так буду думать? Хотя бы час?
- Пей.

* * *

- Все... Все... Все... Я все...
- Ты просто... Сумасшедшая... Я еще... Можно мне еще...
- Ты облученный же... Куда тебе... А?
- Не знаю... Мне еще тебя нужно. Может, организм думает, что в последний раз... А?

- Дурак. Тяжело.
- Это необъяснимо с точки зрения медицины. Это чудо. Но я вот опять...
- Ладно. Если чудо.

* * *

- Ты, кстати, очень красивая. Я говорил уже?
- Говорил.
- Твои брови особенно. И реснички. И глаза. А губы — вот уголки. И тут... Излом. Очень. И шея. Шейка. Ножки такие... Как спичечки.
- Так себе комплимент.
- И стрижка... Ну... Волосы.
- Сама себя перед зеркалом обкорнала.
- Знаешь, я пока тут тебя ждал, днем... Пока ты там... Пока тебя...
- Хватит.
- Я столько всего наслушался.
- Встал бы и вышел.
- Нет, подожди. И вот мне сейчас столько хочется тебе сказать... И что ты потрясающая, и что мне с тобой было так хорошо, и что с моей женой мне так давно не было, и что я хочу тебя отсюда забрать и заберу, когда смогу... А это все тебе сегодня другие уже сказали.
- И вчера тоже.
- И вчера еще.
- Так что? Ты ничего мне из этого не скажешь теперь?
- Сказать?
- Лучше воды дай. Вон стоит.

* * *

- Крестик... Ты веришь?
- Не знаю. А ты веришь?
- Раньше не верил. Как-то оказался у Свидетелей Иеговы. Было так глупо и смешно. После этого долго еще... Как подумаю... Да. А сейчас... Да, наверное. Я... Молюсь иногда. Часто. Ну не то чтобы прямо молюсь... А прошу что-нибудь. Давай, Господи, так: ты мне это, а я тебе это.
- Хочешь, то есть, с Богом добазариться. Как все мужики.
- Опять ты?
- Ай!

– А женщины не так?

– Не так.

– А как?

– А так, что если и Бога нет, то тут вообще держаться не за что, в метро этом. Тогда совсем труба. А Он... Прощает. Он говорит: потерпи. Тут надо потерпеть, но это ради дела. Да, люди мучаются, люди умирают. Но это не просто так. Это испытание. Его нужно выдержать. Ты не пачкаешься, ты очищаешься. Просто помни обо мне. Мне всегда можно выговориться. Я сам говорить не умею, но со слухом у меня все в порядке. Извиниться хочется – передо мной извинись. Позлиться – тоже можно. Давай. Ударь меня. Не держи в себе. Хочешь кого-нибудь любить – люби меня. Я тебе и отец, я тебе и жених. Иди ко мне на ручки. Я все вынесу. Я и не такое выносил. Понимаешь? Земля без Бога – не круглая, а как гравий. Одни углы, одни острые края. Это Бог ее круглой делает, гладкой.

– Да. Без Него просто держаться не за что. Вот что.

– Надо только простить Его за то, что он с человеком сделал, за войну, за разрушенную планету, за всех убитых.

– Это не Он. Это мы. Он нам и потом еще руку протягивал, чтобы вытащить нас из ямы. А мы в нее – зубами. Это Он еще должен нас простить. Не знаю, простит? Я бы не простил на Его месте. Бог-отец никого не прощает. Весь Ветхий завет – сплошь войны и спецоперации. А Иисус, наоборот, прощал всех.

– Не читала. Библия для тех, кто не верит. Чтобы их убеждать. А если просто веришь, и все, тогда все эти сказки мимо тебя. Ладно. Поздно уже.

– А если она не вся разрушена? Планета?

– Спокойной ночи.

* * *

– Спишь?

– Как же, поспишь с такими соседями.

– А если я тебе все-таки скажу, что не вся планета уничтожена? Если не все заражено?

– Тебе приснилось, что ли?

– Правда. Я знаю. Я слышал от человека. И не далеко, а тут у нас, под Москвой. Осваивают поверхность заново. В тайне ото всех. В Балашихе. Это по карте отсюда меньше часа. Там строят что-то. Форпост наверху. Значит, там земля позволяет...

– Сколько ты пробыл наверху без резины? И что с тобой стало? Подумай.

– А главное – они этот форпост строят рядом с радиостанцией. Это о чем говорит? О том, что они с кем-то связываются. Может, эвакуацию готовят? Представь себе: возвращение наверх! Надо только в Балашиху попасть.

Дмитрий Глуховский

— Врешь, да? И у меня вот ожоги, вот тут. Это после той ночи. После той ночи, когда мы с тобой... Когда нас познакомили. Этот мужчина, который нашел меня в коридоре. Я полз, пьяный. Он меня подобрал и привел к тебе. Это он тебя мне отдал. Это он твой хозяин?

— Какое твое дело?

— Это он тебя сигаретой прижигал? Почему ты такое терпишь? И за что он меня? Там, на руке — татуировка орденская. Была.

— Я знаю, что там было, Артем. Я читала. Я помню ту ночь.

— Почему он ее прижег, твой хозяин? Почему он тебя пытал?!

— Это не он, Артем. Это не он прижег меня. Он тут ни при чем.

— А кто?

— Я сама. Сама себя.

— Ты? Зачем? Что за бред? А я? Меня кто? Наколку мою — кто? Ты?

— Ты сам, Артем.

— Что? Почему? С какой стати?

— Тебе правда нужно собираться. Если ты не помнишь ничего — так лучше.

Правда.

— Я тебе не верю. Ты его выгораживаешь. Что это за человек?

— Сегодня можешь у моей подруги поспать, у Кристины. Я договорилась. И не приходи сюда. Я не хочу, чтобы ты сюда приходил. И завтра тоже.

— Почему?!

— Мне от тебя только хуже делается. Хочется еще раз себя прижечь.

* * *

— Как ты? Как себя чувствуешь?

— Не знаю. Живой.

— Я подумала... То, что ты мне говорил про Балашиху. У меня есть один... По-клонник. Тоже сталкер. Свободный.

— Он там был?

— Нет. У него есть машина. Спрятана наверху где-то. Я могу его попросить, чтобы он... Чтобы он взял тебя с собой. Туда. У него сегодня ходка.

— Это один из твоих клиентов?

— Да. Это один из моих клиентов.

— Я не хочу. Я пешком лучше пойду.

— Артем. Ты не дойдешь никуда. Посмотри на ногу свою. И... Я узнавала у врача... Если лучевую болезнь не лечить... Тебе, может быть, недели три осталось. А лечить ее как тут? Где?

- Ты меня просто выставить хочешь, да? Чтобы мы с хозяином твоим не столкнулись лбами?
- Не веришь, да?
- Ты просто не знаешь, куда меня деть. Хоть к черту на кулички, лишь бы вечером меня тут не было.
- Ходка сегодня, Артем. Пойдешь?
- Пойду.
- Я не хочу, чтобы с тобой что-нибудь случилось.
- Не верю.
- Вот... Наклонись.
- Зачем это?
- Будешь пока носить. Чтобы было, за что держаться. Вернешься – заберу.

* * *

- Привет. Сашунь, только я сегодня уставший, так что можно просто чаю попить и поспать, а? Пойдем в мой кабинет.
- Хорошо.
- Эти кретины, представляешь, рванули переход на Кузнецкий мост, вся Пушкинская обрушилась, им теперь деваться некуда, а красные ничего слышать не хотят. Бардак полный. Сил нет. Портчат все, а я – разруливай.
- Я понимаю.
- Ты что тут делаешь? А? Ты подслушиваешь, что ли?! Ты кто?!
- Я...
- Это со мной. Он на прием пришел. Так скать. Приемные часы перепутал. Забираю его... Забираю!
- Перепутал я. Простите. Не в то время, не в том месте.
- Бухой, что ли?
- Конечно, он бухой! В говно он говнецкое, неужель не видно? Все, пошли давай, герой.
- Кто там?! Что?!
- Ничего, Алексей Феликсович. Ложная тревога.
- Ложжжжная. Тревооооога.

Глава 15

ШОССЕ ЭНТУЗИАСТОВ

Поднимались с Трубной — был там и вход, оказывается, и выход. И без документов можно было на нее попасть: главное, знать, с кем говорить, при ком, и какими словами.

— Не умеешь, дурак, с людьми общаться! — сказал Артему Леха.

Он зато умел. И первоапостол он был отменный.

— Пойду с вами, — произнес он нетвердо. — Во-первых, ничего уж такого-рас-такого на этом вашем верху я не увидел. Во-вторых, сталкерский калым не хуже остальных, а то и похлебней будет. В-третьих, яйца у меня все равно пухнут, рентген туда — рентген сюда погоды не сделают. Полезли. Чего найдете — мне треть.

— Ты салага, — возразил сталкер, который взялся Артема везти в Балашиху. — Ты мне за урок и за химзу должен. Поэтому из того, что найдешь ты, будет половина моя, а из моего твоего будет ни хрена. Идет?

— Ну хоть так, — подумав, вздохнул Леха. — Только учи как следует!

Сталкера звали Савелием. У Савелия морщины шли не как у людей, а как придется: и по лбу вертикально, и ото рта вниз, и вокруг глаз крест-накрест, и вместо бровей. От носа к краям губ складки Савелию прорезали перочинным ножом, а подо лбом сделали лобзиком глубокий надпил, чтобы нос как будто сам по себе висел. Волосы у него были как бы на месте, но редкие, и череп — тоже морщинистый — через них просматривался ясно. А клыки у Савелия были выкованы из железа; не все, правда — один вообще отсутствовал. Шло ему годам к пятидесяти: хороший, значит, сталкер.

Шагать было больно: колено стреляло. И изрубцованная спина на каждом шагу терзалась так, будто вот-вот лопнет кожа и скатается трубочкой, а останется под ней одно коричневое запекшееся мясо.

Пересекли бульвары, обошли ползучие коряги стороной; миновали разоренный торговый центр подле цирка. Цирк был закрыт. Торговый центр — сожран

какой-то злой плесенью. Обогнули его, спустились на парковку. Машина у Савелия стояла там.

— Как будто по магазинам прошвырнуться заехал, — гундосо поделился с ними сталкер. — Хорошее чувство.

Артему это не понравилось. Морщины бессхемные ему не понравились тоже, и железные зубы, и прищуренные глаза. И то, что этот человек приходит к Саше, когда хочет, и пользуется ее этими вот самыми зубами и глазами. Не хотелось представлять это себе, а пришлось.

А главное: роста он был — Артему по плечи. Как она с таким вообще могла?!

— Тоже Сашку чпокаешь? — запросто спросил у него Савелий. — Будем знакомы. Хорошая девчонка. Хотя и в дочки мне годится. Но дочки у меня нет, так что совесть спит спокойно.

— Да пошел ты, — сказал ему по этому поводу Артем; все равно собирался.

— Понимаю! — подмигнул сталкер и не стал обижаться. — Сам бы втюрился, если бы был помоложе. Но когда я был помоложе, у меня другие Сашки были.

Это Артему не понравилось вообще.

Машина у Савелия была — универсал. Под чехлом стояла: серебристая, ухоженная, промасленная, стекла черные зеркалят, антенна торчит усом метра на полтора. Особенная: руль справа. Посмотрелся Артем в черное стекло: на голове — каска дурацкая, какую уж Савелий выдал, зато ствол хороший, с глушителем. Ствол важней.

Остальное все на подземной парковке — сгнило или было разграблено. Невесело ей тут, подумал Артем: одна живая. Как на кладбище зашла своих проводить.

Завелась сразу.

— Японочка, — не без гордости объяснил сталкер. — Я, как ни поднимусь, обязательно навещу ее. Сейчас мало кто из левых шастает, конечно, но спокойно все-таки.

Выползли из этого склепа, вырулили на Садовое.

— В Балашиху, говоришь?

— В Балашиху.

— А где там? Она ведь не маленькая, Балашиха. Город, как бы.

— Приедем — найдем.

— Смешной ты, — сказал Савелий.

Поехали направо по Садовому. Спешить нельзя: между ржавым хламом коридор неширокий, извилистый. Иной раз сунешься на тропинку, а она тупиковая. Обратно сдавать. Тротуары тоже все забиты столкнувшимися авто. Когда люди думали убежать из Москвы, гнали и по тротуарам. И по другим людям гнали. А было куда бежать-то?

— Ну и что там?

Стартовали ранним утром, чтобы на экспедицию был день с его темным светом. Небо было все замазано облаками, и того десятирублевого солнца, которое Артем видел в прошлый раз, теперь не давали. Ночь получилась черной, рассвет серым, утро вовсе бесцветным.

Весь вечер пил, лишь не думать о том, что не он Саше хозяин; от ночи осталась пара часов, проснулся не похмельным даже, а пьяным еще. Мутило — может, от браги, но видно, от болезни.

Ворон в городе не было, собак не было, крыс. Дома стояли высохшие. Ветер только двигался, остальное давно заоченело. Тикал дозиметр, как Артему его личный обратный отсчет. Леха молчал, будто язык проглотил. Мертвечина была вокруг.

— Там форпост. Красная Линия строит наверху колонию.

— Красная Линия? Колонию? Зачем?

— Будут заселять поверхность, — отчаянно сказал Артем.

— В Балашихе? Балашиха ведь не так чтоб далеко очень. Сразу за МКАДом. На счетчик-то глянь. Кто там жить сможет?

— Люди.

— Ты хоть откуда это взял, парень?

— Мне человек сказал... Надежный. Сказал, что людей с Бульвара Рокоссовского отправляли туда строить форпост. Заключенных. На Бульваре лагерь же у них. И бульвар рядом с Балашихой совсем, пешком дойти можно. Все складно, если подумать.

— А почему в Балашихе? Что там такого? — не отставал Савелий. — Бункеры какие-то? Военная база?

— Радиоцентр. Может быть. Вроде. Так что... Если логически — с кем-то они должны связываться, раз радиоцентр, — Артем повернул голову, посмотрел на Савелия: как отреагирует? — Так что, я думаю, где-то еще есть выжившие.

Форпост.

Пока отлеживался у Саши на продавленном раскладном диване в ее каморке, было время себе его вообразить. Ну это крепость, наверное, стены высотой метров несколько, вышки пулеметные — от врагов; зато внутри — как в стеклянном шарике с детским снегом — уютный раек. Ну как, какой? Люди, конечно, без противогазов, дышат воздухом. Дети играют... Все сыты. Животные там домашние. Утки, может? Оранжевые. Ну, грибы, ясно, здоровенные выросли. И весь этот внутренний двор — в сочной зелени: шелестит на ветру, переливается. Живут, в общем, а не существуют.

У Савелия на лице вместо кожи была бледная зеленая резина; резина от Артемовых слов не сморщилась, не натянулась. Вместо глаз у Савелия были круглые стекляшки, стекляшки могли только пучиться, а щуриться не умели. Смешно ему сейчас? Или злится, что подрядился на такую бездарную глупость? Спраши-

вает себя, ради чего рискует? Знал бы он, кто Артему сообщил про Балашиху; и что в тот момент остальные вокруг говорили.

Савелий подождал, потом протянул руку, нащупал кнопку, включил радио. Прогнал ФМ, переключился на АМ. Потом — УКВ. Везде подвывал слабо, будто ветер в голых ветках, заброшенный эфир. Крутилась дустом проморенная Земля, вся пустая, в безвоздушном пространстве, и только в одной точке сидел на ней человек, как одинокая недотравленная вошь. Сидел, накрытый небесным колпаком, неподвижно и сонно: деваться некуда, а смерть нейдет.

— Хорошо б было, если бы еще где-то были выжившие, — ответил Савелий и тоже на Артема посмотрел. — Вдруг и правда, есть?

Артем даже не поверил ему, что он это честно.

— Я не москвич же, — продолжил сталкер. — Я с-под Еката. После армии учиться приехал. На оператора. Хотел про войну кинцо снимать, дебил. Была про танки мысль фильм придумать, как служил. И столицу покорять. Там все остались. Мать с батей. Сестренка младшая. Еще бабка с дедом были живы. Мать мне намекала: вот корни пустишь в Москве, а там и Варька подтянется. И мы, может, на старости лет где-нибудь в Подмосковье к вам поближе переберемся. Или вы к нам, наоборот, внуков сюда будете слать на лето, на грибы и на ягоды. Отучился. А с работой все через жопу. И вот я каждый год им: да-да, вот-вот, сейчас-сейчас. Не растут, сука, в этой Москве мои корни, и все тут. Квартира все время съемная, все время однушка, все время на выселках. Баб на фотосессии водить стыдно, не то что сестренку размещать. Опять же — если сестренка, то баб куда? Влюбился вроде, а денег жениться нет. На работу — на маршрутках, на метро, на машину все время не хватает. Копил-копил, а там раз, рубль улетел. Короче, жизнь аховая. Так я тогда думал. А теперь думаю по-другому.

— Слушал эфир когда-нибудь? — спросил Артем.

— Когда-нибудь слушал, — отозвался Савелий. — Порожняк. Мне, в принципе, и насрать на этот эфир. У меня машина потому и снаряженная, и заправленная, что — думаю: а не бросить ли все к херам? Не выйти ли одно утро из метро, не сесть ли в нее, не поставить ли дисочек с Продиджами и не рвануть ли из этой вашей гребаной Москвы на восток, докуда доедетсЯ? А? Вот уже и соляры у химиков наменял, и грибов насолил. В багажнике, между прочим. И резиночкой проложено, чтоб банки о пулемет не побились. Все готово. И так третий год уже.

— Почему не едешь?

— Потому что. Потому что человек — ссыклив и тосклив. Легко решить, трудно решиться.

— Ясно.

— Но через ночь на вторую вижу дачу нашу. Огород, колодец, малина на кустах, отец по грядке навоз раскидывает, кричит — помогай, а я от него ныкаюсь. А мать зовет молока козьего дать. Это тоже ясно?

— Мне ясно, — подал голос с заднего сиденья сонный Леха. — Не все, но кое-что.

— Так что, — сказал Савелий. — Я бы не против, если бы они все были живы. Или хоть кто-нибудь. Хоть дед, который против нас жил, и который мне уши драл за то, что я в его кур из рогатки шпулил.

Проехали Ленинградский вокзал, проехали Казанский, проехали Курский. От всех тянулись в глухую запусть ржавые рельсы. Артем там бывал, пока у Мельника служил: выходил на пути, смотрел, как две рельсины сходятся в одну нитку, и думал, что там, с того края земли. Странная вещь, железная дорога: вроде метро, но без стен.

— А я слышал, — произнес он, — что где-то есть из Метро-два туннель, который идет до Урала. В правительственные бункеры. И вот там все правители и сидят. Лопают консервы и ждут себе, пока фон спадет.

— Друг друга они лопают, — возразил Савелий. — Не знаешь ты этих людей, не смотрел ты телевизора.

Этих не знал Артем, а знал других. Вспомнилось про нераскрытый конверт, где-то, видно, прямо в нагрудном кармане у Дитмара прошитый пулями. Не удалось Мельнику и тому Феликсовичу в его телефоне остановить войну.

— Феликсовичу, — сказал Артем, трезвея. — Алексею Феликсовичу. Бес-соллову?

— Проспись, — посоветовал ему Савелий. — Вон друг твой срубился, и ты давай. Таким темпом до Балашихи еще нескоро.

Но Артем не мог. От напряжения закрутило.

— Останови, — попросил он. — Тошнит.

Савелий встал, Артем вылез опростаться. Без противогаза было легче, но на языке от фона горчило; плохо. И так гибло было вокруг, что Артем не сумел дальше рассуждать о том, кто у Саши хозяин, и кто у Мельника.

Вместо этого в голове зазудело: какой ты идиот, как ты дал себя обмануть полутрупы из туннеля, как поверил в предсмертный бред. Там нет ничего: ни в Балашихе, ни в Мытищах, ни в Королеве, ни в Одинцове, нигде и никогда.

— Дозу выхватил? — прогудел Савелий. — Или с похмелюги?

— Поехали дальше, — Артем хлопнул дверью.

С Садового скатились на набережную вязкой речки, от которой поднимался медленно тяжелый желтый пар. Потом через тыщу пустых домов еще, мимо странной крохотной красной церквушки, задавленной меж двух приземистых домишек, крестики тусклые. Рука сама поднялась к шее, нашарила через химзу талисман, погладила; мимо головы, мимо сознания.

Так оказались на прямой широкой дороге, очень широкой и прямой, как сама Красная Линия; ни скругления, ни излома — в одну сторону три полосы, в другую три, и трамвайные рельсы еще. И все забито, и только в одном направлении: на

восток, прочь из ядовитого города. Забито заглохшими и врезавшимися машинами.

Вены Москве закупорило.

— Шоссе Энтузиастов, — прочел Артем на синей табличке.

Автомобили превратились в железки, в консервы. Бензин-то изо всех давно уже слили, а людей из консервов доставать не стали: куда их девать все равно? Машины так тесно встали, что дверей не открыть. Вот хозяева и ехали на них до сих пор на восток. Черные, усохшие, до костей еще давным-давно обгрызенные. Кто в руль уткнулся, кто на заднем сиденье прилег, кто ребенка укачивает. Хорошо, не от голода умерли, а от облучения или, может быть, от газов: не долго ждали и ничего толком не поняли.

Где можно было восемь рядов, втиснулись двенадцать. По машине каждые четыре метра. В среднем по три человека в машине, допустим, хотя многие были битком. Сколько это получится? Какой длины, интересно, это шоссе? Докуда идет, где оканчивается?

Дозиметр растрещался; малорослый Савелий ерзал беспокойно в своем кресле, для уюта или чтобы повыше было проложенном чьей-то белой шкуркой. Продираться приходилось по обочине, места еле хватало.

— Ну что, энтузиасты? — спросил он у Артема. — Балашиха, а?

— Тосклив и ссыклив, — ответил ему Артем.

Он перестал разглядывать спешащих пассажиров в застывших джипах и седанах. Надоели. Закрыв глаза. Во рту маялся вкус ржавчины. В никуда они с Савелием едут. Все правы, Артем неправ. Двинулся умом.

Сколько ему Саша отвела? Три недели?

И доктор столько же. Простамповал врачебной печатью приговор. У доктора только печать эта и была, а лекарств не было.

А что делать в эти три недели? Что в них еще делать?

Ко всем вернуться, у всех прощения попросить?

У Ани — за то, что не захотел с ней жить человеческой понятной жизнью, и что детей ей не смог дать. У Мельника — за то, что задурил его единственную дочь. У Сухого — за то, что не смог его никогда назвать отцом, ни когда Артему шесть было, ни когда двадцать шесть. И сказать ему вместо прощай: па, дай денег.

Если еще чуть ноги пройдут — можно еще было бы разыскать Хантера. Выпить с ним напоследок. Сказать: у тебя не вышло, и у меня не вышло. Волосы только выпали, а больше я ничем на тебя не похож. Будут, значит, люди и после меня дальше сидеть в метро, будут жрать глисту, будут мыкаться впотьмах, травить байки, торговать свиным дерьмом и до последнего вздоха воевать. Не открою им камеру, не выпущу на свободу, не научу на солнце не слепнуть.

Потом взять патроны, которые ему Сухой ссыпал, пойти на Цветной, отдать их все Саше, и обняться с ней тихонько, прижаться к ней, лбами и носами сопри-

коснуться на эти деньги и ничего не делать, а просто лежать и смотреть ей в глаза изблизи. Ну и попросить Гомера, чтобы он забрал ее из вертепа, когда Артем отчалит.

А что, план.

Словно бы японочка быстрее пошла?

— Глянь.

Артем отжмурился.

Освободилась тропинка. Машины с нее были столкнуты, смяты и отжаты в другие ряды. Как будто шел громадный бульдозер и стальным ножом счищал их в сторону. До горизонта была протроблена в сплошной ржавчине асфальтовая колея.

— Вот, — сказал Артем. — Вот! Кто это, по твоему, сделал?

Сердце запрыгало, закачалось на резиночках в поллой груди. Взопрело под непроницаемой химзой тело. Пошла опять от волнения кислая слюна; но Артем держал ее, осаживал. Не хотел останавливаться, терять даже секунды.

Нашли какую-то технику, привезли, работали в секретности наверху, разгребали вечную пробку; пробивали для транспорта дорогу на восток, на Балашиху. Такое, конечно, кроме красных, в полной секретности никто бы провернуть не смог. Значит, этот, в туннеле, не обманул. Надо только домчаться до горизонта, разорвать его, как финишную ленту — и вот: форпост. Место, где люди каким-то чудом наверху живут.

Нет, не зря все.

Не сумасшедший, не идиот, не жалкий фантазер.

— Дай газа, — попросил Артем у Савелия.

Леха дрых. Радио сипело. Расшибался ветер о лобовое стекло. Савелий гнал сто, колея сузилась от скорости, но он и не думал замедляться; Артему казалось, что внизу под тянущей резиной сталкер тоже улыбается своим железным ртом.

Кончились дома, начались странные дебри — с двух сторон поднимаясь над сузившейся дорогой, стволы клонились друг к другу, протягивали ветки, сплетались навесом, пытаясь или обняться, или другого удавить. Но листьев на них не было — как будто они дрались за солнце и за воду, но потратили на это остатки жизни. А те, кто рубил дорогу через машины, прошел, не колеблясь, и через эту чашу.

Потом заросли отошли, распахнулся простор, кое-как заставленный многоэтажными коробками; шоссе Энтузиастов приросло еще двумя рядами в каждую сторону, и все они, кроме просеки, были так же сплошь засижены покойниками; наконец бетонной петлей скрутилась впереди громадная эстакада.

— МКАД пересекаем, — сообщил Савелий. — Балашиха за ним.

Артем привстал на своем месте.

Где там, чудо? Сразу за кольцевой? Неужели вот — стоит пересечь сейчас окружную дорогу, и сразу фон упадет? Нет, счетчик только еще больше зачистил;

колея сузилась, тут расчищали ее от падали небрежней, и мчаться по ней стало трудней.

МКАД был широченным, как трасса в царство мертвых, и таким же бесконечным. На нем в очередь на судилище встали равно и легковушки, и грузовики, и русские неказистые коробочки, и валяжные иностранные лимузины. У некоторых фур были кабины вперед опрокинуты, словно им головы рубили и недорубили; у всех — брюхо распотрошено. Железное стадо растянулось от горизонта и до горизонта; МКАД закруглялся где-то неведомо где, как сама земля.

Но тут земля не кончалась. А продолжалась, та же самая.

Проехали табличку «Балашиха».

Ничто не было вовне МКАДа иначе, чем внутри.

Дома стояли пореже; вместо хрущевок подползли к дороге фабричные развалины. Что тут еще? Киоски разбитые у опрокинутых автобусных остановок; автобусы как газовые камеры с панорамным видом; ветер: рентгены в лицо, с востока на запад летят. День наступает, а никто его не видит. Совсем бы Артему разверить и расстричься, одно удерживает: просека идет дальше. Куда?

— Ну? Где? — спросил Савелий. — Куда ехать, Сус-санин?

— Куда? — спросил Артем у того человека, который в туннеле кашлял.

Почему он ему поверил? Саша же сказала ему: никому не верь.

А как не верить? За что тогда цепляться, Саш?

— Вон! Это че там? — Леха заерзал сзади.

— Где?

— Вон! Че это там, слева? Шевелится! И не одно!

Шевелилось.

Крутилось.

Стояла у дороги, на открытом месте, башня-не башня, мельница-не мельница... Из рельсов, что ли, сваренная крест-накрест конструкция, этажа в четыре высотой, внизу шире, вверху уже; а к макушке ее был приращен огромный пропеллер в три лопасти. Восточный ветер, со спеху не разбирая пути, попался в ловушку, и, чтобы освободиться, крутил эти лопасти.

— И еще вон! Смотри! И еще!

Ветряки брели вереницей, один за другим, по обочине; за первым прятались остальные — один, два, три, четыре, много. Лопасти были метра по три длиной, неровные, обшитые серой от серого неба жестью; одного взгляда хватало, чтобы понять — это рукотворная вещь, не с завода доставленная, а собранная уже после конца, после Войны, недавно, может. Это их недавно строили.

Недавно, сейчас!

Недавно! — наверху! — кто-то возводил эти ветряки, эти мельницы, для чего-то!

Винты крутились вразнобой: казалось, целая эскадрилья шла с аэродрома на взлет — эскадрилья, может, тех самых белопузых тихоходов с прозрачными кры-

льями. Или эти пропеллеры хотели всю планету передвинуть, перенести куда-то в другое место — к обитаемой звезде какой-нибудь, на которую люди могли бы перескочить и тем спастись?

— Зачем это? — спросил гнусаво Леха с заднего сиденья.

Артем знал.

— Это как у нас на станции велосипеда, — ответил он не сразу, туповато, заворожено. — Это генераторы. Электричество вырабатывают. Из ветра.

— А это зачем?

— Дурак, что ли?! Значит, тут люди живут! Тут! Куда еще такая прорва электричества нужна? Сколько их? Ты глянь! Считай: шесть, семь, восемь, девять! Десять-одиннадцать-двенадцать-тринадцать! И вон там еще! Это целую многоэтажку можно запитать! Или две! Или три! Четырнадцать! Пятнадцать! Шестнадцать! Ты представь?! И это все ведь строил кто-то! Наверху! Как там фон?

— Такой же, — сказал Савелий.

— Ну и хер с ним! Значит, приноровились как-то! Или построили себе что-то для изоляции. Но наверху хотя бы! Зачем-то ведь им нужно наверху, красным? Что-то они знают такое, чего мы не знаем! Свет у них тут! У нас на все метро столько света нет, сколько эти ветряки вырабатывают! Тут целый район людей может с этим светом круглые сутки! Останови, дядь! — крикнул Артем Савелию. — Останови, хочю посмотреть поближе!

Савелий заглох на обочине.

Артем выскочил, заковылял к ветряку, прищурился, задирая голову к небу, к медленным скрипучим лопалям. Все было исправно: из ветра и скрипа эти штуковины делали ток. Ни одна не стояла.

Приблизился Савелий со своим спецназовским, хитрым винторезом настороже. Изучил ветряную мельницу. Осмотрелся по сторонам, прислушался.

— А где люди-то эти твои тогда? — спросил он у Артема. — Где твой район живых людей, которые на этом электричестве и кашу варят, и сортир подсвечивают? А?

— Не знаю, дядь. Прячутся. Это же проезжая дорога. Что им сюда соваться? — объяснил Артем.

— То есть смотрят сейчас за нами?

— Могут.

Савелий вскинул винторез. Приложился к трубке прицела, обвел округу.

— Непохоже. Тут как в Москве, Артем. Порожняк.

— Дорога есть, ветряки построили. Кто-то строил же все это. Рабочие, инженеры, электрики!

— Нету никого, слепой, что ль? Построили и вернулись в метро. Доза же шкалит! Не вышел эксперимент!

Двинулись дальше: с шаговой скоростью, с опущенными окнами, чтобы ни одного человечка не пропустить, ни самого маленького. Но ни единого не было. Деревья голые тянули к небу корявые пальцы, просили чего-то. За деревьями торчали опоры ЛЭП с оборванными проводами, которые издали не увидеть: дома заслоняли. Ветер путался в пропеллерах. Скрипели винты громоздкие неладно, не сообщая, и их совместный скрип не прерывался ни на секунду. Потом стало видно впереди, что ветряки заканчиваются. А форпост так и не появился.

— Дай назад. Проехали, наверно!

Савелий послушался. Пока разворачивался, Артем не дотерпел, опять вылез наружу. Пошел ногами, вслушиваясь, всматриваясь.

Где вы, люди?

Вы же есть! Вы же тут! Ну?! Вылезайте! Не бойтесь, я свой!

Хоть бы вы были и красные. Любые. Наверху разве есть эти подземные цветы? Они тут все под солнцем выгорят же, нет?

Появилась с краю дороги — собака.

Понюхала воздух, лениво забрехала.

Артем поковылял к ней. Это не сторожевой пес был: ошейника нет, породы нет, ничего нет; шерсть белесая с пропалинами, грязная.

— Что? — нагнал его Савелий.

— Видишь?!

— Псина.

— Она нас не боится. Она людей не боится. И смотри, смотри, какая жирная! Она лоснится просто! Домашняя! Понимаешь? А? Тут поселок. Где-то за деревьями. Она прирученная, она в поселке живет, как дворняги у нас на станции. Раскормленная какая!

Выбрели к той, белесой — еще несколько. Встреть Артем собак в Москве, сразу бы выцелил жоака и застрелил, иначе не уйти. Но тут они были другие: не рычали, полукругом не расходились, чтобы загнать добычу; а щурились мирно и только потягивали. Радиация покорежила их чуть, — у одной пять лап, а у другой рядом с большой головой еще одна, маленькая и слепая, — покорежила, но не озлобила. Они сытые были, вот что.

— Откуда они вышли? Вон, глянь! За деревьями тропка! Там люди и есть! — прогудел Артем Савелию.

Савелий приткнул машину, вытащил ключи. Леха хлопнул дверцей, выбрался наружу. От солнца на нем были поверх противогаза темные очки — в розовой оправе, сердечками. Савелий поделился.

Собаки обнюхали людей; Савелий шуганул их своим автоматом, они лениво, неверяще отбежали на несколько шагов. Бежать быстрее пузо им мешало. Откормленные.

Артем поднял пустые руки, пошел по тропе впереди всех.

— Люди! Эй! Не стреляйте! Мы просто мимо ехали!

Слышали они тут? Неясно: ветряки скрипели отчаянно, и Артемов голос вполне мог в их скрипе застрять.

— Есть тут кто? Ау! Не бойтесь, мы ничего плохого...

Трудно дышалось: через фильтры не проходило столько воздуха, сколько Артему сейчас было нужно. И иллюминаторы запотевали, туманились. Но не хотелось больше дозу брать: доза копится, каждый вдох сейчас жизни в минус, а ведь надо еще разобраться во всем, еще себя и целое метро утешить и обнадежить.

Савелий с Лехой ступали следом.

Собаки потрусили неспешно за ними, потом и впереди них, показывая дорогу. Через голые деревья не видно было ни дома, ни сарая, ни забора, но что-то высилось рыжее — в полусотне шагов от дороги.

Вышли на поляну.

Собаки, виновато виляя хвостами, заглядывая в глаза гостям, побежали к середине. Добрались — и провалились. Артем подошел ближе. Землянки там, что ли?

Яма это была.

Огромная ямища, вырытая экскаватором. Не яма — котлован. Рыжее через деревья — это вынутая глина с песком, целая гора, а никакая не землянка.

А в котловане — навалено людей.

Кто во что одет.

Мужчины все. Больше ничего не разобрать. Собаки объели.

Сколько их там? Много. Сверху только — двадцать, может. Но понятно, что под ними и другой слой, и третий, и так вглубь.

И собак много — но всем всего хватает, и поэтому-то они такие смирные, такие добрые. Спрыгнули вниз — и стали потихоньку дальше глотать кого-то. От этого занятия Артем их и отвлек своими воплями.

— Вот они, строители-то твои, — сказал ему в спину Савелий. — Строители, и инженеры, и электрики. Все тут лежат. Сделал дело — гуляй смело.

Артем оглянулся на него.

— Зачем это? — спросил он. — Это для чего?

— Ну как для чего? — прогундел ему Леха в очках сердечками. — А на Рейхе для чего? Ты как не свой прям. Ты думаешь, здесь по-другому будет?

Артем взялся за хобот, сорвал резиновую маску. Хотел воздуху, чтобы не тронуться; забыл, что трупы пахнут. Ударило сладко и отвратительно сразу по мозгам, он задохнулся и вырвал желчью.

Побежал, потащился прочь, прочь от разрытой могилы; а по ушам ездили, ездили скрипуче лопасти ветряков. Он вышел к ним — вот они стоят стройной колонной; злая работа, трудная — их тут поставить. Но поставили. Долго возво-

дили, наверное. Потихоньку умирали одни, а другие вместо них приходили — нет, не сами шли, а приводили их сюда, политических и любых вообще, строить форпост, — и никто почти не возвращался; наверное, одни только те зувевские люди сбежали, но их и в метро достали, и шлепнули по-быстрому, чтоб не болтали. Вот как.

Жестяные крылья ветряков крутились неостановимо, тускло мелькали на тусклом солнце, но это была не эскадрилья мечтательных самолетов, а ножи мясорубки, к которым из Москвы, из метро подвозили людей, чтобы сделать из самих них собачий корм, а из жизней их накачать электричества.

— Для чего? — спросил Артем. — Куда вам столько света?!

Сплюнул кислую, горькую слюну, натянул противогаз.

И тут за деревьями взревело. Машина!

Артем упал наземь, замахал своим спутникам, возвращающимся от ямы. Те тоже улеглись, чтобы не просвечивать через голый лес.

Вырулил грузовик — на шести огромных колесах, на окнах решетки, вместо бампера клыкастый таран, вместо кузова — обклепанный железный фургон с узкими бойницами, дверка маленькая, все окрашено серым. С боковой дороги выехал на бесконечное шоссе Энтузиастов, на просеку — в том месте, которое они мимо проскочили на своей японке. Встал, замер. Чего ждет?

Артем не дышал. Слышали? Ищут? Видят приткнутую позади себя японку?

Нет. Снова зарычало — и из-за поворота выкатил на дорогу еще один грузовик, такой же в точности. Свежий, выкрашенный. Встали один за другим, рыгнули черным дымом, загудели и двинулись на Москву. Рвали вперед по просеке, вписывались между наваленными консервами точно, аккуратно — и уже совсем скоро стали на сером асфальте не заметны вовсе.

— Оттуда, — сказал Артем. — Из-за поворота. Что там?

А там над деревьями торчали как раз опоры ЛЭП.

Он пошел вдоль обочины, пальцы сами обняли автоматную рукоять, неважно, идут там за ним Савелий с Лехой или задумались. Надо было найти это место. Надо было понять, что там. На что этих всех людей перевели.

Свернул с шоссе Энтузиастов на пристыкованную к нему дорогу; указатель назвал ее Объездным шоссе.

И начал догадываться, еще не дойдя. Это не ЛЭП.

Это радиовышки!

Одна, две, три, десять, сколько? Это же и есть радиоцентр!

Он заковылял к ним вприпрыжку, и вышки тоже выползали ему навстречу из-за деревьев, за которыми раньше прятались. Надвигались на небо, сплетенные из железа, ажурные и высоченные. Что там Артемов провод, который он по крыше небоскреба разматывал! Вот антенны, которые должны до края света доставать! Если уж они не смогут принять сигнал из Полярных Зорь, кто тогда сможет?

— Погоди! — поймал его за руку Савелий. — Куда соваться? На главный вход?! На пропускную?!

— Да по херу, — сказал Артем. — Хоть на главный. Это радио, понял? Это антенны! Радиостанция! Эти все генераторы — вот зачем! Они рядом с ней построены! Не с поселком! Нет поселка! Они тут! Чтобы антенны питать! И всех этих работяг тут закопали, чтобы это радио работало! Понял ты?! Значит — что?! Значит, с кем-то есть связь! С Уралом с твоим, может! С бункером в Ямантау! С кем-то краснопузые разговаривают! Понял?! Иначе зачем охранять?.. Ты, дядь, делай, как хочешь. Мне три недели осталось так и так, я должен знать.

Он вырвал руку и зашагал дальше.

— Погодь, балда! — яростно шепнул ему Савелий. — Куда соваться? Что мы тут против них втроем... Давай хоть посидим, прикинем.

— Ты посиди, я разведую.

Похромал под деревьями — уже видел бетонный забор, за которым стояли вышки. Только через забор как-нибудь бы... Может, ворота? Нет, к воротам не нужно.

В одном месте деревья подступали близко к ограде, Артем по сучьям вскарабкался; поверх бетона по забору была протянута колючая проволока. Ничего: этого он больше не боялся. Ткнул автоматом — не коротнет? Нет. Схватился, порвал рукавицы, распорол штанину, ногу опять в кровь, но не заметил даже сразу. Перебрался на другую сторону. Спрыгнул здоровым коленом вперед. Кое-как.

Если увидят — сейчас положат.

В удачном месте спрыгнул. Не сразу увидели: территория была в кустах, загромождена постройками кирпичными, хламом каким-то, в углу экскаватор даже свернулся, спит — тот, наверное, которым для строителей землянку копали.

Залаяла удивленная овчарка, выскочила из-за угла на Артема, а Артем ей тихую пулю в морду. Собака булькнула и скувырнулась.

Пополз вдоль здания — сторожки при воротах. Заглянул с тыла в окно: люди. Одеты в резину, через скафандр не понять, красные они или какого цвета.

Обошел, постучался в дверь. Открыли, а он им свинца. Как вы с нами, так и мы с вами. Разбираться потом будем, зря я так или не зря, через три недели будем разбираться.

На столе работает маленький телевизор, показывает ворота, забор. Крутит назад картинку: проглядели его прыжок, отвернулись, решили отмотать, не успели... А это Бог уж, значит, прикрыл... Который отец. Он это дело ценит... Весь Ветхий завет... Одни войны... и спецоперации.

Нашел кнопку — «ворота». Ударил ее, вылез во двор.

И вот только тут получил пулю, на которую с самого начала напрашивался. В плечо. Успел добежать до стенки, хоть бы правильная была, спасительная, под стрелком, а не напротив. Прижался. Поднял целой рукой тяжелый автомат — паль-

нул наугад. Не та стена, не та! Чиркнула пуля еще одна рядом с головой, кирпичная щепка отлетела в стеклянный глаз, стекло треснуло. Побежал к противоположной стене — колено надсадил, пробило болью, подкосило, упал. Пошла очередь к нему фонтанчиками пыльными по земле, совсем уже подобралась к брюху — и тут от ворот кто-то застрекотал. Одним глазом: Леха! Отвлек на себя, спасибо!

Артем, поскальзываясь в пыли, поднялся — а из здания еще бегут трое, что ли. Все в химзе, замешкались, пока натягивали, видно. Леха спрятался за угол, по углу с крыши замолотили целыми лентами, не выйти, а эти трое заметили Артема, который еще на четвереньках, которому всего нужно еще пару шагов, чтобы удрать. Но не хватило шагов, и положили бы прямо в пыль мокнуть красным, если бы не влетела в ворота японка, не развернулась с визгом через обалделых бойцов, не перекинула их через капот. По ней, по ней сверху застрочили. Леха выглянул — опять отвлек пулеметчика на крыше. Артем успел отойти, до дверей добраться; сталкер выскочил из машины своей, за нее укрылся. Савелий нашел человека на крыше в стекляшке своего винтореза, чмокнул глушителем два раза подряд, и пулемет у того захлебнулся. Один из сбитых поднялся, шатаясь, и Леху ударил глупо прикладом в челюсть. Начал разбираться в своем автомате, как пьяный, чтобы оглушенного брокера дострелить, но Артем подошел, пальнул ему в лицо, спас спасителя. Толкнул дверь, побежал по коридорам, на него кто-то бросился с пистолетом, он даже не успел сообразить, что и кто, просто вжал крючок, человек отшатнулся, и все. И все. И все.

А дальше уже было пусто и тихо. Во дворе тоже отстрелялись. Через окно было видно, как Савелий пинает ногой других сбитых, проверяя, всерьез ли погибли они.

Здание оказалось небольшим.

Коридор и комнат сколько-то там. Все двери нараспашку, вот лестница на второй этаж, и там та же картина. Есть пультавая, но человека, который в ней что-то понимал, Артем убил мимоходом.

Тьма кнопок там была и целая щетина из тумблеров, но все подписаны хоть и русскими буквами, а каким-то собачьим языком — одни сокращения; и некому длинных слов из них понаделать.

Артем сел на стул с колесиками.

Снял свой одноглазый противогаз.

Потрогал кнопки. Ну? Которая тут из вас свяжет меня с Полярными Зорями?

Нашел вроде, как частоты переключать. Вот наушники. В наушниках море шумело: фффффшшшшшшффф...

Дальше.

Кхххх... Кххххх...

Туберкулезный изолятор. Черный туннель, наполненный голыми зверолоудьми. Кашляют. Дышат через пробитые кирками дыры. Никуда не хотят уходить. Не

хотят за ним наверх. Некуда там, говорят, идти. Все разбомблено, все отравлено, все заражено. Иди один на свой верх, ебанутый ты человек.

Кхххх...

Ррраз! Врезал с размаху кулаком по пульту.

— Работай!

Рррраз!

— Работай, ссука! Работай, мразь! Что?! Что вы тут слушали?! С кем говорили?! Все эти люди в яме! Они для чего?! Все эти во дворе! Они — для чего?! Работай! Работай!!!

Рррррраз!

Кххх...

Фффффшшшшшшхххх...

Такие огромные антенны! Вышки целые! Десять штук! На всех волнах могут и вещать, и ловить! Почему вы такие огромные и такие глухие, бляди вы бляди?!

Как тут вещать?! Как тут дохлому миру высказать все? Как послать его, все семь миллиардов мертвецов сразу как послать на хер?!

Зашел Савелий.

— Ну? Как там мои мама с папой?

— Никак! Никак!

— А кто-нибудь отвечает хоть? Или мы зря тут все это?

— А они не зря?! Они зачем?!

Савелий помолчал. Пошевелил с надеждой убитому радисту руку ботинком. Но тот был убит бесповоротно.

— Ладно. Валишь тогда надо. Он мог и предупредить этих своих, на «Уралах». Запросто. Сейчас вернутся, и капут нам. Алексей, например, выбыл.

— Живой?

— В нокауте. Конкретно приложили. Я его в машину убрал. Короче. Давай, собирай стволы у ребят, и домой поехали. Хоть какая-то польза от поездочки будет.

Артем кивнул.

Тут больше нечего было делать. Вообще везде делать было больше нечего. Ему.

Он встал со стула на колесиках. Ноги не гнулись. Глаза пересохли. Пальцы, которые на Пушкинской были круглые, заточенные под ручку у тачки, теперь были впустую сложены так, будто в них зажата автоматная рукоятка: указательный чуть вперед.

Подошел к радисту, отнял у него пистолет. Радисту было не жалко, сразу отдал. Форма у него была безликая, беззнакая. Кто ты? Зачем ты?

Пошаркал на улицу. У одного забрал автомат, у другого. На крыше пулемет, вспомнил. Не хотелось обратно туда, в этот радиоцентр.

Двери в машине были распахнуты. Постановывал, приходя в себя, Леха. Нудно шумел эфир в автомобильной магнитоле — громко, отчетливо. Так же, как и в пультовой. Можно было и не ходить туда. Можно было и не убивать посторонних людей. Не брать на душу греха, за который уже через три недели отчитываться.

Артем сел на землю. Осмотрелся тупо по сторонам.

Двери в сторожке открыты. Рука человеческая из-за створки торчит, в асфальт пальцами вцепилась. Рядом трансформаторная, желтая табличка с молнией на двери. Двухэтажный центр с радистом-молчуном. Что тут охранять? Зачем тут два «Урала» стояли? Зачем ветряки строить? Зачем яму копать экскаватором? Людей из метро гнать? Собак кормить? Беглецов разыскивать?

Скрипели ветряные мельницы, производили электричество, наполняли им щитовую, заряжали чертовы вышки.

Мололи души в муку, жизни в пыль.

Скрипели, скрипели нудно, наматывали Артемовы кишки на свои лопасти: ииии, ииии, ииии, ииии, ииии, ииии, ииии, ииии, ииии.

Глухие бесполезные вышки торчали над головой.

Ииии, ииии, ииии, ииии, ииии!

Он вскочил, захромал со всей скоростью, какая в нем от ненависти взялась, к трансформаторной. Снес прикладом замок, пнул дверь — та загудела треснутым колоколом — ворвался внутрь. Вот щит: лампочки, выключатели.

Глупо, неловко ткнул стволем в щиток. Хрустнули лампочки.

— Зачем, суки?! Куда вам столько света?!

Перехватил автомат, взял его как палку, как дубину — и прикладом врезал по щитку с размаха.

Брызнул пластик, брызнуло стекло, полетели на пол вышибленные предохранители, погасла лампочка.

Взял пучок цветных, словно детских, проводов, рванул на себя.

Внутри у Артема горело, внутри все скручено было, сжато; и не отпускало никак. Хотелось истребить тут все до конца, разрушить до основания, раскурочить эту блядскую бессмысленную станцию, пустить ток от мясорубок лучше в землю, в солнце, в космос.

Слезы бы помогли. Но в глазах что-то умерло, и слезы не могли пойти.

— Эй! Сюда! Артем!

Он вышел из потухшей трансформаторной на улицу — натянутый, неудовлетворенный, так и не освободившийся ни от мерзости, ни от глупости, ни от мрака. В ушах звенело. Во рту опять было ржаво от крови.

Увидел, как от растопыренной японки машет ему руками Савелий.

Почему-то на нем не было противогаза.

— Что?! — крикнул Артем, чтобы перекрикнуть звон.

Сталкер ответил что-то шепотом, неслышно, позвал Артема жестом. Тот побрел к машине.

— А?!

— Сюда иди, балда!!!

Морщины у Савелия на лице сложились странным узором. Вроде бы он улыбался. А вроде бы ему и было непереносимо жутко. Улыбка у него была сумасшедшая, и блестела железом.

— Что?!

— Не слышишь?!

Артем наконец доковылял. Нахмурился. Что еще?!

Из машины, изнутри что-то... Что-то...

Он ошалело оглянулся на сталкера, прыгнул на переднее сиденье, трясуци-мися руками мимо кнопок стал искать: как тут погромче?!

— Это диск твой?! Издеваешься, сука?!

— Дебил! — смеялся, заглядывая внутрь через открытое окно, Савелий. — Продиджей от Ледигаги отличить не можешь?!

Из колонок лилась музыка.

Негромкая, нечеткая, спутанная с шипением — и непохожая совсем на ту музыку, которую Артему приходилось слушать в метро. Не гитара, не разбитое пианино, не заунывные басовитые гимны о Дне победы; какие-то смешные кривляния, а не музыка — но бойкие, заводные, живые. Хотелось пританцовывать под эту песню. А поверх шло знакомое: ффффшшшшххх... Это радио было, а не диск. Точно радио. Музыка! Не позывные, а музыка! Люди где-то музыку слушают! И ставят! Не говорят: мы тут выжили кое-как, а вы там выжили? А ставят музыку, чтобы другие люди под нее танцевали.

— Что это? — спросил Артем.

— Это, блядь, радио! — объяснил ему Савелий.

— А какой город?

— А хер знает, какой!

Артем вжал кнопку, поменять частоту. Вдруг еще где есть?

И сразу настроился. Сразу же настроился. Через секунду!

— Прием-прием! Это Петербург, это Петербург...

Тут нельзя было ответить, так что Артем сразу погнал вперед. Что-то на неизвестном языке закурлыкало, таком, будто человек грибов в рот напихал и говорить пытается.

— Английский! — пихнул его в простреленное плечо Савелий. — Английский, ты сечешь?! Даже эти суки уцелели!

Кхххххх...

— Бехлин... Бехлин...

— Казань... Как слышите? Слышу хорошо! Тут Уфа...

– Владивосток – острову Мирный...

Шшшшххххффф...

– Приветствуем свердловчан и область... Кто слышит...

Артем – насосавшийся эфира, пьяный – отвалился от приемника. Вытаращился на стalkerа, заплетающимся языком еле смог:

– Это как? Это что случилось?! Как это?!

– Ты что сделал?!

– Я сломал... Щитовую... Обесточил, наверное? Хотел обесточить.

– Вот и обесточил.

– Я не... Не понимаю.

– А что тут еще может быть?!

– А? Что?!

– Это что за вышки, по-твоему?!

Артем выпал из машины, запрокинул голову, посмотрел на подпирающие небо антенны. Они с виду были такие же, как полчаса назад; только теперь дохлые.

– И что?!

– Ну ты их выключил, балда, и радио стало! Вся земля открылась! Это что значит?!

– Не знаю. Не знаю!

– Это глушилки!

– Что?!

– Глушилки! Создают помехи! По всем частотам шум дают на полную мощность!

– И как это?

– И глушат весь эфир! Все! Весь мир! Как в советское время!

– Весь мир?

– Нээ тупы ушэ... – слабо попросил с заднего сиденья Леха незакрывающимся ртом.

– Весь мир, брат! Весь! Ты хоть понял, что весь мир живой?! Мы только думаем, что его нету! Поэтому и думаем! А он – есть! Ты – это – понял?!

Глава 16

ПОСЛЕДНИЙ СЕАНС

— И фто с эым деуать? — спросил Леха, через силу ворочая прикушенным языком.

— Как что?!

Артем оглянулся на него: словно в первый раз увидел. Леха сидел лежа с задраным на лоб противогазом. Изо рта у него текло, в руке была открытая бутылка бодяги: Савелий сунул для дезинфекции.

— Дай мне тоже.

Приложился — не помогло. На зубах закрипели Лехины раскрошенные зубы. Посмотрел на горлышко: все в красном. Приложился еще раз.

— Поехали! — Савелий плюхнулся на свою шкуру.

— Куда? — повернул к нему голову Артем.

— Алло! Куда?! Что — куда?!

— Обратно? В Москву?

— Какое обратно? Рехнулся? Вперед! В Екат! Домой!

— Сейчас?

— Сейчас, друг! Сейчас! Пока эти живодеры не вернулись!

Артем подумал. Высунулся из машины, сплюнул в пыль.

— А люди?

— Какие люди?!

— Ну в метро. Люди в метро. Они как? С ними — что?

— А что с ними?

— Ну им ведь надо... Сказать. Они узнать должны. Что мы не одни. Что глушилки. Что можно ехать куда угодно!

— Это я тебе говорю про куда угодно. Не сечешь? У нас сейчас шанс. Все дороги открыты. Соляры полный бак и еще вон канистры. Все на мази! Стволов насобирали, патронов! Это сейчас или никогда ситуация!

— Но они ведь правда вернутся сюда. «Уралы». И все починят. И глушилки эти опять заработают. И все будет, как было. Тогда что? Никто не узнает, что есть целый мир? Что можно из метро вылезать?

— Кто услышал — тот услышал, ясно? Сами разберутся! Ну! Едешь?!

— А кто услышал? Никто ведь уже даже и не слушает...

— Ну и хер бы с ними!

— Как это?

— Да так! Свердловская область разговаривает! Я этого сколько ждал? Какое метро? При чем тут метро?! Вот он, мой день! Надо двигать! Я ж ждал этого, этого самого ждал, готовился!

Артем толкнул дверцу ногой, вылез из машины. Задрал голову, посмотрел на замолчавшие вышки. Леха хлебал спирт, ничего не говорил.

Савелий крутанул ручку приемника. Оттуда заговорили квакая, грассируя.

— Париж, бляха! — сказал сталкер. — А? В Париж неохота тебе сгонять?

— Охота, — сказал Артем.

— К пидарасам, — заржал, подловив Артема, Савелий. — Что останавливает?

— У меня отчим в метро. Жена у меня в метро. Еще там... Все в метро у меня! Я им что, не скажу ничего? Я просто уеду, а они там останутся?

Сталкер провернул ключ; машина затарахтела.

— Ну как хочешь. У меня в метро ни отчима, ни мачехи. У меня, кроме шлюх, в метро никого. А шлюхи вряд ли прям подорвутся и помчатся куда-то. Им в темноте сподручней.

— Откуда ты-то знаешь?! Шлюхи, не шлюхи... — кровь у Артема стала нагреваться. — Никто по доброй воле в метро торчать не будет! Люди думают, что им деваться некуда! Красные, гады, они же людей в метро заперли и держат! Спрятали землю всю от них! Тебе это как?!

— Насрать.

— Насрать?!

— С Останкинской башни. Ну вот насрать, веришь? Насрать на метро. На людей. На тех, кто там кого-где-зачем держит. Это меня больше не ка!са!ет!ся! Я другое знаю. Если мы тут еще минут десять потянем, нас всех собакам скормят. Говорю, хватит этого херового геройства. Пристегивайся и стартуем!

— Я не могу, — подумав, ответил Артем сначала негромко. — Я не могу в гребаный Париж, когда у меня там все... Их вывести надо. Сказать им... Всем. Их дураят же! Они все, что делают... Зря! Туннели... Грызня... Глиста... Ну все, понимаешь? Все это зря! Жизненное пространство... Война... Грибная хворь... Голод. Сорок тысяч человек! Живые ведь все люди! Не только отчим мой, не только... Остальные... Все люди! Их выпустить надо!

— Как хошь, — ответил ему Савелий.

Артем помолчал. Протянул руку Лехе, снова глотнул крошенных зубов.

— Ну и ты как хошь, — сказал он.

— И что ты собрался делать?

Голова раскалывалась. Артем пожал плечами.

— Тут останусь. Попробую сломать их. Вышки.

— Как сломать?

— Не знаю. Может, у них тут есть гранаты какие-нибудь.

— Ага. Гранаты ему. На каемочке. Ладно, без толку. Хочешь дохнуть, я тебе не товарищ.

Артем кивнул.

— Алло, галерка! — Савелий обратился к Лехе. — А ты с кем?

— Я пока тут, — произнес первоапостол красными губами. — Я не такой ъезкийй.

— Ну и с вами тогда хер, — решил Савелий. — Дай плечо посмотрю твое хоть.

— Ты же спешишь вроде.

— У меня бинты есть и спирт, а у тебя голая жопа, — вздохнул Савелий. — Не стал бы я сейчас выеживаться на твоем месте. И вот еще анальгинчику хряпните. Просрочка, но доктора говорят, главное — в него верить. Прощальный подарок.

Пуля проскочила насквозь. Плеснули спирта, намотали бинт. Сойдет. Лехе тоже дали рот прополоскать. И в анальгинчик поверилось.

— Лезешь не в свое дело, — сказал Артему сталкер. — Так тебе и дали сейчас всех спасти. Одинокий ковбой, бля.

Артем не хотел об этом говорить.

Савелий хлопнул дверцами, взял руль, развернулся. Уже наполовину за воротами, тормознул в последний раз. Высунулся из окна.

— Вас убьют же, дебилы!

— Ну а хули делать, — ответил Артем: клубам сизого дыма в лицо.

* * *

Задвинули ручную ворота. Сколько они тут продержатся, когда их штурмовать начнут? Три минуты? Пять?

— А ты зачем остался?

— Да ну, — сказал Леха. — Ехать еще куда-то. Давай расхеъачим эту хеъй по быстьому — и домой. Может, пьоскочим еще.

— Я поищу пойду, чем их...

— Съышь, Аътем... Я вот бошку себе съома'у уже: зачем эти гьушиьки нужны вообще?

— У красных спроси. Может, чтобы всем снаружи рассказывать, что метро — это и есть они? Что они в Москве — власть? Может, удар по Ганзе готовят... Полу-

чают помощь от кого-то снаружи. Техника видел какая? В метро разве осталась такая у кого-нибудь?

И тот внедорожник на Театральной, подсказал он сам себе. Они же фашистов отстреливали. В форменной химзе. Война же?

Вот: Лехе объяснил, а сам не понял. Как так можно? Как можно сорок тысяч человек или сколько там — держать под землей? Какая цель такое оправдает, интересно.

— Поднимись на крышу. Там пулемет остался. Посмотри за дорогой.

Снова проковылял мимо радиста.

— Где тут гранаты у вас?

Оружейный шкаф стоит пустой. Все по тревоге расхватали. Комнатки — в одной нары, в другой — столовая, ничего не спрячешь. Возвращался мимо пулевой — заглянул. Все огни погасли. Тишина, пыль в воздухе висит.

Одно жаль.

Вот станешь ты, Святослав Константинович, хрыч безногий, слушать оттаявший эфир, а извиниться уже не перед кем будет. А хорошо бы было добраться в Москву живым, чтобы вместе с тобой у приемничка посидеть. Вот тебе, папаша. К нашему с тобой разговору. У меня, конечно, шиза, и я, разумеется, зацикленный психопат, и уж дочурки твоей я так и так не достоин. Только на-ка, Святослав Константинович, послушай. Слушай-слушай. Не морщись. А? Да, это Петербург. А это вот Париж. Ага, это по-английски. Точно, это Владивосток. Как это? А вот так. Вот так это, что Красная Линия черт еще знает когда запустила глушилки. Глушил-ки, Святослав Константинович. Да-да. Ты-то знаешь, наверное, что это такое, в отличие от меня? А? Знаешь, а провафлил. Мы думали, они об Орден все зубы обломали, мы думали, им бункер этот сильно сдался, мы половину пацанов потеряли, чтобы только бункер к ним в руки не попал. А им, может, и дела не было до нашего бункера. У них помасштабней затея имелась. А не может быть так, Святослав Константинович, что бункером они просто прикрывались, отвлекали нас, осадой этой изматывали, чтобы мы не обратили внимание на главное? А?

Отнял у радиста еще и маску вместо своей одноглазой, отправился на улицу. Обогнул здание, вышел к вышкам. Крепко вкопаны, корни в бетоне, еще притянуты железными тросами к земле со всех сторон. Не спилить, не раскачать. На ближней увидел лесенку из арматуры, полез вверх — посмотреть, сколько времени осталось.

Упустил, Святослав Константинович. Глушилки упустил, «Уралы» упустил, войну прозевал. Стареешь, папеч. Ты мне, конечно, можешь не верить, потому что я же зацикленный, но ты послушай, послушай эфир. Послушай и скажи: а теперь вот какая миссия у нашего Ордена? Продолжать месить свиное дерьмо? Или вывести людей наверх? Ребят наших класть за то, чтобы люди морлоками оставались? Или помочь им добраться до места, где фон будет терпимый? Где они смогут —

жить?! Мне это все зачем? Да ни зачем! Я уже не буду Моисеем, Святослав Константинович, да мне и по хер, на самом-то деле. Это я так, перед одной шлюшкой покрасоваться. Я уже и не успею Моисеем побыть. У меня дембель через три недели. Я через три недели туда — в май, к оранжевым уточкам, мороженку лизать. А вот ты — мог бы. И еще можешь. Там нигде не сказано, что в моисеи по инвалидности не берут.

А?!

Ладно. Иди к черту.

Разбитое колено не сгибалось, не разгибалось. Пришлось карабкаться на небо так же, как из кромешного ада выбираться: хромоногое, прыжками, подтягиваясь.

Лез, пока территория внутри бетонного забора не стала размером с сигаретную пачку. Ветер тут был злой, хотел Артема сдуть и унести, мачты ходили, не глядя на стальные тросы. Увидел кукольного Леху, увидел игрушечный экскаватор, через проплешину в леске увидел песочницу с мертвецами, ветряные мельницы детские.

На запад, к городу, шоссе заслоняли пустоглазые многоэтажки. На восток зато до самого горизонта открывалось. Савелия уже не было и следа: очень спешил домой. Зато показалось что-то другое. Какие-то жучки еле заметно копошились на дороге в далекой дали. Жаль, сталкер свой винторез забрал. Люди, что ли?

Пока спускался, думал: а где вы раньше-то были, люди?

Почему же вы до нас никогда не добирались?

С радио, допустим, так: вот красные поставили эти вышки, чтобы, ну, никто в метро не мог связаться с другими городами. И радио, хорошо, пустое. Но если есть еще места живые, обитаемые — неужели из них никто не пытался до Москвы доехать? Нет ведь людей из этих других мест в метро, ни Артем их никогда не встречал, ни кто еще из знакомых. Как это?

Мы-то про вас ничего не знали. Нам уши заткнули, завязали глаза, загнали нас под землю. Сказали: где родился, там и пригодился. А вам на нас, что, плевать было?

Спрыгнул здоровым коленом вперед на пыльную землю, зашаркал торопливо к караулке у ворот. Гранат не найдется?

— Ну что? — крикнул ему Леха.

— Там на дороге кто-то! Из области идут! Глаз не спускай!

Иногородние там, интересно... Или, к примеру, разведка на форпост возвращается? Скоро выяснится. Уже скоро.

Почти доскакал до караулки — и вдруг ошарашило.

Экскаватор!

Такой машиной можно ведь наверняка свернуть мачты. Ковшом... Или тягой. Если он на ходу только...

Свернул от караулки в угол. Через продавленный гусеницами бурьян допрыгал до монстра — оранжевая краска облупилась, стеклянная кабина треснула, дверь не запирается, стрела ковшом уперлась в землю устало и понуро, будто пьяный лицом в матрас.

Работает?

Вскарabкался на гусеницу, забрался в кабину. На что это похоже?

Ни на что. Рулевого колеса нет, вместо него рычаги; на одном набалдашник — муха в стекле, на другом — железный череп. А нет, вот еще из пола педали; и кнопки рядом. Замок зажигания залеплен чем-то, зато торчат провода. Рассоединенные. Попробовать? Красный с красным, синий с синим.

Пользуетесь вы этой рухлядью или не пользуетесь? Ну?!

Соединил голые концы: что-то пробудилось внутри, дернуло железо конвульсией, задрожало. Пыхнуло черной гарью. Артем поставил неуверенно ногу на педаль. Хотел сдвинуться — но судорога, которая оживила было машину, прошла — и та стихла. Успокоилась. Издохла.

Это Артем неправильно что-то сделал? Стало жарко под противогазом: это не я сломал!

Посмотрел на колотые, треснутые приборы: топливная стрелка лижет ноль от жажды.

Все.

Опять стало слышно ветряки. По ушам, по ушам, по нервам.

Иллюминаторы в противогазе туманом затянуло: время выходит, решения нет, зря остался сам и апостолу разрешил остаться зря. Обошел экскаватор кругом, нашел, куда соляру лить. Крикнул туда: у!

Сука.

Поскакал, приволакивая ногу, к сторожке: может, там что-нибудь? Гранатомет?

Нет, конечно, никаких гранатометов. Есть два мертвых человека: один на пороге, ползет на улицу, другой в комнате, смотрит в потолок. Взрывчатки при себе ни тот, ни другой не держат: незачем. Прав был Савелий.

Ничего Артем с этими вышками не поделает.

Стояли, стоят и будут стоять. Вернутся «Уралы», люди без знаков различия застрелят двух потерянных идиотов, скинут их собакам зубы свинцом портить, поменяют предохранители, сростят разорванные провода, и антенны, которые могут достать до другого края земли, опять зашепчут хором, удавливая своим тихим шепотом любой крик.

И всем, кто привык уже к подземельной жизни, к пустому глобусу, и отвыкать не придется. Они даже услышать ничего не успеют. Моргнут глазом — а по радио уже снова передают любимую туберкулезную программу. Сверкнул мир и сгинул обратно. Опять они нормальные, а Артем шизанутый.

— Ну как? — крикнул с крыши Леха.

— Никак. Пока никак, — ответил Артем.

Пока.

Еще ведь не поздно уйти. Бросить это клятое место, спрятаться мимо несущихся «Уралов», притвориться высохшим пассажиром ржавой машины, обочинной-обочинной доползти до Москвы, и там как-нибудь... Что-нибудь. Еще три недели. Или две.

Обратно в радиоцентр. Опять мимо пультавой, еще раз по комнатам, шваркая дверьми, пиная шкафы и стулья. Где?! Где тут хоть что-нибудь?! Как тебя, тварь, уничтожить?! Как истребить?! Радист немой под ногами мешался — Артем оттащил его бешено в сторону, тот назло наследил.

Снова на улицу. Где не посмотрел? Обежал центр сзади, прошерстил кусты, причесал бурьян. Потом назад, к сторожке обесточенной. Привет, привет. Телевизор обморочный показывает серое зазеркалье, а в зазеркалье все то же самое, только кривей и глупее. Было бы электричество, хоть периметр можно было бы наблюдать. Было бы электричество, можно было бы...

Поковылял к трансформаторной.

Распахнул дверь пошире, подпер ее, чтобы ветром скрипучим не захлопывало. Погорячился, прости. Нельзя поправить тут, а? Было бы электричество, можно было... Единственное, видно, уже, что можно...

На всех волнах...

Вы же на всех волнах шепчете, да? Так вы работаете, суки?

На всех волнах — и на коротких, и на средних, и на длинных даже, наверное, вместо слов, вместо музыки и позывных — шипите, слепите. Если вас снести нельзя — можно вас научить разговаривать?

Пальцы в толстой резине неуклюжие, тень, как не своя — свет не пускает, мешает видеть, окуляры запотели и уже текут. Что он тут сломал? Стал связывать лопнувшие проводки, предохранители на место защелкивать, убеждать их.

Ничего. Нет света. Ветряки ноют, а света нет.

— Лех! Леха! — выскочил во двор. — Ты в электричестве сечешь?

— А что?

— Спустишь на сек, глянь!

Через две долгих минуты только вошел.

— Это ты так? Вандаъ.

— Разбираешься?

— Ну так. Хотите стать эйектыком. Хйэбное деъо. Тойко хеъа-то ысого кто даст. Там тоже своя мафия.

Артем выглянул наружу, втиснулся лицом меж прутьев на воротах. На дороге никого; не успели еще эти жуки доползти сюда? Пропустили поворот?

Первоапостол все возился с щитком. Переставлял предохранители, бурчал себе что-то под нос. Лампочка под потолком болталась дохлая, ничего в ее колбе не было.

— Ладно, слышишь? Брось. Забудь. Не твое это. Пошли домой.

А сам посмотрел тоскливо на серо-серый забор, составленный из бетонных угольников, и понял: отсюда нет дороги домой. Потому через него так легко было перелезть, что это ловушка. Внутри легко попасть, а обратно не выбраться. Капкан. Будет вокруг приманки юлить, зачарованный, пока пружина не соскочит и не разрубит ему хребет.

— А что мое? — спросил Леха. — Говном по десять пьюек пожизненно торговать? Свахи, свет загоаживаешь!

— Скотина ты, — сказал ему Артем. — Я тебя в апостолы произвел, а ты ругаешься.

— Ты смешной, да? Давай, лучше я тебя в апостохи? Мне мама, между прочим, бойшое будущее пьюочища.

Леха подцепил что-то ногтем, щелкнул.

И стал свет.

Сердце подпрыгнуло. Артем сграбастал Леху, стиснул его, что было сил.

— Все! Ты у нас спаситель, ты, а не я! Смотри за дорогой!

Захромал мимо скрипа в радиоцентр: в буферной зоне лампочка горит! Ворвался в пультовую. Оседлал стул с колесиками. Научите понимать по-собачьи! Что тут на кнопках? Заставил себя выдохнуть, проморгался, пошел по надписям системно, сверху вниз и справа налево. Нашел тумблер: «ген.пом. УКВ», расшифровал: «генератор помех», перевел сверху вниз. Другие: «КВ», «ДВ», частоты разные, разбросаны по самодельному пульта, как придется. Нахлобучил наушники, пощелкал по частотам: очистились от шипения?

Изгнал змей из всех волн... Так? Кажется.

Теперь что?

Мачты железным лесом росли за окном; каждая была в проволочных лианах, опутывала ими свой диапазон, высасывала из него соки. Поэтому их тут было столько: чтобы глушить одновременно все далекие голоса.

Значит, можно и своим голосом их заменить?

Пальцы-глаза снова зашарили по клавишам. Включить вещание на УКВ-КВ-СВ-ЛВ...

Артем притронулся к микрофону на наушниках. Пригнул его ко рту: слушай меня. Проследил пальцами, куда шнур ныряет, нашел на пульте клавишу с лампочкой. Вдавил, поперхал себе в уши.

В уши всей планете прокашлялся.

Замер. Стажил противогаз: нужно, чтобы они четко Артема слышали — все они. Каждое его слово. Облизнул растрескавшиеся губы.

— Тут Москва. Вы слышите меня? Петербург? Владивосток? Воронеж? Новосибирск? Слышите? Это Москва! Мы живы! Не знаю, слышали ли вы нас раньше... Мы вас — нет. Мы думали, мы одни остались. Думали... Никого больше нет. Никого и ничего, понимаете? Как вам понять... Вы все это время друг с другом болтали... А мы тут... Господи, слава богу, что вы живы! Что вы есть. Что вы там... Песни поете. Как вы там? Мы вот... Все эти годы... Под землей. Боялись нос наружу показать. Думали, нам некуда идти, представляете? Не было радио. Не было сигналов. Какие-то бляди врубили глушилки тут... В Москве. В Балашихе. И спрятали вас от нас. Мы как глухие были. Как слепые. Сидели двадцать лет... Я — двадцать лет! — а мне всего двадцать шесть... Сидел под землей. Меня зовут Артем. В подвале. В метро. Вы хоть искали нас? Я вот искал вас... Мы искали. Думали, что весь мир сгорел, вся земля... Что некуда идти, ползти отсюда... А искали все равно, надеялись. Вы как? У вас танцы... Как же к вам хочется. У вас там можно дышать без противогаза? У вас воздух какой? Мы ничего про вас не знаем. Двадцать лет одни просидели. Я даже не знаю, почему. Зачем. Не понимаю. Зачем мы тут... В темноте? В бетоне? Мы найдем, кто это с нами так. Мы сломаем эти блядские глушилки. Мы опять вместе будем. Это Москва. Мы с вами будем, со всем миром. Мы живые, понимаете? Вы живые — и мы! Тут родня ваша, может, есть. Нас сорок тысяч человек уцелело. А вас? Будем страной. Будем как раньше, наверху жить. Как люди. Я... Столько хотел вам сказать... Сто раз придумывал, что скажу. И все забыл теперь. Хоть бы вы слышали меня. Я буду тут говорить, сколько получится. Потом меня отключат, наверное. Те, кто поставил эти глушилки. Кто вас от нас отрезал. Они вернуться. Мы попробуем тут держаться сколько-нибудь. Но нас двое всего, а их... Красных... Вы, главное, не подумайте, что вам кажется. Или что это все шутка. Это не шутка. Я настоящий. Меня Артем зовут. Меня если убьют, другие в Москве услышат, и выведут остальных. Ты тут, Москва? Ганза? Полис? Все, кто еще не забыл... Кто еще слушает? Я ведь не один такой. Нас обманывали. Нас всех обманывали. Давно уже можно было выходить из убежища. Ехать, идти, куда хочешь. Куда угодно! Париж вон... Даже. Или Екатеринбург. Красные от нас все спрятали. Для чего? Чтобы надежды не было? Я не знаю, для чего. Не могу понять. Мы просто... Мы просто можем теперь жить. Все подниматься наверх — и жить. Как раньше. Как люди. Как человеку положено. Жить! Слышите?! Вот: я не сошел с ума. Они есть — и Россия вся, и Европа, и Америка... Все есть! Слушайте сами! Они есть — и мы теперь есть тоже!

Он выключил режим передачи, пустил вместо себя города болтать, снял при тихшие наушники. Никому он это вещал или шептал кому-то? Не понять.

Хватит мычать.

Пусть сами послушают других. Землю пускай послушают.

* * *

— Артем! Тут люди пришли! Артем!

Артем схватил автомат, натянул маску, выковылял из буфера, ткнул стволом вихрящуюся на скрипучем ветре пыль.

У ворот за решеткой стояли трое.

Все трое руки тянули кверху: показывали, что не хотят драться. Противогазы — кустарные какие-то — у всех троих были сняты, спускались на лямках на грудь. Химзащита, тоже самодельная, не обвисла мешком, как армейская кондовая, а была подогнана ровно по фигуре. Двое молодых парней походили друг на друга, как братья. Третьим был могучий седобородый мужичина с длинными серыми волосами, собранными на затылке в пучок.

Парни переглядывались и улыбались.

— Все-таки есть! Есть, бать! Люди! Говорю тебе, что я слышал! — сказал один, довольно оглядываясь на старшего.

— Здравствуйте, — произнес тот спокойно, уверенно.

Артем ствол не опускал.

Смотрел на этих людей. Парни были румяные, подстриженные, обрезы самодельные положили на асфальт, руки у них были пустые; из-за решетки Артем мог сейчас одной очередью всех скосить.

Но пришлые этого будто вообще от него не ждали.

Молодые улыбались. Друг другу, Артему. Как кретины. Как нездешние. Их отец смотрел спокойно, ничего не боясь. Глаза у него были голубые, даже от возраста не выгоревшие. В левом ухе болталось серебряное кольцо.

— Кто такие? — прогундосил Артем в хобот.

— Это Москва уже? — спросил у него седобородый. — Мы в Москву идем.

— Это Балашиха. Вам что от нас надо?

— Ничего, — степенно ответил тот. — Мои пацаны вбили себе в голову, что в Москве остался кто-то живой. Что зовут, мол, на помощь. Вот — собрались, пришли.

— Откуда? Вы — откуда?

— Из Мурома.

— Мурома?

— Город есть такой. Между Владимиром и Нижним. Нижним Новгородом.

— Сколько километров? Отсюда?

— Триста километров. Приблизительно.

— Вы сюда триста километров шли? Пешком? Вы кто вообще?

— Я — Арсений, — произнес седобородый. — Это Игорь, это Михаил. Сыновья мои. Игорь — этот — уверяет меня, что поймал радиосигнал из Москвы. У нас-то считается, что вся Москва выжжена. Убедил брата. А вдвоем уже они — меня.

— Зачем?

— Как сказать... По радио, говорю же, на помощь звали. Искали, где еще люди выжили. А людей в беде бросать... Не по-христиански. Но вы, вижу, и без нас тут справляетесь. Чаю можно у вас? С дороги мы.

— Стойте, где стоите!

— Извините, — усмехнулся Арсений. — У вас тут режимный объект?

— У нас тут... — Артем оглянулся быстро на Леху; тот поднял руку — все под контролем. — У нас тут объект. На дороге машин не видели?

— Проехал пикап навстречу. Мы голосовали, но он пролетел на полной скорости.

— Голосовали?

— Рукой. Знаете? Чтобы он остановился. Хотели уточнить дорогу.

— Чтобы он остановился? — Артем выпустил смехок.

— Тут так не принято? Подвозить?

Артем помолчал, послушал сквозь ветряки: а не засада ли?

— Вы сюда шли триста километров, чтобы спасти каких-то незнакомых людей? Думаете, я поверю?

— Ладно. Можно и без чая. Пойдем-ка мы дальше, — определил Арсений.

— Не-не, па! Ну ты что? Куда?

— Игорь, — отвесил сыну Арсений. — Не спорь.

— Ну спроси хоть, что в Москве-то? Там-то есть реально кто живой? Или... Знаете, дядь, я радио балуюсь... И я вот правда ловил несколько раз. Такое: тут Москва. Ответьте, Петербург, там, Ростов. Это что было?

— Что это было, — повторил Артем.

Скользнул по ним взглядом. По их странной одежде, по задраным пустым рукам, по болтающимся противогазам: вместо иллюминаторов-окуляров — сплошное стекло. И увидел себя, отраженного. За решеткой. С резиновым лицом, с круглыми туманными глазами. Пьяного, раненого, наанальгиненного. Посмотрел сам себе в настороженное дуло.

Вспомнил черных почему-то. Тот день на наблюдательной площадке Останкинской башни. Почему вспомнил?

Верить или не верить.

— Подождите.

Вошел в сторожку, вдумчиво и неспешно нажал кнопку, которая открывала ворота. Услышал, как заскрежетало снаружи.

Их трое.

Они стояли там же, и рук не опускали. Ружья лежали на земле.

— Проходите.

Снова меж собой переглянулись.

— Пойдемте внутрь. Можете взять свое оружие. Я вам... Расскажу про Москву. И... там трупы. Не пугайтесь.

* * *

— Я и не жду, что вы поверите. Я бы не поверил. Я и сейчас говорю вслух, а сам не верю. Не могу понять. Знаю умом, а понять не могу.

— Круто! — Игорь или Михаил даже в ладоши хлопнул. — Вот это жизнь, вот это движ! А покажешь метро нам?! А то у нас там тухляк такой в Муроме, ваще ничего не происходит!

Артем не стал отвечать.

— И что же... — Арсений потянул себя за сережку. — Вы тут будете оставаться, пока вас не убьют?

— Нужно. Сколько можно продержаться — столько постараюсь. В общем... Вот вам про Москву. Они, может, не успели еще передать сигнал, когда мы их штурмовали. Но теперь точно все услышали. Скоро будут тут. Езжайте домой. Это не ваше дело. Потом... Когда-нибудь вернетесь. Если захотите. Когда тут все кончится. И по дороге не нужно.

Арсений не двинулся. Игорь с братом ерзали беспокойно на твердых стульях. Отец курил с Артемом, сыновья глядели на него завистливо, но просить не решались.

— Я домой не хочу, бать! — баском запротестовал Михаил или Игорь. — Давай останемся. Я бы помог.

— Смысла нет, — сказал Артем. — Сколько их там? Может, двадцать человек. Может, больше. И они уже готовы будут. Мы даже впятером не удержимся. А потом... Красная Линия. На ней тысячи людей живут. У нее армия. Армия настоящая.

— Останемся, па?

— Идите. Не надо. Идите, расскажете там у себя... В вашем Муроме. У вас правда можно без фильтра дышать на улице?

— Правда.

— И овощи... Растут? Нормально?

— От дождя закрываем их. Дожди опасные. Воду чистим. Но так — да. Помидоры. Огурцы.

— Помидоры это прекрасно.

— Странно слышать про коммунистов. Про фашистов. Какой-то прошлый век.

Артем пожал плечами. Думал сейчас: как он от порога еще, еще через решетку не угадал, что эти трое людей не могут быть разведчиками с форпоста? Они же вообще не похожи на людей из метро. Ничем. Как будто с Марса прилетели.

— А вы там... Во что верите?

— Мы в монастыре там живем, не в самом городе. У нас монастырь старый, красивый, на берегу реки. Свято-Троицкий. Настоящая крепость. Такая, знаешь, белая крепость с небесно-голубыми куполами. Поразительное место. Там нельзя в Бога не верить.

— А вообще — в себя, — гавкнул задорно Игорь или Михаил.

— Везет вам, — вкривь и вкось улыбнулся им Артем. — А у нас ни монастыря, ни себя. Ни хера не осталось.

Арсений закрутил окуроч в мятую банку из-под какой-то доисторической рыбы, поднялся с места.

— Это тебе надо говорить. Тебе надо людям все рассказывать, а ты теряешь время на нас. Иди.

— Я вас провожу.

— Не надо. Ты... Говори. А мы уж постараемся сделать так, чтобы ты говорил подольше.

* * *

— Едут! С вышки видно! Едут уже! Они?

Ветер устал, и скрип умолк. Тихо стало снаружи — ватно-тихо, как на Садовом. И в этой тишине только зудели совсем далеко пока еще высоким голосом как будто бы нестрашные моторы.

— Сколько их? — и, не дожидаясь ответа, Артем опять полез на небо сам.

Они мелькнули в просвете между многоэтажками — один, другой, третий — и пропали. Три грузовика точно, может, больше. Нет, еще! Еще два! Пять. Пять одинаковых. Ехали сюда от Москвы. Замызганные панельные дома прикрыли их, отсекали звук. Минут десять им, наверное, ехать.

Сколько в этих грузовиках? Пятьдесят человек влезут. На крышах пулеметы. И снайперы есть, наверное. Одновременно если на штурм пойдут... Никто из Артемова войска не успеет и глазом моргнуть. Всех положат. Всех — собакам.

Десять минут. Значит, надо спускаться. Начинать последний сеанс.

Все успеть сказать. Арсений с сыновьями и Леха купят ему немного времени, хорошие люди. Теперь — никакой посторонней болтовни.

Принимает его кто-нибудь или нет? Москва не ответила ни разу. Но ведь не нужно рации с обратной связью, чтобы слушать. Достаточно и приемника. Лишь бы слушали, пускай молчат.

Снова вроде вжикнуло вдалеке.

Артем повел ухом на звук. Прищурился...

С востока, из ничего, из России — гнала к форпосту точка: пыль столбом. Она дальше от поворота на радиоцентр была, чем грузовики, но мчала быстрой. Кто?!

Пора было уже не то что ползти вниз — спрыгивать! — но Артем не мог отпустить точку, пока она не подросла. Что-то... Серое? Серебристое! Не точка, а как автоматная пуля — вытянутая; универсал!

Савелий?

Ноги со спеху скользили по тонкой арматуре; анальгин со спиртом выдыхались уже, и не так просто стало шевелиться. Потерял несколько секунд. Хотел объяснить все Игорю-Михаилу, но понял: самому быстрее получится. Оба ждали во дворе — дерганные, испуганные и радостные.

— Давайте на второй! Из окон будете! — приказал он братьям. — Леха! Дорогу паси!

Открыл ворота, и вместо радиопередачи выбежал на шоссе. Их сейчас пятеро всего, и то Артем вещать будет; а если Савелий успеет, он один за двоих зачтется. Только к ним ли он возвращается? Что забыл?

Звенело в обоих ушах.

Грузовики сложились в один, как карточная колода. Мчали с включенным светом, не скрываясь.

Из противоположности им навстречу, как будто чтобы расшибиться о них, летел приземистый универсал.

Мясорубочные ножи остановились, дожидаясь, пока подвезут людей.

Артем махнул Савелию: давай, ждем! И обратно — в укрытие.

Рев «Уралов» уже был совсем отчетлив, когда визгнуло на шоссе тормозами: универсал-пуля первым пришел, с разгона ввинтился в поворот, и уже в закрывающиеся ворота успел.

Савелий все-таки.

Савелий!

— Я это... Решил отложить отпуск... — объяснил он уже из багажника, вытягивая баул с пулеметом. — Сейчас вот доработаем — тогда поеду.

Артему захотелось прямо обнять его, поцеловать в морщинистую шкуру.

— Херовое геройство, — сказал он Савелию вместо этого.

— Мы еще из их «КамАЗов» себе соляры нацедим! — подмигнул сталкер.

— Соляры, — повторил Артем. — Ты же на дизеле?

— На нем.

— Дай канистру!

— Че хоть?!

— Канистру дай! Дай! Соляры! Соляры дай!

Вырвал у Савелия пластиковую баклажку с мутью, поскакал с ней, посекундно оглядываясь на забор — где полезут? — там, где Артем перелезал? — к коматозному экскаватору.

Жри! — Артем ливанул в пересохшую экскаваторную глотку жидкой радуги из канистры. Хлебай! Тебе тоже хотелось, а? Хоть и с крошечными зубами, хоть и на крови. Надо убраться напоследок. Боевые сто грамм. Полез на гусеничный трак.

— Ты что?! — Савелий торчал рядом, внизу.

— Вывернуть к херам эти вышки! — Артем связал проводочки — осторожно и неслышно-молитвенно, как будто с миной разговаривал.

Грузовики ревели уже тут, на повороте. Потом заглохли. Высаживали десант?

Вжал педаль.

Давай! Дав-в-вай!

Экскаватор судорогой дернулся.

Всхрапнул. Встряхнулся. Заревел. Очнулся. Ожил. Ожил!!!

Рычаги тут. Впереди два, и по бокам от сиденья два еще. Один тронул — стрела вверх пошла. Другой — развернулась, и в забор зубами — хрррсь!

— Те два рычага! — заорал на него Савелий. — Впереди! Как на танке! Вылезь! Вылезь, балда! Дай я!

Вскарабкался в два присеста на трак, дал Артему пендаля, чтобы тот из кабины выметался. Вцепился в рычаги.

— В сторону! Размажу!

Развел руки в стороны — и экскаватор, пятьдесят он тонн или сколько, вдруг пошел кругом, как будто в танце закрутился, закружился на месте.

— Крррсота! Скучал по гусеницам! — загоготал Савелий. — Откуда начинаем?!

— С дальних! С дальних давай! Убирай его отсюда!

За бетоном, наверное, уже рассыпались люди без различий; может, уже разматывали крюки-кошки; а снайперы в ветках гнезда вили. Не успеешь за секунду — опоздаешь навсегда.

До центра донесся, забыв о колене. Все. Все.

Через ветви показалось: человеческие тени. Мимо ворот кто-то шмыгнул.

— Там радио! Там голос! Вызывают! — со второго крикнул Михаил-Игорь.

— Окружают! Вокруг расходятся! Стрелять?! — Леха с крыши.

Мимо окна пультовой медленно полз поднятый из мертвых экскаватор, окутанный гарью, заноса уже единственную свою, покрытую трупными пятнами, руку для удара.

— Вызываем! Срочно! — сдавленно, по-комариному звенели наушники.

Кому приспичило сейчас?!

Что же вы раньше-то все молчали, как в рот воды?

Дышать нечем. Артем рванул ручку, распахнул окно. Стал дышать сладким дымом; и теперь вот еще услышал: гнусавое, в мегафон:

— Приказываем! Немедленно! Покинуть! Здание! И! Сложить! Оружие! Обещаем! Сохранить! Жизнь! В противном! Случае!

— Ту! Дальнюю! — Артем махнул в окно.

Экскаватор загремел ржавыми костями, потащился, куда велено. Хватит ему сил? Радуги хватит?

— Артем! — собрав сил, пропищали наушники на столе. — Ты слышишь меня, Артем?!

Он поднял их слишком медленно — не хотелось сажать их себе на голову, за-
тыкать ими уши.

Стрекотнул на крыше пулемет... Для остратки? Или на штурм пошли?!

— Кто это?!

— Артем! Это я! Это Летяга! Летяга, Артем!

— Что?

— Летяга, Артем! Я! Вторая минус! Ну?! Я!

— Что ты? Ты слышал меня?! Ты слышал?! Красные глушили весь эфир! Я не сошел с ума! Весь мир! Мы одни под землей, идиоты! Я эти глушилки на хер сне-
су сейчас! Скажи Мельнику... Скажи ему... Что я...

— Постой! Ты слышишь меня? Стой, Артем, не надо... Подожди!

— Я не могу! Не могу ждать! Тут красные... Красные вокруг. Сейчас — штурм.
Нас замесят тут. Но мы успеем глушилки все к едреной...

— Нет! Не замесят! Мы можем... Мы договоримся! Не трогай ничего!

Пулемет зашелся опять в припадке, и грянуло еще внутри здания: со второго
этажа тоже палили.

— С кем?! С красными?! Договоритесь?!

— Это не красные! Не красные, Артем!

Ухнуло туго и могуче за окном. Еще. Проскрежетало громко дьявольски, как
поднимающийся железный занавес от горизонта до горизонта. Застонала трубно
усталая сталь. И неторопливо, величественно — завалилась подкошенная мач-
та — вдоль дома, вдоль чуть не всей территории; дрогнула земля.

— Поздно! Тут все уже! Все к ебням!

— Нет! Нельзя ломать! Я знаю! Мы знаем про глушилки! Это не то... Не то, что
ты думаешь! Я могу остановить этих! Я остановлю их! Не будет штурма! Просто
дождись меня, Артем! Дождись! Я все объясню!

Лязгнуло, застонало снова.

— Кто это?! Говори! Зачем?! — Артем сорвал наушники, высунулся в окно.

С забора свисал серый человек, распятый на колючке, хотел отвязаться, а из
рук уже вся сила ушла. Экскаватор завизжал и замахнулся опять.

— Прекратить огонь! Остановите! Штурм! Орден! Мельник! — пищал Летяга-
комар кому-то в сторону. — Артем! Артем! Они подождут! Ты тоже подожди! Я еду
уже! Слышишь?! Артем!

Пулемет успокоился. Отступили серые или это снайпер отыскал Леху?

Бомм! И еще один баобаб отпустил цементными корнями сохлую землю, а
верхушкой — облака, и стал мучительно, нехотя крениться.

Мы с тобой одной крови? Одной, Летяга? Если не с тобой, то с кем?!

— Стой! Стооооой!!! — Артем по пояс вылез наружу, чтобы Савелий его мог
заметить.

Дмитрий Глуховский

Экскаватор задумался. А мачта, все равно уже срубленная, стала мимо окна тяжело опускаться наземь. Артем выдохнул черный дым и поверил наушникам. Не сумел не поверить.

— Жду! Жду, Летяга!

* * *

— Вам сколько лет? — спросил у Артема Михаил.

Игорь — который чуть пониже, поизящней. Михаил — погрубей вылеплен, понебрежнее; и помедленней из-за лишнего тела. Наконец Артем стал отличать их.

— Двадцать шесть, — сказал Артем. — В марте было.

— Овен по гороскопу? — поинтересовался зачем-то Игорь.

— Без понятия. Тридцать первого числа. Еще денек — и родился бы первого апреля. В День дурака. Надо было посидеть, наверное.

— Овен. Упрямый.

— Двадцать — шеееесть? — Михаил поднял черные брови. — Вот, блин, не дал бы.

— А сколько бы дал?

— Не знаю. Сорокет?

— Спасибочки, бля.

— Не слушай дурачков, — Арсений выдернул из бороды волос. — Им все, что старше двадцати — уже сразу сорок.

— А вам-то самим сколько?

— Мне семнадцать.

— Мне девятнадцать.

— Странно, — поразмыслив, отметил Артем. — Вот вам двадцати еще нет, а вы оба наверху родились.

* * *

Удивился Артем, когда он остановился у ворот?

Удивился.

Тот самый бронированный внедорожник, который стегал его свинцом, гнал его по Тверской. Тот самый. Отошла тяжелая дверь, прыгнул в пыль Летяга: без маски.

— Я один! Впусти!

Внедорожник захлопнулся, сдал назад, к шоссе Энтузиастов, к ветрякам.

Артем посмотрел камеры, потом только приотворил Летяге. Тот потряс головой, надул щеки, скосил на Артема глаза. Обнял его.

— Херово ты выглядишь, брат.

— Работа на открытом воздухе.

— М-да. Работенка. Наделал делов.

— Я?!

— Старикан тебе выплет. Айда к радио.

Артем провел гостя внутрь. В коридоре ждали — Арсений с сыновьями. Леха с крыши смотрел в деревья, Савелий — в экскаваторе калачиком свернулся, чтобы снайперы не нашли. Обещали серые люди перемирие, а условий не назвали. Тревожно.

— Это кто? — подозрительно кивнул на пришлых Летяга.

— Люди. Люди это, брат. Из другого города живые люди. Из Мурома. Пришли нас с тобой спасать.

— Из Мурома? — спросил у Арсения Летяга. — Это север где-то?

— От Москвы — на восток, — ответил тот.

— А от кого спасать нас будешь, отец? — Летяга спросил. — От черта рогатого?

— Такого, как ты, разве что от самого себя, — улыбнулся ему Арсений.

— И где твой Мельник? — Артем мимо радиста двинулся в пультовую. — У меня уже у самого зудит...

На секунду только повернулся к Летяге спиной.

Запшикало торопливо.

Обернулся — на пшики, на иней по спине, на бульканье — а пришлые по полу раскиданы, все трое. И Летяга между ними уже как журавль переступает, добивает их каждого в голову сверху вниз.

Увидел Артема — и бросил «Стечкин» на пол. Поднял руки.

Полминуты всего — а он убил навсегда троих людей.

— Ты... Ты что... Зачем...

Автомат зацепился за химзу мушкой, руки тряслись, но Летяга был терпеливый человек — подождал, пока Артем на него нацелится толком.

— Люди... Из Мурома... К нам! Ты скотина!

— Тихо. Тихо, Артем. Не надо.

— Тварь! Ссучился! Ссучился?!

— Послушай. Успокойся. Все. Все.

— Что — все?! Что?! Ты их зачем?!

У Арсения и Игоря еще улыбки не прошли. Во лбу дыра, а губы смеются. Михаил был серьезный. Пол теперь весь был залит липким: нельзя не вступить.

— Это шпионы. У нас приказ, Артем.

— Какой?! У кого?! От кого?!

Дмитрий Глуховский

— Приказ. О демаскировке. О противодействии демаскировке, то есть. Мельник... Пускай объясняет.

— На колени встал! Руки за голову! Чтобы я видел! На коленях пошел! В пультовую! Сюда! Давай! Где твой Мельник?! Где он?!

— Дай... Вот я, вот. Ничего. Я ничего не делаю. Сейчас... Настроюсь. Все. Не волнуйся. Я тебя понимаю. Товарищ полковник?

— Наушники на стол. И отойди. В угол отойди.

— Артем? — засипело в динамике. — Артем, ты там?

— Что это?! Это все — что?! Говори, что это! Я до трех считаю, ясно тебе?! Старый ты... Что тут происходит?! Зачем эта крышка над Москвой?! Зачем от нас мир прятать?! Почему ты врал мне?! Зачем?! Ты гнида ты... Старая... Безногая... Зачем ты мне все это время — врал?!

— Это не крышка, Артем, — Мельник проглотил все, не подавился. — Это не крышка! Это щит!

— Щит?!

— Это щит, Артем. Эти глушилки не мир от Москвы прячут. Они Москву прячут от мира.

— Зачем?! Что вообще...

— Война не закончена, Артем. Не только мы выжили. Наши враги тоже. Америка. Европа. Запад. Сохранили арсенал. И они не добивают нас — только — только! — потому что уверены, что мы сдохли все, что тут больше ничего нет! Что все уничтожено. Если допустить демаскировку... Хоть каким-то образом... Радио, или проникновение... Если они разведуют как-то, а они хотят! Нас тут же — в порошок. Всех. Слышишь ты?! Нельзя эти глушилки! Не смей их трогать!

— Война кончилась сто лет как!

— Никогда она не кончалась, Артем. Никогда.

Глава 17

ВСЕ ПРАВИЛЬНО

В зеркале заднего вида остались: покинутый радиоцентр, десять уцелевших вышек, экскаватор с задранной рукой, так больше и не ударившей, судьбоносный поворот с шоссе Энтузиастов на Объездное шоссе, не три и не четыре — а шесть бронированных грузовиков с бамперами-клыками и пулеметами на крышах, цепь людей без различий и цепь заработавших под свежим ветром пропеллеров. Много всего было теперь позади, а как-то смогло уместиться в запыленный квадратик. Казалось громадным, а оказалось маленьким. Не влезли только: Арсений и двое его сыновей.

— А они что? — спросил Артем. — Их похоронить хотя бы.

— И без тебя приберут, — сказал Летяга. — И за мной, и за тобой. Проехали. Расслабься.

И еще собачий котлован не попал в зеркало.

Савелий и Леха сидели рядом, на просторном заднем сиденье. Артем, когда неприкосновенность себе покупал, им тоже взял на сдачу. Савельева японка пылила сзади, привязанная к внедорожнику, взятая в полон. Отказался бросать ее.

— Подозрительные типы, — поучаствовал Савелий. — Я их еще когда на трассе увидел, сразу подумал.

— Они из Мурома сюда пешком шли, — сказал Артем. — Там у них монастырь красивый, говорят. Белый с голубым.

— Говорят, что из Мурома, и говорят, что пешком, — поправил его Летяга. — Может, их вертолет за десять кэмэ отсюда высадил. Дали им легенду на отработку — и вперед. Все время кто-нибудь проникнуть пытается. Так и лезут, твари.

— А это они меня к рации позвали... — вслух подумал Артем. — Когда ты вызывал. Зачем им?

— Не знаю, — признался Летяга. — Но приказ у меня четкий.

— А у меня, между прочим, сразу в башке тренькнуло, — Савелий подвинулся поближе к разговору. — Вот я как услышал английский в приемнике, сразу: оп-па! Пиндосы-то не окоचурились! Мы тут, значит, думаем, что проутожили их до победного, а они песенки себе распевают. И я такой: а дальше че? Ведь не дадут же нам спокойно дышать! Они же ж только и мечтали — развалить нас! Колонизировать! Ротшильды эти, весь этот мировой пидарастический интернационал. И я вот сразу, ей-богу: а это не они ли нас так в метро по говну мордой возят?

Леха причмокнул беззубым ртом; что имел в виду? По дому соскучился?

— Ага, — из-за руля буркнул Нигматуллин. — Если бы. Будут они мараться. Они нас сразу ракетами, как только пронюхают. А перехватывать нам их чем? Ни хрена не осталось.

— Не, ну теперь-то ясно. Вы как объяснили, у меня сразу все на место щелкнулось! — цыкнул Савелий. — Все сошлось. Глушилки эти. А то я еду, блин, и думаю: ну как? Для чего? То, что Артемий там задвинул: Красная Линия, людей обманывают, заперли под землю — ну это же бред, так-то. Прости, конечно, брат. Смысл-то? Еду и понимаю: парень ты хороший, но чушь порешь. Сердце подсказывает: херота. Не может такого быть. Чтобы наши наших же за просто так. А вы когда объяснили — сердце такое: во. В точку. Я чувствовал ведь, сука, что слишком гладко все. Что столько лет нас не трогали. Что типа все выжили такие радостные. Теперь-то ясно, что. А, Артем?

— Да.

Проехали МКАД: одним направо в мертвую пробку, другим налево — но все туда же, а им обратно в Москву — жить-доживать, кому уж сколько.

Хороший был внедорожник: сиденья кожаные, броня в палец толщиной, аппаратура еще какая-то. Мотор уютно урчал, Нигматуллин вел цепко, мумии мелькали так быстро, как кадры в кино, как один человек.

— Хорошая машина, — сказал Артем. — Не знал, что у нас есть такие.

— Теперь вот есть.

Артем пожевал щеку — вместо того, чтобы все остальное у Летяги спросить. Не хотелось при людях. Потом не выдержал все-таки.

— А я ведь уже видывал эту машину. На Охотном ряду.

— В курсе.

— Думал, там и останусь лежать.

— Но не остался же.

— Почему?

— Узнали тебя. Свой ведь. Как мы своего?

— А если бы не узнали? Если бы я в противогазе был?

— Тогда бы... Не хер с рацией шляться. Глушилки тоже не весь сигнал перебить могут. Входящие все гасят, а исходящие не всегда. Приходится вручную работать.

— А как ищите?

— Ищем, — Летяга похлопал по приборам. — Тут пеленгатор есть. Хорошая машина.

Савелий поерзал: что-то осталось у него на душе неразрешенное.

— А че людям-то не сказать? Не было бы таких накладок... Как мы напортачили.

— Чтобы паники не было, — сказал Летяга. — А потом... У кого родственники там, у кого сям... Москва же. Начнут распозлаться. И тогда — точно демаскировка. Даже в Ордене не все знают.

— Не все, — кивнул Артем.

— Ну и у меня, может, родственники, — отозвался Савелий. — Но раз такая тема! Чтобы мы этим гнидам еще и вазелинчиком сами помазались?

Нигматуллин за рулем поддержал его нечленораздельно.

— Ты не злись на старика, — обернулся к Артему Летяга с переднего сиденья. — Ну, не рассказал. Я-то сам всего год назад узнал. Он собирался, наверное.

— Наверное.

— Ты все правильно сделал, братик, — сказал Летяга. — Что с нами уехал. Точно. Все хорошо будет.

— И вы так всю Москву пасете? — спросил Артем. — Всех пеленгуете?

— Мы. Мы, Орден. Мы пасем, а не вы. Мы пеленгуем.

— А я вот каждый день наверх... На сорок шестой этаж... Каждый день — сеанс. И что?

— Что?

— Вы что, не слышали меня?

— И слышали, и видели.

— Но я же де-мас-ки-ро-вал вас! Нас! Всех!

Летяга посмотрел на Нигматуллина. Потом обернулся к Артему. Глаза его косили.

— Мельник сказал — не трогать тебя.

— Почему?

— Ну ты ж вроде... Родственничек. Неудобно.

— Останови, — ответил Артем. — Тошнит.

Нигматуллин послушался. Дал Артему вывернуться наружу. Остались на обочине: паленая водка с крошеными зубами, целый мир живой и говорливый, и где-то на нем отмеченная белоснежная крепость с небесными куполами. Домой, в метро нельзя это в себе проносить было, видимо.

Теперь можно было поспать.

— Дозу хватанул? — подозрительно спросил Летяга его, сонного.

— Укачало, — сказал Артем.

* * *

Открыл глаза — а уже Москва. Катили по набережной. Вечерело.

Всего-то один день прошел. Бывают же такие дни.

Не узнавал Артем город в окне. Москва-то та же была, что и утром. А вот ему глаза новые вставили.

Странно ему было. Странно и глупо.

Все теперь невсамделишное стало вокруг: заброшенные дома — декорации, пустые дворцы — обманки, мертвецы в машинах — манекены. Глядел раньше себе в волшебную трубу, видел в ней прекрасный и щемящий мираж; черт дернул ее разобрать — а в руки выпала раскрашенная картонка и стеклянные разноцветные крошки. А о картонке — как мечтать?

Он пытался снова любить Москву и снова тосковать по ней — не мог. Она же розыгрыш. Она ведь вся — полый макет, и погибшие люди в ней — только макет людей, и горе их — выклеено из папье-маше. Все устроено так для зрителей: как будто бы для подземных, а на самом деле — для заокеанских.

Вот и сделал открытие. Вполне великое: всю Землю все-таки открыл, все материки разом. И бесполезное — за три недели ничего с этим знанием не сделать. Да и три ли недели осталось? Доза плюсуется, и сколько он там еще радио надышался? Может, две, а не три.

Проехали вдоль реки, мимо Кремля.

Кремль стоял целехонький, а тоже дохлым прикидывался.

Вспомнилось, как на Шиллеровской надзиратели на всякий случай разбивали мертвым людям арматурой головы, чтобы живого не похоронить. Доверяй, мол, но проверяй.

Что, прав Мельник? Что, стоит оно того?

Врут людям, да: но ради их же спасения. Так?

Можно с этим как-то жить? Хоть бы и две недели?

У Мельника спросим.

* * *

На Боровицкой все прошли дезактивацию. Леху с Савелием забрали куда-то, обещали не обижать. Летяга повел Артема по темным переходам — на Арбатскую, к Мельнику. Артем не говорил: как будто зубы смолой склеило. Летяга на свистывал мучительно.

— Что там в Рейхе было? Как выбрался? — когда песенка пошла на третий круг, спросил все-таки он.

— Мрак, — сказал Артем. — Думал, сдохну. Письмо этот отнял. Дитмар.

— Мы знаем.

— Видишь, — не глядя на Летягу, пошутил Артем. — Вы все знаете. Только я, по ходу, не знаю ни хера.

— Прости, братик, — попросил тот. — Я правда хотел тебя достать оттуда. Но такой ахтунг начался. С красными, с Рейхом.

— Я так и подумал, — кивнул Артем.

— Я старику доложил. Он сказал, разберемся. Не злись на него.

— Я и не злюсь.

— Сейчас все решается. Людей не хватает. Я вот тебя сюда пригнал, а сам сразу на другую тему. У красных голодуха началась. Грибы все сгнили. Народ кордоны сносит. Им теперь эта война — последний способ голодных утихомирить. Может на Ганзу перекинуться. И на всех вообще. Их сдержать надо. А кроме нас, опять некому. Назревает последний и решительный.

— Видишь, грибы-то... Какими важными оказались, — сказал Артем.

— Оказались, — Летяга согласился; посвистел еще.

— Что Мельник?

— Сказано было доставить тебя в целости и сохранности, и все капризы выполнять, — ответил Летяга.

— Ясно.

— Я человек маленький. Я, братик, сам не хочу заглядывать туда, куда меня не просили. Каждый должен своим делом заниматься, я считаю. А в чужие не лезть. Я кто такой, чтобы решать? Ты меня понимаешь?

Артем посмотрел на него наконец. Внимательно — чтобы действительно понять.

— Не такой уж ты и маленький, вообще-то, — сообщил он.

* * *

— Артем! — полковник выехал из-за своего стола ему навстречу.

Артем стоял немой: все его заготовленные речи скисли во рту, как свиное молоко, свернулись; он их сплюнул еще до того, как войти в кабинет, а на языке все равно осталась горькая сыворотка.

— Послушай, — сказал ему Мельник.

Артем слушал. И катал глаза по кабинету. Стол, бумагами заваленный. Карты на стенах; есть там глушилки? Линии обороны Москвы? Настенный перечень пациентов, убитых, когда красные бункер штурмовали. Куда их души делись — Десятого, Ульмана, всей компании? Может, в этой бумажке и сидят, дышат спиртом из ополовиненного стопаря. Пьяные в хлам, наверное, с пятидесяти граммов оба взвода: душе-то много не надо.

Дмитрий Глуховский

— Мы это дело замнем, — произнес Мельник. — Я договорюсь. Это моя вина. Это я тебя не предупредил.

— Это ведь правда не красные? — спросил Артем. — На грузовиках? В радиоцентре?

— Нет.

— Но это и не наши? Я ведь не наших убивал?

— Нет, Артем.

— Кто это? Чьи это люди были?

Мельник посомневался: мол, а нужна ли парню правда? Что ему с ней делать-то?

— Облучился, что ли? — он подъехал к Артему поближе; остановился так, чтобы свет самому себе не загораживать.

— Чьи это были бойцы?

— Ганза. Это люди Ганзы.

— Ганза? А ветряки... Кто построил ветряки? Я слышал про политических, которых Красная Линия отправляла... Ссылала... С Бульвара Рокоссовского... С Лубянки... На строительство.

— Артем, — полковник одноруко чиркнул зажигалкой, раскурил папиросу. — Будешь?

— Да.

Угостился. Прикурил. Подышал полной грудью. Чуть резкость навел. Старшего по званию не перебивал, не помогал ему.

— Артем. Я понимаю, что тебе будет непросто принимать все на веру. Теперь. Но сам подумай — разве Красная Линия будет что-нибудь строить для Ганзы? Для своего заклятого врага?

— Нет.

— Правильно. Не будет. Все сами сделали. У них-то хватает... И рабочих, и техники.

— А тела в яме... Там котлован вырыт. Завален доверху. Это тогда кто?

Мельник покивал: знал про яму. А про собак знал?

— Шпионы. Диверсанты. Потенциальные шпионы и потенциальные диверсанты.

— Это Ганза от нас, ото всех... Ото всех... Все эти годы? Скрывала? Убрала, стерла! всю землю?

— Чтобы спасти Москву.

— А что же они... Что же Запад, американцы... Почему другие-то города они не бомбят? Вот же, я сам слышал! Питер! Владик! Екат! Все есть! Все там... Балаболят что-то... Мирное. По-русски! Все есть! Страна есть! Одних нас нет? Как там-то война? Идет?

— Там... А что ты знаешь про «там»? Ты полчаса эфир послушал. Это радио-игра все, Артем. Тебе откуда знать, где наши, а где наймиты? Где диверсанты их? Что вообще теперь наше, кроме метро? Ничего! Только метро у нас осталось! Где там живая жизнь? Рассадили спецов, как пауков в паутине. «Тут Владивосток, да-вайте к нам. Тут Петербург, идите сюда!» А кто сходится к ним из деревень — они на месте их сразу. В лобешник. Никакой нет России! Все, как мы боялись, случилось. Разбомбили, раздробили, захватили. Если мы тут не выстоим. Если дадим им понять, что выжили. Мы — следующие тогда. У нас одно спасение, Артем. Мертвяками прикидываться. И копить силы. Чтобы вернуться.

— А если к нам просто идут? Наши? Так же, из деревень? Не диверсанты, а наши? Люди? Русские? Настоящие?!

— Военное время, Артем. Нет возможности со всеми разбираться. Враги, и точка.

— А если они не с востока пойдут, а с запада?

— Все основные направления прикрыты.

— А глушилки?..

— Это не единственная станция.

— Значит, я бы все равно ничего не... Ничего бы не добился?

— Ты бы и не успел, Артем. Хорошо, что Летяга тебя оттуда вытащил. Если бы ты завалил еще хотя бы одну вышку, я бы уже не смог с ними договориться. У них вообще был приказ — пленных не брать.

Артем втянул дыма, поймал расплзающиеся слова, построил их строем.

— Вы же следили за мной? Когда я на «Триколор» поднимался? На высоту? Полковник дернул ртом: Летяга проболтался.

— Знали.

— Почему не заткнули?

— Потому что. Ты — наш. Хоть я и... Что я там тебе говорил.

— А вы — вы сами когда узнали? Как?

— Ввели в курс. Некоторое время назад.

Артем затыкнулся. Сел на пол, спиной к стене: стула не было. Теперь Мельник на своей каталке был его даже выше. Ведь он вообще-то выше Артема должен был быть. Раньше был выше, пока у него ноги были вместо колес.

— Знаете, Святослав Константинович... В нашем последнем разговоре. Вы очень убедительно мне тогда доказали, что я шизоид.

— Я сделал это, чтобы тебя уберечь. Чтобы ты не натворил... Всего, что ты натворил.

— А почему нельзя было просто объяснить? Или я шизоид все-таки? А?

— Артем.

— Вы скажите. Шизоид или нет? Скажите просто.

— Послушай. Твоя история с черными. Твоя эта убежденность, что ты мог спасти мир. Что был ими избран. Что из-за тебя человечество погибнет. Как тебе сказать... Как тебе такое сказать — просто?

Вся эта его история с черными. Вся эта его история. Вся.

— Это все не имело значения, да? То, что мы их ракетами... Это ничего не изменило, да? Мы никогда и не были тут, в Москве, последними людьми на земле. А черные никогда не были нашей единственной надеждой. Я их не спас, потому что... потому что потому — а ничего страшного-то и не случилось. Мир-то как жил, так и живет. А спас бы — ну, было б кого в зоопарке показывать. Ангелы они там или нет — по херам совершенно. Не чудо, а так, курьез. Самому смешно. Смешно, какой я глупый мудака, да, Святослав Константинович?

— Нет.

— Смешно-о-о, — возразил Артем.

Непросто было петь, непросто гласные произносить: как будто зоб мешал.

— Я и пытался тебе объяснить. Я же тебе говорил, что ты слишком циклишься на них. А рассекретить щит, учитывая твоё состояние, я не имел права.

— Мое состояние, — повторил Артем. — Да. Действительно, шизоид. Сначала думал, что спасаю мир, потом думал, что его загубил. Мания величия.

— Ты просто не был достаточно информирован. Тебе пришлось допридумывать. А вот сейчас я говорю с тобой и убеждаюсь, что ты совершенно трезво рассуждаешь. Это не твоя вина.

А чья? Артем заглянул в угляющийся конец папиросы, как в дуло. Было похоже на карманный самокрутный ад. Всегда с собой.

— Мне очень многое пришлось допридумывать, — подтвердил он.

— Если ты думаешь, что мне это все легко далось...

— Я не думаю. Я просто идиотом был. Я все вообще для чего это? Я думал, Аню, раньше... Вас, думал... Ребят... Отчима. Наверх. Чтобы жили... В городе. Вместе. В домах. Думал. Представлял. Да хоть в монастыре этом... Все вместе. Или поехать... По железной дороге. Посмотреть страну, землю. Это была мечта. Если бы мир остался, я так думал. Вот тогда я бы что... А все знали. Думаете, нужно людям врать? Почему не сказать им? Пусть сами выбирают, кому что... Если хотят идти — пускай идут!

— Ты опять, как дурак начинаешь... — насупил Мельник. — Выйдут они за Москву. И что? Их там перещелкают по одному! Всех! Мы пока вместе. Метро — наша крепость. Крепость, которую осадили враги. Мы все — не только Орден, а все люди — гарнизон. И мы не навсегда тут. Мы копим силы для удара. Для контратаки. Ясно? Мы выйдем отсюда. Но не чтобы сдаться! Не с белым флагом! Не сбежим! Мы отсюда выйдем, чтобы забрать у них наше! Мы свою землю отвоевать должны! Ясно или нет?! А сейчас тебя там никто не ждет!

— Меня и здесь не ждет никто.

— Неправда. Я тебя сюда не поплакаться звал. И вытаскивал я оттуда тебя не для этого.

— А для чего?

Мельник откатился к своему столу-дзоту, дернул на себя ящик, пошерудил в нем, хмурясь, достал что-то.

— Вот.

Доехал до Артема сам, протянул ему кулак. Разжал медленно. Не театрально, а словно борясь сам с собой. На ладони лежал жетон. С одной стороны было выгравировано «Если не мы, то кто?». Артем взял его. Облизнул сухие губы, перевернул. «Черный Артем»: имя мама дала, фамилию сам придумал. Его жетон. Тот самый, который Мельник год назад у него отобрал.

— Бери.

— Это... Что?

— Я хочу, чтобы ты вернулся, Артем. Я все обдумал и хочу, чтобы ты вернулся в Орден.

Артем тупо разглядывал свою фамилию: бессмысленную, ничего больше не значащую. Была она — покаяние, был жгущий крест, напоминание самому себе о себе самом. А теперь что? Не его вина, проехали. Погладил пальцем черненую канавку букв. В ушах стучало.

— За что? За то, что я Москву демаскировал?

— Я тебя им не сдам, — ответил ему Мельник. — Ты наш человек. Подавятся. Артем докурил: остановился там, где курево пальцы обожгло. Им.

— А вам я зачем?

— Сейчас каждый на счету. Красных надо остановить. Любой ценой. С фашистами разобраться. Последний шанс остановить войну, Артем. Иначе тут радиосигналов никаких не будет не из-за глушилок... А из-за нас самих. Сами сделаем за Запад всю работу. Им даже удивиться не придется. Понимаешь?

— Понимаю.

— Ну! Ты с нами или нет? Я бы вот подлатал тебя только — и в строй!

— А что с мужиками моими? Савелий, Леха. Их вы что?

— Возьмем на воспитание. Раз ты им допуск к гостайне оформил.

— В Орден?

— В Орден. Насколько я понимаю, вы втроем радиоцентр взяли. Хорошая рекомендация.

Все? Провел по черепу рукой; Сашенька обривала.

— Облучился, — сказал Мельник утвердительно. — Давай-ка мы положим тебя в больничку. Полежишь, посмотрим, что и как. А потом...

— Святослав Константинович. Разрешите вопрос. А что в конверте было?

— В конверте?

— В конверте, который мы должны были передать в Рейх.

Дмитрий Глуховский

— А, — Мельник нахмурился, припоминая. — Ультиматум. Ультиматум от Ордена. Требование немедленно прекратить операцию и отвести все силы.

— И все?

Полковник развернулся на месте. Чадающая самокрутка в его зубах выписала круг, устроила дымовую завесу. Выдавил:

— Ультиматум от Ордена и Ганзы. Наш с ними. Общий. Точка. Тебя ждут, Артем.

Артем расправил шнурок, просунул в петлю голову, опустил жетон, спрятал его под рубаху.

— Благодарю за доверие.

Сам думал — а почему не его убили в бункере? Летяга виноват? Если бы тогда прострочили Артема красной строчкой, лучше это было бы для него или хуже? Хорошо ему от того, что он узнал? Ради чего он теперь облученный дохнет? Был бы с пацанами вот тут, у Мельника в кабинете. Был бы буквами на листе, всегда пьяный и всегда веселый.

— Мы еще повоюем! — пообещал полковник. — Вот только тебя...

— Не надо меня класть никуда. Я и так все про себя знаю. У ребят сегодня намечается что-то?

— Что намечается?

— Летяга сказал. Операция. Против красных. Людей не хватает, сказал. Мельник покачал головой.

— Ты с ног валишься, Артем! Какое тебе? Иди, отдохни, с человеком там... Пообщайся.

— Я с ними. Во сколько?

— Зачем? Вот куда? — Мельник отшвырнул окурок на пол. — Что же тебе на жопе не сидится-то?!

— Очень хочется сделать что-нибудь, — проговорил Артем, пропуская слово «напоследок». — Не провалиться, а наконец что-нибудь осмысленное сделать.

* * *

— Похоже на комнату свиданий.

— Хочешь, пройдемся.

— Хочу.

Она толкнула дверь, вышла первой, Артем следом.

Арбатская была как царские палаты, как Россия мечты: напыщенная, бело-золотая и бесконечная. Тут было, куда идти — в точку.

— Что с тобой случилось?

— Ничего. Дозу схватил. Если ты про прическу.

- Я вообще.
- Вообще? Вообще... А ты знала? Про радио?
- Нет.
- Он тебе никогда раньше не рассказывал?
- Нет, Артем. Он мне до сих пор не рассказывал об этом никогда.
- Понятно. Ну вот, значит. Добавить нечего.
- Тебе нечего добавить?
- А что тут можно еще сказать? Я нашел, что искал. Все.

Люди оборачивались на них. На нее. Все эти генштабовые ископаемые, бумажные вояки с Арбатской хрустели своими окаменелостями, всем торсом поворачивались, если багровые складчатые шеи не могли повернуть. Она ведь была красивая, Аня. Высокая, легкая, надменная. Стрижка ее под мальчика. Брови лихо вычерченные. Вразлет. И тут еще вдруг в платье.

– Значит, ты теперь вернешься?

Ровно так произнесла это; как будто изнутри она такая же, как снаружи. Как будто лицо у нее из фарфора, а в спине заводной ключ.

У Артема спина взопрела.

Есть какие-то вещи, которых научаешься не бояться. А вот от разговоров таких он не успел привыкнуть. Шагал и про себя считал молчаливые шаги; и заодно получался счетчик неловкости, трусости и несчастья.

– Твой отец вот предлагает. Жетон обратно отдал.

– Я про нас.

– Ну... Если я приму его предложение... А я принял. То мне будет... Некуда... Не на ВДНХ же. Я буду тут. Казарма. Сегодня вот операция какая-то, меня посылают. И...

– При чем тут это. Хватит.

– Слушай. Я не... Не вижу. Как. Как мы бы снова.

– Я хочу, чтобы ты вернулся.

Она все так – спокойно, твердо, негромко. Лицо безмятежное. Негде на станции Арбатская поговорить двум людям. Среди чужих людей лучше, чем через стенку от своих. Толпа глушит сигнал, в толпе по душам можно.

– У нас не получилось. Аня. У нас с тобой не вышло.

– У нас не получалось. И что?

– И все.

– И все? Ты сдался?

– Нет. Дело не в этом.

– Значит, ты и не хотел? Ты просто сбежал? Воспользовался идиотским поводом и сбежал.

– Я...

— Я говорю тебе: ты мне нужен. Ты мне нужен, Артем. Ты понимаешь, чего мне это стоит? Мне? Чего — мне — стоит — такое — сказать?

— Это не склеить.

— Чего не склеить?

— Нашей с тобой истории. В ней все неправильно случилось. То, это... Все. Слишком много ошибок.

— И ты просто удираешь. Слишком много ошибок, я, пожалуй, пойду. Так?

— Не так.

— Так. А я, наверное, должна была подумать: а, ну если он уходит, то и ладушки. Тут уже ничего не склеить, кажется. Так же?

— Не так! Что ты... Я не собираюсь об этом при людях говорить.

— Да? Так ты же меня сам вывел прогуляться. Ты же стратег.

— Хватит.

— Или вот как. Я же гордячка, ты знаешь, я тебе это и сама говорила. И ты, наверное, решил — ну не будет же она унижаться, если я просто сбегу от нее, не попрощавшись? Да она скорее удавится, чем приползет выяснять, почему я ее бросил.

— Я тебя не бросал!

— Ты удрал.

— Аня. Ну ты, правда, зачем все это? Что ты как баба-то?

— Ты же не баба, Ань. Ты же мужик! Ты же братик мой по оружию! Ты же Лягтя с сиськами!

— Пожалуйста.

— Говори. Говори мне: у нас все кончено, Аня. В лицо мне говори, хватит канючить. И объясняй, почему.

— Потому что у нас все равно ничего не выйдет. Потому что все было не так.

— Зато ты как баба. Ты можешь конкретней? Что не так? Что мой отец был твоим командиром? Что он был против нашего брака? Что ты комплексовал? Что ты в него был влюблен больше, чем в меня? Что он считал тебя сумасшедшим? Что ты все время себя с ним сравнивал? Что он был настоящий герой и спаситель родины? Что ты хотел сначала им стать? Что не мог просто быть со мной?

— Замолчи.

— Почему? Ты же не можешь все это вслух сказать. Давай, я за тебя. Кто-то же должен.

— Потому что я тебя не люблю. Потому что я тебя разлюбил. Потому что — да, я не знал, как тебе это сказать.

— Потому что ты меня боишься.

— Нет!

— Потому что ты боишься моего отца.

— Да иди ты! Иди ты на хер просто! И все!

– Люди на тебя оборачиваются. Неловкость.

– У меня есть другая.

– А, так вот что ты нашел. Искал и нашел. Ну и сказал бы. Аня, сказал бы ты, я просто не там искал. Наверху вот не было никого, а внизу за неделю нашлось.

– Давай. Упражняйся. Ты на мне весь год проупражнялась. Ты же не верила мне никогда, ни мне, ни в меня. Как и папашка твой. Он меня тоже шизанутым называл. До сегодняшнего дня. Вся в него!

– Я на маму похожа.

– Ты похожа на папу.

Аня остановилась. Люди спотыкались о них, чертыхались, пялились на Анины стати, забывали досаду и бурлили себе дальше. Очень были заняты своими подземными делами, как будто ничего, кроме метро, в мире не было.

– Давай выпьем.

– Я бы... Я поспал бы. Перед операцией.

– Ты мне должен. Так что заткнись и пойдем.

Он и сам уже понял: должен. Должен именно перед этой операцией. Перед тем, как наконец сделать что-нибудь осмысленное. Ей должен больше, чем кому-либо другому.

Отыскали в переходе какой-то интеллигентский притон, опустили на набитые мешки, задержали занавеску. Как будто одни остались.

– Как ты здесь оказалась?

– Он за мной послал. Просил передать, что ты меня от себя освободил. Отличный способ расстаться: передать через отца и двух вооруженных кретинов.

– Я не хотел так...

– Мужественный ты человек, Артем. Уважаю.

– Я говно, ладно, принято. Но теперь-то что?! Теперь ведь ты вернулась к своему идеальному папуле! А? Все! Ура! Зачем мне мозги жрать?!

– Ты кретин все же.

– Принято: говно и кретин.

– А ты не спрашивал себя, зачем я вообще за тобой на ВДНХ ушла? Что я в тебе нашла, себя не спрашивал? Там весь Орден, вся стая этих кобелей за мной по пятам ходила, герой на герою, все под хвостом понюхать норовили, слюни пускали. Включая, между прочим, и Хантера твоего! Почему ты?

– Спрашивал.

– А я, может, не хотела героя! Не нужен был мне психопат, не нужен муж, который человеку голову ножом отпиливает и даже не прищурится, когда кровь захлещет! Мне – не нужен! Не нужен такой муж, как мой отец! Понятно? Я хотела хорошего, доброго, нормального! Человека! Такого, как ты. Как ты был. Который изо всех сил старается людей не убивать. И чтобы дети от него родились такие. Добрые.

Дмитрий Глуховский

- Под землей такие мрут.
- Под землей любые мрут. И что? Не рожать?
- Не рожать, значит.
- Жить-то ты когда собирался? Со мной – жить?

Пили не чокаясь. Артем сделал долгий глоток. Пустой желудок сразу впитал. Подогрел кровь, крутанул глобус.

- Я не могу жить, Ань. Я больше не умею.
- А кто тогда?
- Отец тебе подберет кого-нибудь. Кого-нибудь достойного. Не шизанутого.
- Ты кретин? Ты слушаешь меня вообще? Или только себя? Кого мне отец подберет? Он меня до тринадцати лет сам в душе мыл! До тринадцати! Ты понимаешь?! Я от него – от него! – сбежала! К тебе! Чтобы жить нормально! Чтобы жить! А ты им хочешь стать! Им, Хантером, не знаю кем!

– Я не... Черт. Мне это надо слышать?

- А что? Боишься расчувствоваться? Боишься, что придется забирать меня?
- Нет. Да...
- Тогда еще послушай: что с моей мамой случилось?
- Умерла. Болела. Ты маленькой была.
- Отравилась паленой водкой. Пила, потому что он бил ее через день. Такое тебе как? А? Как тебе такой папа-герой?

– Аня.

– Иди к нему на службу. Папа тебя простил?

– Он же обожает тебя... Неужели он...

– Нет. Из мамы ему душу вынуть хватило. Меня папуля бережет. Обожает, да. Все, как я скажу, так и будет. Лишь бы на коленках у него сидела.

– Постой. Он... Он почему... Когда я в этом радиоцентре был... Когда меня должны были... Когда они там собирались штурмом брать... Ты... Ты где была? Тогда?

Аня допила залпом; глаза у нее были красные, никак не могущие заплакать, как и у Артема. Ресницы тушью сделала, вдруг сообразил он. Аня. Ресницы.

– Я ему так и сказала: если с моим что-нибудь случится... Ему это нужно напоминать время от времени.

Артем ухмыльнулся – хотел презрительно, но силы в лице не хватило.

– Эй! Еще!

– И мне.

– Вот зачем. Вот почему.

– За маму! – Аня подняла граненый стакан. – За маму, которая пила, потому что вышла за героя. Так что напрасно ты. Я на нее похожа, а не на него, Артем.

Он выдвинул в окоченелой руке свой стакан, ударил вяло и невыразительно стеклом о стекло.

— Она у меня была из Владивостока. Когда укладывала меня спать, про пляжи рассказывала. Про океан. Уложит — и к фляжечке. Я, знаешь, умела так — глаза прикрыть, как будто сплю, и через ресницы подглядывать. Как там Владивосток, отвечает?

— Отвечает.

* * *

— Ты как, нормально, братик? Температуры нет? Щеки что-то горят у тебя.

— Нормально.

— Уверен, что хочешь опять наверх тащиться?

— Уверен.

— В медпункте был?

— Был. Спину зеленкой помазали.

— Ладно. Вернемся с задания, я тебя на руках туда отнесу.

У Библиотеки под парами ждал тот самый внедорожник; а за ним — серый «Урал» с клыками. Савелий и Леха, под химзой обмундированные в орденский черный, переглянулись.

— Это... — сказал Артем.

— Там наши. Не парься. Эти нам просто технику подогнали. Откуда бы мы сами такое взяли?

— Действительно.

Стартовали с визгом, пошли кортежем к Новому Арбату. Артема Летяга взял к себе во внедорожник. Все оглядывался на него недовысказанно с переднего сиденья.

— Что за задание-то? — спросил Артем.

— На Комсомольской, — объяснил Летяга. — Увидишь.

Пронеслись по пустому Арбату; Артем и вспомнить ничего не успел. Куда, мелькнуло только, все твари живые из Москвы делись? Почему бежали? Стояла Москва каменная и такая пустая, как будто заметенный три тысячи лет назад песками Вавилон.

Домчали до Садового, повернули через смешные запрещающие линии на асфальте куда им было нужно, покатали мимо громад гостиниц без постояльцев, офисных центров без служащих; мимо остроконечного Министерства иностранных дел, колдовской Лысой горы.

— Какие теперь иностранные дела, интересно.

— Я не лезу, — Летяга смотрел вперед. — У всех своя работа.

— Но ведь кто-то слушает радио, а? Ну чтобы знать, как там люди вообще... Как там противник. Что он там замышляет. Коварное.

— А как? — возразил Летяга. — Глушилки же фигачат.

— Действительно, — потер резину лица Артем.

За МИДом нырнули в тесные переулки, встали у заброшенного особняка за высоченным забором. Посольство чего-то там. Болтался обрывок флага неизвестной страны, выстиранный злыми дождями до белого.

Погудели условным сигналом. Открылись бесшумные ворота, впуская кортеж во внутренний двор. Внутри облепили машины фигуры с орденскими нашивками, осмотрели, не подцепили ли гости кого. Артем вылез, увидел вроде знакомые глаза за стеклянными площадками.

— Это что?

Никто не объяснил. Отворились двери, фигуры потащили из особняка в грузовик зеленые цинки с трафаретными надписями — по два, по три, еще, и еще, и еще.

Ящики с патронами.

Работали споро, справились в минуту. Козырнули, подмахнули какой-то документ для неуместной отчетности, проводили за ворота, и опять стал особняк необитаемым.

— Куда столько? — спросил у Летяги Артем.

— На Комсомольскую, — повторил тот.

— Что там? Красная Линия с Ганзой пересекаются, — сам понял Артем. — Там фронт сейчас проходит? Ганза вступила уже в войну?

— Вступила.

— Мы что? Наши там уже? Мы за Ганзу впрягаемся, да? Мы, Орден?

— Впрягаемся.

Понятно было, что Летяге с Артемом откровенничать запретили: через бульдожь зубы цедил, но раз Артем все и сам угадывал, не подтверждать не мог.

— Там наши пацаны уже? Это им патроны? Они красных держат?

— Да.

— Это... Это же бункер повторяется, а? Да, братик? Опять мы и опять красные... И опять, если мы не сдержим, никто не сдержит.

— Может повториться, — нехотя признал Летяга.

— Хорошо, что мы туда едем, — вслух произнес Артем. — Правильное задание.

* * *

И уже ночью повторилось: Садовое кольцо, ржавые комки машин в свете фар, дома ущельем, полиэтиленовые пакеты по воздуху летят, окислившаяся луна облака чуть очерчивает; урчат моторы, клонит в сон. Мимо Цветного бульвара, по трамплинам эстакад, хитрыми переулками, тайными тропами, которые

покойникам не знакомы, по тряским трамвайным путям к привокзальной площади, к станции метро Комсомольская.

Три вокзала: от одного на восток поезда, до самого упора, до Аниного Владивостока, от другого — в Петербург, на север, от третьего — в Казань и дальше туда, в российское подбрюшье. Куда хочешь ездая, вот они, рельсы, за зданиями сразу начинаются. Ставь на них дрезину, налегай на рычаги, и кати, кати, сколько хватит сил, все чудеса света тебя ждут. Но нет — никуда не уедешь. Как же нет никакой крышки, Святослав Константинович? Вот она, крышечка.

Взобрались колесами на тротуар, подогнали машины к самым дверям павильонов.

— Сейчас быстро, — приказал Летяга. — Тут не наша земля.

Распахнули двери одновременно, рассыпались кольцом вокруг, надвинули на лбы приборы ночного видения: на чужой земле ночью все может случиться. Вереницей разгрузили цинки, Артем последним стоял, у деревянных треснувших дверей. Принимал ящики, ставил пирамидой. На душе было странно: спокойно. Видел себя за бруствером, сжимал в пальцах автоматную рукоять, ловил лбом пули. Хорошо было в бункере: все четко, все понятно. Очень хотелось в бункер опять. Вот эти все патроны истратить хотелось, до единого все. Или сколько там успеется.

Сейчас не нужно было ни попрощаться с Сашей, ни с Сухим замирился, ни Хантера увидеть. Нечего ему всем им сказать. Нет для них точек, пускай рвется все на запятой.

— За мной теперь!

Каждый взял по два цинка, впотьмах вступили с ними, как с детьми на руках, в полуобрушенный павильон; Летяга фонари включать запретил. По щербатому эскалатору стали опускаться, ночным видением ощупывая холодные контуры. И только снизу тепловые отблески полыхали красным на экране. Жар человеческих тел, которые землю изнутри пытались согреть.

И оттуда же, снизу — шло невнятное гудение; как стон улья. То снизу, а то словно и отовсюду сразу. Нельзя было осмотреться по сторонам — бежали по скользким ступеням цепочкой, страшно оступиться. Но из каких-то вентиляционных отверстий, что ли, или через тонкие стены — выло надсадно, ревело придуренно; вроде ветра в трубах, но в трубах запаянных; без надежды; и все громче было с каждым шагом вниз, и все жарче.

— Что это? — пропыхтел на бегу Леха.

— Красная Линия там. Что-то творится у них. Но нам туда не надо.

Остановились где-то.

— Теперь налево.

Побрели без теней вдоль стен; сполохами красными среди черноты. Утекающее через стенные щели тепло обозначало: где-то еще есть тут живое, греется,

дышит паром. Но навстречу никого не было. Может, секретный проход какой-нибудь? С тыла к врагу заходят? Засада тут? Почему не слышно боя? Не начался? Они в самый канун успели? Сколько патронов. С таким количеством можно месяц оборону держать. Где только их остальные орденские ждут? Поэтому нельзя фонари зажигать — чтобы своих не обнаружить?

— Теперь шагом.

В темноту впереди выставили красные фишки: человеческие фигурки. Понимались голоса — наложенные поверх гама из вентиляции. Жило и переливалось тепло в трубах на потолке — вытяжка? — и в сливных решетках под ногами. Рядом совсем были, кажется, большие помещения, в которых топились печи, горел свет и перешептывались о чем-то люди, но Артема и остальных орденских держали в мраке.

— Стой.

Встали под решетчатой жаровней в стене. Впереди маячили несколько багровых. Один больше похожий на быка, чем на человека, и пламенеющий яростно, дотла, а двое размазанных, нечетких, будто у них кровь стылая.

Из жаровни сочился разговор. Слова клеились, срастались обкушенными краями, трубное эхо меняло тембры разных голосов на один — жестяной, и не понять было, кто тут говорит с кем, будто кто-то с железной воронкой в гортани читал монолог.

— Все здесь? Да, уже на месте. Сколько? Ровно, как договаривались. Двадцать штук. Если точно, двадцать тысяч четыреста. Надеюсь, это решит нашу проблему. Нашу общую проблему. Должно решить. Всегда решало. Значит, по рукам? Спасибо за гибкость. Что вы. И, конечно, хотелось бы избежать подобных эксцессов в будущем. Вы прекрасно знаете, что ситуация просто вышла из-под контроля. Это не наша вина. Инициатива снизу. Вопрос управляемости. Наши договоренности всегда в силе. Вы сделаете что-нибудь, чтобы восстановить баланс? Уже. Ну, и отдельно хотелось бы про эти слухи. Знаете, брат на брата. Злые языки говорят, могла быть утечка. Что вы, что вы. Это не в наших интересах. Мы держимся за наши отношения. Что же. Можно забирать? Да, мы дадим распоряжение. Спасибо, Максим Петрович. Вам спасибо, Алексей Феликсович.

— Сюда!

— Шагом вперед, — скомандовал Летяга. — К этим трем.

Алексей Феликсович, Феликсович, Феликсович. Спасибо, Алексей Феликсович. Есть, Алексей Феликсович. Принято. У Артема зачесалась рука, предплечье. Там корки уже были, вместо наколки.

— Так, вы, кротяры, сюда живей! — рыкнули им из темноты. — Сдавай металлом!

Хриплый голос. Низкий, грудной.

Зажегся маленький фонарик. Стал скакать луч по низам, по зеленым ящикам, по трафаретным надписям, считая цинки.

— Раз. Два. Свободен, что стоишь? Циркулируем. Три, четыре. Все, сдал. Гуляй. Пять, шесть.

Очередь Артема подходила, уже колотилось сердце, первым узнав, уже голова раскалилась, а он все ждал своей очереди, чтобы изблизи, чтобы точно понять...

— Семь, восемь. Сюда ставь, сюда. Следующий. Девять, десять. Поставил — и гуляй.

Они сдавали кому-то эти патроны. Все двадцать цинков — они их сюда привезли не для того, чтобы орденские могли держать оборону. Все, что требовалось от них — доставить двадцать тысяч патронов и передать их кому-то. Вот и все задание.

— Одиннадцать, двенадцать.

Артем слышал: одиннадцать, двенадцать. Его уже очередь подходила. Одиннадцать. Это же кролики. Куда они побегут. Двенадцать. А сдохнешь снизу. Тринадцать, смиренные кролики, четырнадцать.

Он положил свои две коробки на пол. Неверной рукой потыкался в карманы, в разгрузку. Вытащил. Промаяхнул мимо кнопки.

— Следующий! Ты где там застрял?

Маленький фонарик вместо трафаретных букв залез Артему в глаза — так же, как револьверный ствол ему в ухо лез.

Тогда Артем поднял против него свой собственный фонарь — увесистый, длинный, в миллион свечей — и щелкнул выключателем.

В жестком миллионном луче видно было, что он усох, побледнел, сморщился, пока возвращался с того света — но вот он был тут, и стоял уверенно, широко расставив толстые ноги, одной пятерней хозяйски грабастая поднесенные ему зеленые цинки, а другой — закрывая себя от света. Отчаянно застреленный Артемом — и ничуть не убитый его сопляцкими пулями. В новой красноармейской форме, на заказ пошитой под его бычье туловище.

Глеб Иванович Свинолуп.

Глава 18

СЛУЖБА

— Ты какого хера творишь?!

Летяга врезал по фонарю, жирный луч сделал сальто, хлестнул по лишним лицам, обнаружил стены, пол, потолок — все тут, оказывается, имелось. Какой-то коридор, какая-то дверь, какие-то люди. Люди жмурятся, матерятся. Двое во вспышке проявились подле друг друга: знакомые будто Артему. Один — брыластый, лысеющий и машинкой остриженный по серебристым вискам, в офицерском бушлате. Другой — остроносый, под глазами мешки, волосы темные уложены, откуда бы его Артем знал, как во сне встречались...

Пока фонарь в угол укатывался, Артем успел ухватить автомат, а наставить на Свинолупа не успел — вцепились и в руки, и в автомат, и разорвали в разные стороны; погас свет; в черноте навалились на два вроде бы знакомых красных силуэта разные незнакомые, прикрывая тех собой от пуль.

— Это красные! — захрипел Артем. — Пусти! Мы красным патроны привезли! Это красные!!!

— Тихо. Тихо-тихо...

— Это что за говно у вас развыступалось? А?!

Ладонь в беспалой кожаной перчатке — Летягина — заткнула его, на вкус как ружейное масло, соляра, порох и старая кровь. Артем вцепился в нее зубами, задергался, закричал забитым ртом непонятно что. Зря грыз — у Летяги нервов нет. Сорвали прибор со лба, ослепло ночное видение.

— Не тьожь его! — Лехин голос, и Лехиного автомата перещелк. — Сава, наших бьют!

— Отпустили! Отпустили его! — это Савелий уже. — Всех положу сейчас!

— Дамир... Омега...

В черноте крякнуло, хныкнуло, забулькало передавленным горлом, полыхнула очередь — в потолок, захрипел кто-то, завывался, иступленно заголосил.

– Кончать? – прерывисто дыша, спросили в темноте.

– А у вас тоже не все гладко, – гыгыкнул невидимый Свинолуп. – А, спецура?

– Нет. Не сейчас. Сюда их, за мной, – Летягин бас.

– Полкан сказал, если будут чудить...

– Я в курсе, что полкан. За мной их!

– Это что было? – голос знакомый, не Свинолупов, а такой – усталый, ленивый; от этого голоса встает перед незрячими глазами бордель, занавески изнутри подсвеченные...

– Все, простите за накладочку. Забираем, уходим! – Летяга.

Стальные ручищи поволокли Артема по полу, товарищи его сзади засучили ногами, замычали – но орденские хорошо обучены, у них не вырвешься.

– Сюда их. Тут клади их. Все, сам разберусь. Поднимайтесь. А вы харей в пол!

– Полкан сказал, всех троих в расход, если че начнется.

– В какое в расход?! Озверели?! – Савелий очнулся.

– Дамирчик, я помню. Я справлюсь. Обыскали их? Пустые они?

– Пустые.

– Все. Давайте. Я быстро.

– Ладно, пацаны... – с растягом согласились, с сомнением. – Пошли. Летяга сам пусть. Его кореш.

Застучали каблуки, как будто удаляясь – но тоже с сомнением, с притворством. Вроде вверх, а вроде и в сторону. Промасленная кожа отпустила рот.

– Это Свинолуп! Это кагэбэ красное! Мы красным патроны! Красным – мы – патроны! Ты сечешь, что делаешь?!

– У меня приказ, братик, – мягко ответил Летяга. – Доставить. Кому, что – не мое дело.

– Красным! Красным! Патроны! Мы с тобой! Их! С ними! В бункере! Пацаны наши там! Десятый! Ульман! Шляпа! Красные их! Ты помнишь это?! Тебя чуть! Меня! Как мы? Как вы – им?!

– Сказано со склада забрать и сюда привезти. И передать.

– Ты врешь! – заорал, сорвался Артем. – Пиздишь, сука! Предатель! Мразь! Ты их! Ты меня! Ты их всех, убитых! Ты пацанов наших! Вы! Ты, и гнида эта старая! Всех предали! За что – они?! За что сдохли?! Чтобы мы – мы! Красным – оружие?! Патроны?!

– Тихо. Тихо! Это помощь! Это не патроны. У них голод. Они на эти патроны грибы будут покупать. У Ганзы. У Ганзы. У самих весь урожай сгнил.

– Я не верю тебе! Вам всем!

– Хеъотень какая-то, – в камень сказал Леха.

– Ты сам-то?! Сам веришь?! Ты?!

– Мое дело...

— А что — твое дело? Я не слышал, думаешь? Что тебе еще сказано... Сказано, убрать меня. Если я не схаваю это, да? Что значит — чудить? Я это схавать должен был? Что мы — мы! — патроны — красным?!

— Прости.

— Не прощу! Тебя — не прощу! Одной крови, сука. Ага. Ты! Ты-то — ты как теперь? Как ты веришь, Летяжка?! Во что?! Теперь?! Это все — для чего?! Для пайка?!

— Ты... Ты не.

— Давай! Ты же знаешь! Мне по херу уже. Я схохну все равно. Стреляй, говно. Выполняй, что сказано. Вторая, блядь, минус! Только моих отпусти. Этих. Они что? Им старик ничего не должен! Не за что рассчитывать!

Летяга молчал, сопел. Что-то металлическое напряглось рядом. Но было не проглядно, и смерти, которая уже совсем изготовилась, Артем не чувствовал.

— Ну?!

Вонючая кожа снова упихала все звуки обратно в Артема.

— Поднялись, оба, — шепотом приказал Летяга. — Прости, Артем.

Пшикнул пистолет над ухом.

Раз, два, три.

Ничего не изменилось.

Как отличить в кромешной темноте от смерти — жизнь?

А вот как — по вкусу крови и соляры, пороха и масла во рту. Живой.

— За руки взялись! — прошептал Летяга. — Кто отцепится — на месте шлепну.

Они не стали удирать от него вслепую, доверились Летяге в последний раз. Летягина пятерня повела Артема, заткнутого, куда-то, поспешно, и остальных за ним — цепью.

— Эй! Ты как там? Готово? — окликнули их с эскалатора.

— Теперь бегом, — сказал Летяга. — Догонят — меня с вами положат.

Побежали, не глядя и не видя, держа друг друга за холодные, скользкие от предсмертного пота пальцы.

— Куда?! — заорали сверху. — Стой!

Летяга, кажется, сам не знал, куда — бежал просто куда-то. Через полминуты вокруг засвистело, позади застучали ботинки. Они свернули куда-то, спотыкаясь, сталкиваясь, мешая друг другу.

— Кто это, Феликсович этот? — на бегу требовал у Летяги Артем. — Бессолов! Кто это, Бессолов? Кому нас старик продал?! А?!

Прилетел с неба столп света. А они вчетвером — от него, как тараканы.

Ткнулись в тупик, развернулись. Чужой бег стал дальше, потом снова приблизился. И опять расплзлось из щелей в черноте смутное грудное гудение, как в самом начале, когда они только спускались на Комсомольскую.

Снова чиркнули рядом безголосые пули, отразились от стены, отлетели наугад, нехотя пощадили.

— Бессолов, кто такой?! — не отставал Артем. — Кто это?! Ты знаешь, Летяга! Ты знаешь! Скажи мне!

Летяга остановился, запутался: может быть, тут везде было одинаково черно, везде далеко до теплой красной жизни, и нельзя было найти никакое направление.

Зажег фонарь.

— Вон они! Вон! Там!

Стояли у сваренной решетки. Летяга примерился, снес выстрелом навешенный замок, втроем рванули прутья, втиснулись, ползком-ползком от смерти, на карачках по-глупому, вдруг поленится за ними гнаться?

— Аааааааааа...

Это нарастал стон, распевался хором, в лицо как ветер дул из трубы, по которой они ползли. И уже вибрировали с ним в унисон барабанные перепонки, сердце и селезенка. А сзади не отставали, старались выполнить приказ, щекотали лучами затылок, выбирали цель.

Летяга уперся; железная крышка какая-то. Из-за крышки гудело так, словно она была к скороварке на огне привинчена, и вот-вот ее могло вынести взорвавшимся паром.

Надавил на крышку — тщетно. Уже ржавчина корни пустила, соль срастила затвор с косяком. Вжикнула пуля, укусила последнего из них — Савелия.

— К стене!

Летяга вытянул руку, обернул к погоне свой фонарь, выслепил их, раз, раз, раз, послал в ответ свинца, ранил кого-то, кажется. В закупоренной кишке трудно не попасть.

И оттуда вернули сторицей.

— Помогите, ну, бль, что?!

Ударили вдвоем, втроем ногами, железо впереди заколебалось, шатнулось. Савелий еще поймал, ойкнул, его уже мягкого втащили за собой в лопнувшую дыру. Вывалились — под самым потолком в туннеле. В тысячу кричащих человек. На головы упали, не расшиблись.

Стало теперь ясно, что тут стонали.

— ЖРАААААТЬ!!!

* * *

Нигде и никогда прежде Артем не видел разом столько народа. Туннель был необычный — широченный, на два пути сразу, с прямыми сводами; людьми он был залит весь, сколько хватало глаз.

Здесь было море из людей. И море бушевало.

Они вчетвером выпали метрах в пятидесяти от станции — и погребли через живые тела туда, на свет. Савелия тянули за собой, не смотря уже, где там его ударило пулей. Савелий поймал Артема за ворот, подтянулся к его уху со своего танкистского роста, закричал-шептал в ухо, Артем услышал, но отмахнулся: ну что ты говоришь такое?! Жить и жить еще тебе! Остановиться на месте было нельзя — толпища эта колыхалась и могла раздавить их о стены или подмять под себя. И еще надо было идти, чтобы потеряться в давке: погоня могла последовать за ними в любую секунду.

Тела тут были тощие, изморенные, кожа на них свисала. Пробираясь через них было ощутимо: безмясные кости цеплялись о идущего, как ребра терки, и будто состругивали с каждого проходящего немного чего-то — себе. Это голод их собрал и сюда согнал со всей Красной Линии, понял Артем. Но почему сюда?

— ГРИБООООООВ!

Странно, как они держались на ногах — ясно казалось, что никаких сил в этих худых палках быть не может. Но держались не все — то и дело приходилось спотыкаться о что-то сдавшееся, ботинки вступали в мягкое — может, в животы? — и скатывались на твердом и округлом. Но ни о чем другом, кроме грибов, живые плакать уже не могли.

Направление было угадать легко: все головы в туннеле были повернуты в одну сторону. И между ревом они тихонько распевали слово «Комсомольская».

Они двинулись вместе со всеми и сквозь всех — к Комсомольской. Навстречу им были одни затылки. Стриженные, простоволосые, обритые, серые и белые. Как будто тут без лиц люди обходились.

Артем обернулся — и увидел, как из потолка солдатиком в волны ныряет одна черная фигура в орденской балаклаве, за ней еще одна. Летяга не стал выполнять приказа, но другие послушаться не могли. Буруны проглотили ныряльщиков; сейчас они поплывут искать Артема, чтобы его утопить.

Он удвоил усилия, пошел на полусогнутых, чтобы его черная форма спряталась за чужими бурыми плечами; и остальных одернул.

Говорить между собой было нельзя: плач и рев человеческого моря все скрадывали, получалось только открывать и закрывать рот без звука. О чем бы ни хотелось сказать, получалось про грибы.

Пробились на Комсомольскую. Радиальную, красную.

Снизу, с путей посмотрели на нее — огромную, торжественную и страшную.

Станция чем-то походила на Библиотеку имени Ленина: тоже была высокая, как двухэтажная, и уже совсем какая-то нездешняя — своды прямоугольные, никаких скруглений, колонны высоченные, античные, с завитыми пшеничными колосьями, упирающимися в потолок.

Она вся про хлеб была, про самое важное, эта станция: храм урожая у безбожников. Колонны облицованы бурым мрамором в красных брызгах, стены у

путей — кафелем, как в пыточных, а колосья под потолком из бронзы отлиты, как мечи.

Толпа стояла и на платформе, и на путях; те, кто были на путях, хотели взобраться на платформу — а те, кто держался на платформе, старались не упасть на пути. И все перли, распевая грудным стоном голодный гимн, куда-то дальше, вперед. Станция была в полумраке; сверху падали, рыскали по белым и голым черепам-гребням фонарные лучи, как если бы искали в бурной воде спасшихся после кораблекрушения.

Артем задрал голову.

У Комсомольской был второй этаж — балконы, которые опоясывали всю станцию метрах в четырех над платформой. И эти балконы пока не затопило. Там стояли только красноармейцы с автоматами, оперев для удобства стволы о балюстраду. Но в кого им было целиться? Не во всех ведь сразу?

Между бойцов были расставлены офицеры; что-то они пытались кричать в громкоговорители, но толпа своим рокотом забивала и их электрический надрыв.

По плечам, по головам, друг по другу, закарабкались Артем с остальными на платформу. Снова оглянулся назад — и отметил черные шерстяные лица в толпе. И они его, черного, отметили.

Присел, потя. Все раны его разом заговорили: плечо дырявое, разбитое колено, истеганная спина. Говорили: все, хватит. Остановись, останься.

Впереди завиднелось то, куда все так отчаянно хотели.

Посреди зала спасательным трапом в людей опускалась широкая мраморная лестница с балконов. По краям зала были еще две — но обе снесены и замурованы. И только из серединной оставался подъем — и переход на Кольцевую линию. На Ганзу. Туда и ломил толпа.

На ступенях в три кордона стояли пограничники; на переносные ограждения была навинчена колючка, а на промежуточной площадке в обе стороны из заботливо устроенного гнезда щерились пулеметы. Хо́да наверх тут не было оставлено никакого.

— ГРИБОООООООООВ!!! — редела станция; вся линия, кажется, редела.

Матери со свертками на руках — у кого молчаливыми, у кого еще визжащими. Отцы с лупоглазыми испуганными детьми на шеях — повыше, повыше, чтобы мертвые не поставили подножку, не утянули к себе на пол, на дно. Все хотели к лестнице, к ступеням. Все знали, что тут им не дадут никаких грибов. Им всем надо было на Кольцевую линию, другой дороги к жизни не оставалось.

Почему еще не обрушилась толпа на тонкие заборы, в сущности — простой воздух в обрамлении трубочек и проволочек? Люди уже давили, подступали к шипам, облизывались на них и на красноармейцев. Те махали на голодных прикладами, но красная черта пока не была переступлена ни с одной стороны, ни с другой.

Как такая прорва народа собралась на Комсомольской? Мешали ли им уйти со своих станций дальше по линии — и что стало с теми, кто хотел помешать? Неизвестно; но из туннеля они все прибывали, продолжали забираться по чужим плечам на платформу, набиваться тесней и тесней — по три, по пять, по семь душ на метр.

Это все должно было прорваться вот-вот; мыльная пленка эта между солдатами и людьми. Песчинки-секунды последние дотекали до этого, до взрыва атома.

Тут было чудовищно душно, и жар стоял, как в плавильне — неоткуда на станции Комсомольская было взять кислорода всем, кто сюда пришел. Люди дышали часто, мелко — а от воды, которую они из себя выдыхали, на станции стояло марево.

Артем посмотрел опять назад: где там в толпе черные лица? А они мелькнули ближе. Как будто чуяли, где его искать, и ничто их сбить со следа не могло.

А под потолком что-то происходило.

Сколько там людей — тысячи! — заражаясь друг от друга, стали задираТЬ головы вверх.

По балкону шагал решительный и быстрый конвой, во главе которого танковым силуэтом пер вперед Свинолуп.

Жутко похоже было это на службу, которую на ВДНХ однажды, во время черных, проводил приглашенный откуда-то батюшка со служками. Конвоиры что-то несли на руках; останавливаясь у каждого из балюстрадных стрелков, Свинолуп его этим одаривал.

Артем тормозящим и проваливающимся сердцем понял, чем их там благословляли: теми самыми патронами, которые они с Летягой час назад привезли. Вот оно, средство от голода.

— Вот она, помощь! — Артем вцепился Летяге в плечо, ткнул пальцем вверх. — Вот! Твоя!

Обойдя всех стрелков и каждого ободрив, Свинолуп со своими спустился на межэтажную площадку к мешочному гнезду; его свита стала кормить патронами пулеметные расчеты. Майор пошептал что-то на ухо командирам расчетов, хлопал их по плечу.

Народ внизу волновался, но, чувствуя, что творится сверху, начинал неметь; хор разладился, заробел.

Свинолуп зычно заговорил с народом.

— Товарищи! — протрубил он. — От имени руководства Красной Линии просим вас уважать законы нашего государства, в их числе закон о свободе собраний. Прошу вас разойтись.

— Грибов! — выкрикнул кто-то.

— Грибоооооов! — поддержала толпа.

— Пустиииииии! — перебил рев толпы женский визг. — Пусти, ирод! Выпусти нас!

Свинолуп кивнул. Как будто соглашался.

— Мы не имеем права! Допустить вас! На территорию! Другого! Государства! Я! Требую! Разойтись!

— С голоду пухнем! Доченька умерла! Спаси! Пусти! Еле на ногах! Живот болит! Сам-то! Отожрался! Пусти! Отпусти! Выпусти! — разногласицей сказала толпа.

— На Ганзу! Жрать!

Не пустят этих людей на Ганзу, глупо и медленно от духоты думал Артем. Никогда этих людей не пустят на Ганзу. Никого, ни одного. Ганза все знает: про глушилки. Про патроны. Про Рейх. Про жизненное пространство. Про красных. Про голод. Их туда не пустят, этих людей.

— Это провокация! И те, кто призывают! Провокаторы! — обведя толпу медленным и основательным взглядом, пропечатал Свинолуп; словно каждого тут запоминал в лицо, чтобы потом поквитаться. — С провокаторами! Разговор! Будет! Короткий!

— Мрем! Вымираем! Сил нет! Пощади! Господи, избавь! Выручи! Не дай! Не дай загинуть! Крошечку! Баланды! Не себе, ребенку! Мразь! Отпусти! — толпа перестала говорить по-человечески и опять застонала единой глиняной грудью. — ГРИБОООООООВ!

Задние пошли ближе к мостку, к лестнице, к Свинолупу — и стиснули передних. Передние выдохнули вместе воздух, чтобы поместиться, и от этого выдыха станция, хлебный храм, задрожала. Люди хотели на лестницу, в алтарь; как будто в алтаре было приготовлено им хлеба или вина. А там — ничего. Там жертвенник только — и нож.

Сейчас все случится. Сейчас будет горячо и скользко.

Свинолупу их не отговорить. Да он и не старается.

Надо их. Надо не дать им. Увести их.

Зачем им сейчас всем умереть? Они же могут еще жить.

Надо.

Его колыхало вместе с остальными — то на шипы, то обратно. Мутило от качки. У Артема осталось бедного воздуха всего капля. И он на эту каплю сказал: сначала шепотом, а потом громко.

— Там для вас нет ничего... Вам не надо на Ганзу! Не идите на Ганзу! Там вы никому не нужны! Слышите?! Люди! Не ходите! Пожалуйста! Не надо!

Мало кто услышал Артема, но Свинолуп услышал — близко стоял.

— Во! Никто вас там не ждет! — лениво, для порядка поддержал он Артема. — Тут ваше место!

— А куда?! Куда тогда?! Куда нам?! — заволновались ближние люди, и волнение водными кругами стало расходиться в стороны от Артема.

Они ведь ничего не знают, вспомнил Артем.

Они ведь верят, что ничего нет, кроме метро, кроме Москвы. Им ведь всем врут, что мир сгорел, что они одни, их в этих туннелях, их под землей держат, им даже про врагов ничего не объясняют, просто заперли их тут, в подполе, в темноте...

— Наверх! Наверх надо! Люди! Мир цел! Мы не одни выжили! Слышите? Мы — не одни! Москва — не одна! Есть другие города! Я сам слышал! По радио! Есть они! Можно идти отсюда — в любое место! Куда хочешь! Жить где угодно! Все открыто! Вся земля открыта!

Люди стали оборачиваться, искать его. И Артем тогда понял: вот сейчас, вот теперь-то нужно им рассказать. Рассказать, и пусть знают, и пусть решают сами. Кто-то подставил руки ему, кто-то — спину, и он стал взлезать по ним — чтобы встать на плечи другим, чтобы его стало слышно.

— Вас обманывали! Там все... Сверху! Питер! Екат! Новосиб! Владик! Все осталось! Одни мы тут... Мы тут! В свином дерьме! Хлебаем его, дышим им! Там — солнце! А мы вместо него — таблетки жрем! Нас тут... В темноте! В духоте! Держат! Расстреливают! Вешают! И мы друг друга... Душим, режем! А зачем?! За идеи чужие?! За станции эти?! За туннели?! За грибы?!

— ГРИБЫЫЫЫЫЫЫЫ! — подхватила толпа.

— Ты что, бля, делаешь?! — хрипел ему снизу Летяга. — Ты демаскируешь нас! Они же сейчас поползут отсюда!

Артем обнял людей воспаленными глазами — сухими и горячими. Как им объяснить-то? Как до всех достучаться?

Буйками вынырнули поблизости черные шапочки. Мельника посыльные. Сейчас его... С чужих плеч... Скинут. Но теперь нельзя прятаться. Теперь нужно обязательно досказать до конца все, что он не сказал им тогда, по глушилкам.

Свинолуп стоял молча, ждал, убедит ли этот полудохлый остальных отойти от лестницы. Стрелки ждали его приказа.

— Мы дохнем тут! Мы опухоли растим! Зобы! Все ворованное! Еда... У своих детей крадем... Одежда... У мертвых... Месим друг друга... В туннелях! Красные... Коричневые... Это зря все! Все! Братцы! Зря! Себе подобных жрем! В темноте! Ничего не знаем! Все врут нам! Все! Для чего?! Чтобы — что?!

— А куда деваться? — крикнули ему.

— Наверх! Можно уйти! Можно спастись! Там выход! Сзади! В туннеле! Люк! Назад идите! Там свобода! Там! Наверх вылезайте! И куда угодно! Сами! Сами живите!

— Он хочет нас от Ганзы увести! — проорал кто-то назло.

Увидел черные зрачки стволов. Одного, другого. В него целились. А он не успел еще им рассказать. Заторопился.

— Вы зря сейчас погибнете! Погибнете, а никто даже не узнает! Там мир целый! А мы тут... Под крышкой! Мы передохнем тут до единого, а никто не узнает! Это все ни зачем! Уходите! Не надо! Назад!

Артем и сам был безрукий, и не мог толпу остановить больше никак.

Заголосили сверху автоматы по головам, стали мякнуть тут и там люди, но в давке больше не могли упасть, и оставались стоять на ногах, даже умерев. Смерти тут никто не испугался. Может, им и хотелось на закляние уже, чтобы хоть куда-нибудь деть надоевшую жизнь и наконец успокоиться. Только пели «Помилуй» и все равно шли на лестницу, наверх, на тот верх, который понимали, — и на пули.

Пока меняли магазин в пулемете — секунды — сто рук уже схватились за ограду и разняли ее на части. Через мгновение пулеметчику выдавили глаза, командира расчета разорвали, задушили остальных, и поползли, живые и мертвые вместе, наверх, лавой из вулкана. Не стали даже у утопших отбирать оружие, не до того было.

Полетели вниз с лестницы, с балюстрады автоматчики, беззвучно и согласно. Артем шел назад, в туннель, к люку, но все равно поднимался вместе со всеми по лестнице на балконы; уносило к переходу на Ганзу.

Красноармейцы, до кого еще не докатился народ, стали отступать, и уже просили заранее у толпы прощения, но слишком тихо кричали, поэтому их убивали все равно. Савелий выскользнул и канул, и больше никогда не всплыл. И еще сотни из тысяч, а может уже и тысячи из тысяч — пропали.

Задержал кто-то Артема за рукав.

Обернулся — женщина. Худая, синюшная.

— Парень! Парень! Не могу! Сына задавят! — закричала она ему. — Давят! На руки возьми! Подними! Задавят! Не могу сама!

Он поглядел вниз — увидел мальчишку лет шести, белобрысого, с размазанной под носом кровавой соплей. И еле успел выдернуть его к себе, вверх.

— Ладно! Его куда? Ты кто? Как зовут?

— Коля.

— А меня Артем.

Коля Артема обнял за шею сначала, чтобы не соскальзывать, но давило — смог перехватиться и забраться на шею. Колина мать взяла его за руку. Поддержалась — и выпустила. Артем дернулся — где? Она стоит, зажата толпой, упасть не может; а голова свесилась, пробитая.

— Туда! Туда! — кричал с плеч маленький Коля, не заметив еще, что мать убили.

Впереди шел Летяга — здоровый, несгибаемый. За ним Артем с Колей. Леха к своему распятию прибил, и на нем, как на отломанной корабельной мачте, молясь единственным известным словом, выгребал. Как-то они сумели склеиться, и так их вело к ганзейской границе.

— Мам! Ма-ма! Ты где? — вспомнил мальчишка; но там, где он ее оставил, уже ничего не было.

Всех красных смяло и стоптало. Появились из темноты переходов флаги — белое поле, коричневый круг.

— Наверх, — просил у людей Артем. — Не сюда. Наверх.

— Мам! Мааааааааааа!

Он попытался слезть, прыгнуть в жернова, чтобы оттуда вытащить мамку свою. Но Артем поймал: растопчут в секунду.

Подумалось такое: он этого мальчика не может теперь бросить. Он должен его взять себе. На сколько ему жизни хватит — на столько и взять. А как растить? Вдруг представил себе: он вернулся к Ане и у них этот пацан, которого Артем сейчас за лодыжки держит. И живут они все вместе... В Полисе? На ВДНХ? Захотелось туда, в такую жизнь — на минутку, посмотреть.

Загорелись над укреплениями прожектора, постарались народ ослепить. Но народ и вслепую знал, куда идти.

— Грибоооооооооов!

— Государственная граница! — крикнули им. — Федерация станций! Кольцевой линии! Откроем огонь! На поражение!

— Помииииииилууууууууу!

И все: напрасно они все выжили там, на лестнице.

Спустил мальчишку с плеч, взял на руки — чтобы не сняло поверх голов его пулями. Он вырывался. И Артем думал: черт, а ведь ответственность какая — сейчас его с собой таскать везде.

А Сухой как... Как Сухой Артема — взял вот и таскал всю жизнь, так же вот, случайно подобранного. Он — смог. А Артем — сможет?

Тактактактактактактактак! — застрекотало.

Повалились первые, самые храбрые, упали вторые, отчаянные, но сзади все перли и перли — третьи, четвертые, сотые, двухсотые. Артем спиной вперед повернулся, чтобы Колю закрыть.

— Мама, — сказал Коля.

— Тише, — попросил Артем.

Прошли мимо заплутавшего мертвеца в черной балаклаве.

Страшно на себя брать ответственность за другого, тем более шестилетнего. На всю жизнь с ним себя связывать... Это как?

Коля расслабился, перестал вырываться.

Артем опустил глаза — а тот мертвый. Руки свесились, ноги болтаются, голова белобрысая запрокинута, в груди дырки. На излете попало. Закрыл собой Артема.

— Сука трусливая, — сказал Артем себе. — Трусливая дрянь. Говно.

Размазал сопли, поискал, куда мальчишку положить, но не было куда. А потом и их троих швырнуло на укрепления, на ганзейские пулеметы. Такие же были пулеметы, ничем от красных не отличались. И пули, наверное, те же были самые. Убивали ровно так же.

На них троих уже поворачивалось кровохаркающее дуло, но Летяга вспомнил про свой винторез, остановил стрелка на полпути, и через секунду гнездо смыло волной, поволокло труп по камням.

Колю Артем держал на руках, сколько мог, но все равно потерял.

Все вообще было забросано людьми.

Мертвые глядели рассеянно, молчали. Остальные не могли. Кто дальше шел, ревел. Те, к кому пули подлетали, мычали о помиловании. Умирующие договаривали свой разговор с Богом. Друг друга не слушал никто.

Но вдруг стали братья за руки — чтобы цепью идти и не распасться. Артема взяли с одной стороны, с другой — незнакомые люди. Теплые, горячие руки. Недолго продержались. Сделали несколько шагов — отпустился слева человек, а потом и справа.

Уже шагали по мнущимся лицам ганзейских пограничников, уже катил авангард голодных через колючку — уже почти дошли к кольцевой Комсомольской, когда сзади выскочили, как черти, огнеметчики.

Артем с Летягой и другими выметнулись в огромный и торжественный зал: потолок в счастливых мозаиках, люстры незаслуженный свет дают, ласковый-божественный, мытые людишки шарахаются от нашествия, вереща, а сбежавшие, а прорвавшиеся — как крысы, как тараканы, скорей-скорей из этого дворца, с глаз долой — в туннели, в норы, чтобы разбежаться, пока всех не переловили.

За спиной, в переходах заревели огнеметы, завывали первые обожженные, раздался запах жареного мяса и горелого волоса, но Артем, обнявшись с Летягой и с Лехой, бежали в туннельную черноту, не оборачиваясь на то, что там, позади, осталось.

Из туннеля сзади кричали, требовали остановиться, кого-то там уже винтили подлетевшие сотрудники ганзейской безопасности, тащили обратно, на Красную Линию, домой. Не нужны тут были эти беглецы.

Между собой не говорили.

Не было воздуха говорить.

* * *

До выхода на Курскую случился межлинейник, через него, подранив охрану, получилось выпасть на другую ветку, синюю, Арбатско-Покровскую. Летяга вспомнил там о вентиляционном колодце. Выкарабкались во дворах расползшихся кирпичных особняков, между облезшим купольным золотом и облезшим золотом над разбитыми витринами.

Сели посидеть. Оглохшие от крика.

Летяга молчал, Леха лупал глазами, Артема рвало. Перекурили.

— Как ты теперь с этим? — спросил у Летяги Артем. — Понял ты?

Тот пожал медвежьими плечами.

— Пацаненка убили. У меня на руках.

— Видел.

— Он их нашими патронами, — сказал ему Артем. — Свинолуп. Мразь эта. Майор. Твоими патронами. Свои уже кончились, видно. Нас ждали. И он — ушел. Живой. Там столько мертвяков осталось. А он живой. И будет дальше живой.

— Я приказ выполнял.

— И он приказ выполнял. Вряд ли сам придумал. Они все там приказ выполняли.

— Что ты меня с ними сравниваешь-то?!

— А здоёво быё бы тоже убить кого-нибудь, — сказал Леха. — Того, кто это пьидумаь. Гадину эту бьядскую. Чтобы таких пьиказов бойше не даваьи.

— Я был уверен, что он сдох. Две пули в него всадил. В лоб надо было.

У Артема левая рука отнялась, плечо все мокрое было, но сейчас нельзя было о плече.

— А тоьку, майоьа ваьить? — возразил Леха. — Майоьов хоть жопой жуй. Заваьишь майоьа — тойко капитана объадуешь. Ваьить съазу маьшаьов нужно.

— А кончил бы я его там? Что бы поменялось? Они все равно бы на пулеметы пошли. Я им говорил. Ничего не понимают. Я им сказал же, что можно уйти. Наверх. Они не слышат! Никто! Даже те, кому дохнуть сейчас. Им на пулемет проще, чем наверх! Что делать?!

Летяга сморкнулся кровью себе в пятерню, стал рассеянно вытирать о штаны. Потер лоб.

— Хер с ними. Ты их не повернешь. Они как стадо. Куда мне-то идти? — сказал он. — Это же дезертирство. Некуда.

Артем поглядел на него. Несгораемый человек Летяга. Не горит, потому что гореть нечему. Вот и Артему бы так.

Откупоривались потихоньку уши.

Съезживались растянутые барабанные перепонки.

И вот снизу, из щелей, из коллекторов, канализационных решеток, через вентиляцию, отовсюду: стали из-под земли расти звуки. Плач и вопли. Слабые, придушенные московской жирной глиной, отраженные ото многих углов изломанных труб. Эхо. Люди не смогли сбежать, только их голоса смогли.

Это было как роды. Москва была как женщина, которая сама уже умерла, но в ее каменеющей утробе сидели еще живые дети. И они хотели родиться, и плакали там внутри. Но Москва никого больше не выпустила. Сжала свою бетонную пизду, и добавила всех своих детей, они отмучались и стихли, так и не рожденные.

А курево кончилось.

Была ночь.

Окунуло Москву в эту ночь, как в ведро с грязной водой, чтобы отстирать с нее всю кровию. Кончится мутная ночь, будет мутный день, и никто в этот день не узнает всего, что было в день предыдущий. Все в ночи отмоеся. Кто узнает о черном туннеле, где одни люди других кирками вслепую молотили? Никто. Кто о глушилках узнает? Никто. Кто о том, как безбожники крестились и на пулеметы шли? И для чего все умирали? По какой причине?

— Летяга. Летяга. А есть эти враги? Запад, Америка? Они есть? Есть они вообще? Честно скажи.

Летяга поглядел на него косо, но в темноте казалось, что глаза у него выровнялись и смотрят прямо, верно.

— Должны быть.

— Да на хеъа нам въаги? — сказал Леха. — Мы и без них спъавъаемся!

— Хотели бы они — на всякий случай бы по нам долбанули. Контрольным. Если бы сильно нас боялись. Не думал об этом?

— Нет.

— А остальные города все — Питер, Владик, и вся мелкая шушера — их почему не бомбят, не думал? Или они всех покорили, а мы тут такие одни последние непокоренные?

— Нет! Какая тебе разница, думал я или нет?!

— Да потому что нет никаких врагов. Им насрать на нас, Летяга. Врагам. Мы никому не нужны. Ты купился, и я купился. Все время мы думаем, что мы шибко сдались кому-то. Что тут, у нас, пуп земли. Что мы последние, или что единственные, или что главные. Что у нас тут судьбы мира решаются. Хера. Ничего тут не решается. Мы тут империи возводим, на пулеметы идем, на стройкахдохнем, собак собой кормим, человечество спасаем, и все под крышкой. Вся наша борьба, жертвы, подвиги. Это все в муравейнике муравьиные подвиги. Никому их не слышно. Зрядохнем. Убери эту крышку...

— Щит! Щит, а не крышку!

— Убери этот щит, ничего не поменяется. Вот я уверен. Это не мы врагам нужны, Летяга, а враги нам.

— Я уверен, — тяжело и зло сказал Летяга. — Я уверен, что старик правду говорит.

— Значит, он мудака, — так же зло сказал ему Артем. — И он мудака, и ты обмудаченный. И я мудака тоже, что купился там, в Балашихе. А теперь уже все. Ничего уже не сделать. Тогда был момент. Нужно было разнести все эти глушилки к херам. Все разровнять. И посмотрели бы. Да, Савелий?

— Да, — за растоптанного Савелия ответил Леха.

— Ничего б не добился, — сплюнул Летяга. — Этих глушилок вокруг Москвы еще понатыкано. А люди тебе не поверили б все равно.

— Потому что вы им двадцать лет в голову гадили! Как им поверить?! Это их вина, что ли?!

— Я никому не гадил!

— Ага. Ты отстреливаешь всех, кто в вашу историю не укладывается.

— Я с врагами. Я родину — от врагов! И если бы я тебя, балабола, не выдернул из Балашихи, тебя бы ганзейские там прямо и зарыли! Пикнуть не успел бы!

— Это не ты меня выдернул! А старикан! И не от жалости! А чтобы оборудование свое сраное сбечь! И все! Он — тебе — сказал — меня — грохнуть! Меня! Задумайся! Я его кто? Зять? Муж его дочери! И все равно меня приговорил!

— Ну я не грохнул же.

— Спасибочки, бля!

— Пожалста!

— А за что меня убивать? За то, что я про глушилки знаю? Что я знаю, как они людям мозги крутят? Или почему? Если он будет красным патроны давать, а я возражу? Двадцать тысяч патронов! Двадцать тысяч! Ты сам сегодня их жрал! Ну хватит быть таким мудаком-то!

— И что?! Зато война кончится! Это условие было Москвина!

— То-то старикан про любую цену говорил! Что ее платить придется! Двадцаточка!

— Нет, а надо было еще наших пацанов перекрошить?! Еще один бункер устроить надо было?!

Артем отвернулся.

— Это Москвин там был? Я узнал его. Москвин и второй — Бессолов. Бессолов, он на Ганзе кто?

— Шишка какая-то. Хер их там разберешь.

— Врешь, — убежденно сказал Артем. — Знаешь. Кто?!

— Отвали.

— Он же конверт через нашего старикана фюреру слал. И патроны генсеку. Он. И ему же старик рапортует? А? Алексею Феликсычу! За что? Чем он его так? Джипами этими сраными?!

— И что?! Ганза нас с колен подняла! Ты когда сбежал?! После бункера. Взял свою Анечку и сдриснул от нас. А мы что? Нас сколько там после бункера? Половина осталась? И те дырявые все. Мы, если бы не Ганза, развалились бы, и дело с концом. Старик делал, что мог. Других желающих помочь не было. Но ему — без ног и однорукому?! Повеситься ему? А нам — в наемники?!

— Да наемником честней быть! Чем теперь в Ордене вашем!

— На хер иди! Понял?!

— Ты хоть понимаешь, чем он за эти внедорожники заплатил, за винторезы, за шапочки? Он пацанами нашими! Ганза нас и подставила, Летяжка! Мы ведь звали их! В бункере! Звали! Они пришли к нам? Велика помощь, напихать нам

своих ублюдков вместо наших ребят! которые из-за них и погибли! Он продал их! Ганзе же и продал!

— Не может. Быть. Должна быть причина.

— А меня убирать — какая причина?!

— А если ты шпион?! Диверсант?! Щит пытался сломать! Вдруг ты против нас играешь?! Втерся! Он сказал, если ты попробуешь сорвать мирный договор... Поставку под угрозу... Значит...

— Чей шпион?! Чей диверсант?!

— Америки. Вышел с ними на связь со своей высотки и...

— И что?! И помогаю им ракеты навести опять?! По своим?! По жене, по отчиму?! По тебе, мудиле?! Тебя продали, меня продали, и наших всех продали, души их, всем списком! Вот что. Понял?!

— Они собой пожертвовали, и все. А красные... Так нужно. Трудно, но нужно. Сейчас время объединяться, Артем. Хоть бы и с красными. Есть другой враг. Настоящий. Трудно забыть пацанов. Я знаю. Старик сам не может их забыть. Ты же видел. Видел, он с ними пьет каждый день.

— Он не с ними пьет. Он просто бухает! Бухает, потому что был герой, а стал колобок! Ни ручек, бля, ни ножек! А если он реально думает, что война с Западом не кончилась...

— Она не кончилась! — заорал Летяга. — Как ты не видишь-то?!

— Доказательства есть какие-нибудь?! Этот Бессолов?! Он как вам доказал, что война?! Тебе мозги промыли! Как он вас всех за яйца-то так крепко взял?!

— Это тебе мозги промыли! Они всегда! Они изо всех щелей! Они нас стереть с лица земли!

— Сука! — Артем вскочил на здоровую ногу. — Ничего не докажешь! Никому ничего не докажешь!

— А ты-то мне что доказал?! Если не враги — тогда — какой смысл?!

— Какой?!

— Да!

— Не знаю!

— Ну и отвали от меня тогда!

Артем подумал. Кивнул. Поковылял прочь.

— Куда? — вслед ему крикнул Летяга.

— Ты прав, — не оборачиваясь, ответил себе Артем. — Ты прав. Должен быть смысл. Просто мы не понимаем его пока. И старик твой не понимает. И Свинолуп знает вряд ли. Хорошо, есть, у кого спросить.

— погоди! Артем! Артем!

Летяга нагнал его уже у Лубянской площади. Отдал свой противогаз.

— Возьми. Я так доберусь.

Артем не стал спорить. Поплевал маске в глаза, примерил. Прогундосил Летяге:

— Спасибо. Сейчас никак раньше времени сдохнуть нельзя.

От Лубянки потащился, хромый, вниз. Мимо Большого театра, с которого запряженная повозка в пропасть сорвалась, мимо бесслезных фонтанов, мимо гостиниц для с того света гостей, мимо собачьих улиц, парламента немого, и прикинувшегo дохлым Кремля с угасшими звездами, и стенами ни от кого; где-то тут.

Остановился. Было темно.

Как он это сделал? Где стоял?

Сочилась кровь из дважды простреленного левого плеча, как будто бесконечно ее в Артеме было, а ему тяжело становилось без нее. Слабо. Но он все искал, искал; вспоминал. Побрел в одну сторону, потом в другую.

От немощной луны мало толку было. Черное на черном она не могла увидеть, и Артему не помогала. Он опустился на карачки, пополз, шаря рукой по шершавому асфальту. Один раз выудил ботинок, другой — дверную ручку, почему-то брошенную посреди мостовой.

Подошли Леха с Летягой.

— Чего ищешь-то?

— Ответ, — пошутил Артем и сам хрипло посмеялся себе в резиновые уши. И нашлось.

Он сам Артему подмигнул лунным светом из приотшторенных облаков.

На черно-сером асфальте лежал черно-серый револьвер. Свинолуков расстрельный наган. Взял его в руку. Тяжелое, тугое, злое оружие. Артему сейчас именно оно было нужно. За ним он сюда и шел. Ничего без него тут, оказывается, нельзя было понять.

Вот именно этот вороненый ствол нужно было в глотку Бессолову запихнуть. Пускай через него дышит — и объясняет Артему, зачем людям в метро сидеть.

— Все? — спросил у него Леха.

— Какое все! — поглядел на него Артем. — Теперь в бордель!

Глава 19

ЧТО ПИСАТЬ

На Трубную его внесли.

Летяга на закорках втащил. Поверху нес, в метро боялись спуститься.

Артем уже ржавым кашлял. Пока он болтал ногами у Летяги на спине, все убеждал дать ему самому пойти. А как только становился на ноги, сразу падал на колени. Кончался завод. Останавливался ключ в спине.

Но когда пришли на Цветной, какая-то пружинка в груди перещелкнула и решила еще пожужжать. Артем разогнал рукой красную хмарь перед глазами, распрямился. Сам чувствовал: много сделать он не успеет. Надо сделать одно, но важное. Нащупал наганную рукоять: так? Наган соглашался.

— К Саше отведи меня. Слышь, Леха? Помнишь, где?

— Ага. Къасивой смеѣти хочешь! На теѣочке окоѣеть? Не, сначала айда дыѣки заштопывать!

Ну ладно. Если только дырки.

На Цветном творилось странное.

Станция была забита беглыми фашистами. Потерянными, жалкими, побитыми. Железнодорожная фашистская форма, промоченная и теперь высыхающая, садилась и малела им, как будто ее шили для детских игр или спектаклей, а взрослые напялили на себя и стали в ней все делать всерьез. Лица их были исцарапаны и извожены в грязи, подкованные ботинки рассохлись.

— Что? Что съучиѣсь? — допрашивал Леха знакомых шлюх.

— Рейх затопило весь. Пушкинская рухнула. Таджики расширяли криво. Рухнула, а потом и соседние. Затопило.

— Таджики криво... — криво улыбнулся Артем. — Таджики во всем виноваты. Суки какие.

— Все разбежались. С Тверской — на Маяковскую. С Чеховской — сюда люди пришли.

— А война что?

— Мы не знаем. Никто ничего не знает.

Поделом вам, думал Артем. Может, Господь и вправду слушает, принимает жалобы. Кто-то, может, та женщина из тачки, успела богу наябедать перед тем, как у нее голова от арматуры лопнула. Господь посчитал на костяных счётах, сколько в Рейхе грешников, а сколько праведников, и постановил Рейх закрыть и опечатать. Только зачем и открывал?

А Гомер что?

— Старик не знаете, спасся? С Чеховской? — приставал Артем к железнодорожникам. — Гомер?

От него шарахались.

Взяли его к врачихе: та среди укусов от колючих плеток нашла кровоточащие язвы, лучами, как шилом, в коже проделанные. Сказала: недолго. Переливание нужно срочное, но доктору по дурным болезням переливать нечем и нечего. Пулю выковыряла, ругаясь на Артема, перебродившей бодягой залила дыры, проложила мятой тряпкой, чтобы из застеганной кожи туда капало. Дала просроченного анальгина. От него похорошело. Вот где Савелий его брал.

— Мы что теперь? — спросил Летяга. — Надо нормального врача найти тебе. Не эту пизду ивановну. Юшки тебе твоей обратно плесну. С процентом.

— Не. Я к блядам, — сказал Артем, едва анальгин подул ему на раны. — Потом рассчитаемся.

— Ну и я, — подмигнул Леха. — Мне тоже пьеъивание нужно сделать.

— На твоём месте, Темыч, я бы молился лучше, — покачал головой Летяга.

— Без сопливых как-нибудь, — ответил Артем.

— На, пулек возьми.

Артем взял.

— Сдаваться пойдешь? — он заглянул в косые Летягины глаза.

— Не. Старик дезертиров не прощает.

— А если меня сдашь?

— Тогда меня Анька твоя сгнобит, — сказал ему Летяга. — Еще что хуже. Ладно. У меня тут тоже есть одна любимая. Там вон. Умаешься — приходи.

— Отвести тебя? — спросил Леха.

— Не надо. Я вспомнил.

Правда, вспомнил.

Расстались.

Артем, ковыляя прочь, прячась в толпе, еще оглянулся: расстались ли? Для этого важного дела не хотелось ни у кого помощи просить. Цветной кишел сбродом. Кто тут агент красных, кто Ордена, а кто Ганзы? Слушают, ищут его. Наверняка ищут.

Правая рука в кармане. Нагана из пальцев не выпускал.

А у Саши пусто оказалось.

Внутри никого, дверка заперта.

Забеспокоился: а если ее Бессолов отсюда забрал? А если с ней что-нибудь похуже случилось?

Напротив-наискось был смурной кабак на полтора места. Отгороженный «дождиком» из соломки от потолка к полу. Можно было так устроиться, что Сашина шарашка отсюда видна была сквозь соломенные струи, а Артема прохожим было бы сразу не узнать.

Артем глядел на запертую дверь. Хотел думать о Саше, а думалось об Ане. Надо же, Владивосток. Почему она раньше про Владивосток не говорила? Ему, может, с ней лучше жилось бы, если бы он про Владивосток знал.

Рядом бубнили, склонившись, двое мокрых фашистов. Оглядывались на Артема подозрительно. Он тужился почувствовать к ним ненависть, но не удавалось никак: весь перегорел на Комсомольской. Чтобы их успокоить, заказал к анальгину спирта. На еду смотреть не мог, кружило от одной мысли.

— Дитмар... — дошелестело до Артема сквозь нарочно зажеванные слова. — Дитмар...

Он посомневался и решился.

— Дитмара знаете? — поинтересовался он у этих.

— Ты кто?

— У него работал человек. Илья Степанович. Книгу для него должен был писать. И с этим человеком еще один. Звал себя Гомером. Товарищ мой.

— Кто ты, спрашиваю.

— Я для Дитмара выполнял задание, — шепотом признался Артем. — На Театральной.

— Агент? — фашист подсел вплотную.

— Диверсант.

— Дитмар героически...

— Я в курсе.

— Вся его агентура ко мне перешла, — заявил тот. — Теперь со мной работать будешь. Я Дитрих.

Артему от этого стало смешно. На Дитриха он уже глядел немного из-под облаков. Оттуда многое смешным могло показаться. Но не все.

— Мужик, — Артем вытер губы тыльной стороной ладони, показал Дитриху жидкую кровь. — Дай помереть спокойно.

— Облученный? — понял Дитрих и отодвинулся. — Ты тот сталкер, что ли? Завербованный?

Артем под столом потянул на себя осторожно револьвер, чтобы бойком за карман не цеплялся.

— Знал Гомера?

– Тебя разве там не убили, на Театральной?

– Как видишь.

Похоже, в жизненное пространство Дитмар его без лишних согласований определил.

– Ладно... Если ты ветеран наш...

– Не ори. Тут вокруг уши.

– Здесь они. Выбрались. Рядом пьют. И тот, и другой. Тоже мои подопечные.

Проводить?

– Проводи.

Гомер жив. Слава тебе. Надо его найти, подождешь, Саша?

Это Артему неделя осталась или сколько там. А Гомер никуда не собирался. Надо хотя бы Гомеру, в его тетрадку, исповедоваться. Пускай запишет все себе. Про вышки, про ямы, про туннели, про грибы и про патроны. Про Орден про блядский пускай запишет все. И главное, святое – про то, что мир есть.

Хотел историю, вот тебе история.

Оказывается, старик всего-то в двадцати метрах сидел. Пили с Ильей Степановичем угрюмо, не чокались.

А увидел Артема – загорелся.

Гомер был встрепан – седые волосики венцом вокруг лысины топорщились и в лампочном желтом свете казались золотым нимбом. Оправился. В руках у него была курица – та самая, Олежкина. Никто ей не отвернул шею, никто в суп не сунул; она отожралась даже на фашистских кормах, лоснилась, зараза.

Артем поднялся к нему, обнял старика. Сколько не виделись? Год?

– Живой.

– И ты живой.

– Ты как, дед?

– Я-то как? Да вот. Начали с Ильей... Работать, – Гомер посмотрел на Артемова провожатого. – Здравствуйте.

– И как идет? – спросил Артем у Ильи Степановича.

– Хорошо, – ответил тот Дитриху. – Пишем. Получается.

– Славно, – сказал Артем. – Пойдем, деда, пройдемся, что ли? Спасибо, геноссе, – кивнул он Дитриху. – Век не забуду.

Дитриху нужно было, конечно, за ними, подслушивать. Но за соломенным дождем стыли грибы и грелась бодяга. И Рейха больше, кажется, не было.

– Со станции ни ногой! – строго распорядился он. – До дальнейших распоряжений.

Побрели через комнатенки: бабы на коридор как бусы насажены. Как тут найти угол поукромней?

– Пишется? – уточнил у Гомера Артем пока что.

– Не то что бы.

— А что?

— У Ильи жена повесилась. Наринэ. Пьет он.

— Когда? Когда случилось?

— Ну, пару дней мы поработали — и... А фюрер требовал... Каждый день приходил лично, читал, спрашивал. Пришлось мне за двоих, в общем. Зато Илья обещал в соавторы взять. Имя на обложке и все дела. Лестно?

— Ого, — Артем поглядел на Гомера. — И как он, фюрер?

— Ну... Если так... В быту... То обычный.

— Обычный, — сказал Артем. — Надо же. Самый обычный человек. И тоже наверняка какой-нибудь Василий Петрович.

— Евгений Петрович, — поправил его Гомер.

— Почти, — усмехнулся Артем. — До уродов дошли уже? В учебнике?

— Не успели, — ответил Гомер и мимо посмотрел. — И теперь непонятно уже, успеем ли. Все разбежались. Рейху конец. Фюрер делся куда-то.

Курица расправила крылья, как будто бы для полета; а Гомер, зная уже куриные повадки, выставил ее на вытянутых руках подальше. Она поджалась и нагадила на пол.

— Несется хоть? — поинтересовался Артем.

— Нет. Бойкотирует, — невесело улыбнулся старик. — Хоть я ее уже скорлупой и запичкал. Фиг знает, в чем дело.

Шли далее, разговаривали мимо битых фашистов и вдохновенных блядей, под чужими ахами и охами, между посвистом хлыста, подстраиваясь под ритм чьей-то испорченной любви.

— Ну что. Не придется зато совесть глушить, — сказал Артем, чувствуя, как через усталость подступает зуд: все рассказать. — Теперь можешь свою собственную книгу. Как хотел.

— Свою, которую никто печатать не станет.

— Смотри, что напишешь в ней.

— А что я напишу?

Показалось, что кто-то тащится за ними. Обернулся раз, другой. Вроде рассеялся человечек в мареве. Может, и не за Артемом шел, а по своим веселым делам. А может, приотстал, чтобы глаза людям не мозолить.

Рука на нагане.

— Ты Сашу нашел свою? — спросил Артем у Гомера.

— Свою? Нет. Ты...

— Она тут, дедуль. Вчера тут была. Я говорил с ней. Про тебя.

— Ты знаешь?... Знаешь, где она?

— Знаю.

— С ней все в порядке? Куда мы? Давай лучше к ней... И что... Она здесь... что делает?

— Что тут женщины делают, дедуль? Работают.

— Не, брось! Саша?.. Не верю.

— Ну.

— Неправда!

— А скажи... Про Хантера — правда? Что он спился? Я ведь и не знал, что вы знакомы.

— Хантер? Ты его тоже?.. Откуда?

— Он меня в поход и отправил. Тогда. Против черных. За ракетами. Я не рассказывал? А он — не рассказывал? Он не из-за этого ли пил? Не из-за черных? Или отчего?

— Он? Не знаю. Он... Мы с ним вообще мало говорили. Недостаточно.

— Ты ведь это о нем книгу писал. Свою, ту, в тетрадке. Как же?

— Не знаю. Он, понимаешь... Не настоящий герой. Я хотел из него героя сделать. Чтобы люди читали и вдохновлялись.

— Поэтому ты его непьющим сделал?

— Откуда ты...

— Говорю тебе: мне Саша все это. Не веришь, что ли?

— Мне к ней надо. Посмотреть. Я сам хочу убедиться.

— Попозже. Потерпи. Важно. Вот, кажется, тут никого... Заходи. Погоди, я тут проверю все...

— А по поводу Хантера... Да! Ну кому захочется про алкоголика читать? Идти за ним? Понимаешь? Миф должен быть. Красивый. Люди сидят в темноте, в безнадее. Им свет нужен. Они без света совсем опустятся.

— Понимаю. А теперь ты послушай.

Артем наклонился к нему, и в стариковское волосатое ухо горячечно зашептал:

— Люди сидят в темноте, дед, потому что от них свет прячут. Запад не уничтожен, дед. И Россия не вся. Есть другие выжившие. Весь мир выжил почти. Не знаю уж, как они там живут, но... Владивосток, Полярные Зори твои, Париж, Америка.

— Что?..

— Их всех от нас скрывают. Работают глушилки. Вокруг Москвы глушилки расставлены. Радиобашни, которые все сигналы из других городов гасят.

— Что?

— Ганза это. А Орден мой в курсе. Ганзе служит. И подчищает всех, кто снаружи сюда проберется. Находит и ликвидирует. И всех, кто отсюда пытается с внешним миром связаться, тоже. Поэтому никто и не знает. А Красная Линия для Ганзы, я думаю, строила ветряки. Там такие ветряки стоят, в Балашихе, чтобы глушилки электричеством снабжать. И ров экскаватором вырыт, котлован большой, весь трупами завален, и собаки жрут их, пятиногие. Строители и иногород-

ние вместе. А Ганза красным за это патроны. Или не за это, а так просто, в поддержку. Двадцать тысяч патронов, представь-ка себе! А красные этими же патронами грибные бунты расстреливают. Прямо по толпе. Люди идут на пулеметы, просят грибов, а их косят, косят, косят... Ничего не хотят знать. Говоришь им: вы можете все уйти отсюда, из метро! Там жизнь есть, наверху! Уходите! А они на Ганзу прут, и под пули... Поэтому и важно, чтобы ты записал все это себе. В тетрадь. Да, и еще. Они-то врут всем, что нас нужно тут прятать, потому что кругом враги, что война продолжается, но это вранье все, я уверен, что вранье. А за чем — я, если выйдет, узнаю. Но пока так пиши. Хорошо? Пиши, чтобы люди знали. Это важно.

Гомер отнял ухо, посмотрел на Артема аккуратно; так, как будто ему нужно было растяжку на ощупь разминировать. И еще — сочувственно, но сочувствие старался спрятать, потому что понимал: леска невидима, сочувствием за нее зацепиться можно.

— Ты как? — спросил он. — Ты скверно выглядишь, по правде.

— Мне-то хана, — сказал Артем. — Может, неделя осталась. Ты пиши поэтому, дедуль. Записывай.

— Что записывать?

— Все. Все, что я тебе рассказал сейчас.

Гомер кивнул.

— Ладно.

— Тебе все понятно? Рассказать еще раз? — Артем привстал на здоровой ноге, выглянул в проход.

— Мне не все.

— Что не ясно?

Гомер мялся.

— Ну это... Все... Немного странно... Звучит. По правде.

Артем отодвинулся. Осмотрел старика с расстояния.

— Ты думаешь... Не веришь? Тоже думаешь, я ебнулся?

— Я этого не говорил...

— Слушай. Я понимаю, это все дико звучит. Но это правда, понимаешь? Наоборот, все, что ты знаешь про метро — что наверху жизни нет, что нам деваться некуда, что красные против Ганзы, что Ганза эта — добряки, что все вообще... Да вообще все — вот это именно — ложь! Мы просто в ней столько жили...

— Один город, еще может... Два там... — Гомер нахмурился, сделал над собой усилие, чтобы поверить Артему. — Но весь мир? И глушилки. И Ганза.

— Неважно. Ты пока запомни просто. А потом запишешь. Запишешь к себе? Меня не станет скоро, дед. Я не хочу, чтобы это пропало все. Вот тебе задача, слышишь? Я такое узнал. И если ты — ты! — не занесешь все это в тетрадочку свою... Никто никогда так и не узнает. Я сегодня попытаюсь... Неважно. У меня

может и не выйти ничего. Но ты — понимаешь? — ты! — можешь что-то изменить. Сделаешь? Запишешь?!

Старик пожевал. Погладил курицу. Та сидела сонная.

— Даже если это и правда все... Кто же такое напечатает-то?

— Какая разница, кто?

— Ну как... А люди-то как узнают?

— Дед! Что, печататься обязательно? Гомер — тот Гомер, который настоящий — он ведь вообще ничего не писал. Он слепой был! Он говорил просто. Пел там... И люди слушали его.

— Тот Гомер — да, — согласился старик. — Который настоящий, — с унылой усмешкой повторил он. — Ладно. Запишу, конечно. А тебе к врачу надо. Что это за разговор — неделя осталась! И пойдём... Отведешь меня к ней?

— Спасибо, дед. Я потом тебе еще... Поподробней. Когда узнаю. Надиктую прямо. Если получится.

Гомер помолчал, пока шли. Что-то у него на языке еще нарывало, и он все сосал свой язык, стискивал зубы, чтобы не отпустить это. Потом пробубнил:

— И знаешь еще, что? Пришлось еще пару статеек для их газетки тиснуть. Заставили. Ну там, знаешь... Про прорыв на Шиллеровской...

— Но ведь это заставили, — сказал ему Артем.

— Заставили.

* * *

Вернулись.

А там все по-новому. Дитрих с товарищем доели и сгнули. А в Сашиной кабинке стонали. Все с ней было в порядке.

— Вот тут, — сказал Артем.

Переглянулись.

Сели ждать за дождиком, уставившись каждый в свой стакан. Гомер ерзал, кашлял. Артем слушал себя: что там? Ветер внутри выл. Крутил железные лопасти, скрипел, переделывался в силу, чтобы Артему еще немного побыть на земле. Где вы, белобрюхие небесные корабли? Куда летите по этому ветру? Глотал водку: в стакане от того, что пригубил, расходилось розовое облако, а внутри у Артема — облако мутное, как самогон. Сон наваливался. Сколько он не спал? Сутки?

Достонали; вышел какой-то хмырь, застегиваясь. Улыбнулся, как победитель. Что с этим делать?

Гомер сорвался с места, зашаркал туда. Курицу бросил.

— Саша?!

— Гомер... Ты?..

Артем не двигался. Не его разговор. Но не слышать не мог.

— Боже... Ты тут... Зачем ты? Сашенька...

— Со мной все в порядке.

— Я... Я думал, ты умерла... Искал тебя там, на Тульской...

— Прости.

— Почему ты не сказала мне? Не нашла?

— А ты как меня нашел?

— Я... Артем. Знаешь его? Он мне показал.

— Он тут?

— Ты... Зачем этим занимаешься? Саша? Зачем ты — этой грязию?

— Разве — это — грязь?

— Тебе не надо. Нельзя этим. Давай, ты... Собирай вещи свои. И пойдем.

Артем огладил наганный барабан. Не прямо сейчас. Завтра, послезавтра — когда к ней явится Бессолов. Пускай ответит. После этого — пожалуйста. Хорошо? Курица смотрела на него, голова набок.

— Куда? Я не пойду никуда.

— Как это? Тебя держат тут? Ты в рабстве? Мы можем... Я попрошу...

— Нет.

— Я не понимаю! Ты можешь другим зарабатывать... Если тебя выкупить нужно... Тебя нужно выкупить?

— Я не в рабстве.

— Тогда что?! Я не понимаю...

— Я тут на своем месте. Расскажи лучше про себя, как ты? Как... Хантер?

— Не знаю. Господи... Что значит — на своем месте?!

— Я там, где я нужна людям.

— Это глупость, это бред! Тебе восемнадцати нет еще! Что ты такое говоришь?!

Это бордель! Притон! Все эти грязные мужики... Это не может так продолжаться! Мы уходим!

— Нет.

— Пойдем!

— Пусти!

Курица вслушивалась: переживала за Гомера. А Артем не вмешивался. Прав не хватало. Да и на чьей стороне вмешиваться?

— Ты не должна! Ты не имеешь права! Ты не проститутка!

— Как будто это самое плохое, что может случиться с человеком.

— Ты... Бедная девочка. Я потерял тебя... Я виноват...

— Ты не виноват. И ты не мой отец.

— Я и не... Зачем тебе здесь быть? Тебе не нужно!

— Это все? Ты же думал, что я умерла. Вот я, живая — какая разница, проститутка я, или нет?

– Ты! Не! Проститутка!

– А кто?

Какой-то человек остановился у открытой двери. Затылок обритый собран в складки. На плечах куртка кожаная топорщится. Охранник? Проверяет, можно ли хозяину зайти? Артем протер глаза, подался вперед, посмотрел вправо и влево. Темные волосы на пробор, мешки под глазами – нет такого человека в толпе?

– Ты не та девушка, которая станет за патроны себя... Которая позволит... Себя... С собой такое... Я тебя не такой помню!

– Ясно. А если я такая теперь, то что?

– Нет! Это мерзко!

– Ну сделай меня другой в своей книжке. Сделай меня такой, как тебе нравится. Какая разница, чем я занимаюсь в жизни? Какая разница, что там с Хантером?

– При чем тут это?!

– Ты закончил свою книгу? Чем? Что случилось на Тульской?

– Я не понимаю. Потоп! Прорыв вод.

– Чудо. Чудо у тебя там?

– Это не финальный вариант.

– Ну поправил же резну на чудо. Вот и меня поправишь. Сделай меня феей. Прости. У меня следующий гость сейчас. Я по записи принимаю. Как доктор. Сделай меня доктором.

– Я не уйду!

Человек со складчатым затылком послушал это все, плюнул и ушел. Артем обмяк. Гладил Рябу пальцами. Курица дремала. Наган не спал.

* * *

Вертели анальгин со спиртом этот вертеп, вертели мир, Артемову голову, надежно закрепленную, вертели. Вышел наконец Гомер – потерянный, как ледяной водой облитый и током встряхнутый.

– Зачем она так?

– Ты иди. Иди, дедуль. Дай мне с ней поговорить. Потом... Увидимся. Давай в той же харчевне. Где вы с Ильей. Соболезнования ему.

– Ты тоже... Ее?

– Посмотри на меня. Куда мне? Мне поговорить.

– Забери ее отсюда, Артем. Ты хороший парень. Искренний. Забери.

– Искренний. Ладно.

Постучал. Она слышала уже голос, не удивилась ему. Он качнулся внутрь.

– Привет.

Дмитрий Глуховский

— Ты вернулся! Был в своей Балашихе?

— Был.

— На тебе лица нет. Сядь. Хочешь что-нибудь? Воды? Вот тут, вот сюда.

Она была удивительно чистой, Саша. Свежей. Никакая грязь к ней не приставала. Вот только что мяли ее, разрывали на куски, а она волосы всего поправит — и воспрянет снова. Как это она делает? Как женщины это делают? Может, пьют мужчин?

— Там... Там глушилки. В Балашихе.

— Какие глушилки?

— Сашенька. Этот человек, которого ты хозяином называешь... Бессолов...

— Погоди. Это что тут у тебя? Господи, какие ужасные язвы. И это... Ты горячий. У тебя жар.

— Постой. Ты слышишь? Этот Бессолов. Кто он такой?

— У тебя пистолет.

— Когда он придет?..

— Бедный. Тебе хуже, да?

— Это он? Тот извращенец, который тебя использовал тогда, ночью? Который меня использовал? Который смотрел на нас?

— Который нас познакомил?

— Послушай. Послушай меня. Когда он придет? Я хочу с ним поговорить. Мне нужно.

— Зачем?

— Зачем. Он во главе этой пирамиды стоит. Он всем тут заправляет. Красными крутит, фашистами... Мельником. Я хочу понять. Какой в этом смысл. Что мы все в метро. В чем план. Пускай скажет.

— Смотри. У тебя корочки отсохли. От ожога. Можно?

— Это... Ты говорила, я это сам себя прижег?

— Да.

— Почему я это сделал? Зачем?

— Поговорил с ним и прижег себя. С Алексеем.

— Я? То есть... Из-за Ордена? Это я... Я орденский девиз прижег... Он мне рассказал об Ордене что-то? Чем они занимаются теперь?

— Вспомнил?

— Значит, и ты все знала?

— Артем. Хочешь прилечь? Ты еле на ногах держишься.

Он сел на корточки у стены.

— Почему ты не объяснила мне? Зачем отправила меня в Балашиху?

— Ты ничего тут не сделаешь, Артем. Иногда можно только прилечь себя сигаретой. И все.

— И про глушилки?! И про мир?!

– Да.

– Когда он придет? Когда?!

– Я не знаю.

– Ты знаешь! Ты же говоришь, что чувствуешь его! Скажи!

– Что ты хочешь от него?

– Спрячь меня. Спрячь. Прошу тебя. Спрячь меня тут.

– Спрячу, – она опустила рядом с ним на корточки, погладила нежно по вискам голым, по темечку. – Вот за шторкой посиди.

Задержала занавеску.

– Еще можно сделать. Еще все можно.

Он смотрел еще в ткань, расписанную цветочками, и в сердцевине каждого цветочка видел чей-то затылок безглазый, целое цветочное поле из затылков. Тут были изображены все люди с Красной Линии, безликие, живущие только для того, чтобы им однажды в этот затылок выстрелили: такой орнамент.

– Зачем, – шептал себе Артем упрямо, чтобы не уснуть. – Хоть ты хозяин, хоть ты сам черт. Все расскажешь. Зачем ты так с нами. Зачем ты с людьми так. Зачем нам тут сидеть. А если не скажешь – в лоб тебе. Из вашего же нагана. Промеж глаз. Сука.

Баюкал-баюкал себя – и уснул.

Глава 20

ЧУДЕСА

И умер.

Всегда было интересно, есть ли там что, или просто свет выключают. И нельзя ли с кем-нибудь договориться, чтобы отправиться назад, в детство. В довоенное время, к еще живой матери на еще живую Землю. Вот был бы отличный рай.

Но загробный мир оказался другим. Какая жизнь, такое и посмертие: задренное. Разве что почище и стены в свежей краске. Масляной. Если вся жизнь масляной краской покрашена, то и рай с адом должны быть такими же.

Кроме стен, была койка. Рядом стояли еще, заправленные, пустые. Странно: не один же он сюда умер.

Еще палка металлическая была, а на нее повешен прозрачный пакет с какой-то жидкостью. От пакета шла резиновая трубка к Артемовой руке, подменял ему кровь на дрянь какую-то.

Ага. Живой, следовательно.

Поднял руку, сжал и разжал пальцы. Не привязана. Ногами пошевелил — свободны. Откинул простыню, посмотрел на себя: в чем мать родила. Дырки от пуль пластырем залеплены, белым. Зачем это с ним так? Кто?

Повел спиной — ничего не почувствовал. Подживали укусы от плетки. Посмотрел на сигаретные ожоги: корки сошли. Под ними — розовые пятна.

Что случилось?

Стал вспоминать: были цветы затылочные. Был с Сашей разговор. Револьвер был в руке. Как вместо этого всего ему подложили койку, а вместо крови — заменитель накапали?

Спустил ноги на пол. Взялся рукой за шест, как за посох. На ногах было стоять непривычно. Плыла голова, звуки кривились.

Комната квадратная, одна дверь.

Поковылял вместе с посохом и с фальшкровью на своих ходульках к этой двери. Подергал. Заперто. Постучал. Безответно.

Но там, за дверь, шла жизнь. Голоса какие-то раздавались, фанерой отфильтрованные, музыка, смех; смех. Может, рай там все-таки? А он в предбаннике? Надо просто от своей, порченной крови совсем избавиться, залить вместо нее ангельскую бесцветную, и пустят?

В замке завелась железная личинка, закрутилась. Услышали.

Артем подумал: чем бить? Но долго думал. Не успел.

На пороге стояла женщина. В белом халате: стираном и глаженном белом халате. Улыбалась ему.

— Ну вот. А мы волновались уже.

— Волновались? — аккуратно спросил Артем. — Вы?

— Конечно. Столько времени без сознания.

— Сколько?

— Ну уж неделя. Вторая пошла.

— Зато выспался, — сказал Артем, стараясь через ее плечо высмотреть, что там в коридоре ему готовится. — Не знаю уже даже, чем теперь на том свете заниматься буду.

— А вы разве торопитесь? — покачала головой женщина.

Она миловидная была. Веснушки бледные, глаза рыжие, волосы убраны. Улыбка — и видно, что часто улыбается: лицо так расчерчено.

— Врач сказал, неделя-другая, и в путь.

— Я тоже вот врач. И не стала бы уж так категорично.

— А как стали бы?

И у Артема в груди шевельнулась личинка — надежда.

— Ну... Вы получили, с моей точки зрения, дозу в пять или шесть грей. Когда? Недели за две до госпитализации? Судя по крови.

— До госпитализации?

— Если бы все было своевременно... Если бы мы начали курс сразу... Я бы сказала, что у вас были бы пятидесятипроцентные шансы. Сейчас — не хочу врать... Терапия приносит неплохие результаты. Переливания. Антибиотики удалось правильные подобрать.

— Антибиотики? Терапия? — Артем прищурился.

— Ну и остальное... Вы, думаю, и сами чувствуете. Язвы заживают. Так или иначе, это никакая не неделя. Есть вероятность — и вполне солидная — пойти на поправку. Организм хорошо реагирует...

— Антибиотики откуда?

— Простите? Если вы беспокоитесь о годности, то, уверяю вас...

— Я где? Это что? Это Ганза?

— Ганза? Которая там, снаружи? Кольцевая линия, вы имеете в виду?

— Снаружи? Снаружи чего?

— Куда вы? Пойдите! Вы, между прочим, без штанов!

Он оттолкнул ее, выбрался из комнаты.

Там шел коридор длиннющий, странный — как будто его внутри туннеля построили. Одна из стен скругленная, в тубингах. Но тубинги не как в метро, ржой поеденные — а чистые, окрашенные райским маслом. Чисто все, сухо. Лампочки вечные висят. Что за место? Не станция. Таких станций нет.

Заиграл где-то оркестрик, весело и пьяно.

— Мы где?

— Будет немного странно, если вы отправитесь исследовать тут все с голым задом, Артем. Предлагаю вернуться в палату...

— Откуда вы знаете мое имя?

— Оно у вас в карточке значится.

— В карточке.

И вот: вспомнилось. Вспомнилось, как сидел два года назад в клетке у фашистов, и как ждал раннего утра, чтобы быть повешенным. Никак не мог уснуть. А когда провалился в сон на несколько минут, подлый и жалкий мозг приснил ему спасение. Явился Хантер, истребил всех врагов, освободил Артема. Неплохой был сон; скверно, что просыпаться пришлось.

Артем поднял руки, посмотрел на них еще раз.

Чертовски захотелось поверить в это: что шансы, и что вероятность, и что выздоровление. Казалось, уже примирился со смертью, а нет. Только пообещали ему еще кусочек жизни, поманили им — купился.

А если сон — то и без порток можно.

И он зашагал вперед, на голоса.

Стена в одном месте проваливалась вдруг, и открывалось пространство с далеким потолком; тут видно было, как все построено — вроде туннеля, но туннеля гигантского, который по высоте можно было поделить на три человеческих этажа. И с первого из этих этажей вверх шла широкая парадная лестница, устеленная красными половиками. Над лестницей висел шар — поразительный. Оклеенный зеркальными квадратиками. По шару лучом бил какой-то осветительный прибор, и рассыпались вокруг, отраженные, блики, похожие на зайчиков от лазерных прицелов. Шар вращался чинно, как будто был планетой, и зайчикиплыли по стенам.

Сверху играла удалая и отчаянная музыка, там и смеялись. На всю стену над ступенями было развернуто огромное знамя — сочно-красное, расшитое золотом. Посреди — герб: Земной шар в витом обрамлении, а поверх его — скрещенные молот и серп. Тем, кто бывал на Красной Линии, знакомый символ. И по нему тоже ползли веселые блики от зеркального шара.

У красных он?..

Зачем же красным его выхаживать?

Сон.

— Я буду вынуждена позвать охрану! — предупредила его врачница откуда-то сзади.

Артем поставил свой посох на первую ступень, поднялся к музыке поближе. Ноги были несильные, не до конца надутые. Подождал, потом вторую ступень одолел.

Что за место?

Медленно, прищуриваясь, брел вверх. Стала открываться глазам арка; в ней виделись белый потолок, и яркий свет, словно дневной.

И вот — выплыл из-за ступеней — зал...

Огромный зал. Круглый свод иссиня-белый, сам будто светящийся, с потолка люстры, как стекольный взрыв, пол — мягкий, застеленный сплошным ковром в удивительных ярких разводах; на такие нельзя глядеть, укачивать начинает. И всюду столы, столы, одни столы. Круглые, накрытые — скатерти заляпанные, но тоже когда-то бывшие белыми. Тарелки с обьедками, графины чем-то рубиновым до середины заполненные. На полу вилки валяются.

И люди: тут и там.

Собрались в кучки за одними столами, другие объели и оставили. Где-то обнимаются, сомкнувшись лбами, как Артем с умирающим ээком в туннеле, но не от тоски, а от водки. Где-то ведут важный разговор. Одеты странно: под пиджаками не голое тело, а рубашки, хоть и мятые. Галстуки даже, как на довоенных фотографий.

Артем, будто невидимый, шагал к ним по мягкому коврику, купал босые ступни в шерстяной траве. Поднимал на него от стола кто-то мутный и удивленный взгляд, но долго глядеть не мог, и отваливался обратно, в сложные салаты и в недопитые стопки.

Расхристанный оркестр бузил на сценке в дальнем конце зала, и какой-то пузан порывисто и косолапо отплясывал промеж музыкантов под косолапые аплодисменты от ближайшего столика.

— Артем?

Он остановился, замеченный.

— Садись. Не стесняйся. Да ты и не стесняешься, я вижу.

На него с улыбкой глядел человек. Темные волосы — влажными пластами через лоб, мешки под глазами набрякли, глаз хмельной блестит, рубашка расстегнута. Рядом с ним какой-то лысеющий боров, раскрасневшийся и икающий.

— Алексей... Феликсович?

— О! И ты меня помнишь?

— Я вас искал.

— Ну вот: нашел! Артем — это Геннадий Никитич, Геннадий Никитич — Артем.

— Очприятн! — всхрипнул боров.

Артему только сейчас пришло в голову прикрыть срам. Только сейчас стал подзревать: ну а если не снится? Бред вокруг невыносимый, но нельзя же во сне подумать о том, что спишь, и что скоро просыпаться, ведь от этого же сразу проснешься?

Он сел голым задом на бархатный стул, прикрылся салфеткой. Как в таком положении допрашивать Бессолова? Где Артемов наган? Чем ему угрожать, чтобы правду говорил? Столовым ножом?

— Как я здесь оказался?

Спросил, чтобы не признаваться про сон.

— Подружка твоя меня уговорила. Наша общая.

— Что?.. Саша?

— Саша. Исключительно слезно меня молила. А я, знаешь, мягкий человек по природе. Ну и потом вспомнил тебя, какой ты смешной. Неплохо тогда оттянул... Молочный брат, так сказать. Так что мое сердце дрогнуло. Я ведь тебя с колен поднял. Помнишь что-нибудь? Ты, кажется, глистой злоупотребил. Был несколько не в себе. Но со всеми заданиями справился.

— Какпикантн!

Артем влез поглубже под скатерть. Вдруг почувствовал себя очень голым, постыдному, по-идиотски. Саша просила у этого упыря спасти его? Его выхаживали, потому что Саша уговорила?

— Я не хочу. Мне не нужно такое. Мне не нужно, чтобы ты мне тут эти поддачи свои!

— Узнаю брата Колю. И тогда ведь как воевал! Под глистой. Собирался наводить мировую справедливость. Особенно когда про Мельника мы с тобой беседовали. Две сигареты у меня истратил, чтобы свести наколку. Неужели — ноль?

— Где мы? Я? Сейчас?

— Мы? В бункере. Нет, не в вашем героическом бункере, не делай таких глаз. Тут этих бункеров, под Москвой, знаешь... Мы вот себе поприличней подобрали. С евроремонтом. Остальные — так себе. Где подтоплено, а куда вообще не попасть, так двери проржавели.

— Именнтак!

Подошла врачиха и с ней охранники; нарядные, в кителях, будто с парада только. Изготовились Артема крутить.

— Ну что ж вы, сразу заберете его у меня? — расстроился Бессолов. — Дайте потолковать с человеком. У него вопросов, наверное, тьма.

Врачиха согласилась, отошла.

— Саша меня сюда?

Голым и бессильным. Спасла?

— Ну да. Облучился, говорит, парень. Облучился, потому что сам, в одиночку, разгадал все ваши страшные тайны. Очень хотел на поверхность и вот дошел. Радиоцентр в Балашихе даже штурмом взял. Глушилки отключил! К народу обращался! Герой! Молодчага!

— Она рассказала? Тебе?

Предала? Выдала?

— И она тоже. Ну и свои источники. Я тебя, признаться, недооценил тогда. Ты, правда, лыка не вязал. Люблю вот это: с простым человеком побеседовать. Чуть-чуть ему рассказать, как все на самом деле, и понюхать, как у него там мозги дымить начинают. Тут многие годами в метро не выходят, а я любопытный. Ну мне и по работе положено с людьми общаться.

— Замечательнчлаэк! — высказался боров.

— Мы... В Москве?

— В Москве, конечно.

— Бункер? Почему... Так странно выглядит? Почему знамена советские? Это... Я не понимаю. Это Красная Линия разве Ганзой управляет? Или Ганза все-таки — Красной Линией?

— Какая разница?

— Что? — нахмурился Артем; белый зал сползал куда-то вбок, вверх.

— А есть какая-то разница между Красной Линией и Ганзой? — зыбуче улыбнулся Бессолов. — Ты бы еще между красными и фашистами десять различий нашел.

— Не понимаю.

— Это хорошо. А я готов объяснить. Пойдем-ка пройдемся тут. Без штанов, правда, не очень будет все-таки. Эй! Человек!

Прибежал суетливый официант в бабочке, седой и усатый. Бессолов ему приказал с себя снять портки и рубаху, чтобы гостя одеть. Артем потребовал свою одежду, но ему сказано было: все сожгли. Тогда согласился на черно-белый наряд, кроме уж бабочки. Официант, подрагивая седовласым животиком, стоял смиренно. Ангельскую кровь врачиха отцепила, прокол в руке заклеила пластырем.

Алексей Феликсович поднялся, утер губы салфеткой; отчалили от стола.

— Очвпечтлён! — попрощался с Артемом боров.

Пошли, здороваясь, между упитых и засыпающих на пиру: Кондрат Владимырь, Иван Иваныч, Андрей Оганесович, и прочие.

— Кто они? Кто эти люди?

— Прекрасные люди! — заверил его Бессолов. — Лучшие!

Вышли на лестницу.

— Значит, — Алексей Феликсович обвел пространство рукой. — Был вопрос. Почему советская символика. Отвечаем. Тут у нас раньше, до того, как все стряс-

лось, располагался Московский музей «холодной войны». Частный музей. Но! Находился он в настоящем правительственном бункере времен этой самой «холодной войны». Бывший так называемый ГО! То есть — государственный объект. Как-то его там приватизировали, не пойми как, в бурные девяностые, не важно. Затопленный, загаженный, заброшенный. Потому что в то время нам всем казалось, что бункеры эти более никому не пригодятся. Далее его уже новые хозяева оформили на свой ностальгический вкус: вот эти знамена, звезды красные, серпы-молоты, и прочая, и прочая. Как бы с намеком на СССР, но на такой вот нэпманский лад. Сделали прекрасный ремонт, за что им большое спасибо. Так сказать, приняли с сохой, а оставили с атомной бомбой. Собрали любопытную экспозицию исторических артефактов и стали водить сюда иностранных туристов. Но когда случилась Третья мировая, им живо напомнили, что значит это «ГО», и кто тут настоящий хозяин, а кто временщик. Потому что тем, кто тут побывал, уже, конечно, в настоящие ГО не хочется. Там скуповато все, без этого вот шика. Все-таки частные руки — это частные руки. Ну и стилистика величественная, дух захватывает. Глядишь на это знамя — и вспоминаешь, как наша великая держава грозила всему миру. Так что мы тут не стали ничего менять. И стильно, и патриотично, и уютно.

Зайчики от стеклянного шара щекотали красное знамя, играли с гербом.

— Но ведь Красная Линия... Они под этими флагами... Людей на пулеметы! Сейчас, на Комсомольской! Вчера! Неделю назад! У меня! Ребенка... На руках... Не моего... Но...

— И что, позволь? Мы тут ни при чем.

— Это ведь вы заставили Мельника патроны им отдать! Ганза! Там, на Комсомольской, Москвину! — Артем наконец пробудился.

— Во-первых, мы — не Ганза. Во-вторых, мы никого не заставляли. Патроны эти наши. А Орден — просто инкассаторская служба. Москвину причиталась компенсация за действия Рейха. А что уж они делают с патронами — вопрос их этики. Зато мы остановили войну. Которая началась, опять же, не из-за того, как в целом система выстроена, а из-за кретинских инициатив на уровне среднего звена. Как, кстати, и с вашим героическим бункером тогда. Тебе что, гражданская война нужна?

— Они там, на Комсомольской этими патронами столько людей перекрошили! Живых! Что ты меня войной пугаешь?! Там люди от голода готовы на пулеметы! Ты себе представляешь, что это?! Как это?!

Бессолов замолчал и молчал, пока не спустился по ступеням.

— А что делать? Мы пытаемся найти средство от этой грибной гнили. Пробуем пестициды. Но есть же какие-то естественные процессы. Экология метро, так сказать. Предлагаю считать, что у них так численность популяции саморегулируется.

— Но сами-то вы тут жрете от пуза!

— Может сложиться такое представление, — согласился Бессолов. — Но глупо думать, что от пуза не жрет верхушка Полиса, или Москвин, или Мельник. Тут уж что кесарю, а что не кесарю. Консервов из Гохрана на всех не хватит. Так устроен мир. Если я выйду отсюда и скормлю объедки со своей тарелки несчастной голодной девочке, это ничего не изменит. Мои объедки — не Иисусова рыба. Тем не менее, я выхожу и кормлю голодную девочку. И ничего не меняется.

— Потому что ваша Ганза ничем не лучше Рейха!

— Говорю же тебе, Ганза, по сути, и есть Рейх.

— Что?

— Догоняй.

Артем заковылял за ним.

С лестницы под знаменем свернули направо. Над головой светилась ярко-красная звезда. Сияла багрово надпись «Бункер-42». На все это хватало электричества. Все это было важно. По коридору вышли к пустому бару. Стойку озарял свитый из неоновых трубок «калашников»; бармена не было, откупоренные бутылки предлагали себя. Бессолов загреб что-то с нерусской этикеткой, выдернул рыхлую пробку зубами, приник. Предложил Артему; но тот побрезговал.

— Итак, Музей «холодной войны»! — сказал Бессолов, поворачивая в узкий ходок: стальные листы скреплены квадратными клепками.

Вошли в помещение: на стене — подсвеченная старинная карта: огромная малиновая тень на полмира подписана «С.С.С.Р.», серые европейские государства жмутся друг к другу, все испещрено штампованными силуэтами ракет и крылатых самолетов. В углу стоит бледный манекен, обмундированный в старинную форму; глупую, летнюю. Охраняет огромную жирную бомбу; масляной краской крашенную в серый.

— Вот тут у нас занимательная экспозиция... Макет первой атомной бомбы, разработанной и созданной в Советском Союзе...

У бомбы в носу устроен колпак из стекла, как будто чтобы можно было внутрь ада заглянуть. Но там, конечно, ничего: какой-то приборчик со стрелочками.

Но Артем не на нее смотрел. На огромную карту Европы.

— Это же вы, да? Глушилки — ваши. Я тебя для этого одного искал. Зачем это нужно? Для чего мы сидим тут?! В метро? Если весь мир выжил...

— А он, что, выжил? — Бессолов удивленно приподнял брови. — Ну ладно, ладно. Выжил. Саечка за испуг.

— Все эти ракеты, самолеты на карте! Это же старье все? Тут еще СССР даже, а не Россия! Этой карте сколько, лет сто? Ведь нет никаких врагов, да? Врагов, которых Мельник боится. Ради которых глушилки эти. Война кончилась! Тогда еще! Да?!

— Это все очень субъективно, Артем. Для кого-то она еще, может, и продолжается.

— Они не собираются — Запад — с нами ничего делать! Так? Это ты Мельнику можешь этим башку морочить!

— Каждый верит в то, во что ему удобней.

— Зачем?! Тогда глушилки — вы зачем поставили?! Иногородних отстреливать?! Изображать, что вся земля разбомблена! Зачем?! Что мы одни! Зачем мы тогда в метро сидим?!

— Затем, — Алексей Феликсович стряхнул с себя всю игривость, как гадюка кожу, — что вне метро мы перестанем быть народом. Перестанем быть великой нацией.

— Что?!

— Попробую и это объяснить. А ты прекрати орать и попробуй послушать. И кстати, глушилки ставили не мы. Они старые, с советских времен еще. Качество! Их просто в девяностых коммерсантам сдали, музыку потранслировать. На время.

Костюм старого официанта сидел на Артеме мешком. Где-то позади хмыкнул охранник, обозначая свое присутствие. Алексей Феликсович извлек из нагрудного кармана носовой платок с буквами в углу, пошел вдоль бомбы, стирая с нее пыль.

— Но, пожалуй, начнем с нее, красавицы.

— Зачем вам тут это? — Артему было мерзко: Бессолов будто мертвую голову в губы целовал.

— Ну как же. Надо знать свои корни, — тот обернулся к нему, улыбнулся. — Поэтому мы тут ни-че-го не трогаем. Эта бомба — прародительница нашего суверенитета! — Алексей Феликсович огладил огромное бомбино брюхо. — Мы только благодаря ей, в сущности, и смогли защититься от посягательств с Запада. Защитить наш уникальный строй. Нашу цивилизацию. Если бы наши ученые не создали ее, страну бы поставили на колени сразу после Второй мировой! Ну и потом...

— Чтобы в Третьей мировой ей же нас и...

— В Третьей? — перебил Алексей Феликсович. — В Третьей мы немного заигрались. Увлечлись, так сказать, своей телевизионной правдой. Человек вообще умеет так вот: заместить реальное иллюзорным. И жить в совершенно придуманном мире. В принципе, полезное свойство. Все метро прекрасно живет, например, в этой системе воображаемых координат.

— Все метро прекрасно живет?! — Артем подобрался к нему.

— Я имею в виду, все работает. Все увлечены. На Красной Линии верят в то, что они сражаются с Ганзой и с фашистами. Люди в Рейхе верят в то, что они бьются с красными и с уродами. Люди на Ганзе Москвиным детей пугают и соседей как красных шпионов закладывают. Как будто это все существует взаимно!

— Как будто? Я! Был, — Артем почувствовал, как ему в этом музее перестало хватать воздуха. — Я был в туннеле. Между Пушкинской и Кузнецким мостом. Где красные с фашистами сравили. Десятки живых. Людей. Они там насмерть друг друга... Кирками. Ножам. Арматурой. Это взаправду было. Понял ты, мразь?! Это! Было! Взаправду!

— Сочувствую. Но что это доказывает? Кто там погиб? Красные? Фашисты? Нет. Некоторое количество генетически ущербных с одной стороны, и некоторое количество вредителей и болтунов с другой. Управляемый конфликт. И такое своеобразное самоочищение, если взглянуть на это отстраненно. Как если бы наша система была живым организмом... Клетки, которые мешают выживанию, отмирают и отшелушиваются. Но повторю. Мы не начинали эту войну. Среднее звено военной разведки Рейха, чтобы выслужиться перед начальством, атаковало Красную Линию. Не имея представления о том, что ни Красной Линии, ни Рейха, собственно, нет.

— Что значит — нет?

— Ну то есть — конечно же, есть! Есть названия. Людям же очень важно как-то себя называть. Считать себя кем-то. Очень важно с кем-нибудь бороться. И мы идем им навстречу. У нас же не тоталитарное государство! И мы предлагаем им самый широкий ассортимент: хочешь громить уродов, Железный легион ведет призыв. Мечтаешь о бесплатной пайке и об общем деле — беги на Красную Линию. Не веришь ни во что, хочешь просто делать бизнес — эмигрируй на Ганзу. Интеллигент? — фантазируй об Изумрудном городе, а штаны протирай в Полисе. Удобная ведь система. Я и тогда, на Цветном, пытался тебе это втолковать. Зачем тебе наверх? Свободу мы тебе и тут обеспечить можем. Что ты еще наверху забыл?

Алексей Феликсович остановился у выхода, окинул усыпальницу бомбы взглядом, потушил свет. Артем все думал над ответом.

— Так вы не с Ганзы? Это все — не Ганза?

— С какой Ганзы? — покачал головой Бессолов. — Говорю же: никакой Ганзы нет. Ну? Есть Кольцевая линия, и есть люди, которые считают, что живут на Ганзе.

— А откуда тогда?

— Да отсюда же, — Алексей Феликсович поднял глаза к сводчатому потолку, скрученному из тюбингов. — Вот ровно отсюда. И даже скорее вон оттуда. Догоняй.

Вышли в какую-то комнатенку, выстланную паркетом, стол с горящей зеленой лампой: пост. На посту часовой в офицерской форме встает, козыряет. Приемная чья-то? На второй полуэтаж ведут эскалаторные ступени; муляж. Как будто из другого времени комната: не из притворных двухтысячных, а из каких-то как бы старинных, а на деле вовсе никогда не тикавших.

Поднялись по ступеням, там дверь.

Кабинет. Застекленные книжные шкафы набиты томами; посреди комнаты — помост-подиум. И в углу — номенклатурный стол, как у Свинолупа или у Мельника. За столом сидит человек.

Неподвижный.

Откинутый назад. В потолок глядящий. Глазами с пластмассовым блеском.

В кителе, на погонах золотые звезды. Усищи черные. Волосы зачесаны.

— Это...

— Иосиф Виссарионович. Прелесть, правда?

— Сталин?..

— Ростовая кукла Сталина. Воск. Можешь посмотреть.

Артем, запутанный в этом сне, послушно взошел на подиум.

Сталин положил бескостные руки на стол; в одном восковом кулаке торчала ручка, будто кукла-вождь собиралась подписать какой-то приказ. Другой был расправлен в плоскую ладонь, пальцы тянулись вперед. Под усами была улыбка — ножом вырезанная, неустанная. Рядом лежали тряпичные невянувшие розы.

Артем не выдержал, дотронулся Сталину до носа. Тому было все равно. Все равно, что умер и что воскрес, все равно, что он теперь кукла, все равно, что он такой ценой спасся, когда мир стал прахом, все равно, цветы ему кладут или за нос щиплют. Сталин был в прекрасном настроении. Сталина все устраивало.

— Как живой, а? — сказал Бессолов.

— Он тоже... Из музея? Экспонат?

Артем подошел к книжному шкафу, пальцем собрал со стекла пыль, посмотрел на полки. Они все были забиты одной и той же книгой, бессмысленное число раз воспроизведенной. На корешке каждой значилось: «И.В. Сталин. Собрание сочинений. Том I».

— Зачем? — Артем оглянулся на Бессолова. — Что за бред?

— Тут был сталинский кабинет, когда это был настоящий бункер. Правда, гиды говорят, сживать Иосифу Виссарионовичу тут не пришлось: скончался до сдачи объекта в эксплуатацию. Но ради западных туристов сделали чучело и кабинет до ума довели. Когда мы бункер занимали, Сталин был уже тут. А мы все сберегли. Уважение к истории своего народа должно быть!

Алексей Феликсович взобрался на помост тоже, приблизился к Сталину, уселся на его стол, поболтал ногами.

— Преемственность! Вот он, а вот мы. Получается, что он как бы для нас этот бункер строил. Думал о нашем будущем. Великий вождь.

Кроме усаых портретов на Красной Линии Артем со Сталиным раньше не встречался; что он чувствовал, трогая великого вождя за нос? Воск.

— Почему преемственность? Преемственность на Красной Линии.

— Артем. Ну Артем! — цыкнул Бессолов. — Давай я тебе совсем уж разжую. Красная Линия, Ганза, Рейх — это ведь тоже чучелки. Они, конечно, имитируют самостоятельность, конкуренцию, борьбу. Воюют вот даже, когда забудутся.

— А вы тогда — кто?!

Алексей Феликсович ухмыльнулся.

— Изящная штука — многопартийность. Как гидра. Выбирай себе голову по вкусу, сражайся с другими головами. Считай, что вражеская голова — это дракон. Побеждай. А сердце-то? — Бессолов погладил стол, обвел подбородком кабинет. — Вот сердце. Его ты видеть не видишь, и знать о нем не знаешь. И если бы я тебе не показал его, продолжил бы ты с головой бороться. Не с Красной Линией, так с Ганзой.

Артем отстал от шкафа, подошел к Бессолову вплотную.

— Не пожалеешь, что показал?

Тот не отодвинулся, не посторонился. Он Артема не боялся, как будто это не он Артему снился, а Артем ему.

— Пойди, расскажи кому-нибудь о том, что тут был. Мельнику даже своему. Что он тебе на это? Скажет, помешательство.

Артем проглотил. Неужели и в этом по пьяни исповедовался?

— А он не бывал тут?

— Нет, конечно. Зачем сюда всех-то пускать? Это храм. Святылище.

— А я?

— А ты. Ты блаженный, Артем. Юродивым в храм можно. Им и чудеса показывают.

Вдруг щелкнуло.

— Невидимые наблюдатели.

— Громче!

— Невидимые наблюдатели.

— Вот. Смотри-ка, небезнадежен!

— Это же байка. Миф. Как Изумрудный город.

— Точно, — согласился Бессолов. — Байка. Сказка.

— Все рухнуло сто лет назад! И месяца не продержалось. Государство. Потом хаос был. И с тех пор... Это все знают. Дети это знают. Нами никто не управляет. Мы тут сами по себе. Одни. Невидимые наблюдатели — миф!

— Но только откуда вы все знаете, что это миф? Мы же тебе это и рассказали. Понимаешь? Сразу дали тебе готовый образ, в который ты нас можешь уложить. Ты ведь, простая душа, сердцем думаешь, а не головой. Образами. Ничего, насыплю я тебе штампов, угощайся! Невидимые наблюдатели. Оп! С одной стороны — ты заведомо в меня не веришь, а с другой — как бы все уже про меня знаешь. Слухи! Лучше телевизора.

— Но вы же... То есть, прежние лидеры... Правительство, президент... Все же были эвакуированы за Урал? Система управления распалась... Государство...

— Ты сам подумай: ну зачем нам за Урал? Зачем нам в какой-то отдельный бункер на краю света? В одиночестве куковать? Что нам там делать — друг друга жрать? Ну куда мы от вас? Наше место — с народом! — он потянулся, похожий на сытого кота.

— И где же вы были? Когда мы дерьмо жрали? Когда друг друга душили? Когда мы там, наверху, из-за вас дохли, вы были — где?!

— Да рядом. Всегда были рядом. За стеночкой.

— Этого! Не может! Быть!

— Говорю же — работает. Искусство не пропьешь.

Бессолов слез со стола, приложился к своей янтарной бутылки.

— Что-то мы застряли тут. Пойдем, быт покажу. Довольно аскетичный, кстати. Чтобы ты уж не думал.

Он заботливо подсадил сползающего Сталина и спустился с подиума. Артем медлил, обожравшись знания.

— Суки вы.

— А что мы сделали-то? — спросил Алексей Феликсович. — Наоборот — минимум вмешательства! Мы же просто наблюдатели! И к тому же невидимые. Если только система крен дает, тогда приходится поправить.

— Система?! Люди от голода своих детей жрут!

— И что?! — Бессолов зыркнул на Артема недобро. — Это не нам нравится жрать ваших детей. Это вам нравится жрать ваших детей. И нам не нравится, что вы жрете своих детей. Нам нравится просто править вами. Но если мы хотим вами править, мы вынуждены позволить вам жрать ваших детей!

— Ложь! Вы нас сюда засунули, и вы нас тут держите! Вы с людьми, как со свиньями! Везде шпики... У одних СБ, у других КГБ, у третьих... Везде свинолу-пы... Какая, действительно, разница между Рейхом и всем остальным...

— А с нашим человеком потому что иначе не управишься, — строго ответил Бессолов. — Он от природы такой. Только гайки ослабишь — бунт! За ним глаз да глаз. Что вот на твоей Комсомольской? Вон они, потребовали своего. Восстали. Чем кончилось? Кровищей! И что, пошатнуло это Красную Линию? Нисколько! Да спецслужбы нашему человеку богом посланы! Он буйный от природы! Пулеметы твои... Да они сами к пулеметам поближе прижались, первый ряд заняли. Зато терпеливые выжили. Хоть какая-то селекция. А как нашим человеком еще управлять? Его все время отвлекать надо. Обуздывать. Канализировать, так сказать. Идею ему подкладывать какую-нибудь. Религию или идеологию. Врагов ему придумывать все время. Не живется ему без врагов! Он без врагов теряется! Не может себя сам определить. Ничего про себя не знает. Вот были у нас прекрасные враги про запас два года назад. Черные. Лучше их внешней угрозы и не придумаешь! Копались себе на поверхности. Были угольно-черного цвета, даже без глазных белков, как черти. И внушали нашему человеку ужас и омерзение.

Замечательные враги. И сразу все ясно: если они — черные, значит, мы — белые. Мы их берегли на всякий пожарный. Сценарий «угроза человечеству». Нет, нашелся какой-то имбецил, накрутил этого старого дурака из Ордена, взяли и расстреляли наших ручных чертей ракетами прямо в их сафари. Можешь себе представить?

— Могу.

— Мы пытались через Совет Полиса помешать, намекали, что никакой угрозы от черных пока нет, но где там. В общем, сценарий в топку пошел. Пришлось и Мельника твоего приручать. Я бы за инициативу на местах руки вообще отрубал. Если бы у нас диктатура была. Идешь?

Артем, оглушенный, раздавленный, поплелся за Бессоловым следом. Прошли мимо часового, тот снова вскочил и опять отдал честь. Оказались в узком ходке, гулко зашагали по железному полу. Миновали тот отворот, где располагался ресторан. Долетел зайчик от зеркального шара, заскочил Артему в глаз. Кружился шар, как Артемова башка — было раньше зеркальное полотно, и в нем помещался, отраженный, весь мир. А вот разнесли зеркало вдребезги и наклеили черт знает на что, и лупили теперь по нему прожектором для развлечения и красоты.

Миновали поворот, дальше пошли.

— Чем вы его? Чем вы их всех? — спросил он тупо. — Купили? Москвина? Фюрера?

— Ну! Тут нельзя обобщать. Тут к каждому человеку свой подход. Москвин деньги ценит и брата отравил. А у Евгения Петровича, к примеру, дочурка растет беспалая. Родилась такой. Сентиментальный человек. Напринимал законов о борьбе с уродством, и сам же не может их соблюдать. А мы ему — снимочек. Вот, Евгений Петрович, вы, а вот у вас дочурка на руках, и жена рядом, чтобы сомнений не было. Так что играйте по правилам, Евгений Петрович, и играйте вдохновенно, потому что ваши граждане должны вам верить. Ни один самый вшивый гражданин не должен усомниться в том, что ваш Рейх — самый что ни на есть заправдашный Рейх. Он жизнь должен быть готов за Рейх отдать.

— Нет больше никакого Рейха. Сам себя сожрал, переварил и высрал. И фюрер ваш сбежал.

— А мы его вернем и обратно посадим. И новый Рейх ему отгрохаем еще лучше прежнего. Жену вот с дочкой взяли его уже, а фюрер подтянется.

— Зачем?! Он же людоедище!

— А потому, чудак-человек. Что нам с Евгением Петровичем привычно работать. И понятно, как. Компромат-то не выстрелил пока. Зачем нам нового человека искать, узнавать про его слабости, кормить наживкой, подсекать его, когда есть такой чудный готовый вариант? Сплоховал — да — ну, оштрафуем. Куда мы без Рейха-то?

— Они же мрази там! Звери! Одни звери, а другие трусы!

— Звери они не там, а по всему метро. И вот им построили чудесный красивый вольер. И звери сами ползут в него со всех концов. Железный легион и прочая. Воевать с уродами. Выпускать пар. Не будет Рейха, им куда идти? Подумай о людях. Нет, пускай лучше бьются за Рейх. Или за Красную Линию. Или за Орден. Выбирай на вкус. Свобода! Вот она, свобода-то!

— Людям не это нужно!

— Это. Это самое. Чтобы не скучать. Чтобы им было, чем себя занять. Чтобы выбор у них имелся. У нас тут под землей целый мир! Самодостаточный настоящий мир. И не нужно нам никакого другого мира сверху.

— Мне нужно!

— Ну вот тебе нужно, а больше — никому.

— У них там родные, может быть! Хотя бы для этого!

— Родные у них все тут теперь. А тебя, ей-богу, не пойму. Здоровье себе испортил только. Еле откачали тебя, дурачка. Ты вот — что там ищешь?

— Мы наверху родились. Там наше место. На воздухе. Мне там дышится по-другому! Думается! Мне тут направлений не хватает! Тут только есть — назад и вперед. Мне тесно тут, понял? Ты сам этого — не чувствуешь?

— Нет. У меня, знаешь, наоборот: на улице — кружится голова. Хочется сразу обратно, в бункер. В уют. Так. Тут у нас жилой блок. Квартирки.

Повернули.

В такой громадный, десяти метров в сечении, слепой туннель, посреди земли начинавшийся и где-то приходивший в такую же землю. Сколько их еще здесь? Ходок дальше бежал.

Время, видимо, было позднее. Обитатели бункера разбредались из белоснежного кабака, расхристанные и нечеткие, ползли домой. Артем через косяки заглянул в одну квартиру, выстроенную на полу туннеля. Потом в другую. Уютно, действительно.

По-человечески.

— Ты зачем мне это показываешь все? Говоришь?

— А я, знаешь, люблю это. Поспорить. Ты же революционер? Ты там, у Сашки, зачем сидел? Ждал меня. Романтик. Застрелить меня хотел из револьвера своего? Что, думал, убьешь меня — жизнь у вас наладится? Я-то что, я просто внутреннюю политику веду. Рубани меня — новая голова вырастет. Я тогда еще пытался тебе мозги вправить, на Цветном. Но видишь, у тебя память отшибло.

— На Цветном?

— Говорю, отшибло. Но что удивляться? Символично, в сущности. Это ваше беспомыслие — наше благословение, конечно. Никто ничего не помнит. Народ однодневков. Вчерашнего дня как будто и не было. И о завтрашнем дне никто думать не хочет. Сплошное сейчас.

— О каком завтрашнем дне?! Как можно завтра планировать, когда жратвы на сегодня в обрез? И это у тех, кому повезло?!

— А вот это уже наше искусство. Жратвы всегда должно быть только на сегодня, и всегда в обрез. На голодный желудок мечтается о понятном. Надо уметь балансировать. Дашь отожраться — у них несварение и самомнение шкалит. С кормом не считаешь — они власть крушат. Ну или то, что понимают, как власть. Выпьешь со мной за наше искусство?

— Нет!

— Зря. Надо пить больше. В водке спасение народа. Она, кстати, и от радиации помогает.

Напомнил.

Чужая чистенькая кровь ползла по Артемовым венам густо, как гель, жглась и мешала. Артем хотел бы назад свою, жидкую и грязную, отравленную. Лишь бы ничем не быть этим мразям обязанным. Пусть и неделю дожить, но зато свою собственную жизнь дожить, а не заемной шиковать.

— Ты про народ так... А сам-то... Ты-то сам откуда?

— Да... Могло прозвучать так, будто я народ не люблю. Или презираю его. А ведь я, наоборот, к нему со всей душой! Я люблю его, веришь? Выхожу в люди вот, знакоблюсь, общаюсь. Как с тобой познакомился. Просто, любя народ, надо про него все понимать. И честным нужно быть. Нельзя оболгаться. Да, такие вот у нас люди. Надо ведь чувствовать, какими людьми правишь. Надо помогать своему народу. Наставлять его. Бесов отлавливать.

— Правишь? Кто правит? Элои — морлоками? Ты-то сам аристократ, что ли?

— Я-то? — Бессолов улыбнулся. — Какая аристократия! Аристократию еще когда всю расстреляли! Я не из Москвы даже. Тележурналистом начинал. Кормили не ахти, в политехнологии пошел. Ну и дальше завертелось. Так что я вполне себе плоть от плоти.

И вдруг Артем понял: пускай течет гель их по его жилам. Вот отсрочка, за которую можно еще успеть кое-что сделать.

Посмотрел по сторонам: не так-то тут много и охраны. Надо пройти весь бункер до конца, конечно. Вдруг в одном из туннелей — военная база? На кого они опираются?

— А там что?

— А хочешь, сходим. В третьем туннеле у нас склад, а четвертый так и стоит голый. Коммерсы не успели до войны отремонтировать, ну а нам уже было недосуг. Что, думаешь, как отжать у нас тут все половчей? — подмигнул ему Бессолов. — Я тебя и так в подмастерья взять могу, попросись только.

— Думаю, что ты мне так и не объяснил, зачем мне тут торчать. Не понимаешь ты? Лучше или хуже — это все под землей, в метро. Кому это на хер надо? Когда наверну целые города? Леса! Поля! Океан, блядь!

Дмитрий Глуховский

Дошли до конца: до пустого громадного туннеля, ребристого, залитого ржавой водой. Уперлись. Жужжала помпа, откачивая из полости мокроту.

— А ты откуда знаешь, что там? А? Там, может, все то же самое, что и у нас, только без потолка. Ну, играет радио. Что, рай у них там от этого? Свобода? Любовь братская? Не смейся. Разбредаются по всей земле, дичают поодиночке без власти, без государства, забывают и как читать, и как писать. Я тебе про исключительность говорил. Это метро нас исключительными делает! Пятьдесят тысяч человек в одном месте. Только в такой концентрации можно цивилизацию уберечь, культуру. Только таким способом. Да, в метро. И что? Они там на свежем воздухе озвереют быстрее, быстрее забудут, что такое — быть человеком. Там! Наверху будут — неандертальцы, многоженцы, скотоложцы! А люди, духовные, разумные люди будут — тут!

— Духовные?! А кто детей-то жрет своих?

— Ну! Робинзон Пятницу тоже не одновременно от человечины отучил. Мы просто резких движений не делаем. Но рано или поздно...

— А почему бы нам самим не дать выбрать? Наверху или внизу нам жить? Вы нас-то почему не спросили?!

— Мы спрашивали, — улыбнулся Бессолов. — И спрашиваем.

— Тебе их кормить нечем! Хворь же грибная! Отпусти их, чтобы они хотя бы от голода здесь не передохли!

— Наш великий народ и не такие испытания переживал. Переживут как-нибудь. Они знаешь, какие живучие? Пиздец какие.

— Пускай идут наверх! Дай хоть шанс им!

— Наверх? А наверху, думаешь, молочные реки да кисельные берега? Ты был там! В Балашихе, например. Что им там жрать?

— Найдут, как себя прокормить!

— Романтик ты хренов. На кой черт я на тебя, дурака, время трачу?

— Ну и выпусти меня! Я не просил, чтобы меня спасали! Чтобы такие, как ты...

— А что, думаешь, если я тебя выпущу, за тобой все метро сейчас поднимется? Скинешь нас, расскажешь людям правду, и поведешь их за собой наверх? И все там будет не так, как здесь?

— Будет!

— Да иди, — равнодушно сказал Алексей Феликсович. — Валяй. Я тебе даже твой революционный наган верну! Тебе там не поверит никто, как ты мне не поверил. Ты хоть осознаешь, что ты просто будешь всем пересказывать байку о Невидимых наблюдателях? Очнись, Артем!

Артем кивнул. Улыбнулся.

— А это мы еще посмотрим.

Глава 21

ТОВАРИЩИ

Сняли с головы мешок.

Посмотрел.

Но и без этого уже можно было угадать, куда его привезли — по голосам: на Цветной. Туда же, откуда и забирали. С самого бункера волокли в мешке, чтобы обратной дороги найти не смог.

Расстегнули наручники, сдернули с плеч балахон, дали под зад пинка; потом рядом упал-звякнул черненый револьвер.

Артем первым делом за него схватился. Пустой. Обернулся — а провожатые уже в толпе рассеялись. Мелькнули две серые человеческие песчинки и засыпались прочим серым песком.

Сразу же, без проволочек, и вышвырнули из бункера. Как был в официантском обмундировании, так и остался. Врачица только успела каких-то таблеток напихать ему в карман выглаженных по стрелочкам штанов. Добрая душа. А потом — мешок на голову.

Сел, подумал. Вокруг люди совокуплялись вовсю, потому что нужно было как-то жить. И Артему теперь приходилось как-то жить со всем узанным в некрепкой, фанерной своей черепной коробке. Узанное давило на миллиметровые стенки изнутри, дальше с ним Артему было несовместимо.

Нельзя было поверить, что все происходящее в метро — весь ад, вся беспросветность и вся бессмыслица — на самом деле, кем-то учреждены, и что кого-то они вполне удовлетворяют. Не то было жутко, что людей с грунтом мешали, чтобы туннели засыпать, а то, что без этого и мир не стоял бы, провалился бы в полости. Нельзя было понять такого мироустройства.

И нельзя его было простить.

Сидел, глядел в чью-то ходуном ходящую белую голую задницу, и спорил с ней, как будто она была бессоловским лицом. Высказывал ей все, что Бессолову не сообразил высказать.

— Конечно, если столько лет людям врать... Как им отличить правду от... Если к корыту с помоями их пригибать всегда... Но это не значит, что они не могут распрямиться... Наверх посмотреть или вперед хотя бы... Конечно, вы так устроили все... Но это не значит, что они сами не могут... Или что не хотят... Спрашиваете? И сами подпихиваете ответы правильные ... Спрашивают они...

С задницей спорить было легко. Задница не возражала.

— А что люди понимают... Это вас сносить нужно... К чертям... Бункер ваш... Разгонять. Если не разогнать... Не вскрыть гнойник... Тогда ничего... Надо вас, крыс жирных... За шкуру... Людям показать вас... Вы при людях поговорите так... О них... Как о скоте... Вот тогда. Тогда посмотрим. В бункере они... Гниды... Всех разгону... Мне не поверят — вам поверят... Вас заставлю все сказать... А если не скажете... Из этого самого ствола вам... Затылки не только у нас есть... Суки...

Он сдавил в руке рукоять порожнего нагана.

Одному такое не сделать. Ничего не сделать одному.

Маленькая у него команда — но есть. Летяга, Гомер, Леха. Собрать их. Рассказать им, тем, кто уже полправды знает, вторую половину. Спросить у них. Вместе придумать, как найти и как вскрыть это крысиное гнездо.

Времени прошло — неделя? Больше? Разбрелись все, наверное, по метро. Забились в какие-нибудь щели. Один — чтобы Мельник не нашел, другой — Ганза. Но вот Гомер... Рейха-то нет больше. Может, Гомер знает, где остальных всех искать? А где искать Гомера, известно.

Встал.

Зашагал, распахивая выстроившихся за лаской с номерками на ладонях, мимо пообсохших фашистов, мимо шалав всех калибров, мимо пуганых подростков, пришедших открывать любовь, мимо опаленных сталкеров, которые хотели хотя бы поглядеть, мимо мерзавцев, которых жизнь изнасиловала, и им теперь надо было через женщин изнасиловать жизнь. Мимо всех них, только начинающих или уже заканчивающих свою зрелость в подземелье.

Где тут Сашина каморка?

Нашел.

Вошел без стука, без очереди, вlepил наганной рукоятью какому-то бесштанному вояке по темечку, сволок его с Сашеньки, сложил в углу; тогда уже поздоровался, отвернувшись в сторону, чтобы она могла запахнуть.

— Где Гомер?

— Тебе тут нельзя, Артем, — она смотрела на него снизу. — Зачем ты сюда вернулся?

— Где старик? Он же не отстал от тебя? Или отстал? Куда он ушел?

— Его забрали. Пожалуйста, уходи.

— Забрали? Кто забрал?!

— Тебе... Он помог тебе? Алексей — помог? Ты выглядишь другим. Лучше.

- Он мне помог. Ты мне помогла. Спасибочки, бля. Всем вам. Благодетелям.
- Ты же хотел узнать. Вот и узнал. Да? Или чего ты хотел? Просто умереть?
- Да. Прости. Мне... Я не хочу от него... От них. Это подачка. Мне не надо. Было. А теперь... Теперь спасибо уже.
- Почему ты ушел от них? Там же... Там же совсем другая жизнь, да?
- А ты не бывала? Там? Он тебя не брал?
- Обещал. Должен. Но я попросила вместо себя – тебя. Пока.
- Ничего не потеряла. Та же самая там жизнь. Просто жратва лучше. Ну и... медицина. А что, ты бы смогла? С ними?
- Что он тебе рассказал?
- Он мне все рассказал. Все. Невидимые наблюдатели, власть, красные, фашисты, все.
- И отпустил?
- Да.
- Тебе надо уходить отсюда. Они всех ваших забрали. Брокера этого твоего. Всех. В тот же день, как ты... Может, их больше нет. Я не знаю.
- Кто? Наблюдатели?
- Нет. Не его люди. Твой Орден.
- Орден... Послушай. Ты... Я хочу понять. Он тебе все объяснял, да? Ты все знала. Про верх. Про мир. Но! Это ведь твоя мечта была. Вернуться туда. Как и моя. Чтобы мы все... Там. Опять. Там! Ты же рассказывала мне. Сама! Что ты тут делаешь? Зачем торчишь в этой помойной яме? Почему не сбежала? Почему ты тут?
- Саша стояла перед ним – тонкая, как карандашом набросанная, обнимая себя руками. Смотрела на него исподлобья.
- Уходи. Правда.
- Он схватил ее за запястья-ветки.
- Скажи мне. Я хочу людей поднять. Ты говоришь – почему не остался. Потому что остальные... Мы. Все мы тут. Им надо знать. Всем. Они должны знать. Ты меня не предашь? Опять. Ему? Не выдашь?
- Не предам.
- Губы у нее запечатались. Артем ждал.
- Но с тобой не пойду.
- Почему?
- Артем. Я его люблю.
- Кого?..
- Алексея.
- Этого? Этого... Старпера? Извращенца?! Да он... Он же... Он же без души... Ты бы слышала, что он говорит... Про людей! Ты – его?!
- Да.
- Артем отпустил ее руки, обжегшись; отшатнулся.

Дмитрий Глуховский

— Как?!

— Люблю, — она пожала закутанными плечиками. — Он для меня как магнит. Он магнит, а я опилоч железный. Все. Он мой хозяин. И ко мне он всегда был добр. С самого начала.

— Он тебя в пользование сдает! Он тебя! Ему смотреть нравится, как тебя всякие... Грязные... Разные!

— Да, — кивнула Саша. — Он так любит. И мне так нравится.

— Тебе нравится?!

— А что? Тебе тоже такое не подходит? Как Гомеру? Прости тогда.

— И ты ждешь... Ждешь, чтобы он забрал тебя туда? К себе?

— У них освободилось одно место. Он получил разрешение. Но я...

— Ладно. Я понял. Ты вместо себя — меня... Ладно. Я понял. Ладно.

— Тебе надо уходить.

— Ты правда туда хочешь? К ним? В этот их круглосуточный кабак? В бункер?!

Вместо верха — еще глубже?!

— Мне все равно, куда. Я хочу с ним быть. Я — его. И все.

— Ладно. Я понял.

Постоял еще. Потом снял с шеи крест. Бросил ей.

— Пока. Спасибо.

— Пока.

* * *

Вышел: мир кувырком.

Побрел через похотливую однодневную пьяную толпу. Сказал Саше, что понял, а сам не понял ничего. Как можно — с Бессоловым? Как можно такого — любить? Как можно дирижабли свои променять даже бы и на мечту о бункере? А на бордель ради бордельных коротких встреч по снисхождению? Бессолов ей и еды объедки из бункера своего выносит — и любви объедки тоже. А ей ничего, хватает и того, и другого. Небалованная.

Что Артем про Сашу не понимает?

И как ее ненавидеть даже?

— Эй, человек! — потянулся кто-то к его официантскому костюму. — Бодяги литру!

— Иди на хуй!

Вышел к причалу. Высокая вода стояла, по кромку.

Надо ломать. Ломать все. Все ломать к храмам.

Мельник, значит, отобрал у него всех товарищей. Гомера, Леху, Летягу. Надо освободить их, если живы. Одному ничего не сделать.

Мельник.

Если бы можно было на свою сторону Орден перетянуть... С такой силой и против Наблюдателей не страшно. Орден бункеры отстаивал, может и отвоевывать.

Как только их смутить? Про проданных товарищей рассказать им? Но продавал ли их Мельник — и кому? Его и самого продали и купили, старого идиота; а ребята погибли просто без смысла. Из-за инициативы на уровне среднего звена. Старик-то понимает сам, за что ноги отдал?

А если рассказать ему, объяснить?

Что ему-то, Святославу Константиновичу, известно про метро? То уж, что ему Бессолов выделил. Ему ведь тоже, наверное, полуправду в зубы ткнули. Не может же он быть счастлив от того, что из героя стал колобком в каталке — и не ради спасения метро, а потому что ему второй половины правды не доверили?

Болтался в другом конце платформы у причала бутылочный плот. Рядом дрых пьяный железнодорожник. Артем осмотрелся, одумался. Через затопленный Рейх поплыть — не до самого же потолка там залито? — и будет Полис. Потребовать разговора с Мельником. Досказать ему все, чего тот не знал, добавить ему правды. Если не встанет на сторону Артема — пусть хотя бы его людей отпустит.

Пока шел к плоту, снял в каком-то бардаке лампу на свином жире. Не фонарь, но хоть какой-то проблеск от нее в туннеле будет. Подкрался к плоту, ткнул спящего мыском лакейского ботинка — беспробудно.

Отвязал зыбкое судно, перескочил на него, и поехал по мутной реке в трубу. Вместо весла — черпак на палке; то с одной стороны им грести, то с другой. Плот крутится, подневольный — неохота ему обратно, но все же заползает в черноту. Света от лампы — на шаг вперед, черпак и то дальше достает. Туннель идет вниз, вода — вверх; потолок снижается, подступает к Артемовой макушке. Хватит воздуха?

Стоя грести было больше нельзя, потолок не пускал. Пришлось сесть.

Плыла навстречу крыса. Увидела сушу, обрадовалась.

Забралась к Артему на плот, села с краю скромно. Он ее не стал прогонять. Когда-то боялся крыс, но давно уже привык. Крысы и крысы. Говно и говно. Темнота и темнота. Жизнь, как у всех. И не замечал бы, как другие не замечают, если бы не знал, что бывает другая.

Лампа была подвесная, пыталась не только вперед заглянуть, но и вниз, под прозрачное днище.

Внизу плескалось.

Он думал о Саше. Прощался с ней. Почему Саша не хочет людям рассказывать о том, что они не должны под землей сидеть? Почему сама тут? За что Бессолова выбирает?

Воняло свиным жиром. Крыса дышала с наслаждением.

Перевернулся под дном утопленник, вытаращился на лампу через бутылочную стенку запесоченными открытыми глазами. Давно света не видел, пытался вспомнить, что это. Поцеплялся снизу за плот толстыми пальцами, мешая проезду, потом отпустил.

Потолок еще понизился. Сидя на корточках, до потолочных ребер и спаек стало можно рукой достать.

Крыса подумала-подумала — и сиганула в воду. Поплыла все-таки на Цветной, к своим.

Артем остановился. Посмотрел назад: там так же темно было. И еще темней даже. Рука пошарила на груди, но крестик он сдал. Ладно, как-нибудь. Попросил так.

И погреб дальше.

А потом вода стала отступать.

Может, миновал впадину, глубокое место. Потолок перестал давить, подвинулся вверх, дал подышать. Впереди мелькал свет: пытались проморгаться забравшиеся под самый верх лампочки. Видимо, генераторы как-то убереглись от потопа.

Когда добрался до станции, совсем обмелело. На платформе воды было только по колено. Но хозяева возвращаться домой пока не спешили. Те, кто не успел сбежать, пухли уныло и неприкаянно. Вонь стояла густая, ощутимая всем лицом.

Грунтовыми водами обмыло Дарвиновскую, ободрало ее — и она снова стала Чеховской. Вся ее людоедская раскраска — транспаранты, росписи, портреты — плавала кверху пузом в жидкой грязи.

Ничего. Соберутся с духом и наведут порядок. Отстроят зверинец заново. Будет вместо Дитмара Дитрих, а больше ничего; Евгений Петрович вернется, свой человек, системный, хоть и живодер. Потому что все уже так чудесно и удобно заведено: вот сюда у нас человечки лезут, а вот отсюда выходит фарш. Как там, в Балашихе. Как во всем метро.

И кто-нибудь, конечно, должен будет Евгению Петровичу дописать учебник истории. Илья Степанович, наверное. Придется в одиночку учителю отдуваться, раз Гомера Мельник заглотил. Ничего, Илья Степанович все распишет, как нужно: на Шиллеровской у него случится героическая оборона станции от красных, уроды станцию будут не защищать, а атаковать. Ну и финал духоподъемный какой-нибудь. Что вот, из-за происков врага затопило, но не сломило, и как феникс из пепла, и лучше прежнего.

Как вот с этим Саша может спать?

Растолкал ковшом пенку из намокшей бумаги. Пригляделся — размытые газеты. На одних еще можно прочесть «Железный», на других — «Кулак». Обрывки

чьих-то дней. Где-то у них тут ведь и типография была. Не врал Дитмар, всерьез собирался десять тысяч кирпичей правильной истории печатать.

Станция кончилась, опять туннель пошел.

* * *

Разное продумал себе — как проходить блокпост и что на нем врать. Но ничего соврать не успел: дежурили не малахольные обычные охранники Полиса, а орденские бессловесные истуканы.

Чтобы не пристрелили, крикнул им, что Артем и что к Мельнику. Приблизилась к нему без доверия, обхлопали карманы его шутовского костюма, узнали вроде, но сами так и не сняли маски. Забрали наган. Повели служебными коридорами, чтобы не смущать воздушноголовых здешних граждан.

Но вели не к Мельнику.

В какую-то каморку дверь. Решетки. Охрана.

Завели, в спину толкнули зло, как не свои.

А там — радость!

Все живые: Леха, Летяга, Гомер. И даже еще почему-то Илья Степанович.

Похвалили Артема за то, что и он не умер, и за то, как посвежел, и за то, какой стал нарядный. Посмеялись. Обнялись.

Выяснил: всех сгребли там еще, на Цветном. Две станции ведь всего до Полиса, вот кто-то из бойцов поехал девок щучить и опознал — и Летягу, и Леху. Гомера с никчемным Ильей взяли до кучи: вместе ужинали, не успели вовремя расстаться.

— Ну а ты — где?

Артем помолчал. Собрался. Посмотрел с сомнением на Илью Степановича, известно чьего прихлебателя. А потом понял: такое ни от кого нельзя держать в тайне. Тайны — это их оружие, а Артемово — говорить, как есть.

Вывалил на них. Все.

Бункер, кабак, салаты, штофы, жирную пьянь в костюмах, антибиотики, воскового Сталина, электричество несгораемое, бутылки нерусские, — и за ними: дерганных марионеток, войны дураков, липкую ласку спецслужб, нужный голод, нужное людоедство, нужные схватки в слепых туннелях. Нужных и вечных Невидимых наблюдателей.

Им рассказывал — и себе. И удивлялся тому сам, как все выстраивалось, каким ладным казалось. Ничего бесполезного не было в этом бессоловском здании, ничего необъяснимого. Все вопросы получали ответ. Кроме одного: за что?

— То есть... Пока мы тут говно жуем... Они там... Они там — саатики? — сипло от накатившей ненависти пробормотал Леха. — Водочку иностьяннуу? Мяско, навеёное, посвежей нашего... А?

— И не доедают. Тарелки, полные объедков, стоят. И там... Они ведь, наверное, и тогда жрали. Жрали в те самые минуты, когда мы вместе со всеми... На Комсомольской... Под пули.

— Бъяди, — сказал Леха. — Вот бъяди-то. И медицина, говоъишь?

— Видишь же сам? Меня вот... На ноги поставили. Не знаю, надолго ли. Но! Понимаешь?

— Вижу. А у нас тут дъугая медицина, да? Такая: за яйца схватят чеьовека и скажут ему: поъзи, чеьовек, на къадбище сам. А то мы тебе с твоим ъаком все равно ничем помочь не можем. Вот с нами, значит, так. Ну не бъяди?

Гомер стоял безмолвно. Он в такое не мог поверить с той же готовой скоростью, что и Леха.

— А почему с нами-то, как с говном тогда?! — спрашивал апостол. — Если в говне, то пускай все уже в говне! А не то, что одни — будут в нем по шею, а другие — саъатики ножичком пийить! А где бункеъ-то? Затопить его, может, а?!

— Мне мешок на голову, когда оттуда... Ну а туда я вообще без сознания... Не знаю, где.

— А я бывал там. В музее этом, — сказал Гомер. — Еще до войны бывал. На экскурсии. Полное название у него было тогда — «ЗКП Таганский». Защищенный командный пункт. Таганский — потому что на Таганке прямо. Один вход с улицы был. Переулочки старомосковские, рядом с Москва-рекой. Особняки старые. И один такой особняк, двухэтажный — на самом деле муляж. Нам тогда объясняли, что за стенкой — бетонный колпак, лифтовую шахту от бомб прикрывать. Двадцать этажей вниз — и там этот бункер. И да, все, как ты описываешь. Неон, ресторан, ремонт.

— Но как в метро-то они попадают?

— Там был выход. Даже не один. И на станцию, на Таганскую как раз, и в туннель, на Кольцевую.

— Таганская... Это ведь от Комсомольской в двух станциях всего... — проговорил Артем. — В двух. Неужели они не слышали криков? Если мы даже наверху их слышали?

— Невидимые наблюдатели... — покачал головой Гомер. — Лучше б Изумрудный город правдой оказался.

— Их оттуда можно вытряхнуть! — горячо сказал Артем. — Выбить их, выгнать в метро. Людям предъявить этих гадов. Пускай сами сознаются, Бессолов пускай сознается, что они нам врали столько лет. Пускай скажут, что мир наверху есть, что мы тут, внизу, только зрядохнем. Приказ пусть своим отдадут, чтобы глушилки отключили. Это все реально провернуть! Охраны там мало. Только понять бы, как внутрь попасть...

— А откуда жъатвы у них стойко? — спросил Леха.

— Склады. Гохран. Но, думаю, и из метро берут. От Ганзы... Ганза же в кармане у них! Все в кармане. Красные им заключенных на стройки гоняют, Ганза кормит, Орден вот... Подчищает. Ты об этом знал? А, Летяга?

— Нет, — тот смотрел мимо Артема, в стену.

— А Мельник?

— Не думаю.

— Надо сказать ему!

— Скажешь еще. Будет возможность.

— Он с тобой говорил? Ты его видел вообще?

— Видел. Будет трибунал. То есть он сам и решит. А Анзор подмахнет. Дезертирство. Вообще-то полагается мне за такое... И Лехе. Его же как бы приняли к нам. Так что и отвечать. Ну и тебе теперь. Знаешь, что полагается. Вышка.

— Ично меня мама не дья этого ъожаѡ. Она мне бойшое будущее, между пьочим... — сообщил Леха.

— А с тобой что? — спросил Артем у Гомера. — Тебя они чего взяли?

— Как свидетель прохожу, — пожал плечами тот. — Что я? Мельник и не помнит меня. Может, отпустят.

— Свидетель, — повторил Артем. — Свидетели, думаешь, нужны ему? Я тоже не то что дезертир. Если мы не убедим его... Если заартачится... Всем кирдык.

— А Илья?

Артем обернулся, посмотрел на Илью Степановича. Тот сидел на холодном полу, не спускал с Артема глаз. Пересеклись взглядами — очнулся:

— Это правда все?! Про Рейх?.. Про Евгения Петровича?.. Про его дочь?!

— Был конверт с фотографиями. Я сам в руках держал. И вот Бессолов сказал. Думаю, правда.

— Он сбежал. Фюрер. Сбежал.

— Я знаю. Вот ищут его, хотят вернуть. Говорят, будут вам новый Рейх строить всем миром.

— У меня... тоже... дочка, — сглатывая сухим горлом, сказал Илья Степанович. — И забрали. И... А он, значит... Он оставил. Себе.

Артем кивнул. Илья Степанович спрятался в коленях, в раковине.

— Неужели они не делись никуда? — сказал Гомер. — До сих пор? Власть? И все метро под ними?

— Под ними. Но в этом и уязвимость. Если их выкурить оттуда... Арестовать... Можно всех выпустить наконец! Наверх! Всем нам можно выйти! А?

— Ну да.

— Надо просто убедить Мельника. Объяснить ему, как им крутили самим.

Подумали. Каждый, наверное, о своем.

Зашаркало в коридоре. Проскрешетало-открылось крохотное окошко на высоте лица. За проволочной сеткой встал силуэт. Роста ему не хватало.

– Артем!

Он вздрогнул. Подошел к двери. Зашептал.

– Аня?

– Зачем ты пришел? Зачем ты сюда вернулся? Зачем? Он тебя уберет.

– Мне своих надо вытащить. И я хочу с твоим отцом... Еще раз. Последний раз. Поговорить. Он не все знает. Он не станет. Он передумает. Мне надо только поговорить с ним. Можешь попросить?

– Я ничего не могу. Он меня не слушает больше.

– Мне нужно объяснить ему! Скажи ему. Про Невидимых наблюдателей!

– Послушай. Он назначил суд. Сегодня. Будет товарищеский суд вместо трибунала.

– Товарищеский суд? – встрепетнулся Летяга. – Зачем ему этот цирк?

– Зачем? – спросил Артем.

– Не знаю... – Аня говорила сломанным голосом. – Из-за меня. Хочет, чтобы все тебя приговорили. Вас. Чтобы не лично он.

– Анечка... Пускай. Это хорошо, что товарищеский... Хорошо, что все. Пускай слушают. Я им всем – все. Посмотрим, кто кого еще. Ты не волнуйся. Спасибо, что сказала.

– Это ничего не даст. Там ганзейских больше половины. Они так проголосуют, как нужно. Даже если наши все... Голосов не хватит.

– Но мы попробуем. Попробуем. Спасибо тебе, что ты пришла. Я думал – как мне с ребятами переговорить. И вот он сам... Сам дает мне возможность.

– Эй! Ань! – шикнули из коридора. – Харэ!

– Артем... – ставенка задвинулась; Аня пропала. – Я...

Забрали.

– Слушайте. Нам удастся. Летяга? Слышишь! Ты меня поддержишь – все получится.

– Как?

– Бессолов должен скоро за Сашей прийти. На Цветной. Если у нас будет несколько бойцов хотя бы... У него с собой охраны всего пара человек. Мы возьмем его. Доставим к бункеру. На Таганку, через Китай-Город. А сам бункер... Там защиты почти никакой. Если они нам откроют его... Бессолову... Изнутри...

– Парой человек ничего не решить.

– Я подумал. Я к вам сюда через Рейх плыл. Вода сошла уже. На Чеховской почти сухо. И газеты везде плавают. Гомер? У них там типография? На Чеховской?

– На Чеховской, – сказал Гомер. – В служебных помещениях.

– Там еще кое-где есть электричество. Я видел. Может, и станок не залило. А если напечатать вместо их газетенки листовок? Рассказать людям, как их дурят. Про Наблюдателей сказать. Про глушилки. Как думаешь, мы с тобой справимся? А?

– Я, когда там был... Нам показывали. Мне.

— Если можно туда попасть... Мы эту всю их систему... Напечатаем листовок хоть пару тысяч. А? И народу раздадим на Таганской. Ну и по пути еще... Прочти и передай другому. На Китай-городе... И в листовке прямо — про бункер расскажем! Приведем ко входу толпу! Бессолов нам откроет, сука, никуда не денется... И все! Пусть они в лицо людям правду скажут! Тогда мы не одни будем, Летяжка. И даже если со штурмом сразу не выйдет... Листовки по метро разойдутся все равно!

— С Таганской наъод впустить в бункеъ надо? — уточнил Леха. — Всех, что йи?

— Чем больше, тем лучше. Пускай сами посмотрят, как эти твари жируют и всегда жировали. Увидят — тогда, может, и в остальное поверят. А? А, Лех? Дедуль, сможем?

— Теоретически... — сказал Гомер. — Если бумага уцелела... Они ее в пластике хранили, вообще-то... Чтобы не сырела... Могла и уцелеть...

— А, Летяжка? Наши-то что там говорят? Забыли уже всех, кого красные замесили?

— Какое... — Летяга вздохнул. — Как забыть-то?

— Значит, план есть. Рискованный, понимаю. Но может получиться. А?

— Может, — признал Леха.

— Думаешь, нам прямо позволят эти листовки раздавать? — сомневался Гомер. — Если тут, как ты говоришь... Если государство не делось никуда... Ты хоть представляешь себе, что это — наше государство?

— Нет. Да и по хер бы на него, дедуль! Попытаться же нужно! Должны мы попытаться! Людям надо все сказать! Их надо — выпустить!

Гомер кивнул.

— А ты вот... Что будешь наверху делать? Когда выйдем? — поинтересовался он у Артема. — Где хотя бы? Решил?

— Жить! Как раньше! Там разберемся! Как люди! А что? Не ясно?

— Не очень, — вздохнул Гомер. — Я вот не знаю, что.

— Да какая разница, что! Хоть грибы сажать, хоть хлеб, я готов! Если там. Но сначала... Там же такая земля огромная. Ее всю можно обойти. Найти себе место... По душе. Город... Или берег океана. Вам как, не обидно, что есть кучка упырей, которая за нас решила, что мы всего этого никогда не увидим?!

— И жьют кьугьые сутки сидят! — добавил Леха.

— Должна быть причина, — опять затвердил Летяга.

— Есть причина! Их на открытом пространстве укачивает! А тебя они при себе как скотину держат!

— Выбьем их из этого бункеъа к хеъам, — решил апостол. — Ноъмайный пьан у тебя. Есси нас не вздеънут тойко.

— Ты понимаешь, братик? — Артем взял Летягу за огромное плечо. — Ты там, наверху, для людей больше сделаешь! Ты о чем клялся? О том, что будешь помо-

гать каким-то крысам краснопузым в своих же стрелять? Ты клялся — людей защищать! Всех! Метро! Если мы их наверх выведем — вот там, вот тогда мы им по-настоящему понадобится! Людям! Потому что мы, Орден — у нас есть опыт. Мы умеем. Там. Понимаем риски. Зверье знаем... Про фон все. Там наше место! Не тут! Не резать глотки тем, кто к нам из других мест идет! А нашим помочь добраться до живой земли! Ну? Согласен?

— Согласен, че, — пробурчал Летяга.

— Дед?

— Не знаю.

— Я понимаю, дедуль, тебе страшно наверх идти. Столько лет под землей сидеть. Тут уже все понятно тебе. Вроде и темно, вроде и тесно, а уже и родное все, да? И наверх как-то... И ты ведь не один. Я на Комсомольской звал людей за собой... Ни одна душа не поверила, никто не пошел. Ты не виноват. И они не виноваты. Эти суки из бункера виноваты, вот кто. Тебе ввали, нам всем ввали. Приучили нас быть кротами. Доказали нам, что мы черви. Но это вранье все, и на вранье выстроено. Если мы им правду не скажем, если ты — у тебя получается же! — да, Илья Степаныч? Он талант же у нас? — если ты им не скажешь правду про тачки с трупами, про арматуру, про туннель мой, про ямы собачьи, про пулеметы на Комсомольской — кто им? Никто! Знаю, не станут верить! Сразу — не станут! Мне никто не верил! Вы мне не верите до конца! В такое — трудно... Но надо. Пусть пальцами тычут. Пусть ебнутым зовут. Пусть врагом считают. Кто-то должен им сказать. Пускай хоть посомневаются... Вдруг кто-то — поверит! Кто-то — пойдет за нами! А?! Это нам надо для людей сделать. Даже если они против будут сейчас. Потом поймут. Или ты — что? Или ты фашистский листок опять печатать?!

Илья Степанович не показывался из коленного своего панциря, как будто умер. Когда мир рвался осколками, ему пришлось в сердце.

— Нет уж, — покачал головой Гомер. — С этим-то кончено.

— Все, значит? Если будет шанс — сделаем? Вы со мной?

— С тобой! — откликнулся Леха. — Натянем бужуев!

* * *

До суда время пошло сворачиваться в спиральную пружину — чем туже, тем медленней. Артем требовал у тюремщиков Мельника — но те все были с черными вязаными лицами, Артема не узнавали, и Мельник Артема вспоминать тоже не хотел.

Почему медлил Святослав Константинович, чем был занят? Виселицы ставил заранее, потому что уже знал, как Орден проголосует, потому что с каждым бойцом уже его голос оговорил и взвесил?

А Артем все равно готовился.

Расхаживал по камере, наступал остальным на ноги, повторял про себя все, что должен высказать. Будет одна возможность всего. Себя спасти, Летягу и Леху выручить. Сжечь крысиное гнездо и людей от крыс освободить.

Это хорошо, что товарищеский суд, твердил он себе. Это правильно. Они не истуканы. Не из глины, не из гранита они. Хоть всего и год вместе служили, но этот год семи других стоил. Они все красным швом друг с другом сшиты. Тимур, Князь, Сэм. Пусть Мельник ставит виселицы. Не так это и просто — своего брата к смерти приговорить.

Пришли внезапно.

Вызывали по одиночке.

— Летяга!

Тот ссутулил медвежьи плечи: дал надеть наручники.

Как он?

Пока Артем говорил ему, Летяга вроде и подхватывал Артемову злую оспу, начинал кивать в такт. Но стоило замолчать — лихорадка у него спадала и уходила, не держалась сама. Летяга из тех был, кто только единожды решает на всю жизнь, как он станет в этой жизни думать и что по всем поводам считать. И решил он уже давно и надежно. Новая правда была его толстой шкуре не как дробь даже, а как соль.

— Звонарев!

Это Леха оказался. Вот: Мельник успел о нем больше узнать, чем Артем. Интересно, допрашивали их? О чем? Леху тоже связали. Когда уводили, оглянулся на него.

— Темыч! Нейзя обось'аться!

Завет.

— Черный!

Сердце пошло в разгон. Думал, будет плевать, а оно все равно волнуется. Глупо как. Ты ведь неделю назад и не рассчитывал, что больше этой недели сможешь протянуть. Вот и срок подошел. Так?

Нет. Не так. Не будет такого.

Нельзя сейчас сдохнуть. Сейчас — уже рано.

— Как там ты говорил, деда? Конечная у каждого своя?

Гомер поднял голову. Приулыбнулся устало и удивленно.

— Запомнил?

— Не смог забыть.

— Руки давай сюда! — рявкнули.

Он протянул запястья; их закольцевали.

— Конечных много может быть, — исправил его Гомер. — А пункт назначения у каждого только один. Вот его нужно найти. Назначение.

— Думаешь, не оно? — спросил у него Артем, разглядывая опять наручники.

— Думаю, еще не конечная, — сказал Гомер.

Стальные пальцы сдавили Артему шею, пригнули его поближе к полу. Еще и руки за спиной вздернули кверху, чтобы лучше клевалось.

— Увидимся, — сказал Артем старику.

Побежал вместе с конвоирами по коридорам, глаза ткнуты в гранит повытертый, конвоиры за Артема глядят, он за них думает. Не бывает для проповеди плохого момента.

— Мужики... Я не знаю, вы наши или ганзейские... Вас обманывают. Всех. Нас всех. Вы про глушилки знаете? Они только для того, чтобы мы в метро сидели...

Остановились.

Скользнули по скуле твердой костью, затрещала, разворачиваясь, клейкая лента. Залепили рот широкой черной полосой. Сверху еще одну наложили, крест-накрест.

И потащили дальше.

Вот так.

Теперь бросило в пот. А если не снимут? Если не дадут сказать?

Вынесли его в зал. На Арбатскую.

Станция вся была заполнена только мужчинами в черном. Посторонних попросили разойтись, пока Орден своих линчует. На тех, кто тут собрался, масок не было. Голосование поименное, догадался Артем. Каждому потом придется за свой голос ответить, пускай помнят об этом, если вдруг решат миловать.

Вытолкнули в пустой круг. Там уже — Леха и Летяга. Оба скручены: руки за спиной, впереди — хари изукрашенные. Видимо, сбивались с курса, пока шли сюда, а их направляли.

Летяга увидел вместо Артемова рта — черный крест, заморгал косыми глазами. Артем тоже дернулся: снимите! Стал искать глазами Мельника, чтобы затребовать у него справедливости.

Мельника скоро выкатил Анзор.

Но Мельник Артема так и не увидел: смотрел все почему-то в другие стороны. Артем кочевряжился, как глиста на сковородке, со своим заклеенным ртом, кусал ржавые губы, чтобы, может, через дырку в них хотя бы выговорить все. Но лента широкая была, а клей мертвый.

Еще не начинали.

Наконец пропихнули через толпу Гомера с Ильей Степановичем. Они связаны не были: свидетели. Что будут показывать? Артем прилип взглядом к прогоревшему учителю. Все он слышал там, в камере. Что решит рассказать? Не куплен ли? Вспомнился Дитмар с его простой и точной формулой того, как помыкать людьми. Вспомнилось, как Артем за упокой его души помои хлебал по Ильи Степановича поводу.

Снова и снова стал раздирать губы; но склеено было прочно. Зарос рот.

— Готовы, — сказал Анзор.

— Слушаем дело о дезертирстве и предательстве трех наших бывших товарищей, — засипел Святослав Константинович со своего трона. — Летяга, Артем, и новенький, только что принятый. Звонарев. По предварительному сговору. Саботировали два важнейших задания. Целью которых было остановить войну между красными и Рейхом. В наших интересах. И всего метро. Сорвали доставку депеши с ультиматумом фюреру. И потом еще операцию по принуждению к миру Москвина. В центре сговора Артем Черный. Летяга, по нашему мнению, просто поддался влиянию. Артема, не взирая, требуем к высшей. Летягу готовы обсуждать. Третий — Артемов прихлебатель. Шпик, в общем. Его тоже под списание.

— Вы охеъеъи?! Што я сдеъаъ-то?! И Аътем!

— Так. Этот что, неполноценный? Придержите.

Кто-то сзади пхнул Леху, заткнул его щербины.

— А что у Артема со ртом-то? — пробурчали из толпы. — Как он за себя скажет?

— Есть основания считать, что он двинулся, — нехотя объяснил Мельник. — Ничего, до него дело дойдет, заслушаем. Сами убедитесь. Мне вот все ясно. Но решаем по чесноку. Открытым и общим. Начнем с Летяги. Потом у нас свидетели. По Летяге проголосуем, потом вот этот с дефектом, потом Артем. Отдельно хочу сказать: не надо думать, что у нас тут балаган. Вы мне со всей строгостью. Бывший родственник, неважно. Человек нас предал. Закон один. Я спецом его на товарищеский суд, чтобы не было потом. Ясно?

Толпа загудела; но и гудеть у нее получалось только хором, только слаженно, как у строя.

— Так, Летяга. Давай излагай. Когда впервые была попытка вербовки Черным Артемом, что говорил. Как заставил отдать секретную депешу. И подробности того, как он сорвал переговоры с Москвиным. Люди могут знать. У нас нет секретов тут. И в чьих интересах Черный действовал.

Лицо у Мельника было спокойное, как у паралитика. Но единственной своей живой рукой он до белых пальцев вцепился в обод на колясочном колесе. На Летягу смотрел глазами из бронзы, и зрачки были выбитыми в бронзе дырами.

Летяга шагнул вперед, как медведь на цепи. Повел башкой, виновато скосился на Артема. Шумно выдохнул лишний воздух. Посмотрел на гранит. Толпа молчала. Артем не мог разорвать губы, Леха жевал желе из крови.

— Мы еще давно следили за Артемом, — приступил Летяга. — Весь последний год. Знали, что он несколько раз в неделю поднимается. Выходит со станции ВДНХ, идет к высоткам «Триколор» там, по Ярославке. У нас позиция была оборудована напротив. Смотрели. Несколько раз в неделю пытался выйти по радио.

Летяга его сдавал. Артем слушал. Тыкался языком в горький клей, мычал через ноздри. Наваливалось, как холодный острый щебень, как сырой только что наколотый грунт, на ноги, на руки, на грудь — бессилие.

Были тут Артемовы товарищи: Сэм, Степа, Тимур, Князь. Померещилась Аня, за мужскими плечами задавленная. Присмотрелся — она? Потерял.

— Вы знаете... — говорил Летяга. — Про то, что война с Западом не кончена. Что они только и ждут, чтобы мы себя выдали. Мы, конечно, сразу заподозрили Артема в том, что он пытается выйти на связь с кем-то там. Демаскировать. Может, помочь навести даже на нас... Человек был новый. И полковник сказал: следить. Невзирая... Ну, короче. Потом еще эта история... С радиоцентром. Вы слышали уже, наверное.

Люди зашуршали.

Аня!

Аня появилась. Вырвалась из чьей-то клешни, протиснулась в первый ряд. Нашла Артема глазами, больше не отпускала.

— Сбиваешься, — строго сказал Мельник. — Сначала нам про депешу.

— Да. Ну. Тут так. В общем, с Артемом все было почти ясно. Что вероятно работает на противника. Преследует цель раскатать обстановку. Демаскировать Москву. Навести огонь. И с депешей...

Артем дергался, извивался, но его держали крепко. И во рту не было даже крошечного отверстия, чтобы сказать через него Летяге про вторую минус — да и вернул уже Летяга этот долг, а сам Артем перезанял крови у Бессолова. И на что? Чтобы до петли доковылять самому?

Летяга его больше не хотел видеть.

Он уже говорил четко, как будто с диска играл.

Из толпы даже редкие знакомые теперь щурились на Артема как на чужого, как на ядовитую тварь, которую раздавить.

— А что насчет Москвина? — спросил Мельник.

— Насчет Москвина, — повторил за ним Летяга. — Насчет Москвина такая история. Артем меня вытащил из бункера, когда мы против Корбута с его спецами там сидели. Когда Десятого похоронили, Андроида, Ульмана, Рыжего, Антончика...

— Я всех помню, — перебил Мельник. — Не надо.

— Вы их всех помните, да. У вас этот список. Мы все видели. И я чуть не сдох сам. И Артем мне сказал: ты понимаешь, что мы вот привезли патроны, двадцать тысяч патронов — красным? Москвину? Мы их привезли сукам, которые наших пацанов убивали? По приказу Мельника. Я понял. Мы их память продали. Понял, зачем они умерли. Ни за чем. Что политика.

— Летяга!

— Что политика важней. Что вчера война, а сегодня мир. Жалко, что пацаны все сдохли зря и вчера, когда была война, потому что сегодня же мир. Сегодня мы этим мразям двадцать тыщ патронов зарядим, чтобы они завтра ими нас оставшихся выкосили, когда будет снова война.

— Хватит!

— А потом Артем говорит: а нету вообще никаких красных и никаких фашистов. И никакого Ордена нет. Есть только одна какая-то структура. Невидимые наблюдатели. Или хер знает кто там, без разницы. И мы один отдел этой структуры, а красные — другой. И это ненастоящая война была, и оборона бункера — херня. Это все спектакль. А я думаю — а водку с мертвыми нашими пацанами пить — тоже спектакль?!

— Летяга!

— Пускай говорит! — закричали в толпе. — Слово дай ему! Летяга наш! Наш человек! Не затыкай!

— Освободи его! Что за тема?!

— Так, Летяга закончил... Я, между прочим, обе ноги...

— И Артем говорит — а вот Ганза в бункере где была?! Почему они нам людьми только потом помогли? А не когда мы просили их?! Не на это он ноги-то поменял?

— Летягу в командиры! — заревел кто-то.

Тут клюкнуло что-то быстрое, и Летяга брызнул красным на белую красивую стену за собой. Брызнул, ослаб, сел и лег лицом в пол. Затылка у него не стало, вместо затылка сделалась мясная воронка.

И у Артема такая же сделалась где-то в душе сразу.

— Летяга!!!

— Летяаааага! Ганза это!!!

— Бей Ганзу!

Кто-то с лету снес Мельникову коляску, он выпал на гранит неподалеку от густой лужи, стал дрыгать лапкой как перевернутый на спину таракан, пытаясь подняться, колеса крутились, мелькали спицами, а сверху над ним уже сшибались люди, друг от друга неотличимые, но точно про себя знающие, кто тут чужой и кто свой.

Схватили Артема, оттащили, сорвали ленту, дали говорить, грудью заслонили, Леху вытянули, а Артем уже — Гомера; оказались в кольце своих; дрались озверело, голыми руками — оружие никому нельзя было пронести на суд, кроме конвоя и палачей.

— Шанс! Шанс! — орал Артем Лехе в ухо, пока вырванными у конвоиров ключами тому отпирали браслеты. — Берем людей! На Цветной! И Гомера! На Рейх! В типографию! Все сделаем! Все по плану!

— Есть! Есть! — орал Леха.

Дмитрий Глуховский

Две схлестнувшиеся волны стали расходиться, отдвигаться от раскола: одна забирала с собой мертвого Летягу, другая — сучившего рукой Мельника и коляску с гнутыми колесами.

Но Артему нельзя было еще бежать со всеми вместе. Он выпрыгивал из толпы, заглядывал вокруг. Где она?!

— Эй! Ээй! — гаркнули ему с той стороны.

Схваченную за волосы, в порванной рубахе — показали ее: Аню.

— Где зачинщик?! Черного дайте нам! У нас жена его!

— Аня!

— Сюда давай, урод! Мы ей иначе пасть... Мы ее на всех тут... Понял?! Ползи к нам, паскуда!

— Не смей!

Аня елозила и кляла их; подбитый глаз уже чернел. Коричневым соском жалко и вызывающе торчала грудь.

Артем поймал за руку Гомера.

— Листовки! Про глушилки, про выживших, про Наблюдателей! Про то, как нас всех дурят! Правду! Правду, дедуль!

Гомер закивал.

— Леха! Ты его знаешь! В лицо! Бессолова! Сашин хахаль. Кроме тебя, никто! Возьми людей тут. На Цветной. Пускай эта мразь вам...

— Ну все, Черный!

— Или впустит... Или кончи его там прямо! Не трожь ее, суки!

Леха мигнул.

— Все! — крикнул Артем тем. — Все! Иду! Иду к вам! Отпустите! Ну?!

С Аней они встретились на половину секунды — между двумя полюсами черного. Встретились и разошлись.

Глава 22

ПРАВДА

Из переходов перекипало-возвращалось на Арбатскую ее отлучившееся население: кордоны, которые его держали подальше от судилища, вмешались в общую драку. Орденские раскольники отступали со станции кто куда, Артем, зажатый между чужими людьми, этого уже не видел. Но кричал всем из-за черных глухих спин:

— Мир есть! Мы не одни! Мир уцелел! Вас обманывают! Вы можете уходить из метро! Вам врут! Не верьте им!

Потом ему опять рот застегнули.

Те в Ордене, кто остался верен Мельнику, отступили к его посольству на Арбатской. Усадили полковника, смятого, на погнутую коляску и установили его на законное место — в тот самый кабинет со стопкой и списками.

Артема с Ильей Степановичем, тоже записанным в бунтари, держали в закутке у приемной Мельника. Стерегли неизвестные солдаты. Заходили к полковнику в кабинет, интересовались за неплотно притворенной дверью, не пора ли пленным пустить в расход, но Святослав Константинович решение задерживал.

По коридору гулял холодный сквозняк, через поддверные щели носил оборванные разговоры: одни со станции, другие — из полковничьего кабинета. На Арбатской, было слышно, копилась растревоженная толпа. Люди пересказывали друг другу, что случилось с Орденем, ломаным эхом повторяли Артемовы выкрики.

Хорошо, что обменял себя на Аню, думал Артем.

Хоть бы она сбежала!

Илья Степанович таращился на черных людей; его бил крупный озноб. Пахло мочой. Может быть, он представлял себе пока что, как пуля будет ему лоб бурить. Но скулить не скулил. Только бормотал почти неслышно.

— Конечно, ему-то все можно. У самого — беспалая. Сам-то сдал ее? Нет, сберег. Наверное, видится. Смотрит, как растет. Играет с ней. И жена у него живая.

У него живая. Не повесилась. На колготках. Не болтается под потолком. Языком наружу. Черным языком.

У одного из охраняющих на правой руке сидели часы. По их вверх тормашкам перевернутым стрелкам Артем засекал вечность. Высчитывал, сколько нужно Гомеру, чтобы добраться до Рейха. Вместе с ним заочно разбирался в устройстве печатного станка, искал сухую бумагу, диктовал старику текст. Не нужно листовки даже по всему метро развозить. Если их доставить хотя бы в Полис и на Цветной, оттуда все само дальше уже поползет.

О плане, кроме Гомера и Лехи, никто не знает. Все ганзейские в Ордене были тут: с Мельником. Держали подступающий любопытный рой.

Из кабинета рявало:

— Бессолову набери! Еще! Мне с ним переговорить надо! Лично!

Потерянный, выбитый из колесницы, названивал своему хозяину. Не мог дозвониться. Значит, у Лехи был еще шанс найти Бессолова до того, как Мельник его разыщет.

И Артем тогда заочно с Лехой догребал, высадив Гомера на Чеховской, до борделя. Заочно крался под прикрытием орденских ветеранов через гам и блядство, оцеплял, невидимый, Сашину хибарку, и доделывал за Леху и за себя прошлое свое неудачное покушение. Нет, брал его в заложники и вел боевую группу на бункер.

— Еще набирай! Еще!

Минутная стрелка перевернутая шла назад. Отмеряла половину часа, три четверти, час. Гул на станции рос. Покрикивали неуверенно местные распорядители, которых прислали управляющие Полисом. Но зеваки не хотели расходиться. Спрашивали у оцепления, что стряслось, и что за сумасшедший вопил о выживших в других городах на Земле.

— А у моей что? Хвостик маленький. Хвостик удалить можно было. Там же. Такая милая крошка. Наринэ сказала, давай в честь твоей мамы, если девочка будет. Марина, получается. Марина Ильинична. Марина Ильинична Шкуркина.

Дошло: это Илья Степанович не себе говорит, а ему, Артему, рассказывает, хотя и не глядит в глаза. Он покачал головой согласно, но думалось о своем.

— Пасть завали! — захрипел Илье охранник. — У меня башка от твоего бормотания трещит! Завали, я сказал, или кончу тебя тут! Все равно вас обоих кончат!

— Марина Ильинична, — зашептал тогда Илья неслышно для охранника, но отчетливо для Артема. — Маленькая Марина Ильинична. Бабка бы порадовалась.

А сможет Леха захватить Бессолова?

Провести его, пленного, через половину метро? Он ведь не обучен этому специально. Он брокер, а не боец и не убийца. Там, в радиоцентре, справлялся как-

то, но там в него самого целились, и не нужно было ничего планировать, а только выжить, выкарабкаться.

Ничего, сможет.

Ветераны помогут. Он ведь им успеет все объяснить?

Успеет. На то и апостол. Он через все вместе с Артемом прошел. Его не надо убеждать, ничего доказывать ему не нужно. Сам все помнит, все чувствует.

— Меня не ебет, что не отвечает! Звони!

А вдруг уже взят Бессолов? Вдруг уже волокут эту гниду с мешком на голове к тайному входу в их зажравшийся бункер с полунищей Таганки? Только бы Гомер успел с листовками. Но если и без листовок... Он ведь тоже знает все... Если не удастся оживить типографию, он может и сам, и словом — людям все рассказать. Как тот Гомер, настоящий...

Поскреблись в дверь снаружи.

Вошли озабоченные и хмурые, трое: один брамин в халате, один военный чин в высокой фуражке с двуглавым орлом, и еще какой-то гражданский. Постучались к Мельнику, забубнили за дверью напряженно и слитно. Тоже требовали ответа на какие-то вопросы.

Вызревало там что-то на станции. Бродило, образовывалось, поднималось. И трое посланных к Мельнику хотелось это брожение непременно унять, оставить под крышкой.

Мельник отбрехивался рвано, зло.

Приоткрылась кабинетная дверь.

— Назначим заседание Совета Полиса. Мы молчать не имеем права! Пусть там все выступят. А потом население введем в курс. По итогам. А вы с вашим расколом... Сами как-нибудь!

— А если правда весь этот Рейх фальшивка, — перебивал их Илья. — Если Евгений Петрович сам фальшивка и предатель, если все там у нас фальшивое, то я что тогда, то мне зачем тогда, то за что Марину с хвостиком, и за что тогда Наринэ на колготках, и за что мне, и зачем. Они говорят, пиши, а что пиши, куда это можно такое записать, какими словами...

А у Артема рот гнилыми тряпками забит, нечего ему ответить, и даже попросить Илью Степановича помолчать нет возможности.

Прошелестел на выход нестриженный брамин, метя пыль халатом, следом за ним прошагал офицер, пахнувший старым потом и нестираным бельем, и неустановленный гражданский последним просеменил. Конец аудиенции.

— Дозванивайся!

Троица сдулась, уместилась в сжатый до спичечного коробка дверной проем в конце коридора, вышла к народу.

— Правду! — полыхнуло снаружи в распахнутую дверь.

Илья Степанович приподнялся вверх-вдоль по стене, потянулся к крику, подался весь ему навстречу, но шерстяной человек осадил его, вложил учителю кулак в солнечное сплетение.

И снова захлопнулось.

Вот: люди, наконец, хотели знать, а у Артема опять во рту вонючая тряпка. Ничего, теперь другие за него могут сказать. И сказать, и сделать. Разослал во все концы гонцов, теперь и подохнуть не так жутко.

Долетало: трое этих по очереди что-то баюкающее мурлычат проснувшейся толпе. Та кричала вопросы, ей колыбельных не хотелось.

Спасибо, Летяга, думал Артем.

Жалко, что ты умер.

Странно, что ты умер.

Как же ты — не будешь больше косить на меня своим глазом? Шутки не сможешь шутить? У кого мне кровью одолжиться теперь? Прости, что сомневался в тебе в самый последний момент, Летяга. Но ведь и ты во мне в самый последний момент сомневался.

Сомневался, а сказал все как надо; так, чтобы меня вытащить из петли.

Жалко, ты не слышишь, как там, на станции, люди просят правды.

Мы с тобой вместе им гермозатворы сейчас открываем: ты и я. Вместе выпускаем их наверх, наружу.

И где-то еще другие наши, заговорщики, делают свое. Печатает листовки Гомер, ведет Бессолова, приставив ствол к бледному виску, апостол — бункер распечатывать. Пускай тут Мельник мечется, бесится — пес без хозяина.

О чем они будут говорить на Совете Полиса? О том, как крышку поплотней прижать, привинтить? О том, как передавить всех бунтовщиков быстро, поодиночке, чтобы слухи о возрожденном мире не расползлись по метро?

— Звони! Куда хочешь звони! На Цветной!

Всех не передавят.

— Говори! — бушевало снаружи.

— Ты правду говоришь? — спрашивал Илья Степанович у Артема. — Это все, что ты Гомеру рассказывал? Правда?

Артем кивал ему. Что там у учительшики в голове плавилось, во что отличалось?

Хозяин часов — два бегающих глаза в дырах — все чаще поднимал стрелки к лицу. Сюда, в предбанник приемной, через щели затекало из полковничьего кабинета предчувствие густеющей необратимости всего, что творилось сейчас в метро.

Снова думалось об Ане.

О том, какая у нее оказалась упрямая любовь.

Артем-то иначе изнутри был организован: почувствовал первый холод от Ани — и стал в ответ холодеть. Как будто не мог сам любви излучать, а только

Анину любовь зеркалил своей вогнутой душой. Чувствовал на себе рассеянный свет внимания — собирал его в пучок и отправлял назад. Распалял ее им — и собирал еще больше тепла в ответ. А стоило Ане начать гаснуть — как и ему нечем стало расплачиваться. И так он мельчал, пока совсем не иссяк, не разверил, пока их будущее у него в уме не разохлось и не раскрылось.

А у Ани сердце работало что ли наоборот, навыворот. Казалось, не нужен он ей уже — за его злонамеренную глухоту, за вредное упорство, за нежелание поступиться своими идиотскими мечтами и за пренебрежение мечтами ее. Может быть, она и думала отставить Артема первой. Жира на фитиле оставалось только покоптить. Но только лишь он ушел, она заново вспыхнула — ожесточенно, отчаянно. Так, что от жара ему глаза стало печь, захотелось ладонью закрыться. Закрывался — и нагревался все равно. Аня опять отражалась в нем — криво, смешно — но отражалась все четче и все ярче.

Странное топливо любовь.

— Не отвечает?

Сейчас, может, уже и некуда тебе, папаш, звонить. Достаточно времени прошло. Если апостолу повезло, если он точно все выполнил, бункер, может, уже взят и выпотрошен. Жирные крысы уже выстроены в ряд на Таганской, в глупых своих костюмах, и отвечают, как школьники учителям, последний свой урок по географии.

— Анзор!

Зашел, смерив Артема с Ильей недобрым взглядом, Анзор. Выслушал лай Святослава Константиновича, выкатил его, прыгающего на вихляющей колеснице, в коридор.

— Этих что? — спросил который с часами.

— Пока не решил. После Совета, — не оборачиваясь, процедил Мельник.

Так и не дозвонился.

— Их тут?

— Да. Нет, постой. Давай со мной их. Могут пригодиться. Только глядите, чтобы молчали.

Взяли под мышки, подняли с пола — и заклеенного Артема, и обмоченного Илью. Вывели на сияющую Арбатскую. Клином встали, распихали толпу. Маршем двинулись через всю станцию, с вызовом. Глохли, а не слышали, как люди им кричат.

Совет Полиса заседал тут же; поэтому и Мельнику кабинет на Арбатской требовался. Подошли к дверям.

Все построение осталось снаружи, Артема с Ильей на Совет тоже не позвали; Орден развернулся ежом, оцетинился, закрыл вход от ротозеев. Мельник с Анзором вошли, проследовали еще несколько запоздалых браминов, и двери закрылись.

- Говорят, приняли сигналы какие-то... — шуршало вокруг.
- Мы вроде не единственные выжили...
- А где еще? Кто? Кто сказал?
- Вот выйдут, будет ясно. Совещаются.
- Да как такое может... Столько лет молчали... И тут — нате...
- Орден узнал. Стычка была — говорить или нет.
- А эти кто? На скамейке? Связанный — кто?
- Террористов взяли. Скоро скажут.

Артем не видел шептавшихся. Видел вместо них черные одинаковые спины, наплечные ремни бронезилетов, шерстяные затылки, широко расставленные бутсы. Но чувствовал их: от их любопытства воздух звенел, кислород сгорал, стены ближе придвигались. Их здесь были сотни. Пускай попробует Мельник их заставить ждать с ответами.

Вдруг зашумело.

Кто-то проталкивался сквозь давку — умело и решительно.

— На Совет! Дорогу!

В оцеплении тоже смутились. Сначала схватились друг за друга крепче. Потом качнулись в сомнениях.

Голос Тимура, что ли? Летяги и Артема товарища. Он же раскольник, Тимур... Он ведь отходил вместе с Лехой, с Гомером, с выроченной Аней! Почему он тут? Почему вернулся? Он же сейчас бункер штурмует. Или взял его уже? Принес на заседание Совета бессоловскую срубленную голову?

— Дорогу! По приглашению Совета!

Оцепление прорвалось — пропустили в круг Тимура, и еще с ним — Князя и Луку; оба из старого состава. Тимур заметил Артема на скамейке, кивнул ему, но вступаться не стал. Прошел внутрь. Лука с Князем остались караулить.

О чем говорят? За что торгуются? Тянут время? Ставят ультиматумы? Клянчат прощение? Голову на блюде изучают?

Внутри стояла тишина.

Не перетравили ли их всех там?

— Дорогу! Дорогу! На Совет!

Кто на этот раз?

Толпа теперь расступалась не с такой охотой, не с таким уважением, роптала: а чего это мы должны? Артем вытянул шею.

Черное кольцо для этих людей разошлось тоже не сразу.

Не сразу он увидел.

Первым за кордон шагнул — Бессолов.

Живой. Бледный, сосредоточенный, молчаливый. За ним возник Леха-апостол. Алексей Феликсович Артема окинул сумрачным взглядом, здороваться не

стал. Леха, наоборот, кивнул. Внутрь зашли оба. Заложника апостол привел? Еще были с ними двое орденовских, остались снаружи.

Артем вскочил с лавки, стал кричать в тряпку свои вопросы. Ему дали под колено, чтобы он обратно упал, и он упал. Лука с Князем шикнули на того, кто подсекал, каждый схватился за кобуру.

Погодили — и отпустились.

Все сейчас за дверями решалось, а не тут.

Душно совсем становилось — как на Комсомольской, как перед самыми пуле-метами. Люди наседали, оцепление сжималось медленно, хотя и не имело права сдавать позиции. Бронзовые люстры, двухметровые обручи в полтонны, казались, на своих цепях покачиваются будто на ветру — столько народу в унисон тут вдыхало и выдыхало.

Вдруг.

Чужой звук пролетел по станции. Кашель.

Бойцы в оцеплении вскинулись, толпа замолчала, все стали озираться. Кашель дробный, из многих сразу динамиков. Тут, оказывается, тоже была своя система оповещения.

— Проверка. Проверка. Раз. Раз.

На всю станцию — глубоким таким, приятным голосом.

— Уважаемые граждане. Просим вашего внимания. В скором времени будет сделано важное сообщение. Не расходитесь.

— Правду давай! Правду говори! — закричали в ответ невидимому диктору.

Но тот, прочистив горло, затих.

— Что-то важное...

— Неужели действительно...

— Обалдеть...

И только когда время совсем уже остановилось, двери распахнулись. В черный круг вышел деловитый толстяк в коричневом костюме; глаза у него были застеклены, широкий лоб горбатым мостом перекидывался к затылку. Помощник подсадил его — толстяк взобрался на мраморную скамью рядом с Артемом; так толпе его стало видно.

— Председатель... Совета... Сам...

Потом появились в проеме Мельник с Анзором, а за ними — Тимур. Разошлись в разные стороны от скамьи.

Толстяк сморкнулся. Сопливым платком утер потный лоб. Им же почистил линзы, вернул очки на переносицу.

— Граждане. Сегодня мы здесь собрались. Поводом стало довольно неприятное событие. Внутри многоуважаемого Ордена, который призван нас с вами оберегать... Так сказать, разногласие. Вернемся к этому позже.

— Хватит юлить! Как есть давай!

— Да. Конечно. К существу вопроса. Дело в том, что нами было установлено. Это, конечно, просто невероятно. Но у нас есть неопровержимые доказательства. Которые мы своевременно предъявим, можете не сомневаться. Так вот. Нами достоверно установлено. Что Москва — не единственный город, уцелевший в Последней войне. Нами был осуществлен радиоперехват трансляции.

Толпа онемела. Звук умер — весь прочий звук, кроме нудного прелого голоса человека в коричневом.

Артем немой смотрел на него снизу вверх, как на оракула. Как на Летягу перед выстрелом. Как на святого.

— Мы готовы дать вам ее прослушать. Но вначале пара слов. Для меня лично, как и для всех вас, это настоящий шок. Дело в том, что трансляция исходит с другого берега Атлантики. Дорогие. Граждане, товарищи, братья. Вы понимаете, что это означает. Это означает, что враг, который уничтожил нашу страну. Который свел в могилу сто сорок миллионов наших соотечественников. Родителей, детей, жен, мужей. Этот враг жив. Недобит. Что война не кончена. Что никто из нас больше не может чувствовать себя в безопасности. В любой момент по нам может быть нанесен новый, последний удар. Если мы хоть как-то обнаружим свое присутствие.

Артем замычал, заревел, соскользнул со скамьи и упал на холодный пол.

— Все эти годы нас спасало только одно. То, что мы жили в метро. То, что мы были убеждены, что поверхность не приспособлена. Для нашей жизни. Благодаря этому мы уцелели. И теперь. Это наш единственный шанс выжить дальше. Я знаю. Это звучит страшно. В это трудно поверить. Но я прошу вас поверить. Совет Полиса просит вас. Послушайте сами. Это запись, которую мы сделали сегодня. Вещает Нью-Йорк.

Динамики очнулись снова. Чихнули.

— Кхххх... Иииииуу... Шшшш...

И загремела песня. Странная, нездешняя: на чужом языке под барабаны и уханье, под фанфары и горны, в ломаном ритме мужской голос стал причитать-прочитывать не то гимн, не то марш. Ему вторил женский хор. Безудержной силой фонала эта песня. Вызов в ней был. И злая радость. И дикая жизненная энергия.

Под нее можно и нужно было двигаться, танцевать — разнузданно, вольно.

Но никто в огромном белокаменном зале под полутонными венцами-люстрами не мог шелохнуться.

Люстры покачивались, как от землетрясения. Люди вдыхали бой барабанов и выдыхали чистый ужас.

— Как вы видите... Слышите... Сами... Вот такая пещерная, животная музыка... То есть, в то время, как мы терпим лишения. У них продолжается разгул. И при этом есть данные. Что они сохранили свой ядерный потенциал. Это враг, который

стократ опасней. Нам еще только предстоит осознать. Наша жизнь вряд ли теперь будет прежней. Это начало новой эпохи. И в этой связи... Вот заявление. Подойдите.

Тимур — черный с проседью, узкий и жилистый, приблизился к коричневому председателю. Наклонился к Артему, помог ему присесть. Потом забрался на скамью.

— Ветераны Ордена возмущены самоуправством нашего бывшего командующего, полковника Мельникова. Наш товарищ был убит его прихвостнями вместо честного суда. Приносим извинения гражданам Полиса за беспорядки. Объявляем о выходе из состава формирования. Отказываемся подчиняться приказам полковника Мельникова.

Тимур говорил отрывисто, сипло, прокуренно. Лучший разведчик Ордена. Лятегин старший товарищ и учитель. Что он готовит?

— База Ордена на Смоленке остается за нами. Проведем честные выборы нового командования. Однако считаем, что в новых обстоятельствах продолжение конфликта недопустимо. Поэтому, как новое формирование, приносим присягу напрямую Совету Полиса. Клянемся в верности и обязуемся защищать Полис. От любых врагов. Явных и тайных.

Он развернулся к коричневому и козырнул ему.

Сначала один хлопок раздался, потом другой; потом — как расходящийся ливень, зашелестело, затрепетало, забарабанило.

— Bravo! Ура! Слава!

— Идиот! — с заткнутым ртом орал Тимур Артем. — Идиотина! Нет никакого Полиса! Нет никакого Совета! Ты просто другой голове клянешься! Не верь им!

Тимур посмотрел на него, кивнул.

— Мы тебя у них вырвем еще, Тем. Мы еще бок о бок биться с америкасами будем.

— Не согласен с постановкой вопроса, — тяжело сказал Мельник со своего гнутого кресла. — Но готов закрыть глаза. Не стану считать это бунтом. Временные разногласия, так скажем. Когда Родина в опасности, мы не имеем права на дразги. Решать будем путем переговоров. Наш Орден и так заплатил уже слишком высокую цену. Я тоже приношу присягу от лица Ордена — Совету Полиса. Считаю, что время междоусобиц прошло. Мы больше не имеем права уничтожать друг друга. Красные, фашисты, Ганза... Мы все прежде всего русские люди. Об этом надо помнить. Нам угрожает наш извечный враг. Ему все равно, во что мы верим. Стоит ему узнать, что мы еще живы, и он уничтожит нас всех, без разбора!

Люди внимали, впитывали; никто не спорил и даже шептаться не смел. Артем перенес вес вперед, встал на колени. Качнулся, сумел подняться. И прежде, чем зачарованные Мельником охранники поняли что-то, с короткого разгона — темнем боднул Мельника в висок, заваливая его вместе с коляской на землю.

— Держите его! Держи!

Принялись бить, а он старался ногами зацепиться за шею старого идиота, за давить его, задушить. Выбили зуб, выпал кляп.

— Врешь! Врете! Суки!

Через стиснувшуюся толпу было не пробиться, и черные стали втягивать Артема внутрь, за двери. Мельника поднимали, отряхивали.

— Говнюк мелкий. Перхоть. Я тебя в пыль. В порошок. Дрянь. Тебя и суку эту неблагодарную. Оба будете висеть. Плесень. Вранье. Все вранье.

За него объяснял Тимур.

— Это арестованный диверсант. Есть основания думать, что шпионил. Пытался демаскировать нас. Проверяем.

Наконец полковника водрузили на каталку, а Артема протащили внутрь. Там, за дверями, начинался длинный коридор с многими выходами. Артема бросили сразу.

Уже оттуда, в припадке, он слушал.

— Да, Святослав Константинович, — качнул тяжелой залысой башкой коричневый председатель. — Вы сказали золотые слова человека, который знает цену человеческой жизни. Я с вами тут и везде полностью солидарен. Я предлагаю сегодня же отправить наших дипломатов на Красную Линию, в Ганзу и к представителям Рейха. Усадить всех за стол переговоров. Покончить с теми разногласиями, которые нас все эти годы. В конце концов, не такие уж мы и разные, экхм. Мы должны сейчас сплотиться. Объединить усилия. И вместе, сообща — мы, вы — защищать метро. Наш единственный, наш общий дом. Наш единственный дом на грядущие десятилетия, если мы хотим выжить, наш священный дом на века!

— Не такие уж и разные, — с ужасом повторял за ним Илья Степанович. — Мы не такие уж и разные. Мы и они. Прежде всего русские люди. Сплотиться. Зачем. За что. К представителям Рейха. Наринэшка.

Но толпа сжевала его бубнеж. Примятая, пришибленная поначалу откровением, она сейчас начинала распрямляться, понимать, обдумывать то, что в нее было заправлено.

— Америкосы... Все это время... Музыка... Жируют... Танцуйки... Звериные... Но ощущение было всегда... Хипхоп свой черномазый... Мы тут говно жрем... А они нас и говна нашего лишить... Последнее, что осталось... Я знала, знала... Не дадут нам покоя... Ничего, переждем... Перетерпим... И не такое... Ничего, может, и не поменяется...

— Как вы знаете, времена и без того непростые, — продолжал поверх всех них коричневый. — Грибная хворь истощила запасы. Придется затянуть пояса потуже. Но, объединившись, мы сумеем... Наша великая держава! Наш народ неоднократно!

Ему приходилось перекрикивать растущий гомон. Люди наконец смогли пережевать и проглотить правду, которую хотели услышать.

Артем, перемолотый, сидел у стены и сосредоточенно сглатывал невкусную теплую кровь. Щупал языком гнезда от потерянных зубов.

Где-то в коридоре показался вдруг Бессолов. Из совещательной комнаты вышел? За ним шагала Леха-апостол.

— Убей его! — засипел ему Артем. — Это он! Он их!

— Это кто? — не узнал Артема Алексей Феликсович. — А тут есть другой выход? Через толпу опять неохота.

— Пьящ забыли, — сказал ему Леха. — Вот, давайте помогу.

— Леха! Леха! Ты... Что... Ты же... Должен...

— Догоняй! — Алексей Феликсович споро зашагал в противоположную сторону.

— Съушай... Я знаешь, ъешиь... Мы так не добьемся ничего... Если пьосто убить. Систему изнутьи надо менять! Постепенно. Ёвоьюция — не наш метод. Понимаешь? — как будто бы извиняющимся тоном через плечо объяснил Артему Леха. — Меня вот он взял в ъефеьенты. В помощники. Буду постепенно... Изнутьи... Из бункеья...

— Говноед ты! — сорванно захрипел ему Артем. — Ты за бункер?! Ты за жратву?! Ты меня — за жратву?! Нас?! Всех?!

— Каких нас?! — обозлился Леха. — Кого — нас?! Нет никаких нас! Никому это не нужно, кьоме тебя! Ты сдохнешь щас, а я еще ъулить буду!

— Алексей! — окликнул его Бессолов. — Долго ждать? Так-то ты службу начинаешь.

Не плюнул в него Леха на прощание, не пнул. Развернулся и побежал Бессолова догонять.

Шваркнула дверь, сунулся внутрь Тимур.

— Идти можешь?

— Не хочу.

— Вставай! Пока они там выступают. Давай!

Дернул Артема за шкуру белой официантской рубахи, затрещал ворот. Поставил его на ноги, дал о плечо опереться.

— Я с вами! — зашептал молитвенно Илья Степанович. — Меня заберите! Я с ними не хочу! Не надо!

— Здесь выход еще один. Давай пока туда. Старик очухается — тебе хана. Потом не вытащим.

— Куда?..

— На Боровицкую. Там Анька ждет. Оттуда на Полянку. Ну и дальше. Тебе есть где спрятаться?

— Дома. Аня... С ней все хорошо?

– Ждет же! Куда вас?

– На ВДНХ. Не надо на Полянку. Мне на Чеховскую надо, в Рейх.

– Зачем?! Какая еще Чеховская?!

– Там Гомер. Мне к Гомеру.

– Эй! – выглянул из заседательного зала патлатый брамин. – Вы это куда?!

– Тимурчик. Ты-то понимаешь?.. Невидимые наблюдатели. Они нас тут держат. Вам всем врут. Врут. Они – нас!

– Слышь, Тем... Не вешай мне. Я в политику не хочу лезть. Я солдат, точка. Офицер. Тебя бросить не могу тут. Но ты меня этой херью своей не зомбируй. Давай лучше друзьями останемся.

Как с ним? Как с ними со всеми?

Еще есть шанс. Людям доказать. Пока они по сучьему своему радио лгут. Надо добраться туда, на Чеховскую. Помочь напечатать. Помочь раздать.

Прошли втроем коридорами-переходами, двери крашенные стучат, какие-то люди навстречу, удивляются Артемову костюму и исковерканному лицу, Илья Степанович сзади шагает упрямо, свет моргает, крысы брызжут из-под ног; наконец – креозотом в лицо дохнуло. Уютом. Вот она, Боровицкая.

– Сейчас, благоверную твою найду... И на Полянку.

– Не на Полянку. На Чеховскую. В Рейх.

– С ней обсудишь. Сиди тут. Нашим на глаза не попадайся только, ясно?

– Буду. Я тихо. Спасибо, Тимурчик.

Сел за длинный дощатый стол. Сложил изодранные руки перед собой.

Огляделся: вот любимая его во всем метро станция.

Темно-красный кирпич, креозот в воздухе как смола – сладкий и копченый, домишки-кельи, абажуры тряпичные, музыка откуда-то играет нежная, струнная, люди в забавных халатах бережно листают дряхлые книги. Ведут шепотом разговоры о прочтенном, и в прочтенном живут, совсем не нуждаясь ни в верхнем мире, ни в нижнем.

Где та келья, в которой Артем ночевал у Данилы, своего друга на день и на всю жизнь? Кем-то другим занята.

– Гомер?

Он поднялся.

Знакомый силуэт.

– Гомер!

Откуда – тут? Как? Почему?! Разве не на Рейхе?

Поднялся, поковылял... Потер глаза. Старик был увлечен: осматривал пустую келью. Юный брамин с никогда не бритыми глупенькими усиками показывал ему комнатку, давал наставления, ключи вручал.

Обознался?

– Стол здесь, правда, некуда поставить, но можете вместе со всеми работать... Зато для книг полки вот... Единственное – с животными у нас нельзя. С курицей вам придется распрощаться.

– Это обязательно?

– Обязательно.

– Ну что ж...

– Гомер!

Старик обернулся.

– Деда... Ты что тут... Ты как сюда... Тебя наши спрятали? У тебя получилось... С типографией? Вышло? Работают станки? Бумага не намочла?

Гомер смотрел на Артема как на покойника – печально и отстраненно.

– Почему ты молчишь? Получилось? Покажи!

– Артем.

– Вам что нужно? – запальчиво влез усатенький.

– Где листовки, дед? Ты был на Чеховской?

– Мне охрану позвать?

– Не нужно, – покачал головой Гомер.

– Подожди. Почему ты не был там? Они тут на Арбатской устроили митинг, стали затирать людям... Обычное это свое. И все верят...

– Это не мое, Артем.

– Что?..

– Я не могу заниматься вот этим.

– Чем? Чем – этим?

– Пропагандой. Листовки печатать. Революционная деятельность вся эта... Я старый уже для такого.

– Ты даже не был там? На Чеховской?

– Не был.

– Почему?

– Я в это не верю, Артем.

– Во что? В глушилки? В Невидимых? Во что?! В мир наверху?! В то, что тут внизу зря все?!

– Не верю. Что людям нужно это. Что люди хотят это знать.

– Это – правда! Правда!!! Людям – нужна – правда!!!

– Не кричи. Какую правду я им должен рассказать?

– Все! Все, что ты видел! Все, что я видел! Про женщину, которой голову арматурой! Про сортир его! – Артем мотнул своей головой, почти отвалившейся уже, на Илью Степановича омертвело, притащившегося за ним и сюда. – Про то, как в спину стреляют своим! Как младенцев за хвостик усыпляют! Как за болтовню людям в лоб палят! Как без защиты гонят строить ветряки! Чтобы для глушилок электричество было! Про глушилки! Как их, мертвых, собаки жрут!

— Это разве правда? — спросил Гомер.

— А что это?!

— Это чернуха, Артем. Они, думаешь, и так этого не знают всего? Они живут в этом. Они не хотят об этом помнить, им еще и читать такое только не хватало. Может, мне и про жизнь людоедов писать? Или как партийная верхушка сироток растлевают? Что в Ганзе, что на Красной Линии.

— При чем тут это?!

— Это правда тоже. Такое людям хочется читать? Такое им нужно? Не надо их этим дерьмом пичкать. Им герои нужны. Им миф нужен. Им красота в других необходима, чтобы самим оставаться людьми. Что я им расскажу тут? Что какая-то кучка бюрократов правит ими спокон веков? Что они зря торчат в метро? Что ничего тут не поделает? Это паранойей отдает. Мрак. А им нужен — свет! Они ищут его. Хоть от свечного огарка. Хоть какой-нибудь проблеск. Ты им о чем хочешь сказать? Что они все — рабы? Ничтожества? Бараны? Никто тебя не будет слушать! Вздернут! Распнут!

— А ты — что им?! Вместо правды?!

— Я им? Я вот... Легенду им. Об Артеме. Который был таким же простым парнем, как и каждый из них. Который жил на окраинной станции под названием ВДНХ. И чей дом вместе со всем прочим метро подвергся жуткой опасности. От кошмарных чудовищ, живущих на поверхности, и пытающихся лишить загнанное в угол человечество последнего пристанища. О том, как этот паренек проходит через все метро, как он закаляется в боях, как становится из недотепы — героем. Как спасает человечество. Вот эта история людям понравится. Потому что она про них, про каждого. Потому что она красива и проста.

— Ты это собираешься? Это? А все, что сейчас?..

— Это политика, Артем. Это пропаганда. Это борьба за власть. Это слишком быстро пройдет. Все поменяется. Я не хочу писать памфлеты, они сразу же после написания тухнут.

— А что ты хочешь?! Вечное?!

— Ну... Вечное — это громко...

— Я тебе запрещаю про меня писать. Запрещаю. Понял?!

— Как? Это не тебе принадлежит уже. А человечеству.

— Я не хочу сахарным петушком в твою петушиную книжку!

— Ее люди прочтут. Узнают о тебе.

— Да мне насрать, узнают люди обо мне или нет! При чем тут это?!

— Ты молодой, Артем.

— При чем — тут — это?!

— Не надо так... Со мной. Ты герой. О тебе узнают. От тебя останется слово. У тебя дети еще будут, может. А обо мне? Мне как быть? Что от меня останется? Листовка безымянная? Клочок бумаги?

– Постой... Они тебе... Тебе тут комнату дают... Они тебе комнату дают?!

– Создают условия для работы.

– Условия для работы. Ты для них это писать будешь? Для Бессолова?! Про меня?! Они тебя как купили?!

– Они – меня или я – их? Будет книга. О тебе. Настоящая книга, и приличным тиражом. Что тебя не устраивает, никак не пойму?

– Артем! – Анин оклик.

– Спроси у Ильюши. Он скажет тебе. Кто от такого откажется? Настоящая книга, моим именем подписанная! Не учебник для людоедов. Миф. Легенда. На века.

– Они нас топят в дерьме. Они нас как скотину. Как стройматериал. За людей нас не... А ты... Ты же помогаешь им... Ты... – и тут накрыло взрывной волной; понял; от понимания контузило; голос пропал совсем, и Артем дальше беззвучно уже высекал из воздуха, только на выдохе горлом чуть присвистывая. – Блядь. Он прав же. Он же во всем прав, мразь эта. Ведь нету никаких «нас» и никаких «их». Вот она, гидра. Мы сами – гидра. Они же из нас и состоят. Вся аристократия сто лет назад расстреляна. Кого винить? Некого. Мы же это сами с собой так. Они там, в бункере – из кого набраны? Из нас. И теперь... Ты, Леха... Как ее победить, гидру? Никто и не думает с ней всерьез рубиться. Каждый только и мечтает – свою голову ей предложить, одной из ее голов стать, сам говорит – на, кусай, забирай меня, хочу в тебя, хочу с тобой. Ни одного геракла, зато из голов целая очередь. Какая власть... При чем тут власть... Господи, какой я идиот... Знаешь, что? Пиши, дедуль. Печатайся. Долгих лет тебе. Господи, бля...

Его разобрал смех.

Боялся разрыдаться, а изо рта наружу смех полез, как пена у бешеного.

– Артем!

Он увидел Аню. Встал перед ней на колени.

– Прости меня.

– Артем, что с тобой?

– Что, на Чеховскую, правда? – спросил Тимур. – Туда вот-вот фашисты вернутся. Может, Полянка все-таки?

– Нет. Открой герму. Наверх. Наверх пойду.

– Что?!

– Артем!

– Открывай герму! Открывай!

– Артем, что с тобой?

– Пойдем наверх, Анечка! Наверх! Наверх.

Глава 23

СВОИ

— Вон они! Вона!

Через решетку перил, снизу вверх почудились, нет, не почудились черные бутсы.

— Беги!

— Открывай ворота! Открывай, говорю!

— Ты с винта, что ли?.. Ты без химзы...

— Я — нормальный! Ну?! Сдохнем тут из-за тебя, кретина! Ну!!

— Где он?! Где они?!

— Дай руку! Не выпускай!

— Я с вами. Я с вами. Я не хочу тут.

— Хер с тобой... Куда хоть там-то? Что тебе наверху?!

Переворачивая столы, перепрыгивая через скамьи, опрокидывая квохчущих браминов, помчали в обратный конец станции. Орденские высыпали из перехода, раскатились по платформе свинцовой дробью.

Долетели до гермоворот, ткнули охране ствол в рыло, завертели винты-запоры, потянули тонну стали по рельсам: стало отходить без желания в сторону; втиснулись в щель, взлетели по ступеням.

Откуда в Артеме остались силы? Откуда — жизнь?

Гнались за ними. Грохотали по граниту. Шли по пятам. Стреляли на бегу, но на бегу и мимо. Галдел разоренный курятник. Замерла створа ворот. Щель оставалась узкой — за кулисы. Сквозь нее лезли бойцы в черном, а брамины от нее жались подальше, чтобы не получить чужую дозу.

Выскочили в вестибюль: Артем, Аня, Тимур и Илья. На выигранную секунду успели взломать наружную дверь, вывалиться голыми в стылую московскую ночь.

— Тут что?!

— Здесь... Здесь оставили... Погоди... Вон она! Руку. Туда!

Пригибаясь — бегом вдоль молчащей Библиотеки, где Артем когда-то страх оставил; под ее незрячими окнами, под слоновьими тумбами ее колонн, по отставшим от стен мраморным плитам. Черные сзади вылетели следом из вестибюля Боровицкой, похожего на вход в усыпальницу. Засомневались — по улице без защиты.

— Наглотаемся сейчас! Тут фонит — знаешь, как...

— Вот. Здесь. Она? Она!

Савелия отбуксированная японка. Брошенная, когда Летяга отлучал их от глушилок. Когда? Сто лет назад; Савелия нет — его люди снесли и утоптали на Комсомольской: в первый же день своей службы в Ордене погиб и пропал без вести. А машина его — вот. Стоит, ждет хозяина.

Артем подергал ручки по кругу, влез через забытый багажник. Под пассажирским ковриком — запасной ключ. Савелий сказал на Комсомольской. Завещал как будто. Вставил ключ, крутанул. Ожило.

От Боровицкой отделились все же, решились, черные фигуры.

— Внутрь давайте!

— Куда вы?!

— На ВДНХ! К своим. Домой. Рассказать им!

— Я — нет. Я остаюсь. Что мне там? Я с ними договорюсь!

— Лезь в машину, идиот!

— Это же наши! Я договорюсь. Постой... Забыл. Вот. Твое? Отдали.

Достал — черно-серый, тусклый — наган.

— Мое.

Сунул Артему в открытое окно.

— Спасибочки, бля.

— Все! Езжай!

Тимур поднял руки, развернулся и зашагал к бегущим навстречу черным бе-сам. Артем перекрестил его мысленно. Вжал газ.

От Охотного ряда, от Тверской ветер принес сгусток звука: рык мотора.

Рванули с места. Развернулись с визгом, резина задымила. Аня — слева, на переднем пассажирском; Илья Степанович, хвост не пришитый, сзади болтается. Задраили окна.

В зеркале заднего вида безгласно, как тряпичный, повалился на землю Тимурчик, упал поднятыми руками вперед. И туда же, в его черную рамку, еще через секунду влетел бронированный внедорожник.

Тормознул у тела. Потушил фары. Уменьшился. Растворился.

Неслись по Воздвиженке, по всем местам, где Артем сотню раз хаживал: а теперь — в последний раз. Глядели порожне с обочин вслед мчащейся японке чьи-то выклеванные черепа, выведенные здания, высохшие деревья.

И обглоданной луной было чуть подсвечено пустое небо. В небе было звезд наколочено, как в ту ночь, когда Артем вышел с Женькой наверх, хитростью заставив его и Виталика отпереть гермозатор на Ботаническом саду.

— Помнишь, Жень?

— Хватит, Артем. Пожалуйста.

— Прости. Я больше не буду. Правда.

Мигнуло-кануло Министерство обороны из косяно-белой извести, прошмыгнул склепик станции Арбатская. По правую руку стояли прямо и узко высотки в двадцать с чем-то этажей, похожие на бойцов, забытых на победном параде. По левую шли дурацкие и величественные растопыренные дома Калининского, с самыми большими в какой-нибудь Европе рекламными экранами, теперь выгоревшими дочерна. Часовые отдавали Артему честь. Экраны показывали ему его прошлое и его будущее.

— Как дышится? — спросил он у Ани.

— По-другому.

Вспомнил, как тут был в первый раз — два года назад. Как тут все было иначе. Тогда была тут жизнь — выморочная, чужая — но копошилась. А теперь...

Артем поглядел в зеркало. Показалось, что где-то вдалеке преследует их сгусток темноты; показалось?

Повернул круто, с визгом, на Садовое, и по Садовому пошел в прогрызенной колее, мимо посольства Соединенных Штатов, сожженного на костре, мимо высотки на Краснопресненской — для нежити построенной, с колом на крыше, мимо основательных гранитных домищ, в честь чучела названных «сталинками», мимо площадей-бомбовых кратеров, мимо переулков-траншей.

Смотрел и думал: мертвое к мертвым.

— Домой? — спросила Аня.

— Домой, — ответил ей Артем.

Праворукая пуля-японка выскочила на Проспект Мира; нарушил разметку, погнал на восток. Проскользнули под эстакадой — пересечением с Третьим кольцом; вынесло на мост над железной дорогой, проложенной где-то по самому дну темноты. Еще немного — и поднялась над деревьями застывшая в небе ракета, музей глупой космонавтики, сигнал о близком ВДНХ.

Снова причудилось позади движение. Даже обернулся на секунду; и чуть не влетел в скособоченную фуру, еле успел отвернуть.

Шныряя между ржавыми консервами, знакомой тропой выбрались к входному павильону — к родной станции; машину загнал за киоск обмена валюты — железный куб. Спрятал.

— Быстро добрались. Может, и не очень большая доза, — сказал Артем Ане.

— Ладно, — ответила она.

Вылезли, прислушались... Где-то рычало вдалеке.

– Бегом.

Пробрались в вестибюль – Артем бросил последний взгляд сквозь пыль на плексиглазе – преследуют? Нагнали?

Кажется, нет. Если и гнались, отстали.

Верхний гермозатвор открыт; надо вниз по эскалатору, на полсотни метров в глубину. Внизу – ни зги, но Артем эти ступени за год наизусть выучил. Илья споткнулся, полетел было уже носом в ступени и дальше – хребет ломать, еле его поймали.

Наконец ступени кончились. За короткой площадкой начиналась стальная стена – гермоворота. Артем вслепую и точно шагнул влево, с ходу нащупал на стене таксофонную трубку на металлическом шланге, первую из двух.

– Открывай! Это я, Артем!

Трубка глухая была, как будто провод оборван. Как будто он в один из тех домов снаружи звонил, а не на свою живую станцию.

– Слышите?! Это Артем! Черный!

Эхо от его голоса звенело в угольной пыли, в тоненьких металлических пластиночках. Другого звука в трубке не имелось.

Артем нашарил Анины пальцы. Сжал.

– Все нормально. Просто спят.

– Да.

– Когда ты уходила, все ведь было...

– Все в порядке было, Артем.

Илья Степанович трудно, громко дышал.

– Не надо так глубоко, – посоветовал ему Артем. – Фон же.

Повесил трубку. Снова снял. Приник к холодному пластмассовому кругу.

– Але! Это Артем! Откройте!

Никто не собирался им открывать. Как будто некому было.

Он подошел к стене, стукнул кулаком по железу. Плохо вышло, неслышно. Тогда вспомнил о револьвере. Взялся было за ствол, чтобы рукоятью врезать по стали. Одумался: вдруг заряжено? Вытащил барабан. Пощупал. Почему-то было в нем вставлено два патрона. Выдавил их, опустил в карман.

Стал бить наганом в железный занавес, как в колокол. Бомм! Бомм! Бомм!

Вставайте, люди! Просыпайтесь! Оживайте! Ну?!

Прижался ухом к стене. Есть кто?

Снова: бомм! Бомм! Бомм!

– Артем...

– Должны быть!

Опять схватил трубку, повесил на рогатину, снял.

– Але! Але! Это Артем! Сухой! Откройте!

Там нехотя что-то заворчалось.

– Слышите?!

Кашлянули.

– Открой ворота!

Наконец сказали:

– Какое еще, на хуй? Ночь!

– Никицка?! Открывай, Никицка! Это Артем! Открывай!

– Открывай, Никицка, жри фон. Да? Хуль ты там забыл опять?

– Открывай! Мы без защиты тут!

– А вот не хер потому что!

– Ну вот я отчиму скажу... Зараза ты...

Там сморкнулись.

– Ладно...

Железная стена лениво, равнодушно поползла вверх. Стал свет. Вошли в буферный отсек: краник в стене, шланг валяется. Еще трубка.

– Буфер открой!

– Сполоснись сначала! Дерьмо всякое тащить...

– Как? Мы голые тут!

– Мойтесь, говорят!

Пришлось обхлестать и себя, и Илью Степановича, и Аню холодной водой с хлоркой. На станцию вошли вымокшие и замерзшие. Пахнуло сразу навозом, свиньями.

– Спят все. Сухой спит. Ну и наряд у тебя.

– А нам куда?

– Палатка ваша свободна, – Никицка поглядел на них, продрогших цуциков, смягчился. – Ждали вас. Погоди, тряпок дам вам обтереться. И идите, лягте. Завтра утром разберешься.

Артем хотел заспорить, но Аня взяла его за руку, потянула за собой.

Правда, решил он. Вломился ночью без химзы с улицы, еще не хватало всю станцию перебудить. Точно примут за полоумного. Ничего, особой спешки нет. Пока от Полиса сюда доползет...

– Скажи только дозорным, чтобы чужих на станцию не пускали. И сверху, – он вспомнил про сгусток. – Сверху тоже чтобы никого больше. Хорошо?

– Доверься мне, – осклабился Никицка. – Чтобы я еще ради такого хоть раз проснулся!

– Ну все. А, и этого вот товарища определить надо куда-то, – Артем вспомнил на Илью Степановича. – Отчиму все объясню с утра.

Илья Степанович остался с Никицкой, похожий на брошенного пса. Но это не Артема была беда, не он этого человека приручал и не он его бросил.

Их палатка действительно была свободна. Никто на нее не позарился? Наверняка покушались уже, но Сухой отстоял. Полезно быть начальству хотя бы и пасынком.

Зажгли фонарик, поставили лампой в пол, чтобы соседей не будить. Переоделись в сухое, что было. Друг на друга голых не смотрели. Было стыдно и неловко. Сели на матрас по-турецки.

— Выпить осталось? — шепотом спросил Артем. — У тебя было.

— Осталось. Я докупала, — шепотом ответила Аня.

— Дай?

Пили по очереди, прикладываясь к сколотому горлышку. Брага была скверная, со злым духом, со взвесью на дне — но исправная. Отвинчивала вкрученную в плечи голову, ослабляла привычную уже судорогу в спине, в руках, в душе.

— Я поняла, что без тебя не могу.

— Иди сюда.

— Правда. Я попробовала.

Артем сделал большой глоток — не вошло в горло, ожгло гортань, закашлялся.

— После нашего разговора... в Полисе. Меня папаша твой отправил на Комсомольскую. Патроны красным подарить. Чтобы бунт... Там голодающие... Восстали. И... Я к ним туда попал случайно. К красным. Мы — все. Тысяч, не знаю сколько, народу. И их — из пулеметов. Мне там... Женщина какая-то... Меня попросила сына поддержать. Лет пяти-шести. Я взял его на руки. Ее убило. И я подумал тогда: нам с тобой придется этого мальчика усыновить. И через минуту его тоже.

Аня забрала у него бутылку. Глаза у нее блестели.

— У тебя руки холодные.

— У тебя губы холодные.

Пили молча, по очереди.

— Мы теперь тут будем жить?

— Я им должен рассказать всем. Сухому. Всем. Нашим. Завтра. Спокойно. Первым, пока им другие все по-своему не рассказали.

— Думаешь, они тебе поверят? Они никуда не пойдут, Артем.

— Посмотрим.

— Прости.

— Нет. Не надо. Это я... Я.

— У тебя даже язык холодный.

— Зато у меня сердце горячее. А ты вся в мурашках.

— Давай сюда свое сердце. Хочу согреться.

* * *

Проснулись поздно — и одновременно.

Наконец оделся в обычное: свитер, вытертые джинсы — вместо постылого официантского костюма. Сунул ноги в калоши. Подождал, пока Аня оденется.

Выползли из палатки — улыбаясь. Соседские тетки глядели на них с осуждением и завистью. Мужики предлагали угоститься куревом. Артем поблагодарил, взял.

— А где Сухой? — спросил он у случившейся Дашки-Шубы.

— Сюрприз тебе готовит. Ты что ж, облысел, что ли? Говорили тебе!

— Где?

— В свинарнике.

К отчиму пошли вместе.

Хлев находился в туннельном тупике. Дошли до конца станции, здороваясь со всеми. Как на привидение на него смотрели. И на Аню — как на героя.

— Там он, твой! Поросся режет! — махнула в дальний конец загона Айгуль.

Сперло дыханье.

Пошли мимо протянутых через прутья мокрых розовых пятак. Толкались у корыт подростки. Ревели кабаны. Хоркали огромные матки с бесцветными ресницами, утыканные каждая десятком пищущих крохотных поросят.

Сухой, в резиновых ботфортах, ходил в загоне между годовалых кабанчиков. Рядом стоял свиной бригадир, Петр Ильич, пояснял.

— Этого не бери, Алексанлексеич. Этот хворал, горьковато будет. Вон этого, резвого советую. Прошка. Иди сюда, Прошка. Ты бы раньше сказал, Алексанлексеич. Их бы за сутки не кормить надо.

— Ну... И у меня нежданно... — не видя Артема, говорил Сухой. — Вернулся сын. Я-то боялся, все. Ни слуху, ни духу. А он живой. И с женой. Помирились, кажется. Радость. Ладно, давай Прошку твоего.

— Проша... Прошенька. Иди сюда. Вот как его теперь выманишь, заразу эту? Ему бы поголодать чутка, сам бы вышел за кормом. А тут... Не, не тащи его. Свиныя насилия не любит. Дай, есть способ.

Артем встал, не доходя. Смотрел на Сухого. В глазах щипало. От смрада?

Сухой отступил, разрешил специалисту. Бригадир снял с крюка жестяное пустое ведро и надел его Прошке на голову. Порось остолбенел сначала, захрюкал вопросительно, потом начал пятиться задом. Тогда Петр Ильич взял его за хвост и, подтаскивая, стал задом наперед направлять к выходу из загона.

— Других держи, главное дело.

— А никто и не лезет.

Прошка, глядя в ведро, стал послушным. Через хвост им руля, вывели из загона в два счета. Сняли ведро. Петр Ильич почесал поросся за ушами, а потом ловко сунул ему в приоткрывшийся от удовольствия рот веревочную петлю, за клыки подальше просунул и над долгим рылом ее сверху затянул. Привязал веревкой к столбику, к опоре загонной ограды. Артем за этим не наблюдал: сто раз видел и сам делал. Смотрел на Сухого.

Тот наконец обернулся.

– О! Проснулись!

Подошел, обнялись.

– Анечка. С возвращением.

– Ты как, дядь Саш?

– Справляемся потихоньку, – улыбнулся Сухой. – Соскучился.

– Здоров, путешественник! – протянул левую руку Петр Ильич: в правой уже был длинный узкий нож для колки, больше похожий на заточенный штырь. – Так, Санлексеич. Подержи его минутку.

– Хотел удивить тебя свеженьким, – улыбнулся Сухой. – Испортил ты мне сюрприз.

Прошка натянул веревку насколько сумел, но веревка короткая была. Задние ноги ушли от столба так далеко, как смогли, но рыло, веревкой захваченное, все равно никуда от него деться не могло. Но Прошка не верещал, не ожидал смерти. А тут еще Сухой его приласкал, и кабанчик попритих, задумался.

Петр Ильич сел на корточки рядом, почесал Прошке бок, пальцами слушая пульс. Нашел через шкуру и ребра – сердце. Приставил левой рукой к нужному месту нож, еще даже не царапая кожу. Другие свиньи потянулись с любопытством пятаками поближе, чтобы разобраться, что происходит.

– Ну, бывай.

Взял – и правой ладонью с размаха по рукояти хлопнул. Как гвоздь забил. Нож вошел сразу по ручку. Прошка дернулся, но устоял. Пока ничего еще не успел понять. Петр Ильич вытащил лезвие из раны. И аккуратно заткнул дырку тряпочкой.

– Все, отходи.

Прошка постоял-постоял, потом его повело. Задние ноги подкосились, он сел на зад, но тут же поднялся. И снова упал. Завизжал, сознавая предательство. Попытался встать, но уже не смог.

Кто-то из свиней смотрел на него своими пуговками без участия, кто-то продолжал жрать из корыта. Прошкина тревога никому из них почему-то не передалась. Он завалился на бок, стал дергать ногами. Повизжал. Навалил бурых кругляшей. Затих. Все это остальных не касалось. Они, кажется, вообще не заметили совсем близко прошедшей смерти.

– Готовченко! – сказал Петр Ильич. – Я разделаю, на кухню тогда доставлю. Что сказать-то? Запечь? Рульку потушить?

– Запечь или потушить, Тем? – спросил Сухой. – Раз уж все равно сюрприз не состоялся.

– Запечь лучше.

Сухой кивнул.

– Ты как?

— Как? Не знаю даже, с чего начать.

— Пойдемте. Что тут стоять. Где пропал?

— Где? — Артем оглянулся на Аню. — В Полисе был. Сюда никто не приходил из Полиса? От Мельника? Или вообще чужие? Меня спрашивал кто-нибудь?

— Нет. Все тихо. А должны были?

— А наши возвращались ночью из центра? С Ганзы? Никаких слухов не приносили?

Сухой внимательно посмотрел на него.

— Что случилось? Случилось что-то, да?

Вышли из хлева на станцию. Из-за красного аварийного света казалось, что это Александр Алексеевич резал свинью. Или Артем.

— Пойдем перекурим.

Отчим Артемова курения не одобрял. Но сейчас не стал бухтеть. Вынул из портсигара скрученную папиросу, протянул. Аня тоже угостилась. Отошли подальше от жилья. Задымили сладкое.

— Я выживших нашел, — сказал Артем просто. — Других выживших.

— Ты? Где? — Сухой покосился на Аню.

Артем разлепил губы, чтобы продолжить, и вдруг задумался. Независимая станция — ВДНХ. И Сухой — ее начальник. А бывают тут независимые?

— Он правду говорит, — подтвердила Аня.

— Ты не знаешь?

— Я? Не знаю, — аккуратно, чтобы не обидеть исхудавшего еще больше и бритого Артема, произнес Сухой.

— Среднее звено, — определил Артем. — Ладно.

— Что?

— Дядь Саш. Все долго рассказывать. Давай я суть. Мы не одни уцелели. Весь мир выжил. В России разные города. Запад.

— И это тоже правда, — сказала Аня.

— Запад? А что война? — нахмурился Сухой. — Продолжается, что ли? А эфир пустой почему? Почему никто этих выживших тут не видел?

— Глушат эфир. Как в советское время, — попытался объяснить Артем. — Потому что война якобы продолжается.

Это Сухой понял.

— Знакомо.

Артем прищурился недоверчиво.

— Знакомо?

— Проходили такое. А кто? Красные?

— Ты Бессолова знаешь? — спросил Артем.

— Бессолова? — повторил Сухой. — Это с Ганзы который?

– Нет никакой Ганзы, дядь Саш. И Красной Линии нет. И скоро совсем не будет. Скоро это все объединят, чтобы вместе противостоять общему врагу. Чтобы никогда не вылезать из метро никуда. Такой сценарий пошел.

Сухой как бы поверил, но уточнил еще у Ани на всякий случай:

– Это еще кто-то знает? Что в других городах выжили?

– На Полисе вчера во всеуслышание объявили, – ответила она. – Это правда, Александр Алексеевич.

– Весь мир выжил? И как живут? Лучше нашего?

– Не знаю. Не говорят, – объяснил Артем. – Было бы хуже – точно сказали бы.

Сухой прикурил от одной папиросы, слишком быстро вышедшей, сразу другую.

– Еб – твою – мать.

Посмотрел немного на красную лампу.

– Ты этому Бессолову должен что-нибудь? – спросил Артем.

– Нет. Что бы? Я его и видел только раз, на Ганзе.

– Это хорошо. Дядь Саш... Надо закрыть станцию. Закрыть ее, чтобы никто к нам не прошел оттуда. И людей подготовить. Нужно, чтобы ты им все рассказал. Они тебе поверят.

– К чему подготовить?

– Их надо вывести отсюда. Вывести их из метро. Пока это еще возможно. Наших хотя бы.

– Куда вывести?

– Наверх.

– Куда именно? На станции двести человек. Женщины, дети. Куда ты их хочешь повести?

– Мы отправим разведчиков. Найдем место, где фон низкий. Из Мурома люди приходили. Там наверху живут прямо.

Сухой третью папиросу очередью пустил.

– Зачем?

– Что – зачем?

– Зачем нам идти в Муром? Зачем всем этим людям выходить из метро и идти куда-то? Они тут живут, Артем. У них дом тут. Они за тобой не пойдут.

– Затем, что они родились наверху! На воздухе! Под небом! На свободе!

Александр Алексеевич покивал Артему: без издевательства, с сочувствием, вот ровно как детский врач.

– Они уж не помнят этого, Темочка. Они здесь привыкли.

– Они тут как морлоки! Как кроты!

– Зато жизнь по накатанной. Зато все понятно. Они не захотят ничего менять.

– Да они, как у костра сядешь, только и знают, что прошлое вспоминать – у кого что было, кто как жил!

— Туда, по чему они скучают, ты их не вернешь. А они не вернуться в него хотя, а вспоминать. Ты молодой еще, потом поймешь когда-нибудь.

— Не понимаю!

— Ну.

— Я тебя прошу просто: закрой станцию. Ты не хочешь им сказать — давай, я скажу. Иначе сюда просочится эта зараза... Нагадят им в головы, как везде... Я уже повидал такого...

— Я не могу закрыть станцию, Артем. У нас торговля с Ганзой. Мы от них комбикорма для свиней получаем. И навоз на Рижскую сбывать надо.

— Какие еще комбикорма? Грибы же!

— С грибами хреново. Почти весь урожай погиб.

— Видишь? — Артем скривил Ане улыбочку. — А ты о грибах пеклась. Оказывается, и без них можно. Без сраных комбикормов, оказывается, нельзя.

— Ты не суди. Я начстанции, Артем, — покачал головой Сухой. — Двести душ мне в рот смотрят. Мне их кормить надо.

— Дай мне самому им сказать хотя бы! Они все равно узнают!

— Стоит, думаешь? — вздохнул Сухой. — Чтобы от тебя?

— Стоит!

* * *

Договорились: людей собрать после ужина, когда закончатся смены на фермах. До тех пор — чтобы Артем помолчал. Он и молчал, примеряя на себя опять свою старую жизнь на ВДНХ. Велосипеды. Дозор в туннеле. Палатку. Жизнь обмалела ему и больше не налезала.

Хвостом таскался за ним потерянный Илья Степанович. Договорился с Сухим, чтобы оставили его на станции. Вот Артем показывал ему, как и что у них тут налажено.

Хотя учитель был и плюгав, но понравился сразу Дашке-Шубе. Отпоили его жидким чаем — грибы на исходе. Расспросили о биографии. Он отмалчивался, ну и Артем его не сдавал.

Зато слушал хорошо. Вот, рассказывая о станции, Артем то тут, то там — и о себе вставлял. Само получалось. Бродили между палаток, и наплывало. Тут, мол, Женька жил. Друг детства. Вместе с ним открывали ворота на Ботаническом саду. Он умер потом: кто-то в дозоре рехнулся, когда черные шли на ВДНХ, и убил его. А тут вот в первый раз Хантера увидел и был сам наповал им сражен. Вот, ходили по ночному пустому залу, и он взял Артемову судьбу в свои лапищи и в минуту завязал ее в узел, как арматуру. Ну и так далее. О черных. Теперь смешно уже было о них умалчивать. Была трагедия всей жизни, оказался пшик. Илья Степа-

нович мелко кивал, как будто ему было до этого всего дело. А о чем он там думал — кто его знает.

Так дотерпел до вечера.

Такой царский ужин, конечно, не только своим был назначен. Позвали желающих. Столы накрыли в тупичке — в «клубе», на возвышении — там, где начинался обрубленный коридор, над путями — и к новому выходу.

Отгудели дневные смены, люди пришли из душевых, чистые и как могли нарядные.

С закусками вышло скудно, но Прошка все искупил. Приготовили его чудесно. Подавали запеченного, голову отдельно. Голова жмурилась, уши были пергаментными от жира. Мясо нежное, салом только чуть-чуть прослоенное: вовремя забили. Во рту таяло. Наливали грибной хмель из старых еще запасов. Люди поднимали тосты все искренней.

— С возвращением!

— Здоровья тебе, Артем!

— Анечка! И за тебя!

— Ну и детишек вам уж наконец!

— И, не считите за подхалимаж, за родителей! То есть — за тебя, Сансеич!

Выделился из вечера раззадорившийся Петр Ильич с рыжими волосами венцом вокруг малиновой плечи.

— И, тогда уж, сразу за нашу ВДНХ, островок мира и стабильности в бушующем океане метро! Стараниями кое-кого, сами знаете кого!

Думал Артем — кусок не ползет в глотку, но так за день проголодался, что слопал две порции. Хороший был кабанчик. Правда. Хоть и не помни о том, что с утра еще хрюкал. Да и все они хрюкали когда-то, что же, не есть их теперь?

Пить только не получалось. А Сухой не пропускал. Каждый по-своему готовился к разговору с людьми.

— Я-то все хотел с тобой обсудить, ждал, пока ты появишься. Ты, конечно, волен с людьми пообщаться. Я от своего не отказываюсь. Но просто чтоб ты понимал, что не обязательно вот это, знаешь — грибы, свиньи... Можно и другим заниматься. Разведка, к примеру...

— Спасибо, дядь Саш.

Подкрался Кирюха маленький, кашлюн. У! — напугал, залез к Артему на колени. Сбежал от матери: его время прошло уже, должен был спать. Потом и она, Наталья, сама пожаловала. Отругала сына, но согласилась побыть — от кабана еще оставалось.

— А-ань! Дай кусочек!

— Иди к нам. Побольше положу тебе, надо, чтобы вырасти.

Кирюхе дали свою тарелку, он уселся между Артемом и Аней, стал изо всех сил жевать мясо.

Перед третьей добавкой к отчиму подошел дозорный, грузин Убилава, и что-то ему нашептал. Сухой утер лоснящиеся губы, и, не глядя на Артема, встал из-за стола. Артем через плечо проследил: вызвали к южному туннелю. Тому, который к Алексеевской и дальше в метро. Что там?

Не видно. Ушел за колонны, на пути.

Не возвращался минут десять.

— А ты нашел Полярные Зори? — промычал Кирюха.

— Что? — рассеянно переспросил Артем.

— Полярные Зори! Ты сказал, что их поймал! Нашел их? Ты же за ними ходил?

— За ними. Нашел.

— Ма, слышишь? Артем Полярные Зори нашел!

Наталья поджала губы.

— Это неправда, Кирюшенька.

— Артем! Это же правда же?

— Хватит, — велела Артему Наталья.

— А как там, Тем? Чего там в Полярных Зорях? Микробы там как?

— Сейчас, — сказал Артем. — Погоди, чувачок.

У южного края платформы Сухой стоял с мужиками, озирался на застолье: семафорил багровым лицом в багровом аварийном свете. Артем хотел к нему; стал выбираться, отсадил Кирюху, но отчим заметил, махнул ему рукой: сиди, мол, иду уже.

— Что происходит? — спросила Аня.

— Ну скажи ей, что это правда!

— Так! Ты сейчас спать у меня пойдешь!

Сухой вернулся к пиру. Сел к Артему, улыбнулся так, как будто губы растрескались и больно было их растягивать.

Кирилл от обиды на мать ковырял вилкой Прошке замуренный глаз. Дашка накладывала Илье Степановичу жирного бедра. Артем взял Сухого за локоть.

— Что там, дядь Саш?

— По твою душу пришли. Ну мы им, конечно, от ворот поворот.

— Орденские? От Мельника?

Аня держала нож в руке так, как будто ударить собиралась им. Артем положил пальцы на карман. Наган там был, на месте.

— Нет. С Ганзы.

— Много их? Спецназ прислали?

— Два человека. Гражданские.

— Двое всего? И что? Что говорят?

— Говорят, времени дают думать до утра. Понимают, что мой сын и все такое, — Сухой смотрел в тарелку. — Что не хотят доводить до крайности.

Артем насчет сына не стал спорить.

— И что утром?

— Введут полную блокаду станции. У нас больше ничего не станут закупать, и нам ничего продавать не будут. Комбикорм и прочее. Плюс запрет на передвижение. Говорят, с Алексеевской решили уже.

Встал Андрей, старший разведчиков. Поднял стакан.

— Тост! Мы с батюшкой это с твоим уже обсудили, Артемий. Со мной, товарищи, случился форс-мажор. Я влюбился. И любовь моя проживает на станции Краснопресненская. Я понял: пора. Тридцать восемь. Так что покидаю родную и любимую станцию ВДНХ и переезжаю к невесте на Ганзу. В общем, я за что? За то, чтобы каждый из нас, Артем, нашел свое место. А мое место свободно теперь — для тебя!

Артем кивнул, встал, чокнулся, сел. Зашептал Сухому:

— А мы сколько продержимся?

— Не знаю. Грибы, видишь... На свинине сколько-то. Только кормить нечем будет. Весь корм с Ганзы идет же...

— Да с каких пор Ганза вообще кормами торгует? Откуда у них-то? Их хворь не тронула, что ли?

— Комбикорм, говорю же. Не из грибов, намешано чего-то. Но порось ест, рыло не воротит, вес прибавляет хорошо.

— А свиначи, что, не интересовались, чем вообще кормят? Откуда берут? Может, мы сами такое сумеем...

— Не знаю. Мы не спрашиваем. Вроде, Ганза у красных берет. По слухам. Попробовали — порось ест, ну и чего придирается, мы...

— Откуда у красных? У красных же...

— Петр Ильич! Откуда комбикорм везут, не помнишь?

— Да с Комсомольской, по-моему. Помню, они говорили, рядом. Свежее. Хотя так себе свежее в последние-то разы.

— С Комсомольской?

Слюна притекла в рот соленая и горькая. Горло схватило спазмом, ни проглотить, ни продохнуть.

— С Комсомольской?! От красных?!

— От Ганзы...

— Какая разница.

— А что с ним не так?

— Не задаешь лишних вопросов, да? Блокада, бля?

— Мне людей надо кормить, Артем. Двести душ. Есть — и ладно. Вот будешь когда начальником станции, поймешь...

Артем встал.

— Можно?

— О! Виновник торжества! Валяй тост, Артем!

И он вытянулся во фрунт, как будто и правду собирался сказать им тост. Только пальцы воздух сжимали вместо стакана.

— Там за мной пришли люди. Якобы с Ганзы. Хотят меня забрать и увести, чтобы я не успел вам этого всего рассказать. Если не отдадите меня — говорят, введут блокаду.

Люди за столом зашикали, песня, которую затянули уже было, про подмосковные вечера, замялась. Кто-то жевал еще, но потихоньку.

— Москва — не единственный город, где люди выжили. Вчера на Полисе всем объявили, что есть другие. Скоро вам тут тоже сообщат. Считайте, я первый. Весь мир живой! Питер, Екатеринбург, Владивосток. Америка. А не слышали мы, потому что они радио глушилками давили.

Стояла тишина — гробовая. Люди слушали, остолбенев.

— Мы не должны тут жить больше. Мы можем собраться и уйти. В любой момент. Сейчас. Куда угодно. В Муроме, триста километров от Москвы всего, уже фон нормальный. Люди на поверхности живут. Это Москва мертвая, зараженная, потому что над ней боеголовки сбивали. Нам не надо тут. Нам тут нельзя. Я вам предлагаю, я вас прошу: давайте уйдем.

— Зачем? — спросили у него.

— Триста километров переться, и что там?

— Да что вы слушаете его, он с приветом же на эту тему!

— Зачем? Потому что человеку под землей не место. Потому что вы в туннелях живете, вас — держат — в туннелях! Как червей! Вы помните об этом хоть? Войны эти идиотские, сами с собой воюем... У нас тут нет завтрашнего дня. Это кладбище, метро. Мы никогда тут никем не станем. Мы не будем тут людьми. Ничего нового не сделаем. Не вырастем. Мы тут болеем. Вырождаемся. Воздуха нет. Тут места нет. Тут тесно.

— Нам хватает, — сказали ему.

— А Душанбе выжило? — несмело поинтересовался кто-то.

— Не знаю.

— Это ты нас-то — с червями?

— А что, если Америка целая, то война еще идет? — подумали за столом.

— В городе Муром есть монастырь. Выкрашенный в белый. И купола над ним голубые. Цвета неба. На берегу реки стоит. И вокруг лес. Идем туда? Разведчиков сначала, пока соберутся все. Транспорт найдем какой-нибудь, починим. Женщин с детьми — машинами.

— А жрать там что?

— А тут вы что жрете?! Вы тут... Черт с вами. И никак, видно, иначе нельзя тут! В этом беда! В этом месте! Это — не убежище! Это склеп! Отсюда бежать надо!

— Ну дак и беги, епта, — сказали ему смурно и негромко. — Че те одному-то не бежится? Че ты людей тащишь? Маесей, бляха.

— А что, его Ганза за что выдать-то просит? Убил кого-то? — любопытствовала какая-то женщина.

Артем оглянулся на Сухого. Тот водил глазами по столу, как будто в поисках Артему поддержки. Но не вмешивался.

Артем вытер лоб.

— Хорошо. Ладно. Я собираю экспедицию. Пока — разведочную. Пойдем исследовать на восток. Посмотрим, где там пригодно для обитания. И когда найдем, вернемся за остальными. Кто со мной?

Никто не ответил. Жевали, глазели, пили. Не ответил никто.

Аня отложила нож в сторону. Поднялась.

— Я. Я с тобой.

Постояли вдвоем. Потом зашебуршало.

Чахоточный Кирюха забрался на скамью ногами, чтобы его было видно. Пискнул решительно:

— Я тоже! Я поеду с вами! Из метро! В Полярные Зори!

Как сидел, так и встал — между Аней и Артемом. Они переглянулись.

Наталья, его мать, отскочила от стола, полетели и разбились об пол стаканы.

— Живо сюда! Все, спать идем!

— Ну ма! Ну в Полярные Зори!

— Никуда мы не поедем! Мы тут дома!

— Ну хоть отпусти съездить...

— Нет!

— Это же верх, Наталья... — произнес Артем. — Там же воздух. Другой. Свежий. Тубер же...

— Тубера нет, другое есть! Чума какая-нибудь! Там вон, люди говорят, американцы! Американцам нас сдать?!

— Ты не хочешь — его отпусти. Он тут же... Сама говорила. Сколько ему?

— Ты — у меня?! — она задохнулась. — Ты сына у меня?! Ах ты гад... Не дам! Не разрешу! Кирюшку! Слышали?! Сына хочет отобрать! Американцам его! Как игрушку! И сам... И нас!

— Дура, — сказал ей Артема. — Сука.

— Катись сам в свой верх! С червяками нас сравнивать! Не пуццу! Не смей! Отнимают!

— Не давай ему ребенка! Он же с припиздю, все знают! Куда он потащит его?!

— Не дадим! Это уже какой-то беспредел!

— Я с вами хочу! — заплакал Кирюха. — Я хочу на верх посмотреть!

— Да сдать его этой Ганзе, и делов, — сказал кто-то. — Пускай разберутся.

— Ну и вали! Если тебе тут с нами тяжело! Вали, предатель!

Стали отодвигаться от стола, вскакивать.

— Ну и сидите! Жрите! Жрите друг друга дальше! Пускай вами тут крутят! Как баранами! Хотите сами дохнуть — дохните! В дерьме возиться — возитесь! Свое гребаное прошлое перекапывать — давай! А дети в чем виноваты?! Детей вы за чем заживо хороните?!

— Ты сам-то баран! Сам-то продался! Никто с тобой никуда не пойдет! Куда ты нас, в ловушку завести?! Сколько тебе заплатили?! Да сдать его! Еще из-за этого говна отношения с Ганзой ломать!

— Так, хватит! — встал Сухой, прикрикнул.

— А ты за своим присмотрел бы! Вон он там, продался каким-то! Мало нас травил сколько! Мы, может, и не болели бы, если ты, сволочь, все время герметик у нас не нарушал! Ты не лезь к нам, в наше! Мы сами, ясно?! Это — наш — дом!

— Тееем, я с тобой, я с вами, пожааалста!

— Вали! Проваливай! Пока не выдали! Страдать еще за него!

Кирюхина рука нашарила Артемов указательный палец, обняла-вцепилась, но Наталья дернула — и утащила его.

Глаза у Артема потекли.

— Пап... — он оглянулся на Сухого. — Пап. А ты — что?

— Я не могу, Артем, — мертвым голосом прошелестел Сухой. — Не могу с тобой. Как я людей брошу?

Артем поморгал.

Голова кружилась. Стояло булыжником в глотке сожранное.

— Да ебись оно все конем в этом вашем метро! Я за вас сдохнуть готов был, а тут и сдохнуть-то не за кого!

Смел с грохотом и лязгом со стола тарелки с человеческой свиной, опрокинул скамью.

За ним шагала — Аня; и плелся зачем-то следом Илья Степанович.

— Ты, что ли, наверх собрался? — спросил у него Артем.

— Нет. Я нет. Я тут. Я про вас... Артем... Я про все это... Разрешите написать, а? Мне разрешите — книгу? Я в ней все, как есть... Честное слово!

— Пиши, бля. Ни хера ты не напишешь. И никто это читать не будет. Прав Гомер, сука старая. Всем сказки нужны!

* * *

На западе было алое закатное небо, а на востоке — кристальное, чистое и звенящее, как вымытая бутылка. Все облака смели с него и вбивали теперь по одному в зенитную синеву серебряные гвоздики один за одним.

Побросали в багажник еды, патронов, стволы, фильтры. Канистр с солярой там было еще три целых. Хватит пол-Земли проехать.

Ярославское шоссе, широченное, уходило от ВДНХ сразу на другой край континента. Было оно заставлено недоехавшими, но виднелась между застрявшими в прошлом тонкая колея, по которой можно проехать туда — куда-то. Дома мертвые золотились по контуру, и на прощальный миг Москва казалась Артему теплой и настоящей.

Надоела резина на коже и надоело собираться. Хотелось уже сейчас без нее. Хотелось уже скорей мчаться с опущенными стеклами, ловить встречный воздух открытой пятерней, дышать им, теплым и свежим. Ничего, часа через три или четыре, может, вообще снимут они эти противогазы и зашвырнут из окна куда подальше.

Обнялись все-таки.

— Куда вы? — спросил Сухой.

— Куда угодно. Куда мы, Ань?

— Во Владивосток. Хочу на океан.

— Значит, во Владивосток.

Белую Савельеву шкуру Артем перестелил Ане: надо беречься, ей еще детей рожать. Убрал наган в бардачок. Завел мотор. Хлопнули дверьми.

Сухой наклонился к нему. Попросил опустить стекло. Прогундел в хобот:

— Артем. Не суди людей. Люди не виноваты.

Артем послал ему воздушный поцелуй.

— Пока, дядь Саш. Чао-какао.

Сухой кивнул, отошел. Илья Степанович, ежась, помахал рукой. Больше провожающих не было.

Артем положил руку Ане на коленку. Она накрыла его перчатку своими двумя.

Японка чихнула синим, запела походную и рванула с места — и сразу туда, в волшебный и невероятный город Владивосток, стоящий на теплом шальном океане — через громадную и прекрасную неведомую страну, населенную настоящими живыми людьми.

В спину им был — солнечный ветер.

КОНЕЦ

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Хороший был бинокль, немецкий, качественный. На километр хватало с лихвой. Внедорожник провожал японку на осторожном расстоянии до МКАДа, там остановился.

— Отчалил, Алексей Феликсович! — сказал рации Леха. — Дальше вести?

— Что он нам? Пускай валит. Скатертью дорожка, — ответила та. — Все, давай домой.

Записано Шкуркиным И.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава 1. ТУТ МОСКВА	7
Глава 2. МЕТРО.....	19
Глава 3. ТРУБА.....	31
Глава 4. ОПЛАТА.....	43
Глава 5. ВРАГИ	56
Глава 6. ВОСЕМЬ МЕТРОВ.....	71
Глава 7. ЦВЕТНОЙ.....	84
Глава 8. HEIL.....	103
Глава 9. ТЕАТР.....	118
Глава 10. КРАСНОЕ.....	134
Глава 11. ОСАДКИ	151
Глава 12. ОРДЕН	168
Глава 13. ЖИЗНЕННОЕ ПРОСТРАНСТВО	183
Глава 14. ЧУЖИЕ	205
Глава 15. ШОССЕ ЭНТУЗИАСТОВ.....	220
Глава 16. ПОСЛЕДНИЙ СЕАНС	238
Глава 17. ВСЕ ПРАВИЛЬНО	257
Глава 18. СЛУЖБА.....	276
Глава 19. ЧТО ПИСАТЬ	294
Глава 20. ЧУДЕСА	306
Глава 21. ТОВАРИЩИ.....	323
Глава 22. ПРАВДА.....	341
Глава 23. СВОИ	356
ПОСЛЕСЛОВИЕ.....	374

Литературно-художественное издание

18+

Дмитрий Алексеевич Глуховский

Метро 2035

Роман

Редакционно-издательская группа
«Жанровая литература»

Зав. группой *М.С. Сергеева*
Руководитель направления *В.А. Бакулин*
Редактор *Л.В. Смирнова*

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 – книги, брошюры

Подписано в печать 18.05.15 г.
Формат 70х90 1/16. Усл. печ. л. 28,08.
Тираж 100 000 экз. (1-й завод: 1-60 000 экз.). Заказ №

ООО «Издательство АСТ»
129085, г. Москва, Звездный бульвар,
д. 21, стр. 3, комн. 5

"Баспа Аста" деген ООО
129085 г. Мәскеу, жұлдызды гүлзар, д. 21, 3 құрылым, 5 бөлме
Біздің электрондық мекенжайымыз: www.ast.ru
E-mail: astpub@aha.ru

Қазақстан Республикасында дистрибьютор және өнім бойынша арыз-талап-тарды қабылдаушының өкілі «РДЦ-Алматы» ЖШС, Алматы қ., Домбровский көш., 3«а», литер Б, офис 1.

Тел.: 8(727) 2 51 59 89,90,91,92, факс: 8 (727) 251 58 12 вн. 107; E-mail:
RDC-Almaty@eksmo.kz

Өнімнің жарамдылық мерзімі шектелмеген.

Өндірген мемлекет: Ресей
Сертификация қарастырылмаған

ДМИТРИЙ ГЛУХОВСКИЙ

МЕТРО 2033

КОНЕЦ СВЕТА. НАЧАЛО ИСТОРИИ.

Спустя двадцать лет после Третьей мировой войны последние выжившие люди прячутся на станциях и в туннелях московского метро, самого большого на Земле противоатомного бомбоубежища. Поверхность планеты заражена и непригодна для обитания, и станции становятся последним пристанищем для человека. Они превращаются в независимые города-государства, которые соперничают и воюют друг с другом. Люди не готовы примириться даже перед лицом новой страшной опасности, которая угрожает им всем окончательным истреблением. Артем, двадцатилетний парень со станции ВДНХ, должен пройти через все метро, чтобы спасти свой единственный дом – и всё человечество.

«Метро 2033» – культовый роман-антиутопия, один из главных российских бестселлеров нулевых. Переведен на 37 иностранных языков, заинтересовал Голливуд, превращен в атмосферные компьютерные блокбастеры, породил целую книжную вселенную и настоящую молодежную субкультуру во всем мире.

ДМИТРИЙ ГЛУХОВСКИЙ

МЕТРО

2034

Остаться человеком. Или остаться в живых.

Мир уничтожен ядерной войной. Жизнь на поверхности Земли больше невозможна. Спаслись только те, кто, услышав сигнал тревоги, успел добраться до дверей московского метро – самого большого в мире бомбоубежища. Два десятилетия спустя станции метро превратились в города-государства, а путь между ними лежит сквозь мрак и опасности туннелей. Цивилизация исчезает. Человек постепенно забывает о том, что делало его человеком. Станция Севастопольская – маленькая подземная Спарта, противостоящая в одиночку ордам нечисти – оказывается отрезана от большого метро и будет неминуемо уничтожена. Чтобы спасти ее, нужен настоящий герой... Или героиня?

Вторая часть трилогии «Метро» Дмитрия Глуховского повторила оглушительный успех первой. Десятки переводов на европейские и азиатские языки, тираж в сотни тысяч. Книга, вдохновляющая мужчин и влебяющая в себя девушек. Последняя романтическая история погибшего мира.

МЕТРО 2033

GAME

ПОШАГОВАЯ СТРАТЕГИЯ МЕТРО 2033
В ТВОЕМ ТЕЛЕФОНЕ!

vk.com/metro2033wars

ЛАБОРАТОРИЯ
АнтиКвест

СТАТЬ ГЕРОЕМ МЕТРО В РЕАЛЬНОСТИ

M2033.RU

 г. Москва, ул. Чайнова, 12

Мы напечатали рекламу газеты Metro
в книге «Метро-2035», чтобы вы,
прочитав «Метро-2035», стали читать
газету Metro в метро.

ЧИТАЙ
БОЛЬШЕ
ЗНАЙ
БОЛЬШЕ
ЖИВИ
ЯРЧЕ

metro

НАШЕ РАДИО

ОДНО И НАВСЕГДА!

MAXIM

МУЖСКОЙ ЖУРНАЛ С ИМЕНЕМ

ТЕПЕРЬ ВЕЗДЕ!

В КАЖДОМ
ЖУРНАЛЬНОМ
КИОСКЕ

ЗАГРУЗИТЕ НА
Google play

Загрузите в
App Store

Оформите подписку
на журнал

РУССКИЙ РЕПОРТЕР

и получите один из подарков

Такси

Одна поездка до любого
аэропорта Москвы
от такси "БезНазвания"
(в пределах МКАД)

Карта на скидку

Скидка 10% на все меню
ресторана «Пржектор»
в дневное время и 50% —
в ночное время по выходным

Футболка с фирменным принтом

Футболка
с фирменным принтом.
Размеры М, L, XL
(100-процентный хлопок)

2 билета на Фестиваль «Дикая мята»- 2015

Подписку можно оформить на сайте: <http://expert.ru/subscribe/>; по e-mail: podpiska@expert.ru;
по тел.: 8 800 200 80 10 или 8 (495) 789 44 65 (доб. 1393, 1378)

Стоимость подписки — 2 400 руб./год для физлиц и 2 640 руб./год для юрлиц

Акция действует до 30 июня 2015 года при оформлении подписки на 12 месяцев через редакцию
АО «Группа Эксперт», 125866, Москва, ул. Правды, 24 (НГК). ОГРН 1057748436008

Реклама

СВЕТЛОЕ ПРОШЛОЕ. ТЕМНОЕ БУДУЩЕЕ.

Третья мировая стерла человечество с лица Земли. Планета опустела. Мегалополисы обращены в прах и пепел. Железные дороги ржавеют. Спутники одиноко болтаются на орбите. Радио молчит на всех частотах. Выжили только те, кто, услышав сирены тревоги, успел добежать до дверей московского метро. Там, на глубине в десятки метров, на станциях и в туннелях, люди пытаются переждать конец света. Там они создали новый мирок вместо потерянного огромного мира. Они цепляются за жизнь изо всех сил и отказываются сдаваться. Они мечтают вернуться наверх — однажды, когда радиационный фон от ядерных бомбардировок спадет. И не оставляют надежды найти других выживших...

«Метро 2035» продолжает — и завершает — историю Артема из первой книги культовой трилогии. Эту книгу миллионы читателей ждали долгие десять лет, и права на перевод иностранные издатели выкупили задолго до того, как роман был окончен. При этом «2035» — книга независимая, и именно с неё можно начать посвящение в сагу, которая покорила Россию и весь мир.

glukhovsky.ru

